**ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

Москва
2002

Научное издание

ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК (выпуск четвертый)
М., 2002, 368 стр.

Ответственные редакторы **А.В.Федорченко**
А.О.Филоник

ISBN 5-89394-073-3

Сборник включает работы российских и арабских авторов из различных научных центров России и содержит разнообразные исследования по странам Востока.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISBN 5-89394-073-3

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

С.Е.Баландюк

ЕГИПЕТ: ПРОГРАММА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ

Обладая достаточно крупными в рамках арабского мира сельскохозяйственными площадями и уникальным климатом для выращивания хлопка, Египет уже на протяжении десятков лет является импортером продукции аграрного сектора. Попытки же решить продовольственную проблему самообеспечения сельскохозяйственной продукцией самостоятельно пока тщетны: темпы прироста населения в стране не сопровождаются опережающим ростом аграрного сектора. Более того, на протяжении всего постколониального периода, а в особенности в 70–80-х годах происходит постепенное и очень плавное сокращение как доли сельскохозяйственного сектора в структуре народного хозяйства АРЕ, так и доли всего трудоспособного населения, занятого в этой отрасли: с 45% в 1980 г. до 33,8% в 1990 г., а в 2002 г. она составляла уже 29,5%.

Между тем кризис 80-х годов, связанный в первую очередь с падением мировых цен на нефть, подчеркнул необходимость проведения либеральных экономических реформ, включающих в себя программу полномасштабной приватизации, освобождения цен, а также снятие протекционистских условий во внешней торговле. Так, в середине 80-х годов международные финансовые институты в обмен на реструктуризацию или частичное списание египетского долга предложили Египту проведение комплекса мероприятий, известных под названием Economic Reform and Structural Adjustment Program (ERSAP), инициатором и разработчиком которой является USAID (Агентство США по Международному развитию). Эти меры уже были рекомендованы многим развивающимся странам как средство макроэкономической стабилизации и восстановления роста экономики[1].

Следует заметить, что реформы 80–90-х годов были освещены в российских исследованиях как арабского мира в целом, так и Египта, в частности, достаточно бледно. Если проблемы монетаристской стабилизации и приватизации промышленного сектора Египта все-таки были затронуты в некоторых работах[2], то мало, или в определенных аспектах совсем не освещено развитие сельского хозяйства страны за последние пять-шесть лет. А в это время там возникают и развиваются новые социально-экономические явления, происходят серьезные преобразования.

Таблица

Динамика компонент валового продукта Египта*

Годы	Сельское хозяйство	Услуги	Промышленность	Рост ВВП
1965	29	45	27	
1967	29	45	27	0,5
1969	28	42	30	6,5
1972	31	42	27	2,7
1974	30	44	25	3,1
1976	28	46	26	15
1978	28	46	26	6,6
1980	18	45	37	10,4
1982	20	48	32	10,3
1984	20	51	29	5,8
1986	20	52	27	2,7
1988	19	52	29	5,2
1990	19	52	29	5,6
1992	17	50	33	4,4
1994	17	50	33	3,9
1996	17	51	32	5,0
1998	17,4	43	39,5	6,1
2000	16,6	41,8	41,6	5,1
2001	16,3	41,4	42,2	4,9

* Для каждой отрасли дана ее доля в ВВП (%).

Составлена по данным 2001 Country Report on Economic Policy and Trade Practices (US Department of state, feb. 2002) и Министерства экономики АРЕ, приведенным в официальном веб-сайте американского посольства в Каире.

А процесс либерализации коснулся сельского хозяйства уже в начале 1986 г., за пять лет до программы экономических реформ 1991 г., и привел к значительным изменениям как в его структуре, так и в системе аграрного производства и практике функционирования рынка.

Крупнейшие международные экономические институты в течение длительного периода активно сотрудничали с доктором Юсефом Вали – видным политическим деятелем АРЕ, занимавшим посты заместителя премьер-министра и министра сельского хозяйства и землеустройства[3]. Он активно ратовал за открытие рынка и приватизацию в сельском хозяйстве, и возглавляемое им министерство приложило немалые усилия для претворения ERSAP в жизнь.

USAID в рамках программы рекомендовало правительству АРЕ проведение следующих мер[4]:

– постепенное снятие контроля правительства над ценами на продукцию хозяйств, посевными площадями и квотами заготовок сельскохозяйственной продукции в отношении всех зерновых культур

(в интересах продовольственной безопасности контроль над ценами на некоторые стратегические культуры сохраняется);

– увеличение рыночных цен на хлопок и сахарный тростник, для выхода на мировой ценовой уровень (с 1995 г. Египет является членом ВТО);

– отказ от субсидирования, компенсирующего внутренние издержки хозяйств;

– снятие госконтроля над частным сектором в вопросах импорта и экспорта сельскохозяйственной продукции и распределения внутренних издержек хозяйств в целях конкуренции с Главным банком развития и сельскохозяйственного кредитования (PBDAC).

Основные цели и задачи экономической реформы были сформулированы правительством АРЕ в одном из документов, которые приводит в своей книге, посвященной аграрной реформе, Р.Буш[5], а именно:

– освобождение сельскохозяйственного сектора от всех ограничений и нарушений;

– стимулирование частного сектора;

– улучшение условий торговли сельскохозяйственной продукцией и ее частичное освобождение от налогового бремени;

– получение согласия земледельцев на использование современных технологических средств в сельском хозяйстве;

– увеличение масштабов обработки с/х площадей, производительности и доходов хозяйств;

– улучшение уровня жизни землевладельцев, а также проведение поставок продовольствия по доступным ценам;

– расширение экспорта и увеличение вклада сельскохозяйственного сектора в социальное и экономическое развитие страны.

В первую очередь экономическая реформа была призвана ускорить темпы роста аграрного сектора. Так, в 1965–1980 гг. он составлял 2,8%, затем происходит падение до 1,9% в год в кризисный период с 1980 по 1985 г., что на фоне довольно высоких темпов ежегодного прироста населения (2,7% в год) и правительственной политики поощрения импорта привело в середине 80-х годов к бюджетному дефициту в торговле сельскохозяйственной продукцией в 3 млрд. долл. В период с 1981 по 1992 г. средние годовые темпы роста сельскохозяйственного сектора были приблизительно 2%, что было на 2 пункта меньше, чем прогнозировалось аналитиками, а его ежегодный прирост в целом за период 80–90-х годов составлял не более 2,7% в год[6].

Причинами же такого глубокого упадка аграрного производства, по мнению ряда специалистов из Министерства сельского хозяйства и землеустройства (далее МСХЗ), были чрезмерное государственное вмешательство, которое проявлялось в политике ценового, а также маркетингового контроля над рынком, нахождение в государственной собственности большинства хозяйств аграрного комплекса и, конечно же, завышенный обменный валютный курс. Уже в начале 1980-х высокая

степень сельскохозяйственного кризиса привела к тому, что египетское правительство было вынуждено начать поиски богатого влиятельного инвестора за пределами арабского мира и очень быстро его обрело в лице Соединенных Штатов, в частности, в организации USAID. Плодом сотрудничества стала программа APCP (Agricultural Production and Credit Program).

APCP начала функционировать в 1986 г. в целях ограничения вовлеченности государства в процессы регулирования сельскохозяйственного сектора и увеличения активов аграрного банка. В своем развитии программа прошла две стадии, общей стоимостью 289 млн. долл., и завершилась в сентябре 1996 г.

В первой стадии (1987–1989 гг.) происходило исследование проблем, касающихся в первую очередь ценовой либерализации и снятия какого-либо контроля над рынком. Во второй стадии (1990–1994 гг.) действия были сконцентрированы на реформе аграрной политики и выборе основных направлений сельскохозяйственного производства. В частности, внимание было сфокусировано на замещении части доли хлопководства в сельскохозяйственном экспорте другими культурами, а также на правительственном контроле за сбором и распределением зерновых культур и обеспечением сельского хозяйства удобрениями. Другими важными достижениями, отмеченными USAID, была трансформация роли PBDAC как главного специализированного сельскохозяйственного банка в «просто жизнеспособный аграрный банк»[7]. Согласно разработанной программе, была проведена переподготовка работников всех филиалов банка: приблизительно 25000 сотрудников банка проходило ее в Египте и около 230 за границей. USAID в рамках программы финансировало внедрение промежуточной технологии и развитие финансовых институтов деревни[8]. Начиная с 1977 г. USAID также вложило больше чем 300 млн. долл. непосредственно в программу, названную Национальным сельскохозяйственным исследованием. Эта программа была тесно связана с тем, что подразумевалось специалистами агентства под рекламой и распространением технологий расширения производства, основанных на сельскохозяйственном исследовании, и инициативах, которые подчеркнули важность правильного распределения рабочей силы и приоритетную роль технологий упаковки в производстве сельскохозяйственной продукции. Эта программа была завершена в августе 1996 г.

Наиболее интересной и заслуживающей особого внимания стала программа APCP, проводившаяся в соответствии с APRP (Agricultural Policy Reform Program) с общим фондом в 245 млн. долл. Эта программа была предназначена для устранения всех существующих политических препятствий на пути к частному предпринимательству и обеспечения внутрибанковских переводов средств, поддерживающих связь сельскохозяйственного сектора с деятельностью правительства по изменению собственной аграрной политики по следующим пунктам:

– модернизация структуры рынка по таким культурам, как хлопок, рис, сахарный тростник, по домашнему скоту и удобрениям;

– обработка и распределение сельскохозяйственной продукции;

– увеличение государственных капиталовложений в исследование капиталоемкости сельскохозяйственных инвестиций;

– снятие субсидий на потребление и прекращение потребительского кредитования;

– разработка целевой программы защиты пищевых продуктов; нейтрализация возможного негативного воздействия на окружающую среду[9].

Другие программы USAID включают в себя следующие совместные инвестиционные проекты:

– разработанный в конце 1994 г. 45-миллионный проект по обеспечению технической поддержкой реформы аграрной политики 1995 г.;

– программа с фондом в 60 млн. долл., разработанная в целях активного стимулирования использования сельскохозяйственных технологий и ее распространения, начатая в 1995 г., включающая также продвижение экспортной продукции на зарубежных рынках;

– достаточно скромный по своему финансированию проект по взаимопомощи и взаимной поддержке тружеников села (3,5 млн. долл.), начатый в 1994 г. Он был задуман некоторыми американскими добровольческими организациями в рамках проекта Agricultural Cooperative Development International для обмена опытом и передачи ценных технических сведений, особенно в таких важных отраслях сельского хозяйства, как овощеводство и фруктоводство.

В целях активизации и воплощения вышеперечисленных мер МСХЗ активно действовало в направлении либерализации сельских рынков, освобождения землепользователей от тягот высокой арендной платы и развития конкурентной маркетинговой системы.

В своих исследованиях Международный Банк сформулировал, что «сектор сельского хозяйства имеет определенный потенциал для того, чтобы стать двигателем экономического роста села» и что главная стратегическая цель 1990-х гг. «состоит в том, чтобы увеличить сельскохозяйственную производительность на единицу земли и воды, через более эффективное использование этих ограниченных ресурсов»[10]. Это достижимо как снижением цен на единицу продукции, так и через расширение национального производства и увеличение доходов сельских жителей. Это также выполняет стратегическую цель USAID: увеличивать производительность и продуктивность и повысить уровень доходов в этом секторе, который должен подняться на 2–4% выше их устоявшегося положения.

Анализ результатов реформы экономической политики государства в области сельского хозяйства, который проводился как агентством USAID, так и другими крупными финансовыми организациями-инвесторами (такими как: IBRD, UNDP, WFP, UNEP и PAO), а

также египетским министерством экономики и МСХЗ, показал высокую степень вовлеченности египетских феллахов в процессы совершенствования технологии, ценовой стимуляции, расширения сельхозугодий, а также их заинтересованность в проведении исследований в этой области. В целом же результаты программ реформирования оцениваются как положительные. Вот некоторые из этих результатов: общая площадь обрабатываемых земель выросла с 6,2 млн. фед. в 1982 г. до 8 млн. в 2000 г., а площадь угодий под урожаями за счет неоднократного использования в течение года – с 11,2 млн. до 14,8 млн. за тот же период; общая стоимость продукции аграрного сектора возросла с 5,7 млрд. егип. фунтов в 1982 г. до 68,9 в 1999 г.; валовая стоимость продукции растениеводства выросла за период 1982–1999 гг. с 3,5 до 4 млрд. егип. фунтов; поголовье скота увеличилось, что отразилось на росте общей стоимости продукции животноводства – с 2,3 до 21,7 млрд. егип. фунтов, также произошли существенные изменения в объеме производства и урожайности некоторых сельскохозяйственных культур[11].

По сравнению с дореформенным периодом с 1982 по 2000 гг. вырос валовый объем египетского экспорта продукции аграрного сектора: с 471 млн. егип. фунтов до 2,2 млрд.; доходы феллахов увеличились в среднем на 25%, а темпы роста аграрного сектора удалось повысить с 2,6% (2,7%)[12] в 80-е годы до 3,6% (3,1%)[13] в 90-е годы.

Египетское информационное агентство МЕНА сообщило летом 1998 г. о подведении МВФ итогов приватизации, осуществляемой по программе экономических реформ и структурных изменений ERSAP, проводимой в 39 странах, в ходе которых Египет оказался на 4-м месте среди них по достигнутым успехам. В этой связи правительственные круги Египта утверждают, что в ближайшее время страна продолжит реформы, уже не нуждаясь в специальных займах МВФ и Всемирного Банка, и сможет поддерживать удовлетворительные темпы экономического роста.

Но несмотря на благоприятную в целом ситуацию, складывающуюся в аграрном секторе Египта, как это может показаться из приведенных выше примеров повышения урожайности большинства культур и роста производительности хозяйств, основная проблема самообеспечения продовольствием встает все более и более остро не только в Египте, но и во всех странах арабского региона. Основная причина – постепенное сокращение такого показателя, как доля возделываемой земли на душу населения[14]. Правительственные круги АРЕ прекрасно осознают весь масштаб надвигающегося продовольственного кризиса, но ввиду отсутствия достаточно крупных и ощутимых для египетского бюджета средств, необходимых для финансирования различных мегапроектов по мелиорации, осуществление реальных мер по освоению новых земель происходит медленно. В пример можно привести проект «Тошка» по мелиорации 50 тыс. га земли

на юге страны путем доставки воды из озера «Насер» (север Абу Симбела). Начатый в 1997 г., он профинансирован пока лишь наполовину (2,2 млрд. егип. ф. против необходимых 5,7 млрд.), о конечных сроках и предполагаемых инвестициях известно совсем немного, и будущее проекта представляется туманным.

Учитывая подобного рода обстоятельства, в которых находится не только Египет, но и большинство стран арабского региона, можно смело предположить, что в ближайшее десятилетие АРЕ будет активно искать новых экономических партнеров как среди обеспеченных соседей по региону, так и в лице крупных экономических институтов и руководства международных сообществ, укрепляя при этом экономические связи со старыми инвестиционными центрами, такими, например, как USAID[15].

Приложение

Таблица 1

Ежегодный прирост обрабатываемых площадей, урожайности и валового объема продукции (%)

(*два периода даны в сравнении)*

	Дореформенный период 1980–1986 гг.			*Постреформенный период 1987–1993 гг.*		
Культура	Площадь	Урожайность	Продукция	Площадь	Урожайность	Продукция
Пшеница	-2,8	2,9	0,1	5,6	3,5	9,1
Маис	-2,7	2,3	-0,4	0,7	5,5	6,2
Рис	0,0	0,2	0,2	5,8	5,2	11,0
Хлопок	-2,7	-1,6	-4,3	-3,0	5,2	2,2
Ячмень	6,1	0,9	6,9	-8,2	3,2	-5,0
Егип. клевер дл.	1,9	0,6	2,5	0,1	-0,4	-0,3
Егип. клевер кор.	-2,5	1,1	-1,3	-2,1	2,9	0,8
Бобовые	2,3	3,5	5,9	-2,9	-5,4	-8,2
Горох турецкий	2,6	1,0	3,6	-1,0	1,2	0,2
Лен	-7,4	0,6	-6,8	-4,1	0,2	-3,9
Чеснок	-12,6	0,0	-12,6	-0,8	4,0	3,1
Чечевица	8,6	8,9	17,5	-5,6	-0,7	-6,2
Люпин	5,6	0,5	6,0	-3,0	0,9	-2,1
Пажитник греч.	4,9	0,9	5,8	-9,3	0,6	-8,7
Лук	6,2	2,7	8,9	-0,4	3,8	3,3
Картофель	0,9	2,4	3,3	-7,0	3,8	-3,2
Сезам	-12,6	0,8	-11,8	14,3	2,4	16,7
Сорго	-2,6	0,5	-2,1	2,0	4,0	6,1
Соя	3,1	0,8	3,9	-15,8	0,6	-15,2
Сахарный тростник	0,2	3,1	3,3	0,2	1,8	2,0
Помидоры	2,3	7,2	9,5	-3,6	4,0	0,4

Источник: Economic Crisis and the Politics of Reform in Egypt. Ray Bush. Westview Press 1999 (с. 57).

Таблица 2

Год	Население	Площадь воздел. земли	
		всего (млн. фед.)	на душу населения (фед.)
1897	9,7	4,9	0,51
1907	11,2	5,4	0,48
1917	12,8	5,3	0,41
1927	14,2	5,5	0,39
1937	15,9	5,3	0,33
1947	19,0	5,8	0,31
1960	26,1	5,9	0,23
1970	33,2	6,0	0,18
1980	42,1	6,1	0,14
1990	55,0	7,2	0,13
1999	65,0	7,8	0,12

Источник: Food and Agriculture Organisation: Land Cover in Egypt. 2002 Official web-site.

Таблица 3

Американская помощь АРЕ* (млн., долл.)					
	1992	1993	1994	1995	1996
Кредитные гарантии**	40	115	160	165	200
Займы***	150	0	0	0	0
Экономическая помощь	892	747	592	815	815
Военная помощь	1300	1300	1300	1300	1300
Всего	2382	2162	2052	2439	2300

* в рамках программы USAID.

** форма страхования от убытков, возникающих в связи с так называемыми «плохими» долгами (долгами, которые, скорее всего, не будут возвращены).

*** данные финансового года США

Составлено по материалам: © The Economist Intelligence Unit Ltd.

[1] 2001 Country Reports on Economic Policy and Trade Practices. Bureau of Economic and Business Affairs U.S. Department of State, feb. 2002. Official web-site.

[2] В частности, работа М.Ф.Видясовой и М.Ш.Умерова «Египет после арабского социализма: в поиске экономических решений». М. 1999.

[3] Agricultural Development in Egypt. Challenges and Achievements. MARL 2002. Official web-site.

[4] Там же.

[5] Bush Ray. Economic Crisis and the Politics of Reform in Egypt. – Westview Press, 1999. – С. 36–37.

[6] Мировые экономические индикаторы 2001. – Нью-Йорк: Изд-во Оксфордского университета.

[7] Цит. по: Bush Ray. Economic Crisis and the Politics of Reform in Egypt. – Westview Press, 1999. – С. 35.

[8] USAID contry Report: Working Together For Egypt. March 2002. Official web-site.

[9] Bush Ray. Economic Crisis and the Politics of Reform in Egypt. – Westview Press, 1999. – С. 36–37.

[10] Цит. по: Egypt in Global Economy. World Bank Middle East and North Africa Studies. The World Bank, Wash., B.C., 1998.

[11] Приложение: таблица 1.

[12] The World Bank. World Development Indicators 2001. – New-York: Oxford University Press, 2002.

[13] Там же.

[14] Приложение: таблица 2.

[15] Приложение: таблица 3.

М.В.Бордунов

МЕЖДУНАРОДНЫЕ САНКЦИИ ПРОТИВ ИРАКА: СУЩНОСТЬ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Последствия ирако-кувейтского конфликта 1990–1991 гг. остаются одним из актуальных вопросов повестки дня для мирового сообщества по прошествии более чем десяти лет, которые отделяют драматические события, вошедшие в историю как война в Персидском заливе. Сам конфликт и, в еще большей степени, последующее развитие событий обнажили целый ряд слабых мест в постбиполярной системе международных отношений, которые не устранены до сих пор. Среди этих проблем существенную роль играют международные санкции, ставшие первой столь масштабной попыткой мирового сообщества применить универсальный механизм наказания одного из своих членов.

В августе 1990 г. Организация Объединенных Наций признала захват Ираком территории суверенного Кувейта агрессией, вслед за чем против него были введены военно-политические и экономические санкции, поставившие Багдад в условия фактической изоляции. В общей сложности в течение первого года после агрессии Советом Безопасности ООН было принято более десяти резолюций по Ираку, важнейшими из которых стали резолюция № 661 от 6 августа 1990 г., определившая спектр запрещающих мер и создавшая Комитет по санкциям, который осуществляет контроль за их соблюдением[1], а также резолюция № 687, где перечислялись условия, при выполнении которых иракской стороной санкции могли быть сняты[2].

Суть санкций сводится к существенному ограничению торгово-экономических контактов Ирака с другими странами: по условиям резолюции № 661 Багдаду запрещался импорт любых товаров, за исключением продовольствия и медикаментов, а также был введен международный запрет на экспорт из страны нефти и нефтепродуктов, доходы от продажи которых за рубеж составляли инвестиционную основу иракской экономики[3]. Экономическая блокада Ирака привела к нарушению транспортного сообщения со страной, являющейся важным «связующим звеном» между зоной Персидского залива и странами восточного Средиземноморья. Одним из наиболее болезненных последствий этой блокады стал срыв регулярного авиасообщения с Ираком, которое долгое время находилось под контролем ООН и велось, в основном, в рамках гуманитарных программ, и по сей день восстановлено далеко не в полном объеме.

Помимо всего прочего, Багдад, по сути, лишен контроля над частью национальной территории: в целях обеспечения безопасности курдских и шиитских меньшинств, соответственно, на севере и юге Ирака в 1991–1992 гг. были введены так называемые демилитаризованные зоны[4], в которых Багдаду запрещалось размещать войска. Эти территории были взяты под контроль базирующейся в Турции, Саудовской Аравии и Кувейте авиации «союзников» (США, Великобритании, а также, на первых порах, – Франции) и в настоящее время лишь частично контролируются центральной властью, хотя ни в одной из резолюций СБ по Ираку прямо не говорится о создании таких «бесполетных зон», а лишь отмечается необходимость принятия мер в связи с тяжелой гуманитарной ситуацией в упомянутых районах[5].

Столь суровые санкции стали ценой, которую Багдаду пришлось заплатить за агрессию против Кувейта и угрозу безопасности в регионе в целом. Резолюция № 687, принятая двенадцатью голосами «за» при одном «против» и двух «воздержавшихся» 3 апреля 1991 г. и формально признанная Ираком 18 апреля 1991 г., требовала от Ирака выплаты компенсаций за причиненный Кувейту экономический ущерб, а также освобождения кувейтских военнопленных и урегулирования вопроса о границе между двумя странами. Однако главным условием снятия санкций было и остается разоружение Ирака и, прежде всего, ликвидация иракского оружия массового поражения (ОМП)[6].

В упомянутой резолюции были официально сформулированы основные требования мирового сообщества к Ираку относительно его деятельности в области ОМП, а также подчеркивались факты угроз применения такого оружия, что представляло собой нарушение обязательств Ирака «по Женевскому протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств». Резолюцией предусматривалось «формирование Специальной Комиссии (СК), которая проведет немедленную инспекцию на местах биологического, химического и ракетного потенциала Ирака на основе заявлений Ирака и определения любых других местоположений самой спецкомиссией», а также сотрудничество создаваемой комиссии с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) в области ядерного оружия. По сути же, на СК и ее инспекторов была возложена задача ликвидировать главный, в понимании Багдада, атрибут региональной сверхдержавы – военную мощь, опирающуюся на оружие массового поражения.

Классифицируя деятельность СК и МАГАТЭ, следует отметить, что все мероприятия по контролю за деятельностью Ирака в области ОМП предполагали два «уровня» запрещенных средств: во-первых, это непосредственно ОМП и носители для его доставки, а во-вторых, так называемые средства двойного назначения, используя которые, несмотря на их, на первый взгляд, мирное предназначение (например, сельскохозяйственные химикаты, сверхмощные компьютеры),

можно, при определенных доработках, добиться создания запрещенных материалов, веществ и оборудования.

Вместе с тем в резолюции № 687 четко выделялись два принципиальных направления деятельности СК и МАГАТЭ: уничтожение, вывоз или обезвреживание имеющихся средств массового поражения и «осуществление постоянного наблюдения и контроля» за тем, чтобы Ирак не разрабатывал и не приобретал за рубежом какие-либо из вышеуказанных средств.

Следует особо остановиться на деятельности СК и МАГАТЭ в области мониторинга. Необходимость создания механизма для такого рода деятельности была отмечена еще в резолюции № 715 от 11 октября 1991 г., однако Ирак официально признал ее лишь в конце 1993 г. Введение режима постоянного наблюдения и контроля увязывалось с открытием Ираком значительного количества своих запрещенных программ, а также предоставлением данных о поставках материалов и оборудования двойного назначения. Это Багдад фактически отказывался делать вплоть до 1994 г., хотя требования о «полном, окончательном и всеобъемлющем раскрытии» так или иначе содержались в резолюции № 687 и во всех последующих резолюциях относительно деятельности СК и МАГАТЭ в Ираке; более того, сама иракская сторона неоднократно называла предоставляемые данные «полными, окончательными и всеобъемлющими», что не соответствовало действительности. Помимо этого, введенный режим подразумевал контроль за ввозом в страну различных материалов и оборудования, что также требовало более глубокого исследования деятельности Ирака в области ОМП и его импортных поставок и поэтому не могло быть осуществлено до тех пор, пока Багдад не предоставит соответствующей информации.

Осуществление постоянного наблюдения и контроля включало в себя целый комплекс мер: воздушное наблюдение, установку различных датчиков на подозрительных объектах, опечатывание хранилищ и оборудования, использование различных технологий обнаружения, взятие проб и их анализ, экспортно-импортный контроль и многое другое[7]. Ни один из этих элементов сам по себе недостаточен для обеспечения гарантий безопасности, однако все вместе они представляли собой наиболее всеобъемлющую международную систему мониторинга, когда-либо задействованную в области контроля за вооружениями.

В соответствии со своими обязательствами по резолюции № 687 Ирак должен был представить СБ информацию о своих запасах и деятельности в области ОМП. В сделанном 18 апреля 1991 г. заявлении Багдад утверждал, что он не имел запасов ядерного и биологического оружия, в то же время подтверждая наличие незначительного арсенала химических вооружений, баллистических ракет и пусковых установок для них[8]. Исходя из данных, предоставленных иракской стороной, а также на основе тех или иных предположений СК вела инспекционную деятельность и уничтожение ОМП по четырем основным

направлениям: химическое, биологическое и ядерное оружие и баллистические ракеты (и другие средства доставки).

Результаты работы СК свидетельствуют о том, что ей удалось раскрыть и уничтожить лишь наименее опасные запасы химического оружия Багдада, в то время как проблема стратегических химических вооружений так и не была решена в соответствии с резолюцией № 687. По оценкам специалистов, иракская химическая промышленность способна произвести в случае необходимости, например, горчичный газ практически немедленно[9], а более сложные в технологическом отношении нервные газы – в течение нескольких месяцев[10]. В августе 1998 г. Ирак косвенно признал, что на территории страны имеется порядка 140 научных и промышленных объектов, на которых могут быть произведены отравляющие вещества[11].

У экспертов были и остаются серьезные основания предполагать, что биологическое оружие является основой иракского потенциала ОМП из-за его портативности и относительной легкости в производстве. Особую актуальность эта угроза приобрела в последние годы, когда наряду с опасностью использования биологического оружия «традиционным» способом (запуск ракеты или орудийный выстрел) существенно возрос риск «биологического терроризма»[12].

Угроза создания Ираком ядерного оружия в нынешних условиях, по мнению специалистов МАГАТЭ, отведена примерно на десять лет[13]. В то же время признается факт, что Ирак мог скрыть от комиссии оборудование для обогащения урана, предназначенного для мирной атомной энергетики. У Багдада также сохраняется и ноу-хау в этой области: данный аспект практически неподконтролен Агентству, так как документацию скрыть намного проще, чем оборудование и материалы.

Добиваясь своих целей в разработке баллистических ракет как средства доставки ОМП так же, как и в других запрещенных областях, Ирак сделал ставку на сохранение и создание наиболее современных систем доставки, согласившись уничтожить лишь морально и физически устаревшие ракеты типа СКАД[14].

Как констатируют представители СК, Багдад действует по принципу предоставления ограниченных объемов информации, преимущественно по наименее современным технологиям и системам[15]. В этой связи важно отметить, что даже несмотря на раскрытие «материальной» части запрещенных программ (самой техники и материалов), Ирак утаивал «интеллектуальную» составляющую: технологии и ноу-хау.

Результаты деятельности СК свидетельствуют о том, что первоначально поставленные перед ней задачи в значительной степени не были выполнены. Основной причиной, хотя и относительной, но все же вполне очевидной, неудачи более чем семилетней деятельности СК в Ираке является отношение Багдада к ней. Политика, проводимая иракским руководством по отношению к международным инспекторам, основана на ряде предпосылок и целей, четко определенных Багдадом.

Постоянное нежелание Ирака предоставить полный отчет о программах по разработке и производству ОМП свидетельствует об отмечаемой некоторыми экспертами спланированной программе по сокрытию стратегически важных запасов запрещенных вооружений на государственном уровне. Так, имеются различные данные о том, что специальные подразделения иракских служб госбезопасности, занимающиеся охраной Саддама Хусейна и других высших руководителей страны, вели целенаправленную деятельность, смысл которой – сохранение в тайне особо важных программ разработки ОМП и мощностей для его производства, а также создание препятствий работе инспекторов[16]. Принимая во внимание тот факт, что сотрудники СК и МАГАТЭ работали на «чужой территории», очевидно, что проведение подобной политики сокрытия не составляло особого труда для иракской безопасности.

Упорное нежелание Багдада полностью выполнять требования СБ ООН, а также эффективное внутреннее противодействие попыткам инспекции новых объектов превратило то, что первоначально было обозначено как сотрудничество, в фактическое противостояние «инспектора – службы госбезопасности». При этом Багдад заявлял о своем принципиальном согласии вести сотрудничество с СК, однако систематически выдвигал различные условия, которые, по своей сути, являлись препятствием для выполнения Комиссией своих полномочий. Так, иракские официальные лица неоднократно препятствовали введению режима мониторинга, требуя уважения независимости, достоинства и национальной безопасности Ирака[17].

Характерным примером политики Багдада по отношению к международным инспекторам был инцидент в здании министерства сельского хозяйства, когда иракские власти отказывались допустить сотрудников СК на объект, мотивируя это тем, что в министерстве не имеется никакой информации, раскрытие которой предполагается резолюцией № 687. Поэтому допустить инспекторов в здание означало бы поставить под угрозу интересы национальной безопасности и суверенитета. Впоследствии Комиссия получила разрешение иракских властей обследовать здание, однако никаких материалов по запрещенным программам найдено не было; при этом инспектора отметили, что в здании имелись признаки недавнего вывоза документации[18]. Типична была и такая ситуация, когда иракские власти объявляли отдельные места проведения инспекций, например, президентские дворцы, «объектами повышенной важности». В этой связи вторжение на подобные объекты также увязывалось с угрозой национальной безопасности Ирака, и сотрудники СК получали ограниченный доступ к ним, что затрудняло проведение инспекций на требуемом уровне[19].

Отказ оказывать содействие инспекторам СК часто увязывался Багдадом с необходимостью снятия санкций, прежде всего в области продажи нефти. Как отмечали иракские официальные лица, в случае отсутствия перспектив снятия эмбарго сотрудничество с междуна-

родными инспекторами теряло всякий смысл[20]. Такая просьба была бы удовлетворена в качестве поощрительного шага при условии, что Ирак четко выполнял бы свои обязательства по резолюциям СБ ООН относительно разоружения, а не противостоял Комиссии. Как отмечает в этой связи бывший глава СК Рольф Экеус, резолюция № 687 была своего рода «сделкой», по условиям которой Ирак обязался «сдать» свой потенциал ОМП в обмен на снятие барьеров в нефтеторговле; однако Саддам Хусейн принял решение достичь снятия эмбарго, сохранив при этом запрещенные вооружения[21].

Между тем неизбежное в условиях отсутствия доходов от экспорта нефти ухудшение экономической ситуации внутри страны в 1994–1995 гг. вынудило СБ ООН принять 14 апреля 1995 г. резолюцию № 986, позволявшую Ираку экспортировать нефть в рамках квоты, установленной на уровне 1 млрд. долл. США в течение каждых трех месяцев[22]. Впоследствии резолюцией № 1153 от 20 февраля 1998 г. Ираку было разрешено увеличить объем экспорта до 5,256 млрд. долл. в течение каждых шести месяцев[23]. Получившая название «нефть в обмен на продовольствие», эта программа позволила Багдаду начать реинтеграцию в региональные отношения, используя свой, пожалуй, единственный (на фоне ослабшей военной мощи) внешнеполитический «рычаг» – нефть.

Необходимо, однако, отметить, что даже по условиям программы «нефть в обмен на продовольствие» все внешнеторговые сделки с участием иракской стороны подлежат одобрению специально созданных структур ООН, то есть мирового сообщества, а доходы от продажи нефти поступают не прямо к «продавцу», а на спецсчет ООН. При этом часть средств выделяется на выплату различных компенсаций (прежде всего Кувейту как жертве агрессии), а также на финансирование деятельности целого ряда комиссий ООН, созданных после агрессии Ирака против Кувейта.

Одним из основных требований Багдада к ООН стали претензии относительно чрезмерного влияния США на деятельность СК. В этой связи иракские официальные лица обвиняли Вашингтон в использовании СК в качестве прикрытия для проведения разведывательных мероприятий на территории Ирака и в ноябре 1997 г. в знак протеста изгнали из страны всех американских сотрудников СК[24]. По сути же, все требования Ирака о необходимости избавить СК от влияния «одного из членов ООН» (что, в том числе, выражалось и в демонстративном отказе предоставить разрешение американским самолетам вести воздушное наблюдение, настаивая на использовании российской техники[25]) говорят о желании Ирака затянуть деятельность СК таким образом, чтобы вызвать раскол среди постоянных членов СБ ООН по вопросу продления режима санкций. Это подтверждалось и отказом Багдада предоставлять инспекторам доступ на новые объекты, ограничивая их деятельность мониторингом[26].

В этой связи следует отметить, что единственная возможность выполнения положений резолюции № 687 заключалась в добровольном желании Ирака предоставить данные о своих запрещенных программах, что маловероятно при нынешнем руководстве страны. При ином подходе к решению данной проблемы, которого придерживался Багдад, деятельность международных инспекторов можно считать малополезной, так как полноценное достижение поставленных целей заведомо невозможно.

В сложившейся ситуации США, имея в качестве союзника Великобританию, в условиях падения авторитета ООН и неспособности этой организации эффективно осуществлять возложенные на нее обязанности (по крайней мере, относительно Ирака) использовали режим санкций для проведения курса на сдерживание Ирака, имея конечной целью смену режима Саддама Хусейна. Одним из основных принципов такой политики является стремление ослабить угрозу применения Ираком ОМП. Вполне возможно, что американцы в своей политике исходили из того факта, что раскрытие Багдадом всего потенциала ОМП означало бы для нынешнего руководства Ирака политическую смерть, что, в свою очередь, говорит о практической невозможности такого раскрытия.

Остальные постоянные члены СБ ООН во главе с Россией заявили о необходимости создания новой, более эффективной системы контроля, которая ограничивалась бы мониторингом деятельности Ирака в запрещенных областях и была бы лишена чрезмерного влияния отдельных членов мирового сообщества. При этом подчеркивается важность снятия нефтяного эмбарго, которое накладывает существенные ограничения на некогда широкомасштабное сотрудничество между Ираком и той же Россией.

Сохранение ограничений в области нефти также явилось одной из причин разрыва отношений с Комиссией в конце 1998 г. В этой связи вице-премьер Тарик Азиз отмечал, что его страна «не может более терпеть санкций и продолжать сотрудничество с СК»[27].

В связи с провалом попыток Спецкомиссии решить поставленные перед ней задачи СБ ООН в конце 1999 г. в ходе активного диалога между стоявшими на разных позициях США и Великобританией, с одной стороны, и Россией, Китаем и Францией, с другой (последние выступали за частичное снятие санкций), пришел к консенсусу, выразившемуся в принятой 17 декабря 1999 г. резолюции № 1284, которая предусматривала создание Комиссии Организации Объединенных Наций по наблюдению, контролю и инспекциям (ЮНМОВИК). И хотя полномочия этой структуры были не такими широкими, как у Спецкомиссии, Багдад отказался сотрудничать и с ней, поставив в качестве условия возобновления работы международных инспекторов немедленное снятие санкций, в то время как резолюция увязывала такой шаг с получением определенных результатов деятельности ЮНМОВИК[28].

Следующей инициативой США и Великобритании как постоянных членов СБ стало предложение ввести против Ирака так называемые умные санкции, суть которых была сформулирована к лету 2001 г. В качестве главной задачи, возлагавшейся на «умные санкции», называлось прекращение страданий иракского народа от экономического эмбарго при продолжении прессинга на режим Саддама Хусейна. Новый подход к решению иракской проблемы косвенно признавал практическую невозможность достижения тех целей, которые ставились в определившей режим санкций резолюции № 687. Вместо этого американцы сделали ставку на долгосрочное сдерживание Ирака – но не в качестве своей собственной политики, а в виде позиции всего мирового сообщества. Иными словами, речь шла о своеобразном карантине страны и взятии под жесткий контроль ее границ. Для этого Вашингтону требовалась поддержка сопредельных с Ираком государств, однако заручиться ею в условиях тлеющего противостояния с тем же Ираном в любом случае было бы весьма непросто. В целом же предложенная администрацией американского президента Джорджа Буша-младшего реформа системы антииракских санкций была направлена на закрепление статуса Ирака как изгоя в международном сообществе: сохранение санкционного режима прямо увязывалось Вашингтоном с пребыванием у власти в стране Саддама Хусейна.

При этом попытки в какой бы то ни было форме продлить режим санкций вызывают решительный протест Багдада, и в свете недовольства политикой США на Ближнем Востоке этот протест находит все бóльшую поддержку в арабском мире. События 11 сентября в Соединенных Штатах и обострение израильско-палестинского противостояния в конце 2001 г. существенно изменили позиции Ирака в международных отношениях. Данный вопрос, несомненно, является темой для отдельного исследования, однако, говоря о режиме антииракских санкций, можно с большой долей уверенности утверждать, что упомянутые события должны ускорить существенную корректировку санкционного режима или вообще отменить его.

Впрочем, для того чтобы сделать такие выводы, достаточно и других оснований. Прошедшие десять с лишним лет не дали мировому сообществу (или, по крайней мере, отдельным его членам) уверенности в том, что у Багдада нет ОМП, а санкции против Ирака хотя и были смягчены по ряду направлений, в целом по-прежнему остаются в силе. При этом Кувейт – жертва агрессии 1990 г. – и Саудовская Аравия, опасавшаяся, что агрессия Ирака станет прелюдией к нападению на само королевство, и по сей день видят в багдадском режиме угрозу своей безопасности[29].

На международной арене Ирак – во многом благодаря усилиям Соединенных Штатов Америки как главного «адвоката» санкций и борьбы с режимом президента страны Саддама Хусейна – получил статус изгоя, что, учитывая влияние США в мире, отнюдь не способствует

скорой нормализации экономических отношений Багдада с другими странами, не говоря уж о политических.

Тем не менее, саботировав работу международных инспекторов, начиная с середины 90-х годов Багдад проводил политику «размывания» эмбарго, вовлекая в нее все большее количество стран. Главными инструментами этой политики являются антиамериканская пропаганда и нефть: всячески подчеркивая тупиковость проводимой США линии на сохранение санкций и предлагая взаимовыгодное сотрудничество как региональным, так и другим странам, Багдад делает ставку на то, что для многих из них развитие экономических отношений сулит куда большие выгоды, чем участие в режиме санкций на стороне США. Красноречивым доказательством последнего утверждения стала в последние несколько лет масштабная контрабанда нефти из Ирака в сопредельные страны – Объединенные Арабские Эмираты, Иорданию, Иран.

Подводя итог более чем десятилетнему периоду действия режима антииракских санкций, необходимо отметить, что в 2002 г. позиции багдадского режима как внутри страны, так и на международной арене являются, пожалуй, самыми прочными, начиная с войны в Персидском заливе. Багдад не только смог обезопасить свою власть от притязаний оппозиции (последняя серьезная попытка антигосударственного переворота была предпринята более трех лет назад), но и, несмотря на продолжающуюся экономическую блокаду, добился относительно сносного снабжения населения продовольствием, а также приступил к постепенному восстановлению инфраструктуры[30].

Даже при формальном сохранении экономических санкций против Ирака режим эмбарго постепенно оказывается «размытым» до такой степени, что под сомнение ставится эффективность всей системы. В то же время «военные» санкции (то есть запрет на какое-либо военно-техническое сотрудничество Ирака с другими странами) останутся в силе, скорее всего, до тех пор, пока у власти в Багдаде будет находиться режим Саддама Хусейна. Однако несмотря на это, руководство Ирака убеждено, что возвращение контроля над доходами от продажи нефти – особенно в условиях роста мировых цен на нее – позволит реконструировать военный потенциал и восстановить утраченные после поражения в войне в Персидском заливе позиции в регионе, а в перспективе – превратить Ирак в региональную сверхдержаву.

Следует констатировать, что санкции СБ ООН против Ирака не позволили достичь поставленных целей – если этими целями были гарантии безопасности. В то же время необходимо отметить, что в результате экономического эмбарго страна была, по сути, «выброшена» из мирового сообщества, из международных экономических отношений, что не только отразилось на хозяйственном развитии Ирака, но и в какой-то момент поставило его на грань гуманитарной катастрофы.

Санкции против Ирака стали беспрецедентным событием в современных международных отношениях: еще никогда ранее мировое

сообщество не выступало столь решительно и жестко против одного из своих членов. Однако этот прецедент выявил относительно низкую эффективность подобных действий, подчеркнув тот факт, что даже в условиях противостояния с влиятельнейшими державами (речь идет прежде всего о США) независимое государство способно защищать свои интересы, даже вопреки воле международного сообщества.

[1] Документы ООН. RS/661/1990.
[2] Документы ООН. RS/687/1991.
[3] Документы ООН. RS/661/1990.
[4] Северная – «выше» 36 параллели, южная – «ниже» 33 параллели.
[5] Документы ООН. RS/688/1990.
[6] Документы ООН. RS/687/1990.
[7] The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict, 1990–1996. N.Y., 1996, с. 79.
[8] The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict, 1990–1996. N.Y., 1996, с. 80.
[9] Britain, UNSCOM and Iraq (http://www.special.fco.gov.uk).
[10] Ibid.
[11] How Saddam Keeps Going Strong. – Liberation, 18.12.1997.
[12] Saddam Remembers, Clinton Forgets. – Washington Post, 15.01.1998.
[13] How Saddam Keeps Going Strong. – Liberation, 18.12.1997.
[14] The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict, 1990–1996. N.Y., 1996, с. 95.
[15] New York Times, 27.01.1999.
[16] A Futile Game of Hide and Seek. – Washington Times, 11.10.1998.
[17] The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict, 1990–1996. N.Y., 1996, с. 83.
[18] Ibid., с. 86.
[19] Письмо Генерального Секретаря ООН, S/1998/326.
[20] The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict, 1990–1996. N.Y., 1996, с. 91.
[21] Washington Post, 31.01.1997.
[22] Документы ООН. RS/986/1995.
[23] Документы ООН. RS/1153/1998.
[24] Дубай, 31.10.1998 (AFP).
[25] The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict, 1990–1996. N.Y., 1996, с. 84.
[26] Дубай, 31.10.1998 (AFP).
[27] Washington Post, 19.12.1998.
[28] Документы ООН. RS/1284/1999.
[29] Аль-Ахрам, 27.11.2000.
[30] Baram A. Saddam Husayn Between His Power Base and the International Community. – MERIA.

Г.А.Демоян

ТУРЦИЯ И КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

Политика перестройки, начавшаяся в СССР во второй половине 80-х годов XX века, вскоре оказалась в тупике, породив волну социальной напряженности, политической нестабильности и межнациональных противоречий. Расширение географии очагов межэтнического противостояния ускорило процесс дезинтеграции Советского Союза. После распада СССР в некоторых из этих очагов наступила фаза подлинной и полномасштабной войны. Карабахский конфликт выделялся особой интенсивностью и продолжительностью. В постсоветский период к процессу урегулирования большинства подобных конфликтов стали активно подключаться сопредельные с регионами напряженности государства, а также США и международные организации. Буквально в первые же месяцы после распада СССР на южных пределах недавно могущественной советской сверхдержавы, воспользовавшись кажущимся безразличием, а точнее, временным ослаблением России, активизировали свои действия не только Турция, Иран, Пакистан и Китай, но и более отдаленные страны, преследующие цель распространить свое политическое и экономическое влияние на союзные республики бывшего СССР. Среди вышеупомянутых государств своей глобальностью особенно выделялась политика США. Однако с неменьшей активностью, хотя и на более ограниченном пространстве, в особенности в тюркоязычных государствах Центральной Азии, начала свою политическую, экономическую и культурную экспансию Турция, явно опираясь на поддержку и мощь США. Особо указывая на свою этническую, языковую и культурную общность с тюркоязычными республиками, Анкара стремилась стать вторым «большим братом» для них и заложить основы будущего политического и экономического союза тюркоязычных государств.

Турецкая внешняя политика с подчеркнутой целенаправленностью солидаризовалась с Азербайджаном в карабахском конфликте, который Анкара и Баку в унисон стремились представить как противостояние между «тюркскими братьями» и армянами. Позиция Турции в вопросе разрешения конфликта была явно проазербайджанской, и на то были веские причины. Уже после завершения «холодной войны» и, в частности, после развала СССР Анкара активно искала возможности для институционализации своей новой роли в качестве региональной державы, и с этой точки зрения карабахский конфликт

становился препятствием для реализации внешнеполитических и экономических планов Турции не только в Азербайджане, но и в Центральной Азии.

С начала 90-х годов Турция начала энергично реализовывать свои гегемонистские цели на основе пантюркистских идей. Эти идеи базировались на трех основных принципах пантюркизма, которыми являются: принадлежность к общности тюркоязычных этносов, мусульманская вера и общность языка, историко-культурного наследия и менталитета[1]. Но забегая вперед, отметим, что несмотря на выводы и прогнозы некоторых аналитиков, даже при современных процессах интеграции и осуществлении проектов транспортных и геоэкономических коммуникаций, реализация идеи тюркской унии на основе политического альянса вряд ли возможна, ибо противодействие со стороны России и Китая не оставляло бы никаких шансов для достижения такой цели. Последующее развитие событий доказало очевидное несоответствие реальных возможностей Анкары и ее внешнеполитических амбиций.

Турция и карабахский конфликт

Энергичные действия Анкары в карабахском конфликте и откровенное выступление на стороне Азербайджана должны были послужить весомым аргументом в пользу готовности Турции поддерживать своих «братьев» не только словом, но и конкретными делами. С геополитической точки зрения Закавказье представлялось Турции особо важным мостом для непосредственной связи с тюркоязычными государствами и общинами Северного Кавказа, Поволжья и Центральной Азии.

Начавшееся в конце 80-х годов армяно-азербайджанское противостояние вокруг Карабаха не оставило безразличными турецкую политическую элиту и общество. Позицию турецкого руководства на начальной фазе конфликта можно охарактеризовать как сдержанную, точнее, выжидательную из-за опасений возможной реакции со стороны советских властей.

В начале 1990 г. в связи с январскими событиями в Баку тогдашний министр иностранных дел Турции Месут Йылмаз отметил, что за событиями в Азербайджане Турция следит с особой чувствительностью, поскольку с этой республикой имеет общие языковые и культурные корни[2]. Интересен и тот факт, что 10 января того же года на внеочередной сессии Верховного Совета Нахичеванской АССР, входившей в состав Азербайджана, было принято решение о выходе из состава СССР и присоединении к Турции[3].

Одной из первых официально признав независимость Азербайджана и центральноазиатских республик, Анкара одновременно выразила свою готовность выступить с посреднической ролью в карабахском конфликте. Но было очевидно, что в планах Анкары не было намерения играть роль «честного маклера». Разрешение карабахского

конфликта в пользу Азербайджана обещало Турции солидные политические дивиденды, тем более, что турецкие внешнеполитические планы нашли глубокое взаимопонимание и нескрываемое сочувствие в Баку, где определенные политические круги готовы были заложить основы политического и экономического союза с Турцией на основе этнической и языковой общности. Пантюркистские идеи и планы особо проявились после того, как президентом Азербайджана стал лидер Народного фронта Абульфаз Эльчибей, хотя, не ошибемся, если отметим, что протурецкая ориентация политических сил Азербайджана доминировала задолго до прихода Эльчибея к власти[4].

Вскоре после упразднения автономного статуса Нагорного Карабаха в ноябре 1991 г. и выхода Азербайджана из состава СНГ военные действия в Карабахе и сопредельных районах вступили в новую фазу, способствуя дальнейшей эскалации армяно-азербайджанского противостояния.

За развитием событий в Закавказье Анкара следила с особым вниманием. В начале 1992 г. тогдашний премьер-министр Турции Сулейман Демирель отметил, что Турция может позитивно повлиять на процесс разрешения карабахского конфликта в том случае, если обе стороны будут доверять инициативам Анкары[5]. Вместе с тем из разных слоев турецкого общества и политического истэблишмента звучали призывы к оказанию всесторонней, в том числе военной помощи Азербайджану.

Ярым сторонником военных акций против Армении был лидер турецкой Демократической левой партии Бюлент Эджевит, предлагавший ввести контингент турецких войск в Нахичевань якобы с целью сдерживания натиска армянских формирований[6]. Это отнюдь не было простой декларацией, поскольку вспомним, что именно во время премьерства Б.Эджевита в 1974 г. была осуществлена высадка турецких сил в северной части Кипра и дальнейшая оккупация этой части острова 30-тысячной турецкой армией. За резкие меры выступал также бывший президент Турции Тургут Озал, который был не прочь «немножко отпугнуть» армян. Со своей стороны министр иностранных дел Турции Хикмет Четин заявил, что Турция не допустит изменения статуса Нагорного Карабаха силовым путем и что Армения будет в ответе за такие действия[7].

Весной 1992 г. наметившиеся скопления бронетанковых соединений турецкой армии на приграничных с Арменией территориях свидетельствовали о реальной угрозе турецкого вторжения. Однако этого не произошло из-за жесткого заявления командующего Вооруженными силами СНГ маршала Е.Шапошникова, который предупредил, что «вовлечение третьей стороны в конфликт чревато началом Третьей Мировой войны»[8]. Это заявление стало доказательством готовности России исполнить взятые на себя союзнические обязательства на основе Договора о коллективной безопасности стран

СНГ, подписанного буквально накануне в Ташкенте. Предупреждение Москвы произвело шоковое воздействие на Анкару, которая вынуждена была ретироваться. Такая реакция Москвы была обусловлена опасением резкого изменения баланса сил в Закавказском регионе и нежелательного развития событий в южных регионах самой России. Исходя из этого, нетрудно прийти к заключению, что турецкое военное участие в событиях вокруг Карабаха представляло реальную угрозу национальной безопасности России и было опасным прецедентом для начала широкомасштабной войны в образовавшемся после завершения «холодной войны» геополитическом пространстве. Для самой Турции военные действия против Армении, даже в случае гипотетического «бездействия» России, не сулили ничего хорошего. Война с Арменией все более отдалила бы Анкару от участия в европейских делах, а также свела бы на нет многолетние старания Турции, направленные на интеграцию в европейские политические и экономические структуры, в частности Европейский союз[9].

Несмотря на несостоявшееся военное вмешательство в карабахский конфликт, Турция все же оказала Азербайджану многостороннюю помощь, в том числе и военную. Около 150 высокопоставленных офицеров (по большей части в отставке. – *Г.Д.*) и тысячи волонтеров из Турции принимали участие в военных действиях в Карабахе на азербайджанской стороне. Так, по сообщению турецкой газеты «Айдынлык», к концу 1993 г. Анкара отправила 5000 солдат турецкой армии в распоряжение Генерального штаба Азербайджана. Следует отметить, что журналист, опубликовавший эту информацию, был арестован турецкими властями[10]. Все-таки, несмотря на открытое содействие в войне с Арменией, между Турцией и Азербайджаном так и не было подписано соглашение оборонительного характера. Это не входило в планы Анкары, особенно после недвусмысленного заявления маршала Шапошникова[11]. В Анкаре явно давали себе отчет, что подписание такого соглашения станет вызовом не только России, но и другим государствам региона, в частности, Ирану, которые, безусловно, не оставили бы без ответа первые же действия азербайджано-турецкого военного пакта.

Армяно-турецкие отношения

В эволюции армяно-турецких отношений с момента приобретения Арменией независимости до настоящего времени имеют место два противоположных подхода сторон. Ереван выражает свою готовность установить добрососедские отношения без каких-либо предварительных условий. Вместе с тем Анкара, под мощным давлением симпатий турецкой общественности к Азербайджану, налаживание двусторонних связей с Арменией увязывает с вопросом разрешения карабахского конфликта.

После развала СССР Анкара придавала особую значимость налаживанию всесторонних связей с Республикой Армения, посколь-

ку через нее проходили основные авто- и железнодорожные магистрали, связывающие Турцию с тюркоязычными регионами бывшего Советского Союза.

С другой стороны, складывающиеся армяно-турецкие взаимоотношения находятся под мощным воздействием исторической памяти армянского народа, в частности, в связи с геноцидом армянского населения в Западной Армении 1915–1923 гг., когда в ходе целенаправленной политики младотурков в Османской империи и республиканской Турции было истреблено свыше полутора миллиона армян.

В начале 90-х годов, на волне новых геополитических трансформаций, в Турции все чаще стали звучать призывы о том, что XXI век будет веком тюрок и что для создания Тюркского сообщества от Адриатики до Китайских стен представился уникальный исторический шанс. Такие заявления, по справедливому замечанию турецкого ученого Танера Акчама, «создавали в Армении тревожную атмосферу»[12]. Участие Армении в структурах Экономического сотрудничества стран черноморского бассейна в определенной мере рассматривалось Анкарой как средство для удерживания Еревана в спектре политического влияния Турции, как проводника планов Запада[13]. Однако дальнейшее развитие военных действий на карабахских фронтах стало предопределяющим в последующем развитии армяно-турецких отношений, которые после каждой успешной операции армянских сил в Карабахе принимали все более холодный и антагонистический характер.

Симптоматично, что некоторые аспекты внутренней политики первого президента Армении Левона Тер-Петросяна нашли положительные отклики в Анкаре, где эти шаги были расценены как готовность Еревана к налаживанию качественно новых взаимоотношений с Турцией. Это в первую очередь относится к фактам устранения от должности министра иностранных дел Раффи Оганнисяна, отличавшегося своей антитурецкой позицией, запрещения деятельности Армянской революционной партии «Дашнакцутюн», а также заявленной президентом Армении готовности к компромиссу в вопросе урегулирования карабахского конфликта и т.д.[14]

В июле 1992 г. состоялась первая встреча президента Тер-Петросяна с премьер-министром Турции Сулейманом Демирелем. Тема урегулирования карабахского конфликта на этой встрече стала основной. Турецкая сторона выдвинула требование оставить города Шуши и Лачин, занятые армянскими силами, а также отметила особую важность Нахичевани для Турции[15]. В свою очередь, армянская сторона выступила за урегулирование конфликта в рамках ОБСЕ. Во время этой встречи Демирель предложил организовать двустороннюю встречу президентов Армении и Азербайджана, однако тогдашний президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей отклонил это предложение, ссылаясь на то, что такая встреча нуждается в необходимой дипломатической подготовке. Истинные же причины отказа Эльчибея

были иными. С июня 1992 года азербайджанские силы предприняли беспрецедентное по своим масштабам военное наступление на карабахских фронтах, добившись в начале значительных успехов[16]. Но вскоре это наступление захлебнулось, и последующее развитие военных действий сложилось явно не в пользу Азербайджана. Кроме территории НКАО было потеряно и несколько сопредельных с ней районов Азербайджана. Военное поражение Азербайджана и связанные с ним людские и территориальные потери породили глубокое разочарование в Анкаре.

Спрашивается, почему Турция с самого начала приняла жесткую позицию в отношении Армении? На первый взгляд, события в Карабахе никак не угрожали национальной безопасности Турции. Скорее всего, причины такой позиции лежали в амбициозных внешнеполитических планах Анкары, которые ставились под сомнение после военного поражения Азербайджана.

Кроме того, проазербайджанская позиция Анкары должна была служить первым доказательством тюркской солидарности, которую активно лоббировала турецкая сторона. Даже подписанное в мае 1994 г. перемирие не изменило первоначальную позицию Турции в отношении Еревана. Бесспорно, что граница между Арменией и Турцией является «фронтовой зоной», в затеянной после развала СССР так называемой «Большой игре» с участием региональных держав и США. Усиливающееся напряжение в армяно-турецких отношениях отчасти сводит на нет турецкие планы, связанные с прокладкой нефте- и газопроводов из Каспийского бассейна к турецкому терминалу Джейхан и дальнейшей транспортировкой нефти на европейские рынки[17].

Можно констатировать, что современные пантюркистские планы, имея определенные геополитические и геоэкономические перспективы, рассматривают карабахский конфликт как важнейший фактор, препятствующий этим планам[18]. Возрождение пантюркистских идей и их включение в концепции внешней политики Турции является непредсказуемым дестабилизирующим фактором и серьезным вызовом существующему балансу сил в ближневосточном, закавказском и других регионах центральной Евразии.

Противоречия внутри «тюркского мира»

Ожидая полного понимания со стороны «внешних тюрков» в реализации своих устремлений на южных пределах бывшего СССР, Турция вскоре обнаружила, что отнюдь не все гладко во взаимоотношениях между тюркоязычными странами и народами бывшего Союза. Отсутствие общего тюркского этнического самосознания и единой самоидентификации было объективным явлением в результате жесткой национальной политики коммунистического режима, в частности, в отношении паннациональных идей и идеологий. Кровавые драмы, разыгравшиеся в период 1989–1990 гг. между узбеками и турками-

месхетинцами в Фергане и между киргизами и узбеками в Ошском районе, наглядно показывают истинное положение дел.

Несмотря на атмосферу эйфории первых месяцев налаживания двусторонних отношений между Турцией и тюркоязычными республиками Центральной Азии, были зарегистрированы случаи, которые не вписывались в общую картину дружбы. Так, в 1992 г. в Кыргызстане был ограблен чрезвычайный и полномочный посол Турции в этой республике Метин Гокер[19]. Имели место также ограбления турецких журналистов. Вскоре Турция должна была с разочарованием констатировать, что и отношения между Азербайджаном и центральноазиатскими республиками далеко не братские. В частности, резко обострились узбеко-азербайджанские отношения, после того как президент Узбекистана Ислам Каримов упразднил «Комитет помощи Карабаху», организованный узбекской оппозицией. Азербайджанский лидер не замедлил осудить не только упразднение вышеупомянутого комитета, но и роспуск узбекской националистической партии «Бирлик», активисты которой позже нашли убежище в Азербайджане[20]. После победы на президентских выборах А.Эльчибей в интервью «Независимой газете» довольно резко отозвался в адрес Каримова, в частности, отметив следующее:

“Каримов подверг репрессиям всех прогрессивных людей в Узбекистане. Он разогнал недавно созданный по инициативе узбекской оппозиции в Ташкенте «Комитет помощи Карабаху», а его членов подверг репрессиям. Кроме того, этот человек настолько утратил чувство меры, что осмелился направить в Азербайджан «коммандос», чтобы арестовать здесь активистов узбекской оппозиции. И такого антидемократического человека пресса не хочет разоблачать. Не потому ли, что Каримов стал игрушкой в руках армянского лобби.?!”[21]

На этом фоне интересен тот факт, что пятый съезд узбекской партии «Бирлик» осудил Каримова за подписание Договора о коллективной безопасности СНГ, расценив этот шаг как предательство в отношении Азербайджана[22].

После турне по тюркоязычным республикам Центральной Азии лидер турецкой Демократической левой партии Бюлент Эджевит в интервью газете «Джумхуриет» на вопрос, в чем заключается причина бездействия центральноазиатских республик в отношении агрессивных шагов Армении против Азербайджана, ответил, что от поездки у него сложилось такое впечатление, что эти республики стараются удалиться от Азербайджана и намерены установить добрососедские отношения с Ираном[23].

Другой причиной для обострения отношений между государствами Центральной Азии и Азербайджаном было доминирующее положение азербайджанских торговцев на рынках центральноазиатских республик, где очень слабо проявлялись меркантилистические традиции[24].

В 1994 г. серьезные разногласия проявились и в турецко-узбекских взаимоотношениях. После того, как Анкара предоставила политическое убежище лидеру узбекской оппозиционной партии «Эрк» Мухаммеду Салиху, посол Узбекистана в Анкаре был отозван из Турции[25]. Другим немаловажным фактором в межтюркских разногласиях остаются споры вокруг дальнейшего статуса Каспийского моря и о принадлежности некоторых нефтяных месторождений.

Налицо факт, что возможности Турции для расширения своего политического и экономического влияния в Азербайджане и Центральной Азии в действительности оказались строго ограниченными. Борьба между Астаной и Ташкентом за региональное лидерство, а также нарастающие темпы развития этих государств в перспективе окончательно сводят на нет турецкие планы создания «Пантюркского союза» с лидирующими позициями Анкары.

Карабахский вопрос на тюркских саммитах

Еще одним проявлением хрупкости тюркской солидарности в карабахском вопросе стал первый тюркский саммит, прошедший в столице Турции в октябре 1992 г. Несмотря на старания и давление со стороны турецких и азербайджанских представителей, в заключительной декларации саммита карабахский вопрос не упоминался, провалив тем самым чаяния Анкары и Баку. «Тюркским государствам нельзя поддерживать в этом конфликте одну из сторон», заявил президент Казахстана Н.Назарбаев, добавив, что в противном случае ситуация в регионе может ухудшиться. Он не поддержал также идею применения экономического эмбарго против Армении. Президент Азербайджана А.Эльчибей довольно неубедительно прокомментировал причины этих отказов, ссылаясь на то, что в случае принятия резолюции по карабахскому вопросу участников саммита могли обвинить в том, что они выступали единым фронтом против Армении, которая является христианской страной[26]. Но в действительности не вызывает сомнений тот факт, что лидеры центральноазиатских республик не желали быть втянутыми в межгосударственный конфликт и нарушить взятые на себя обязательства в рамках СНГ, одним из членов которого является Армения. Подписанный в мае 1992 г. Договор о коллективной безопасности тоже сыграл свою важную роль, хотя статья, предусматривающая применение военной силы интерпретируется двояко, в частности, в контексте карабахского конфликта. Согласно договору, в случае войны с Азербайджаном, который к этому моменту не являлся членом СНГ, Армения могла рассчитывать на военную помощь России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Однако президент Узбекистана И.Каримов в интервью турецкой газете «Türkiye», призывая турецкую сторону не вступать в конфликт, в то же время отметил, что «проблему должны решать они сами (Армения и Азербайджан. – *Г.Д.*). Введение сил СНГ не принесет

много пользы. Эта проблема должна быть решена в рамках ООН. Некоторые страны хотят вовлекаться в конфликт, но вмешательство третьей стороны приведет к большой трагедии. Мы, как мусульмане и тюрки, заодно с нашими тюркскими братьями, но на данный момент мы должны держатся подальше…»[27].

Провал попыток реализовать турецкие планы на анкарском саммите, а также неспособность Турции поддержать лояльную в отношении Анкары власть президента А.Эльчибея в Азербайджане ознаменовали перелом во взаимоотношениях Турции и тюркоязычных республик бывшего СССР и начало более реалистичного подхода в установлении двусторонних политико-экономических связей. Очевидным стал тот факт, что экономические и коммуникационные связи этих республик с Россией намного сильней и значимей, нежели этнические и культурно-исторические связи с Турцией[28]. С другой стороны, сама идея пантюркского союза встретила решительный отпор со стороны лидеров центральноазиатских республик. Более того, в определенных политических и общественных кругах Азербайджана тоже реально осознавали опасность и неприемлемость пантюркистских идей, которые, по словам Э.Гасановой, ожидает та же участь, что и планы Гитлера[29]. Вместе с тем взаимные визиты лидера Партии национального движения и главного идейного вдохновителя пантюркизма в Турции Алпарслана Тюркеша и его сторонника в Азербайджане Э.Мамедова не получили однозначных оценок в Баку[30].

Во время первого тюркского саммита в Анкаре участники решили вновь встретиться в Баку осенью 1993 года. Однако Москва всячески старалась помешать проведению такого саммита в столице Азербайджана. В декабре 1993 года, во время очередного саммита глав государств СНГ в Ашхабаде, президент РФ Б.Ельцин высказался против идеи проведения второго тюркского саммита в Баку, оказав при этом определенное давление на президента Узбекистана И.Каримова[31]. Нет сомнений, что организация такой встречи в Баку серьезно отразилась бы на взаимоотношениях между Арменией и центральноазиатскими республиками. В свою очередь, официальные круги в Баку, стараясь завуалировать свои планы, указывали на тот факт, что главы этих государств до этого побывали в столице Азербайджана[32]. Кроме указанных выше факторов угроза срыва бакинского саммита была обусловлена еще одним, не второстепенным обстоятельством. Речь идет о вербовке афганских моджахедов со стороны официальных азербайджанских властей для участия в боевых действиях на карабахских фронтах. Этот факт не мог не отразиться на взаимоотношениях между Азербайджаном и республиками Центральной Азии, которые опасались дальнейшего распространения исламского радикализма и роста религиозного экстремизма в регионе[33].

Вскоре после прихода к власти Гейдара Алиева произошел резкий крен в приоритетах внешней политики Азербайджана в сторону

Москвы, который в большинстве проявлений имел вынужденный характер, так как в Баку вступление в состав СНГ рассматривалось как единственный способ для сохранения территориальной целостности республики на фоне непрерывных военных неудач на карабахских фронтах. Это повлекло за собой ужесточение азербайджано-турецких взаимоотношений и введение визового режима между двумя государствами, который до этого отсутствовал из-за явной протурецкой политики бывшего президента Азербайджана А.Эльчибея. Одновременно из республики были выдворены около 1600 турецких военных специалистов и добровольцев[34].

В конечном итоге, второй саммит в Баку так и не состоялся. Отмена этого саммита породила множество догадок и рассуждений у аналитиков и журналистов. Существует точка зрения, согласно которой тюркоязычные республики Центральной Азии проявляли осторожность в отношении Армении, не желая открыто выражать свое содействие Азербайджану. Перед саммитом и Анкара, и Баку хотя неоднократно и отмечали, что такая встреча не направлена против одной страны, но вместе с тем не скрывали свои намерения выработать совместное заявление, осуждающее Армению за поддержку карабахских армян. В то же время посол Азербайджана в Турции Мехмет Новрузоглы Алиев осудил Туркменистан «за поставку природного газа в Армению», что, по его мнению, «имеет стратегическое значение, и этот факт не соответствует принципам братства». Правда, президент Г.Алиев заявляя, что в Баку никто не собирается заставлять участников саммита принять резолюцию, осуждающую Армению, в то же время прямо указывал, что «это на их совести, сделать что-нибудь, когда другая страна режет их брата»[35].

Второй тюркский саммит состоялся в Стамбуле осенью 1994 г. В заключительную, Стамбульскую декларацию впервые была включена особая статья, гласившая, что «главы государств выразили глубокую озабоченность конфликтами в регионе, ставшими следствием открытого нарушения принципов ООН и СБСЕ, и призвали все стороны к соблюдению вышеупомянутых принципов. Главы государств подчеркнули необходимость мирного урегулирования конфликта между Арменией и Азербайджаном на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН…»[36].

Такая постановка вопроса должна была удовлетворять азербайджанскую сторону, поскольку резолюции ООН по карабахскому вопросу исходили из принципа уважения территориальной целостности Азербайджана. И все же ограниченность «тюркской солидарности» была очевидна. Несмотря на старания Турции и Азербайджана, в Стамбуле все попытки, направленные на принятие более жесткой позиции в отношении Армении, не увенчались успехом. В частности, президент Казахстана Н.Назарбаев выступил против определения Армении как агрессора. Азербайджанский лидер после саммита выразил

свое недовольство, отметив, что взаимоотношения между тюркоязычными республиками Центральной Азии и Азербайджана не находятся на должном уровне. Неудача в попытках выработки общетюркской позиции против Армении определенным образом повлияла и на взаимоотношения между Анкарой и Баку. Сенсационным стал факт, когда президент Азербайджана Г.Алиев обвинил турецкие спецслужбы в попытке организации покушения на него. Под подозрением оказались турецкий ультранационалист Абдуллах и турецкий профессор Ферман Демиркол. Последний был советником президента Азербайджана. Через месяц после неудавшегося покушения премьер-министр Турции Тансу Чиллер во время своего визита в Баку, исключив участие официальной Анкары в этих событиях, все же персонально попросила извинения у Алиева «за действия неконтролируемых правых»[37].

В последующих тюркских саммитах, прошедших в Бишкеке, Ташкенте, Астане и Баку, карабахская проблема вновь была упомянута в подписанных декларациях. Если на саммитах в Бишкеке и Ташкенте формулировка Стамбульской декларации в основном не претерпела кардинальных изменений, то в принятых в Астане и Баку соответствующих декларациях была подчеркнута важность мирного урегулирования конфликта на основе резолюций Совета Безопасности ООН и трех принципов Лиссабонского саммита ОБСЕ. Последние, как и резолюции ООН по Карабаху, исходили из принципа территориальной целостности Азербайджана. Однако конфликтогенная потенция этого принципа не раз нашла подтверждение, и решение карабахского конфликта, вне сомнения, должно состояться с учетом и уважением требований армянского населения НКР, которое доказало свое право на выбор будущего.

Заключение

Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Карабаха, возникнув в начале 1988 г., существенно трансформировался после распада СССР. Противостояние приняло характер полномасштабной войны. В процесс урегулирования конфликта были вовлечены практически все государства региона – Россия, Иран, Турция, а также США. Среди этих государств Турция выделялась откровенной проазербайджанской позицией, что проявилось в четко выработанной политике, направленной на разрешение карабахского конфликта в пользу Азербайджана. Эта политика Турции была деятельной, поскольку после окончания «холодной войны» и распада Советского Союза Анкара стремилась воспользоваться сложившейся новой геополитической и геостратегической ситуацией и укрепить свое влияние в тюркоязычных республиках бывшего СССР.

Карабахский конфликт с самого начала стал препятствующим фактором для процесса дальнейшего углубления турецкого влияния в Азербайджане и Центральной Азии. Одновременно выявилось полное несоответствие амбициозных планов и реальных возможностей Анка-

ры. И несмотря на всестороннюю, в том числе и военную помощь Азербайджану, Турция не смогла переломить ситуацию в пользу Баку. В случае же удачи победа Анкары оценивалась бы как весомый аргумент в пользу будущей тюркской унии.

Во время первого тюркского саммита трудности в реализации внешнеполитических планов Анкары стали очевидными. Турецкие планы относительно создания «Тюркской конфедерации», а также усилия, направленные на выработку общетюркской позиции, поддерживающей Азербайджан в карабахском конфликте, не имели успеха и не были поддержаны президентами тюркоязычных республик Центральной Азии. Более того, существовавшие и формирующиеся новые противоречия внутри тюркского мира, а также нежелание этих стран быть втянутыми в негативные военно-политические процессы стали причиной и переноса саммита в другую столицу в другое время, и отмены проведения второго тюркского саммита в Баку. В октябре 1994 г. в заключительной декларации второго тюркского саммита в Стамбуле была зафиксирована лишь сама необходимость урегулирования карабахской проблемы в рамках соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН.

В перспективе вопросы, связанные с урегулированием карабахского конфликта, станут в определенной мере решающими в дальнейшем распространении турецкого влияния на южном Кавказе.

[1] Варданян А.А. Политика и мораль. – М., 1997, с. 259.

[2] Турецкое телевидение, 18.01.1990.

[3] Milliyet, 21.01.1990.

[4] New Times International, 1992, № 27.

[5] Азг (Народ), 12.02.1992. (на арм. яз.)

[6] Независимая газета, 14.05.1992.

[7] Chorbajian L., Donabedian P., Mutafian C. The Caucasian Knot. The History and Geopolitics of Nagorno – Karabagh. – New Jersey, 1994, с. 33.

[8] Financial Times, London, 22 May, 1992.

[9] Перепелкин Л.С. Армения: современная социально-экономическая и политическая ситуация // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 5. – С. 28.

[10] Азг, 28.01.1994.

[11] Независимая газета, 02.04.1992.

[12] Les Nouvelles d'Armenie, Novembre, 1995, с. 23.

[13] Чакрян А. Карабахская проблема в контексте армяно-турецких отношений. – Ереван 1998, с. 29 (на арм. языке).

[14] Henze P.B. Turkey and Armenia. Post Problems and Future Prospects // Eurasian Studies, Ankara, Vol. 3, 1996, Spring, № l, с. 48.

[15] Hürriyet, 06.16.1992.

[16] Куртов А.А., Халмухамедов А.М. Армения – Турция: противостояние или сотрудничество? // Армения: трудности независимого развития. – М.: РИСИ, 1998, с. 451.

[17] Hohannisian R.K., Les perspectives de paix et de sécurite dans la Caucase // Politique étrangere. – Paris, hiver, 1996–1997, с. 881.

[18] Айвазян А. Урегулирование карабахского конфликта и стратегическая безопасность Армении. – Ереван, 1998, с. 20 (на арм. яз.).

[19] Азг, 25.06.1992.

[20] Расизаде А. Азербайджан: новые политические ориентиры. – Азия и Африка сегодня. – М., 1993. – № 1. – С. 19–20.

[21] Независимая газета, 17. 06. 1992.

[22] Hale H. Islam, State Building and Uzbekistan Foreign Policy // The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands, Edited by A.Banuazizi and M.Weiner Indiana, 1994, с 167.

[23] Cumhurriyet, 28.05.1992.

[24] Fuller G.E. New Geopolitical Order // The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands, Edited by A.Banuazizi and M.Weiner, Indiana, 1994, с. 31–32.

[25] Winrow G.M. Turkey and the Former Soviet South. – London, 1995, с. 24.

[26] Независимая газета, 03.11.1992.

[27] Türkiye, 09.04.1992; Hale H. Islam, State-building and Uzbekistan Foreign Policy // The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands, с. 148.

[28] Tunander O. A New Ottoman Empire? The Choice for Turkey: Euro-Asian Centre vs National Fortress // Security Dialogue. – 1995. – Vol. 26 (4), с. 419.

[29] Cumhurriyet, 06.07.1992.

[30] Расизаде А. Азербайджан: новые политические ориентиры // Азия и Африка сегодня. – М., 1992. – № 12. – С. 9–10.

[31] Milliyet, 27.01.1994.

[32] Winrow G.M. Turkey and the Former Soviet South. – London, 1995, с. 20.

[33] Вербовку афганских моджахедов организовал заместитель министра внутренних дел Азербайджана Равшан Дживадов, который обсудил этот вопрос на официальном уровне с премьер-министром Афганистана Хекматиаром. Афганские наемники представляли союзное Хекматиару крыло Хезб-и Вахдат. См. Joseph A. Kechichian and Theodore W. Karasik, The Crisis in Azerbaijan: How Clans Influence the Politics of an Emerging Republic // Middle East Policy. – September 1995. – Vol. IV, № 1–2, с. 63. Об участии афганских наемников в карабахском конфликте см. также: Daniel Schneider, Afgan Fighters Join Azeri-Armenian War // The Christian Science Monitor. – Boston, 16.11.1993, с. 3; Azerbaijan: Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabagh, Human Rights Watch/Helsinki, New York, 1994, с. 46.

[34] Там же.

[35] Turkish Daily News, 19.01.1994.

[36] Documents d'actualité internationale. – Paris, 1995, 15 janvier, № 2, с. 68.

[37] Turkish Daily News, 14.04.1995.

Г.А.Демоян

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПАНТЮРКИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

После распада СССР в процессе политической и экономической экспансии в тюркоязычные республики Закавказья и Центральной Азии Турция столкнулась с серьезными трудностями, которые были обусловлены ограниченными политическими и экономическими возможностями страны, а также противодействием со стороны России и Ирана.

По сравнению с этим налаживание связей между Турцией и тюркоязычными странами и регионами в сфере культуры и образования проходило без каких-либо серьезных затруднений. Турецкая сторона выступила с разнообразными программами и инициативами по обмену студентами и преподавателями, открытию совместных школ, лицеев и университетов, празднованию знаменательных исторических дат, по проведению совместных культурно-образовательных мероприятий и т.д.

Указывая на историческое, этническое и культурное родство с народами этих стран, турецкая сторона подчеркивала, что тюркоязычным странам в настоящее время представился уникальный шанс для укрепления и развития этих связей.

К истории взаимоотношений

Идея тесного культурно-образовательного сотрудничества Турции с народами других тюркоязычных стран занимала первостепенное место в контексте как панисламистской, так и пантюркистской идеологий. Распространителями и основными идеологами пантюркизма стали выходцы из интеллигентских кругов казанских и кавказских татар, живших в пределах Российской империи. Наиболее известные теоретики пантюркизма – Юсуф Акчурин (Акчура), Зия Гекальп, Ахмед Агаев, Исмаил Гаспринский и др. Пантюркизм служил идейной основой внутренней и внешней политики младотурок, пришедших к власти в 1908 году, и превратился в средство обоснования турецкого господства над народами Османской империи и политики захвата территорий других тюркоязычных и исповедовавших ислам народов[1].

Таким образом, пантюркистская идеология, родившись в среде «российских тюрок» и сравнительно быстро распространившись в интеллектуальных кругах Османской империи, глубоко укоренилась среди мусульманской элиты Российской империи.

Уже в августе 1906 г. Третий всероссийский мусульманский съезд в Казани по вопросу об установлении общелитературного для всех российских тюрко-татар языка постановил, что таким языком должен стать язык «константинопольских тюрок». Съезд отменил обязательное преподавание русского языка и государственную школьную программу Министерства народного просвещения России в мусульманских школах. Было принято решение о введении во всех тюрко-татарских школах империи школьной программы Турции и обязательном преподавании турецкого языка во всех мусульманских школах[2]. Пункт 30 заключительного документа съезда гласил, что особое внимание должно быть обращено на изучение литературного турецкого языка в мусульманских средних школах, а по возможности и в начальных школах[3]. Большое значение на съезде имел вопрос создания единого алфавита для всех тюркоязычных народов. Сторонники пантюркизма отмечали: «Надо писать так, чтобы было понятно всем тюркским народам»[4]. Отзвуки идей панисламизма и пантюркизма получили свое отражение и в программах школ джадидов. Так, ревизионная комиссия графа Палена, изучавшая состояние Туркестанского края в 1908 г., писала, что в исследованных ею новометодных школах процесс обучения и воспитания велся с целью укрепить в сознании ученика мысль «о величии и могуществе ислама, возбудить в нем благородное желание служить делу объединения и возрождения мусульманства»[5]. С этого момента усиливается пропагандистская деятельность турецких эмиссаров в среде тюркоязычных народов Российской империи. Так, в 1910 году в Ижбобинской семинарии были задержаны учителя-нелегалы из Турции. В это же время, в течение нескольких месяцев турецкий подданный Фейзулин Магомед, по подложным документам находясь в России, преподавал турецкий язык и историю ислама[6]. Накануне Первой мировой войны турецкая агентура в числе других диверсионных мер особое внимание уделяла введению и распространению пантюркистских и панисламистских идей в школах российских губерний, населенных тюркоязычными мусульманами. В некоторых школах Баку, Елизаветполя и Тифлиса учеников заставляли выучивать панисламистские гимны и песни. Учителя-пантюркисты распространяли в учебных заведениях литературу антирусского содержания. К примеру, в тифлисском училище «Иттифак» обучение проходило по учебникам, присланным из Турции и проникнутым пантюркистским содержанием[7].

Пантюркистская пропаганда в этих регионах велась также после образования СССР. В 20–30-е гг. XX века, когда советско-турецкие отношения носили более или менее добрососедский характер, Турция старалась вести пропагандистскую деятельность в среде тюркоязычных народов СССР, и это несмотря на кажущуюся жесткую политику Кемаля Ататюрка в отношении сторонников пантюркизма. Надо сказать, что некоторые элементы культурного пантюркизма были

адаптированы к новой государственно-националистической идеологии Турции, известной под названием кемализм[8]. В указанный период делегации «советских тюрок» постоянно посещали Турцию. Значительное число молодых юношей и девушек из тюркоязычных регионов СССР получали высшее и среднее образование в учебных заведениях Турции. Кроме того, солидная армия турецких учителей работала в советских школах Азербайджана, Дагестана, Крыма, Поволжья и т.д. Причем обучение велось на турецком языке и по турецким учебникам[9]. Видный армянский большевистский деятель П.Макинцян в начале 20-х годов прошлого столетия как-то заметил: «Наш азербайджанский сосед весь свой научный и литературный запас получает сегодня из Турции…»[10]. В 1926 г. в Советском Союзе побывала делегация работников министерства просвещения Турции, которая изучила постановку народного образования в тюркоязычных республиках СССР. Во время этой поездки была достигнута договоренность об установлении постоянных связей и обмене опытом в области народного образования. Надо отметить, что до этого, в декабре 1921 года, в ходе визита М.Фрунзе в Турцию Анкара выразила желание послать турецких студентов на учебу в СССР. В ответ на это советская сторона выделила 100 мест для обучения турецких студентов в вузах СССР[11].

Однако чрезмерная тюркизация образовательной системы «советских тюрок» вызвала определенное беспокойство у Москвы, которая старалась воспрепятствовать распространению пантюркистских идей и ирредентистских настроений в тюркоязычных регионах Советского Союза. Об этом свидетельствует резолюция партийного совещания при ЦК партии Узбекистана, принятого 9 мая 1928 г. В документе подчеркивалось, что «борьба национальной буржуазии в условиях Узбекистана, а в равной мере и в других национальных республиках на фронте культуры, наряду с попытками внедрения националистического содержания в культурном строительстве, ведется по линии ориентации трудящихся в культурном развитии на буржуазный Запад и Турцию, в противовес ориентировке на Москву – как центр пролетарской культуры»[12]. По этому поводу газета «Комсомольская правда» в начале 1929 г. писала: «Выводы произведенного в Туркестанской республике в 1928 г. школьного обследования прямо констатируют: основной кадр учительства в туркменских школах состоит из более или менее явных пантюркистов. Пантюркисты проводят свое влияние главным образом через педагогов – турок и азербайджанцев»[13].

Вскоре после смерти Кемаля Ататюрка (1938 г.), и в особенности вследствие строго прозападной ориентации Турции советско-турецкие отношения заметно охладели, что негативно отразилось не только на политических и экономических связях, но и в культурно-образовательной сфере.

Следует отметить, что пантюркистские идеи в свое время подвергавшиеся критике основателем Турецкой республики, теперь свободно

распространялись, а их адепты действовали открыто и не преследовались со стороны властей. Несмотря на то, что пропаганда пантюркизма формально была запрещена турецкими властями, идеология пантюркизма, составлявшая часть общей идеологии Турецкой республики, «полностью не была изжита из общественно-политической жизни Турции»[14]. Вместе с тем некоторые пантюркистские деятели в Турции рассматривали систематическое «очищение» турецкого языка от арабского и персидского компонентов как важный шаг к созданию единого языка для всех тюрок мира[15].

Резкое усиление пантюркистских настроений наблюдалось в первой половине 40-х гг. прошлого столетия, когда во время войны на Восточном фронте немецким войскам сопутствовал успех. Соблюдая видимый нейтралитет, Турция на самом деле внимательно следила за развитием событий и намеревалась после успешных действий Вермахта выступить на стороне Германии, в частности с целью аннексии тюркоязычных регионов СССР. В этом контексте особое значение придавалось турецкому культурно-образовательному влиянию в этих регионах. В октябре 1942 года премьер-министр Турции Ш. Сараджоглу писал, что эти районы «смогут получить административную автономию под сильным культурным влиянием Турции. Прежде всего будет необходимо отправить оттуда тысячи молодых людей в Турцию и в процессе их обучения возродить тюркский национальный дух, до сего времени угнетавшийся»[16].

Несмотря на отсутствие прямых связей между Турцией и тюркоязычными ареалами бывшего Советского Союза, в Турции не ослабел интерес к «соплеменникам», живущим в СССР. Усилиями турецких пантюркистов и эмигрантских кругов бывших «российских тюрок» в послевоенный период в Турции издавались газеты и журналы и проводились исследования пантюркистской направленности, создавались общества, во главе которых часто стояли влиятельные политические деятели. В 60–70-е гг. своими неистовыми пантюркистскими взглядами отличался Альпарслан Тюркеш и его Партия националистического действия. Особое место среди этих воззрений занимали идеи тесного культурного сотрудничества и распространения через них турецкого влияния.

Новые вехи сотрудничества

Пользуясь стремительным ослаблением Советского Союза, Турция в декабре 1990 г. созвала в Стамбуле Международный курултай Туркестана, где в центре внимания оказались «внешние тюрки» (diş türkler). До этого действовавший в Анкаре Институт исследований культур тюркских народов, сотрудничавший с Институтом исследования СССР в Мюнхене, проводил широкую пропагандистскую деятельность среди тюркоязычных народов Советского Союза[17]. Более благоприятные условия для активной деятельности в этом направлении

открылись после распада СССР. С руководителями бывших союзных республик Турция подписала ряд договоров о сотрудничестве в области культуры и образования.

В марте 1991 г., после официального визита в Москву, тогдашний президент Турции Тургут Озал посетил также Азербайджан и Казахстан. По возвращении он дал соответствующие указания министерствам иностранных дел и культуры Турции, направленные на содействие культурным реформам в этих республиках. Сотрудничество с тюркскими странами в области культуры включало доставку туда турецких газет, журналов и учебников, обмен студентами, проведение совместных культурных мероприятий, туризм и т.д.[18] К концу февраля 1992 г. многочисленная делегация во главе с министром просвещения Турции посетила республики Центральной Азии.

Стремясь к более системной и эффективной реализации своих проектов в этой сфере, Анкара в 1992 году создала Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию (турецкая аббр. TICA), главной целью которого является координация связей в области банковского дела, а также подготовка государственных служащих и создание компьютерных сетей. Агентство сотрудничает с такими международными организациями, как ООН (UNDP), ОБСЕ и Всемирная организация здравоохранения[19]. В марте 1992 г. во время пресс-конференции Сулейман Демирель заявил, что Турция станет «культурным центром и историческим магнитом для новосуверенных государств»[20].

Борьба за влияние в области культуры и образования преследовала стратегические цели. Еще будучи в составе царской России и СССР, среднеазиатские народы, невольно оказавшись в сфере плодотворного влияния русской культуры, через нее знакомились с достояниями мировой культуры. Этому способствовало также многочисленное русскоязычное население, которое обосновалось здесь в результате целенаправленной политики колонизации, проводившейся властями царской России.

По понятным причинам ситуация резко изменилась после провозглашения республиками своей независимости. В конкуренцию за политическое, экономическое и культурное влияние в мусульманских республиках бывшего СССР, кроме Турции, вступили также Иран, Саудовская Аравия, Пакистан и другие мусульманские страны. Если Анкара в первую очередь уделяла внимание подготовке будущих кадров и созданию совместных школ и университетов, то остальные страны направляли свои усилия в основном на строительство и восстановление мечетей и организацию при них религиозных школ – медресе.

Общий алфавит

Впервые идея общего языка и алфавита для всех тюркоязычных народов возникла у видного общественного деятеля и одного из идеологов пантюркизма Исмаила Гаспринского. В своих сочинениях

И.Гаспринский указывает на согласие и сближение тюркских мусульманских народов России, понимая это как формирование спаянного полиэтнического блока. Подчеркивая единство и нерасчлененность тюркоязычных мусульманских народов России, «Гаспринский действительно в известной мере способствовал зарождению и распространению той теории «культурного пантюркизма», у которой оказалась очень сложная идеологическая судьба»[21].

На современном этапе Анкара выступила с инициативой создания общего алфавита, пытаясь таким образом превратить его в рычаг, способствовавший дальнейшему углублению двусторонних и многосторонних связей между Турцией и бывшими республиками Советского Союза.

В 1992 г., во время официального турне премьер-министра С.Демиреля по центральноазиатскому региону, в турецкую делегацию в числе других была включена также группа лингвистов, которая на месте должна была ознакомиться с вероятностью замены действующих на основе кириллицы алфавитов на латинский алфавит[22].

В 1928 г. в Турции, в ходе реформ Мустафы Кемаля Ататюрка арабский алфавит был заменен латинским. В это же время в СССР ранее созданные на базе латинского среднеазиатские алфавиты были заменены новыми, теперь уже на кириллицу. Это мероприятие преследовало сугубо политические цели, поскольку советские власти, с одной стороны, стремились ограничить сближение среднеазиатских республик с Турцией, а с другой – намеревались быстро и эффективно ассимилировать эти народы.

На уже упомянутом Международном курултае Туркестана в повестке дня стоял также и вопрос об общем языке и алфавите для всех тюркоязычных государств, народов и общин. Выступая здесь, Государственный министр Турции Э.Конукман заявил, что необходимо создать общий для всех тюрок алфавит[23]. Новосуверенные республики Центральной Азии и Азербайджан в период с 1991 по 1993 гг. в контексте политики противодействия влиянию России приняли решение о замене кириллицы на латинский алфавит. В марте 1992 г. в Стамбуле и год спустя в Анкаре в ходе встреч делегаций от этих государств и народов было принято решение о постепенном переходе на латинский алфавит. Без сомнения, это свидетельствовало и о выборе в пользу определенных политических императив в будущем. С другой стороны, не наблюдалось и излишнего усердия в ревизии культурных связей, сложившихся еще в период существования СССР. Стремление быть в потоке быстро развивающихся информационных технологий вполне резонно обусловливало соответствующие решения о замене алфавитов со стороны законодательных органов республик.

Для стимулирования этого процесса турецкая сторона начала в большом количестве поставлять печатные машинки с латинскими буквами в Азербайджан и республики Центральной Азии. Старания

Турции лоббировать принятие латинского алфавита исходили также из стремления ограничить радикальные исламские настроения у тюркоязычных народов[24]. Одновременно углубление такого сотрудничества рассматривалось Анкарой как реальная предпосылка для дальнейшего развития своего политического влияния, апогеем чего могло стать создание Тюркского союза, или Тюркской конфедерации, где Анкара располагала бы всеми лидерскими атрибутами.

Для окончательного уточнения всех деталей, связанных с заменой алфавитов, в 1993 г. в турецком курортном городе Анталья прошел съезд, на который кроме лингвистов и филологов съехались также официальные должностные лица и представители МИД тюркских стран. На съезде было принято решение о внедрении «всетюркского латинского алфавита» (29 букв турецкого алфавита плюс еще 5 букв). Вопросы внедрения нового алфавита курировал Центр тюркологических исследований при университете Мармара в Стамбуле[25]. Первым закон о полном переходе на латинский алфавит принял Милли Меджлис Азербайджана. Более того, в декабре 1992 года, согласно принятому «Закону о языке», государственным языком Азербайджана провозглашался турецкий[26]. Этот факт не нашел однозначного отклика у общественности Азербайджана и стал поводом для протестов. И лишь с приходом к власти Г.Алиева в конституции республики государственным языком Азербайджана был провозглашен азербайджанский.

По мнению одного из западных обозревателей, готовность тюркоязычных республик к переходу на новый алфавит можно считать победой Анкары над Эр-Риядом и Тегераном, которые аналогичным образом, но безуспешно направляли свои усилия на восстановление арабской письменности.

Анкара уделяет большое внимание разработке и публикации однотипных учебников. Так, в 1997 г. Турция предоставила 3 млн. долл. Туркменистану для печатания школьных учебников с латинским шрифтом. По инициативе Министерства образования Турции и с привлечением специалистов из Азербайджана и Центральной Азии готовятся однотипные учебники по истории и литературе[27]. Однако очень скоро стало очевидно, что переход на новый алфавит связан с многочисленными трудностями и большими денежными затратами. Именно по этой причине в центральноазиатских странах особой поспешности в этом деле не наблюдалось. Более того, частые обострения в межгосударственных отношениях проявлялись и в этой сфере. Так, в 1995 г., когда в турецко-узбекских отношениях наметились некоторые осложнения, из узбекского алфавита были изъяты турецкие буквы Ç (ч) и Ş (ш) и заменены соответствующими английскими эквивалентами ch и sh[28].

Сферы сотрудничества

В июне 1992 г. на совещании министров образования пяти тюркоязычных стран – Турции, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана,

Азербайджана и непризнанной Турецкой республики Северного Кипра – был создан Координационный совет тюркских культур и искусств. В июле 1993 г. во время третьего по счету подобного совещания в Алматы было решено «всеобщими усилиями сохранить и развивать тюркскую культуру на Ближнем Востоке, Кавказе, Балканах и в центральноазиатском регионе». Было также принято решение о создании нового органа TURESCO (англ. Turkic Republics' Educational, Scientific and Culture Organization) наподобие UNESCO[29].

В структуре министерства образования Турции было создано специальное управление для усиления эффективности сотрудничества в области образования и координации взаимоотношений с тюркоязычными республиками. Некоторые турецкие организации, действующие в этих сферах, такие как Ассоциация тюркских культурных исследований, Ассоциация тюркских клубов и Фонд исследований тюркского мира, имеют нескрытые пантюркистские намерения и активно продвигают идею «культурного пантюркизма»[30]. По принятому в январе 1993 г. закону, в Турции окончательно были уточнены источники и уровни финансирования образовательных программ[31]. Для организации учебы «внешних тюрок» были подключены многочисленные частные и государственные фонды. К примеру, фонд известной семьи Коч принял на себя все расходы по содержанию 18 студентов из тюркоязычных стран. В свою очередь «Холдинг Сабанджи» стабильно отчислял три процента своей прибыли на благотворительные цели в области образования[32].

По инициативе и при содействии министерства просвещения Турции турецких педагогов командируют в упомянутые страны для организации учебных курсов в местных средних и высших учебных заведениях и перевода образовательных систем этих стран на турецкий лад. География турецкого культурно-образовательного проникновения довольно обширна. Кроме указанных республик, она включает также тюркоязычные регионы России, Монголии, Молдовы, Грузии, Украины и др. В декабре 1992 г. между Анкарским и Якутским университетами было подписано «Соглашение о двусторонних взаимоотношениях», по которому студенты и преподаватели Якутского университета получили возможность учиться и преподавать в Турции[33].

Впечатляет тот факт, что в 1995 г. Совет по квалификации иностранных студентов Турции принял постановление, согласно которому дипломы, выданные в турецких вузах на территории СНГ, принимались в университетах Турции[34].

Пользуясь преимуществами этнической и языковой общности, турецкая информационная индустрия получила большие возможности в области экспорта информации в тюркоязычные регионы[35]. Это обстоятельство, несомненно, вызывает определенное беспокойство у Ирана, России, а также Китая, значительную часть населения которых составляют тюркоязычные народы. Расширение турецкого информационного

проникновения воспринимается со стороны этих государств как содействие сепаратистским тенденциям. Именно этим опасением можно объяснить тот факт, что Иран не разрешил транзитный перевоз турецкого телеоборудования в республики Центральной Азии[36].

Параллельно с расширением общего информационного поля и продвижением идей общего алфавита и языка из года в год в странах с тюркоязычным населением увеличивается количество турецких школ, колледжей и университетов. По словам директора Турецкого технического колледжа в Азербайджане Оскана Акмана, на территории этой республики на 1999 г. действовало 17 турецких учебных заведений, где обучались 1970 студентов и школьников[37]. С другой стороны, многие молодые турки учатся в вузах Азербайджана, Туркменистана и других стран.

Действующий в Казахстане университет имени Ходжа Ахмада Ясави был создан в 1991 г. Пока в общественных кругах Казахстана проходили споры вокруг этого университета, фонд образования и культуры Турецкой республики – «Заман» решил оказать помощь в строительстве главного здания и оснастить его современными приборами и оборудованием[38]. В июне 1995 г., во время очередного визита в Казахстан, президент Турции Сулейман Демирель вручил 35 тыс. долл. на нужды реставрации мавзолея Ясави, а также заложил первый камень в строительство студенческого городка университета[39]. На факультетах этого, теперь уже турецко-казахского университета обучение ведется по 74 учебным программам на казахском, турецком, английском и русском языках.

Второй университет, созданный по инициативе президента Казахстана Н.Назарбаева, поначалу назывался «Фатих», но в 1996 г. был переименован в честь президента Турции С.Демиреля.

С 1997 г. в столице Кыргызстана Бишкеке действуют турецко-кыргызские университеты «Алату» и «Манас». В Ашгабаде функционирует международный туркмено-турецкий университет. Еще один университет был организован в столице тюркоязычных гагаузов Комрате в Молдове.

Обучение в Турции

Свыше 15 тыс. студентов учились в Турции в период 1991/1992 учебного года, 6017 из которых уже получили высшее образование. Турецкая сторона обеспечивала им стипендии и проживание[40]. Первый целевой поток учащихся в Турцию в 1992/1993 учебном году составил 7,5 тыс. человек, из которых 21% из Азербайджана, почти столько же из Туркменистана и Узбекистана (20%) и, соответственно, 14% и 8% из Казахстана и Кыргызстана. Если в начале 90-х годов учащиеся из СНГ специализировались в основном в области гуманитарных наук (тюркская филология, история, литература, всетюркская культура и т.д.), то, по данным на 1994 год, 70% студентов отдали

предпочтение экономическим и политехническим факультетам, специализируясь по маркетингу, менеджменту и компьютерным технологиям[41]. Турция возлагает большие надежды на то, что «по возвращении на родину эти студенты в будущем образуют тюркоязычную элиту, которая займет место русскоязычной элиты»[42]. Турецкая сторона во время отбора кандидатов на учебу в Турции настаивала на том, чтобы претенденты свободно владели одним из тюркских языков и основами избранной профессии[43].

На 1993/1994 учебный год тюркоязычным республикам были выделены квоты для приема более 460 студентов из каждой республики. В турецких вузах обучение ведется по всем областям науки, в том числе военной. Анкара придает большое значение последней, глубоко осознавая, что, монополизировав право на обучение офицеров национальных армий новосуверенных государств, Турция обеспечивает себе важный рычаг для влияния на их мировоззрение в будущем, а также политически ориентирует их в своем духе. На основе двусторонних соглашений Турция организует учебу офицеров на армейских базах НАТО. Так, в 1992 г. из 2500 студентов, направленных сюда из Азербайджана, 80 получили образование в турецких военных училищах. По данным за 1996 г., в Турции, кроме 190 боснийских мусульман, военное образование получили около 2000 офицеров из Азербайджана и Центральной Азии[44].

Официальная Анкара придает также большое значение культурно-образовательному сотрудничеству внутри тюркского мира. По этому направлению предпринимаются меры с использованием возможностей всемирной компьютерной сети Интернет. В добавление к этому сделаны определенные шаги по созданию «Информационного банка тюркского мира», а также по усовершенствованию информационного обмена между библиотеками и университетами этих стран. Во время двусторонних визитов официальные лица часто выступают перед студенчеством. Поводом для одного из таких выступлений президента Казахстана Н.Назарбаева стало присвоение ему титула почетного доктора политологии Билькентского университета Анкары[45].

Вопросы культурного и образовательного сотрудничества актуальны также и на ежегодно проводимых тюркских саммитах. Как в принятой в 1992 г. Анкарской декларации, Стамбульская декларация 1994 г. тоже отвела большое место вопросам сотрудничества в области культуры, образования и науки, а также изучению общей истории. Девятый пункт Стамбульской декларации подчеркивал необходимость содействия сотрудничеству министерств культуры и культурных организаций в сфере подготовки сравнительного словаря тюркских языков, а также реставрации и популяризации памятников общего культурного наследия[46].

В 1994 г. было создано «Совместное управление тюркских культур и искусств» (турецкая аббр. – TURKSOY), призванное содействовать культурному сотрудничеству тюркоязычных стран[47].

На пятом саммите тюркоязычных государств, прошедшем в июне 1998 года в новой столице Казахстана Астане, вопросам двустороннего и многостороннего сотрудничества в области культуры и образования также уделялось большое внимание. Особо была подчеркнута важность совместного проведения юбилеев и знаменательных исторических дат в истории тюркских народов. Уже отмечены 150-летие известного казахского мыслителя Абая, 150-летие акына Джамбула, 660-летие Амир Темура (Тамерлана), 1000-летний юбилей кыргызского эпоса «Манас» и 1300-летие азербайджанского эпоса «Деде Коркут». Большое значение придается празднованию 1450-летия Тюркского каганата. Вполне естественно, что углубление взаимоотношений в сферах культурного и образовательного сотрудничества не означает пересмотра уже сложившихся связей с другими странами, хотя мнения политического руководства и оппозиций в некоторых случаях не совпадают. Ярким примером этого может служить всеобщий протест кыргызских националистов против планов создания славянского университета в Бишкеке[48]. Создание такого университета является одним из проявлений противодействия России турецкому культурному проникновению. Ответом турецким инициативам со стороны Тегерана стало создание культурного союза ираноязычных стран с участием Ирана, Таджикистана и Афганистана.

Исламское образование

По конституции Турция является светским государством, но несмотря на это, турецкое правительство реализует также программы в области религиозного обучения. Стараясь поднять религиозное самосознание студентов и школьников, турецкое правительство выделяет большие средства на строительство и восстановление мечетей и организацию при них религиозных школ. Очень часто турецкие учителя в процессе преподавания делают излишний крен в сторону исламского воспитания, вызывая тем самым недоумение или недовольство у некоторых родителей. Так, родитель одного из студентов Турецкой анатолийской высшей школы, действующей в Туркменистане, указывал на то, что 90% турецких учителей приезжают в Туркмению, чтобы преподавать ислам[49]. В сфере исламского образования и воспитания наиболее активно выступает религиозная секта суфийского толка «Нурджулар» и ее глава Феттулах Гюлен, который пользуется определенным покровительством со стороны высоких государственных, политических и предпринимательских кругов Турции. Только на Северном Кавказе беспроблемно функционируют порядка 30, а в странах СНГ – более 200 лицеев, где «не менее 7 тысяч «проповедников-просветителей» турецкого происхождения вдалбливают в голо-

вы местной молодежи идеи исламского экстремизма и пантюркизма»[50]. Как правило, такие миссии маскируются под фирмы и благотворительные фонды.

В 1997 г. президент Турции С.Демирель получил награду от одной из организаций Гюлена и высоко оценил деятельность движения в образовательной сфере. Ф.Гюлен встречался также с Б.Эджевитом[51]. Сам Гюлен так охарактеризовал главную задачу этих школ: «Наши школы являются миссионерскими, как другие миссионерские школы европейцев и американцев. Наша цель – выполнять миссионерскую деятельность и подготовить подходящие условия для создания турецкого лобби, и обучать госслужащих»[52]. Совсем недавно на совещании МИД Турции было отмечено, что школы Ф.Гюлена в странах Центральной Азии и Азербайджана играют позитивную роль, в частности, во взаимоотношениях Турции с правительствами этих стран. Хотя Б.Эджевит поддерживает деятельность Ф.Гюлена, в то же время Совет национальной безопасности Турции воспринимает его деятельность как вызов секулярному режиму страны[53].

Еще в 1990 г. по инициативе турецкой газеты «Заман» был создан Фонд помощи крымским татарам, основанный с целью оказания помощи в строительстве и восстановлении мечетей в Крыму. Этот фонд находится в тесном контакте с организацией Национальное движение крымских татар[54]. В Крыму активно действует секта «Нурджулар», особенно в области развития учебных систем и культурного возрождения «крымских тюрок». В подготовке служителей культа активно участвует также Государственное управление по делам религии Турции. Здесь на постоянной основе работают несколько его представителей[55]. Управление оказывает содействие студентам симферопольского медресе в их переподготовке в Турции, а также выделило 100 мест в университетах Турции для молодых татар из Крыма[56]. Факт исламского обучения не всегда однозначно воспринимается в тюркских республиках. Именно этим можно объяснить реакцию президента Узбекистана И.Каримова, который приказал всем узбекским студентам (а их было около 2000), обучавшимся в Турции, вернуться домой, после того, как был проинформирован о том, что некоторые из них попали под влияние одной из радикальных исламских групп в Турции[57]. Были случаи, когда центральноазиатские республики отказывались от турецкой помощи в виде книг и учебников с латинским шрифтом, ссылаясь на то, что окончательное решение о переходе на латинский алфавит еще не принято[58]. Были зарегистрированы также и финансовые затруднения. Так, действовавший в Баку турецко-азербайджанский лицей имени Ататюрка приостановил свою деятельность осенью 1993 г., не будучи в силах платить за аренду помещения. Тем не менее указанные факты не оказали существенного влияния на весь процесс культурно-образовательного сотрудниче-

ства, которое со стороны некоторых исследователей было охарактеризовано как «культурный пантюркизм»[59].

Уместно привести слова бывшего президента Турции С.Демиреля, прозвучавшие на восьмом тюркском саммите в Астане. «Именно образованная, знающая самые современные технологии молодежь сможет обеспечить тюркским странам ведущие позиции в XXI веке – веке конкуренции геополитических центров». Продолжая свою мысль, он добавил: «Наша цель – не только написание новой истории наших народов, но и восстановление прежней»[60].

Заключение

После распада СССР Турция начала развивать всестороннее и всеобъемлющее сотрудничество с суверенными тюркскими государствами в политических, экономических, культурных и других сферах, преследуя цель распространения своего влияния на эти страны. Но вскоре стало очевидно, что Турция располагает довольно скромным потенциалом для реализации своих амбициозных внешнеполитических целей, к тому же она встретила противодействие со стороны России, Ирана, а также быстро развивающегося Китая. Помимо целей политической и экономической экспансии Анкара придает также важное значение сотрудничеству с этими странами в сфере культуры и образования.

Указывая на общие исторические, этнические и языковые корни, Турция особо подчеркивала то обстоятельство, что после развала СССР появилась уникальная возможность значительно укрепить эти общие связи. Реализуя политику дальнего прицела, Турция осуществляет программы в области обмена студентами, создания совместных школ, лицеев и университетов, подготовки общих образовательных и культурных акций и т.д. Для покрытия расходов по содержанию и обучению студентов, приезжающих из тюркоязычных стран и регионов, кроме государственных средств были задействованы также частные и благотворительные фонды. Особое значение придается военному образованию в турецких военных вузах и подготовке офицерского состава тюркских государств.

Турция, будучи конституционным светским государством, с целью полномасштабного расширения своего влияния приступила также к реализации культурно-образовательных программ в области религиозного обучения.

На первом этапе новых взаимоотношений Турция широко рекламировала целесообразность принятия латинского алфавита для обеспечения более тесного информационного обмена, а также подготовки общих учебников и учебных программ. Турецкой культурно-образовательной экспансии отчасти благоприятствовало то обстоятельство, что на местах турецкие инициативы рассматривались как альтернативные пророссийским системам. Участвуя в подготовке

научных, педагогических и военных кадров тюркоязычных стран СНГ, в обозримом будущем Турция обеспечивает себе весомую базу для интенсификации политической и экономической экспансии и лоббирования собственных политических и экономических интересов в этих регионах.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Турция добилась ощутимых результатов в создании «тюркской культурной зоны».

2. Уделяя большое внимание подготовке будущих кадров, Анкара последовательно стремится превратить эту область сотрудничества в свою монополию.

3. В обозримом будущем Турция будет наращивать свои усилия по воздействию на мировоззрение политической элиты и интеллигенции тюркоязычных стран, а также на формирование желательной ей внешнеполитической ориентации их руководителей.

4. Турецкая культурно-образовательная экспансия вызвала довольно сильное противодействие со стороны России, Ирана и Китая. Испытывая определенные трудности, связанные с языковыми и культурно-историческими барьерами, эти страны тем не менее существенно усилили свое военно-политическое и экономическое влияние, в особенности в центральноазиатском регионе.

5. На данном этапе политические и экономические интересы центрально-азиатских республик по большей части не совпадают с турецкими. Распространение политического и экономического влияния Турции может потерпеть неудачу не только из-за довольно скромного геоэкономического и геополитического влияния Турции в этом регионе, но также и вследствие противодействия со стороны других региональных держав и борьбы за лидерство между центральноазиатскими странами.

[1] Армянский вопрос. – Ереван, 1991, с. 256.

[2] Зареванд. Турция и пантуранизм. – Париж, 1930, с. 47–48.

[3] Аршаруни А., Габидуллин Х., Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – М., 1931, с. 116.

[4] Зареванд. Указ. соч., с. 96.

[5] Вахидов Х.П., Просветительная идеология в Туркестане. – Ташкент, 1979, с. 80.

[6] Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч., с. 112.

[7] Саркисян Е.К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. – Ереван, 1962, с. 109–110.

[8] Landau J.M. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation, «Hurst & Company» London, 1995, с. 77–78.

[9] Зареванд. Указ. соч., с. 154. Более подробно см.: Сверчевская А.К. Советско-турецкие культурные связи. – М., 1983; Айзенштейн Н.А. О культурных и научных связях Советского Союза и Турции // Полвека мирного сотрудничества. – М., 1973, с. 103–111.

[10] Макинцян П. Новая Турция, кн. 4. – Ереван, 1924, с. 202 (на арм. языке).

[11] См.: Документы внешней политики СССР, т. 9, с. 713; там же, т. 5, с. 130.

[12] Валиев А.К. Формирование и развитие советской национальной интеллигенции в Средней Азии. – Ташкент, 1966, с. 102.

[13] Зареванд. Указ. соч., с. 154–155.

[14] Кондакчян Р.П. Внутренняя политика в годы Второй мировой войны. – Ер., 1978, с. 164.

[15] Landau J.M. Указ. соч., с. 77–78.

[16] Киреев Н.Г. Турция – путь в Европу или возвращение в Центральную Азию? // Восток-Orient. – 1996. – № 5. – С. 63.

[17] Ли Ю.А. Влияние научно-технической революции на подготовку профессиональных кадров в Турции // Турция: История, экономика, политика. – М., 1984, с. 56, 61.

[18] Дрошак (Знамя), год 22, 23.01.1991, с. 38. (на арм. языке).

[19] См.: Piron-Yakacikli Lebriz. L'Asie central dans la stratégie turque // Revue Fransaise de Géoéconomie, № 9, printemps 1999, с. 74, Winrow G.M. Turkey in Post-Soviet Central Asia, Royal Institute of International Affairs. – London 1995, с. 26.

[20] Robins P. Turkey's Ostpolitik. Relations with the Central Asian States // Central Asian Meets the Middle East, Ed. By David Menashri. – London 1998, с. 135.

[21] Червонная С.М. Идея национального согласия в сочинениях Исмаила Гаспринского // Отечественная история. – 1992. – № 2. – С. 29.

[22] Азг, 27.05.1992 (на арм. языке).

[23] Чуфрин Г.И. О политике Ирана и Турции в отношении стран Центральной Азии // Новая Евразия: отношения России со странами ближнего зарубежья. – М.: РИСИ, 1994. – № 2. – С. 38.

[24] Sabri Sayari, Turkey, the Caucasus and Central Asia, in «New geopolitics of Central Asia and Its Borderlands», edited by A.Banuazizi and M.Weiner, «Indiana University Press», 1994, с. 184.

[25] Ю.А.Ли, Турция и тюркские народы СНГ: Сотрудничество в сфере культуры и образования // Россия и Турция на пороге XXI века: на пути в Европу или в Евразию? – М., 1997, с. 97.

[26] Азг, 22.12.1992.

[27] Константинов С., Ушаков А. Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. – М., 1999, с. 79.

[28] Wall Street Journal, 10.11.2000.

[29] Landau J.M. Указ. соч., с. 211.

[30] Winrow Gareth M. Указ. соч., с. 26.

[31] Ли Ю.А., Турция и тюркские народы СНГ, с. 86.

[32] Ли Ю.А., Совершенствование системы высшего образования и подготовка кадров в Турции (90-е годы) // Турция. Современные проблемы экономики и политики. – М., 1997, с. 108. Ее же: Турция и тюркские народы СНГ, с. 86–87.

[33] Якутский университет (1956–1996). Хроника. – Якутск, 1997, с. 83.

[34] Zaman, 01.11.1995.

[35] Turkey. Informatics and Economic Modernization. A World Bank Country Study, Washington, 1994, с. 159.

[36] Казахстанская правда, 17.03.1992.

[37] Данные из Интернета, см. <http://webjump.com>.

[38] Казахстанская правда, 29.04.1992.

[39] The Economist, 17.06.1995.

[40] Ли Ю.А. Совершенствование системы высшего образования, с. 106.

[41] Там же, с. 106–107.

[42] Cennet Engin Demir, Ayşe Baki and Füsun Akkok, The role of Turkish schools in the educational system and social transformation of Central Asian countries: the case of Turkmenistan and Kyrgyzstan // Central Asian Survey, (2000) vol. 19, № 1, с. 142.

[43] Казахстанская правда, 03.06.1992.

[44] Hürriyet, 07.06.1996.

[45] Казахстанская правда, 18.06.1998.

[46] Documents d'actualité internationale, № 2, 15 janvier, Paris 1995, с. 68.

[47] Winrow G.M. Указ. соч., с. 41.

[48] Экспресс хроника, 28.11.1992.

[49] Cennet Engin Demir, Ayşe Balci and Füsun Akkok. Указ. соч., с. 150.

[50] Независимая газета, 18.11.1999.

[51] Bülent Aras and Ömer Caha. Fettulah Gülen and His Liberal «Turkish Islam» Movement // Middle East Revue on International Affairs, vol. 4, № 4, December 2000, с. 38.

[52] Cennet Engin Demir, Ayşe Balci and Füsun Akkok. Указ, соч., с. 150–151.

[53] Turkish Daily News, 29.06.2000.

[54] Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымскотатарское национальное движение, т. 1 // История, проблемы, перспективы. – М. 1992, с. 179.

[55] Бахревских А., Ефимов А., Золотарев Д. Ислам в Крыму. История, современность, перспективы // Чорноморсько – Каспійський регион: умови та перспективи розвитку, Матеріали Міжнародной конференціи, Київ, 26–28 VI. – Київ, 1998, с. 273–275.

[56] Crimean Tatars: Repatriation and Conflict Prevention, by Justin Burke, «Open Society Institute», New York, 1996, с. 61, 88.

[57] Transitions, Vol. 4, № 5, October, Prague 1997, с. 7.

[58] Turkish Daily News, 28.03.1992; см. Winrow G.M. Указ. соч., с. 23–24.

[59] Michael Collins Dunn. Turkey Loses Ozal at a Crucial Moment // Washington Report on Middle East Affairs, June 1993, с. 46; Sabri Sayari. Указ. соч., с. 191; Winrow G., Turkey's Evolving Role in the Post-Soviet World, in «The Political Economy of Turkey in the Post-Soviet Era. Going West and Looking East?», edited by Libby Rittenberg, «Praeger». – London, 1998, с. 108–109.

[60] Тюркский мир. – 1998. – № 2. – С. 2.

А.Н.Захарченко

США И ЕС В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ МИРНОМ ПРОЦЕССЕ В 90-е гг.: ПАРТНЕРСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО?

ВЗГЛЯД АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ

Благодаря своим запасам нефти Ближний Восток является регионом, где пересекаются интересы США и их традиционных европейских союзников. Установление стабильности в этом стратегически важном регионе остается одним из главных направлений как американской, так и европейской дипломатий. Обе стороны заинтересованы в урегулировании конфликта между Израилем и арабскими государствами, свободном импорте нефти из региона, продвижении демократии и ликвидации исламского фундаментализма и терроризма на Ближнем Востоке.

Однако несмотря на общность интересов, ближневосточный регион в целом и арабо-израильский мирный процесс, в частности, периодически становятся источником трений между США и их союзниками в Европе. В 1990-х гг. главной причиной разногласий между сторонами стало желание европейских государств играть более активную и независимую роль в ближневосточном мирном процессе.

Во время становления Европейского Союза как института и международного фактора его роль в регионе была не такой заметной. Однако за последнее десятилетие многое изменилось. В связи с объединением Европы, а также желанием европейских государств координировать свою политику и оставаться основным игроком на мировой арене степень европейского влияния на Ближнем Востоке значительно возросла.

На данный момент Европейский Союз является самым крупным финансовым спонсором ближневосточного мирного процесса. Его доля в международной экономической помощи Палестинской автономии составляет 53% (в то время как американская равняется 11%)[1]. При этом Европа стремится активизировать не только свое экономическое, но и политическое присутствие в арабо-израильском мирном процессе. Об этом ярко свидетельствуют назначение в октябре 1996 г. чрезвычайного и полномочного представителя ЕС (Special European Envoy) в мирном процессе, создание в 1995 г. организации Европейско-Средиземноморского Партнерства (Euro-Mediterranean Partnership), одним из аспектов деятельности которой является урегулирование арабо-израильского конфликта, а также многочисленные визиты глав

европейских государств в страны региона, направленные на поиск диалога между противоборствующими сторонами.

С точки зрения европейцев, только справедливое и всеобъемлющее урегулирование арабо-израильского конфликта с созданием независимого палестинского государства может принести мир и процветание в регион, а также гарантировать стабильность нефтяных поставок в Европу.

Не желая оставаться в тени американского доминирования и наблюдая за провалами политики Вашингтона в мирном процессе, европейские дипломаты выдвигают собственные инициативы по урегулированию конфликта. При этом позиция ЕС по установлению мира на Ближнем Востоке не всегда полностью совпадает с американской. Американские официальные лица, в свою очередь, расценивают европейские заявления и действия как «вмешательство» в мирный процесс, которое только осложняет и без того трудную задачу продвижения диалога между противоборствующими сторонами. Результатом этого являются взаимные обиды и обвинения, а американо-европейские разногласия по ближневосточным вопросам сказываются на всем комплексе отношений между государствами.

Роль и степень самостоятельности европейской политики в ближневосточном мирном процессе, ее влияние на отношения США с союзниками и американскую ближневосточную политику являются темой острой дискуссии в среде американских политологов. Анализируя работы американских специалистов, посвященных развитию этой проблемы в 1990-е гг., можно выделить два основных подхода, определяющих как целесообразность и эффективность участия европейских государств в урегулировании арабо-израильского конфликта, так и состояние американо-европейских отношений в рамках ближневосточного мирного процесса.

В основе первого подхода лежит тезис о фундаментальном неравенстве между США и Европой во влиянии, а также в ресурсах, которые необходимы для продвижения мирного процесса вперед. Сторонники этой точки зрения отстаивают статус Соединенных Штатов как единственного эффективного посредника в переговорах и убеждены в том, что ни ЕС, ни какая-либо другая внешняя сила на данном этапе не могут составить Вашингтону реальной конкуренции и способны играть в ближневосточном мирном процессе в лучшем случае лишь вспомогательную роль.

Ричард Хаас, директор Центра международных исследований Института Брукингса, подчеркивает, что, несмотря на многочисленные усилия со стороны ЕС по урегулированию ближневосточного конфликта, европейцам удалось добиться определенного прогресса преимущественно в экономической и гуманитарной сферах. При этом наиболее сложные политические проблемы во взаимоотношениях между Израилем и его арабскими соседями неподвластны европейской

дипломатии. Автор уверен, что европейцы сами осознают это, поэтому открыто характеризуют свою роль как дополняющую, при этом признавая полное лидерство в мирном процессе за Соединенными Штатами[2].

Почему же влияние политики ЕС не такое, каким его хотят видеть европейские официальные лица? Существует точка зрения, согласно которой довольно ограниченные возможности ЕС являются результатом политики США, направленной на вытеснение Европы из мирного процесса. Политологи, придерживающиеся первого подхода, опровергают это мнение, доказывая, что скромность европейской роли является скорее отражением европейской слабости, чем американских амбиций.

По мнению Ричарда Хааса, главной причиной слабости европейской дипломатии являются противоречия внутри самого Европейского Союза, препятствующие достижению консенсуса, на основе которого должен действовать ЕС[3]. Так, очевидным «двигателем» европейских ближневосточных инициатив в рамках ЕС является Франция. Именно она активно претендует на роль коспонсора в арабо-израильском мирном процессе, при этом позиция Франции (в частности, поддержка требования Сирии по освобождению Израилем Голанских высот) зачастую расходится с американской, что вызывает трения между двумя государствами[4]. Однако, подчеркивает профессор Американского университета Джон Калабрес, далеко не все члены ЕС поддерживают независимые заявления французского правительства. Ярким примером чего служит Великобритания, для которой хорошие отношения с США не менее (а возможно, и более) важны, чем обязательства перед партнерами по ЕС. Сохранять этот баланс, однако, очень сложно. Например, Англия как член ЕС поддержала коммюнике Берлинского саммита ЕС 1999 г., в котором признается полное право палестинцев на самоопределение и возможность создания Палестинского государства. Хотя коммюнике в основном базировалось на французских идеях, подписав его, Англия полностью поддержала французские дипломатические инициативы[5].

Политологи названного подхода убеждены, что позиция ЕС в ближневосточном урегулировании – признание права палестинцев на самоопределение, включая создание Палестинского государства, непризнание Европейским Союзом единоличного суверенитета Израиля над Иерусалимом, призыв к освобождению Израилем палестинских территорий – ярко свидетельствует о поддержке арабской стороны в переговорах. Сочувствующая арабским государствам позиция ЕС в основном обусловлена давними экономическими, политическими и культурными связями Европы с арабским и мусульманским миром. Однако, как отмечает Джонатан Маркус, она не в меньшей степени основана на желании ЕС противопоставить свою дипломатию американской[6].

Среди европейских официальных лиц, вовлеченных в ближневосточный мирный процесс, существует мнение о том, что американская

политика находится под чрезмерным влиянием произраильских настроений. Поэтому Соединенные Штаты не могут быть незаинтересованным, а следовательно, эффективным посредником в ближневосточных переговорах. Осуждая политику «двойного сдерживания» США и провалы американских ближневосточных инициатив, многие европейцы полагают, что они могут выдвинуть лучшие планы по урегулированию конфликта.

Европа возлагает основную ответственность за стагнацию мирного процесса на Израиль, при этом не подвергая критике арабские действия в той же степени, что и израильские. В результате Израиль сопротивляется большему участию европейских государств в мирном процессе, утверждая, что ЕС не является честным брокером из-за его откровенной поддержки палестинских требований. Что касается Соединенных Штатов, то, по мнению Ричарда Хааса, американские тесные отношения с Израилем не уменьшают американского влияния на арабскую сторону. Таким образом, Вашингтон, в отличие от Европы, способен оказывать влияние на позиции обеих противоборствующих сторон[7].

В целом, если условно допустить, что Европа поддерживает арабов, а Америка – Израиль, то первая явно поддерживает более слабую сторону. Следовательно, слабость Европы является результатом ее же собственного выбора. Более того, европейская политика в регионе, которую многие расценивают как проарабскую и пропалестинскую, усиливает тенденцию палестинцев к насилию и непринятию компромисса с Израилем. Представляя себя невинными жертвами израильского военного произвола, палестинцы ищут международную поддержку, в частности, у ЕС. Они надеются на то, что внешний мир сможет предоставить нечто лучшее, чем они сами могут получить для себя в процессе переговоров. Профессор Гарри Рубин, старший сотрудник Вашингтонского института ближневосточной политики, считает, что такая политика «плохого полицейского» ставит еще большие трудности перед США[8].

Политологи данной группы убеждены в том, что участие Европы в переговорном процессе без согласования действий с США может навредить делу. Поэтому ЕС должен отказаться здесь от независимых дипломатических инициатив и согласовывать все свои действия с США.

Для этого ЕС, как минимум, должен отречься от своего призыва к самоопределению палестинцев, а также поддержки требований Дамаска по освобождению Израилем Голанских высот. Европейским государствам следует быть такими же требовательными к ООП, как и к Израилю (это касается актов насилия со стороны палестинцев, разоружения Палестинской администрацией террористических организаций и т.д.). Такие шаги будут способствовать не только выработке общей политики США и ЕС в рамках ближневосточного урегулирования, но и повысят доверие Израиля к европейской дипломатии[9].

В свою очередь, Соединенным Штатам следует не только критиковать европейскую политику, но и быть твердыми в собственных основных убеждениях, открыто препятствуя действиям как Израиля, так и арабской стороны, противоречащим главным целям и задачам Вашингтона на Ближнем Востоке. Данная группа политологов акцентирует внимание на необходимости большей координации действий между США и Европейским Союзом, а для этого американцам и европейцам следует лучше понимать интересы и возможности друг друга. Только локальные стороны – Израиль, палестинцы и Сирия – могут заключить мир. Европейцы с американцами должны лишь способствовать установлению диалога, при этом не форсируя события и не толкая стороны к подписанию соглашений, которые впоследствии они будут неспособны выполнять.

Европа должна смириться со скоромностью своей роли и заниматься тем, что у нее хорошо получается – финансированием мирного процесса, развитием отношений между ближневосточными государствами в рамках Европейско-средиземноморского диалога. Соединенные Штаты, в свою очередь, должны прислушиваться к Европе и информировать ее.

Противоположной точки зрения придерживаются американские политологи, отстаивающие необходимость равноправного наряду с США участия в ближневосточном мирном процессе как Европейского Союза, так и других представителей мирового сообщества.

Сторонники этого подхода убеждены, что современное обострение арабо-израильского конфликта ярко свидетельствует о несостоятельности американской политики в ближневосточном мирном процессе. В связи с этим возникает вопрос о возможном участии в урегулировании арабо-израильского конфликта других внешних сил, позиция которых вызывала бы доверие как у арабов, так и израильтян, и которые обладают достаточными ресурсами и потенциалом для того, чтобы повлиять на позиции противоборствующих сторон.

Наиболее реальным претендентом на роль альтернативного коспонсора политологи этой группы считают Европейский Союз. Они подчеркивают, что ЕС обладает всеми экономическими и политическими ресурсами для того, чтобы играть в мирном процессе более активную роль, к тому же европейский подход к ближневосточному урегулированию, по их мнению, не уступает, а в некоторых моментах, выгодно отличается от американского.

Шейла Карапико из Ричмондского университета полагает, что после того, как США стали единолично контролировать мирный процесс, Европейско-Средиземноморское Партнерство стало альтернативой умирающему многостороннему треку арабо-израильских переговоров, который, по мнению автора, является необходимым дополнением для двусторонних переговоров между Израилем и арабскими государства-

ми. Европейско-Средиземноморское Партнерство объединило в себе экономические (Средиземноморская зона свободной торговли, в которую среди прочих входит Израиль, ПНА, Египет, Иордания, Сирия и Ливан), стратегические (установление мира и стабильности в регионе), и социально-культурные аспекты сотрудничества государств Ближнего Востока и Европы[10]. ЕС возглавляет Рабочую группу по региональному экономическому развитию, финансирует и участвует в деятельности рабочих групп по проблемам беженцев, воды и окружающей среды.

Зачастую не соглашаясь сесть за стол переговоров со своим противником, ближневосточные страны никогда не отказываются от обсуждения спорных вопросов, особенно экономических, со странами европейского сообщества.

Шейла Карапико подчеркивает, что в отличие от американской администрации, которая предпочитает прямые двусторонние переговоры между Израилем и его арабскими соседями и делает ставку преимущественно на экономическую помощь Египту и Израилю, ЕС делает акцент именно на многосторонние переговоры. ЕС расходует на 12 стран Средиземноморья около 1 млрд. евро. Это относительно скромный вклад по сравнению с 5 млрд. американской ежегодной помощи Израилю и Египту. Однако если американская помощь включает и военную, и экономическую, то ЕС можно назвать главным источником «невоенного» финансирования ближневосточного мирного процесса[11].

В то время как политика США отражает американскую экономическую и стратегическую логику, политика ЕС направлена на поиск многосторонних и двусторонних переговоров по торговле, культурному обмену, вопросам безопасности и также может принести пользу в будущем. В целом европейский подход к Ближнему Востоку, по мнению этих политологов, более предпочтителен, так как в отличие от американского «по-нашему или никак», он более толерантен и включает долгосрочную экономическую помощь нуждающимся государствам, главная цель которой – развитие демократии в регионе[12].

Что касается позиции ЕС в урегулировании арабо-израильского конфликта, то, по мнению Стефена Зунса, профессора политических наук Университета Сан-Франциско, она является необходимым противовесом произраильской политике США. Автор подчеркивает, что в ее основе лежит поддержка резолюций ООН, а позиция ЕС касательно израильских поселений, Восточного Иерусалима и Голанских высот основана на том, что эти территории не являются израильскими с точки зрения международного права[13].

Марк Розенблюм считает нецелесообразными и необоснованными нападки израильтян на позицию ЕС в мирном процессе. Он акцентирует внимание на том, что для Израиля чрезвычайно важна военная помощь США, однако экономически он больше зависит от Европы. ЕС

был и остается хорошим другом Израиля и его основным экономическим партнером. По мнению автора, ЕС является важным посредником в мирном процессе и в последнее время достаточно эффективно влиял на позицию ООП в переговорах[14].

США стремятся быть единственным, а не основным посредником в ближневосточном урегулировании, поэтому независимая европейская политика вызывает у Вашингтона раздражение. Однако политологи этой второй группы убеждены, что Соединенным Штатам следует принять европейцев в качестве равноправных партнеров в ближневосточном мирном процессе, т.к. они ближе к региону географически и обладают доверием обеих сторон[15]. При этом они подчеркивают необходимость большей координации действий между США и ЕС, особенно в рамках ООН.

Сторонники этого подхода уверены, что невозможно ожидать от противоборствующих сторон, погрязших во взаимной вражде и ненависти, того, что они сами сядут за стол переговоров. И задача мирового сообщества – сделать все возможное для примирения сторон и установления стабильности в регионе. Для этого Европейский Союз должен вести себя более активно, а Вашингтону следует поступиться своей монополией в мирном процессе для того, чтобы вывести его из кризиса.

Острая дискуссия в среде американских политологов вокруг роли ЕС и его отношений с Вашингтоном в рамках ближневосточного мирного процесса ярко свидетельствует о важности данной проблемы в контексте внешней политики США. Большинство представителей американской политической мысли склонны считать Соединенные Штаты безоговорочным лидером в урегулировании арабо-израильского конфликта. Безусловно, США обладают всеми ресурсами для продвижения ближневосточного мирного процесса вперед, к тому же активная позиция американской администрации в этом вопросе полностью соответствует задачам, поставленным перед Вашингтоном после событий 11 сентября 2001 г.

Тем не менее сторонники обоих представленных выше подходов убеждены в необходимости выработки общей стратегии США и Европы по урегулированию арабо-израильского конфликта. Только при наличии четкой координации действий между Вашингтоном и ЕС можно ожидать эффективных прорывов в мирном урегулировании, которые крайне необходимы в современных условиях резкого обострения ближневосточного конфликта.

[1] The European Union and Current Arab-Israeli Peacemaking. http://www.adl.org/international/EU-6-CurrentPeacemaking.html

[2] Haas, Richard N. The United States, Europe, and the Middle East Peace Process // Allies Devided. Transatlantic Policies for the Greater Middle East / Ed. By Robert D. Blackwill and Michael Sturmer. CSIA (Center for Science and

International Affairs) Studies in International Security. – The MIT Press Cambridge Massachusetts, 1997. – С. 61–63.

[3] Ibid, с. 72.

[4] Marcus, Jonathan. Adjustment, Recrimination: Franco-U.S. Relations and the New World Disorder // The Washington Quarterly, Vol. 21, № 2. – С. 19–20.

[5] Calabrese, John. The United States, Grate Britain, And the Middle East: How Special the Relationship? // Mediterranean Quarterly. 2001. Vol. 12, № 3. – С. 57.

[6] Marcus, Jonathan. Adjustment, Recrimination: Franco-U.S. relations and the New World Disorder // The Washington Quarterly. 1998. Vol. 21, № 2. – С. 21–23.

[7] Haas, Richard N. The United States, Europe, and the Middle East Peace Process. – С. 75.

[8] Rub in, Barry. Clinton's Latest Bid for Israeli-Palestinian Peace Founders as Arafat Presses Strategy of Violence. November 15, 2000.

http://www.ajc.org/Israel/IsraelMideastBriefingsDetail.asp?did=208&pid=602

[9] Ibid.

[10] Carapico, Sheila. Euro-Med: European Ambitions in the Mediterranean // Middle East Report. 2001. № 220, Vol. 31, № 3. – С. 24.

[11] Ibid, с. 29–30.

[12] Mohamedi, Farced and Sadowski, Yahya. The Decline (But not Fall) of US Hegemony in the Middle East // Middle East Report. 2001, № 220, Vol. 3, № 3. – С. 12–24.

[13] Zunes, Stephen. The Bush Administration & the Israeli-Palestinian Stalemate. FPIF Special Report # 15, October 2001.

http://www.foreignpolicy-infocus.org/papers/stalemate.html

[14] Rosenblum, Mark. Misplaced Attack. June 11, 2001.

http://www.peacenow.org/nia/pr/06112001.html

[15] Coexistence on Equal Terms: Can the United States Serve as an Honest Broker? Report from a CPAP briefing by Phyllis Bennis and Edward Peck.

http://palestinecenter.org/framecpap.html

Л.Н.Калиниченко

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ
(на примере Египта и Туниса)

Большинству стран Северной Африки удалось создать промышленный потенциал, опираясь, в первую очередь, на доходы от экспорта углеводородного сырья. Тем не менее их доля среди других развивающихся регионов в общем производстве добавленной стоимости, создаваемой в обрабатывающей промышленности, невелика и составляет 2,7%.

Доля в общем MVA развивающихся стран (%)

Развивающиеся страны	1980	1990	1995	2000
Тропическая Африка, вкл. ЮАР	6,8	5,2	3,8	3,3
Северная Африка	3,3	3,3	2,7	2,7
Латинская Америка и Карибский бассейн	44,6	30,5	25,0	22,2
Южная и Восточная Азия	24,3	35,0	36,7	34,4
Китай	9,5	15,2	24,1	29,7
Западная Азия и Европа	11,5	10,7	7,7	7,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: African Industry. Vienna 2000. С. 154.

Как видно из таблицы, эта доля в прошедшие десятилетия сократилась. Отмечается также замедление темпов роста добавленной стоимости в странах Северной Африки с 4,7% в 80–90-х годах до 2,3% в 1990–97 гг. В 1998 г., 1999 г., 2000 г. этот показатель составил соответственно 5,5; 7,5 и 4,5%, что превышало темпы роста ВВП в эти годы[1].

Несмотря на определенное расширение производства капитальных товаров в последнее десятилетие, основная часть добавленной стоимости создается в пищевой, текстильной и табачной промышленности (в целом свыше 40%). Наличие в регионе углеводородного сырья определяет относительно высокую долю химической и нефтеперерабатывающей отраслей (около 15%). Доля стран Северной Африки в мировом выпуске продукции отдельных отраслей обрабатывающей промышленности не менялась существенным образом с середины 80-х годов. И только в швейной промышленности достигла 1%[2].

К сожалению, страны региона не смогли расширить экспорт обработанной продукции в развитые страны. Так, доля Египта, Марокко

и Туниса в мировом экспорте продукции обрабатывающей промышленности находится на уровне 0,1% в каждой из перечисленных стран.

Отдельные страны Северной Африки отличаются по уровню и состоянию промышленного производства. В общей стоимости промышленной продукции первое место принадлежит Египту (около 25%). В ее структуре выделяются отрасли тяжелой и легкой промышленности. В Египте действуют наиболее крупные сталеплавильные заводы Африки. Металлургический комплекс в Хелуане, принадлежащий компании «Иджипшн Айрон энд Стил», после двадцати лет работы и осуществления специальной программы модернизации к середине 90-х годов вышел на проектную мощность в 1,2 млн. т стали в год. Завод компании «Александрия Айрон энд Стил» в Эд-Дихейле производит 1,2 млн. т изделий из стали, отправляя часть продукции на экспорт. Доля частного капитала в акциях предприятия в конце 90-х годов увеличилась с 60 до 85% после его реконструкции с участием американского капитала. При общей потребности примерно в 4 млн. т в год производство стальной продукции в Египте составляет около 3 млн. т.

Правительство Египта считает возможным строительство еще ряда предприятий металлургической промышленности, причем довольно крупных по мощности. В 1997–98 гг. были подписаны контракты на сооружение завода по выпуску 1 млн. т стального листа в Суэце, при этом 40% продукции предполагается экспортировать. Другое предприятие создается на базе железорудных месторождений к югу от Асуана. Ведет это строительство компания «Асуан Айрон энд Стил». Этот завод будет выпускать 1,4 млн. т стальных заготовок в год.

В прошедшее десятилетие был реконструирован известный алюминиевый комплекс компании «Алюминиум Компани оф Иджипт», расположенный в Наг Хаммади и использующий электроэнергию Асуанской ГЭС. В результате мощность предприятия возросла до 250 тыс. т в год. Часть продукции в виде алюминиевого прута экспортируется, что обеспечивает стране приемлемый доход в валюте. В середине 90-х годов вошло в строй еще одно предприятие мощностью 60 тыс. т алюминиевой продукции.

Египет является крупнейшим производителем цемента в Африке. После расширения действующих предприятий и строительства нескольких новых производство цемента превысило 20 млн. т в год. Внутренняя потребность в цементе постоянно растет и поэтому к 2007 г. предусматривается довести его выпуск до 40 млн. т[3].

В Египте действуют предприятия по сборке автомобилей различных марок (Фиат, Опель, Сузуки, Пежо, Мерседес), способные выпускать 85 тыс. автомобилей в год, однако реальный выпуск составляет третью часть от этого количества, в то время как внутренние потребности превышают 60 тыс. автотранспортных средств в год.

Нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность отличается высоким уровнем по сравнению с другими странами

Африки. Семь действующих нефтеперерабатывающих заводов общей мощностью около 30 млн. т соединены с потребителями разветвленной системой нефтепродуктопроводов. Предпринимается модернизация этих предприятий с тем, чтобы привести набор выпускаемых нефтепродуктов в соответствие с внутренними потребностями. Около 80% капитала отрасли принадлежит частным компаниям, остальные контролирует Египетская генеральная нефтяная корпорация.

Пять заводов по выпуску азотных удобрений работают на местном природном газе, а нефтехимические комплексы в Александрии и Суэце находятся в процессе строительства.

В 90-е годы были предприняты попытки и по реорганизации такой важной для страны отрасли, как текстильная с целью расширения ассортимента и повышения качества готовой продукции как в производстве, так и экспорте. С помощью иностранных займов были проведены работы по модернизации прядильных и ткацких фабрик в Кафр эд-Даваре и Эль-Бейде, а также реконструированы хлопкоочистительные предприятия.

Частный капитал преобладает в красильной, вязальной отраслях, в выпуске готового платья, в то время как государственный капитал контролирует прядильную и ткацкую промышленность[4].

В последние десятилетия в Египте проводилась политика стабилизации и структурных реформ, включая устранение торговых барьеров и приватизацию торговых предприятий. Основные положения политики приватизации были сформулированы в законе 203 от 1991 г. Была создана специальная государственная организация для контроля за осуществлением этой политики. Однако согласованный с Мировым Банком график не был выдержан в связи с возникшими трудностями в методике оценки основных фондов компаний, владеющих предприятиями.

Одной из главных причин, сдерживающих развитие обрабатывающей промышленности, по-прежнему остается низкий уровень капиталовложений. Чтобы преодолеть это препятствие, в Египте и Тунисе в 1993–1994 гг. были приняты законы, упрощающие участие частных инвесторов, как национальных, так и иностранных в создании мощностей по производству промышленной продукции.

В Египте осуществляется несколько десятков инвестиционных проектов по созданию предприятий обрабатывающих отраслей, что позволит трудоустроить свыше 10 тыс. человек. Это предприятия по сборке автомобилей с участием корейского капитала, фабрики по выпуску бумаги на основе использования отходов переработки сахарного тростника под контролем государственной корпорации «Шуга энд Интегрейтид Индастриз», предприятия по производству газового топлива с участием американских и итальянских инвесторов, заводы по переработке масличных культур и выпуску кормов[5].

Египетское правительство также предлагает существенные льготы иностранным компаниям, вкладывающим свои капиталы в развитие зон

свободной торговли, создавая благоприятные условия для фирм, вовлеченных в сборку автомобилей, производство электронного и нефтегазового оборудования, функционирующих в прядильной и ткацкой отраслях. Льготы включают освобождение от подоходного налога и импортных пошлин, снижение тарифов на электроэнергию, освобождение от валютного контроля, юридические гарантии в случае экспроприации.

Зоны свободной торговли существуют в Порт-Саиде, Александрии, Каире, Суэце, Исмаилии и Верхнем Египте. Суммарная прибыль действующих здесь предприятий превышает 40 млн. долл. в год. Концепция создания подобных зон предусматривала в первую очередь не создание в них площадей для складирования транзитных грузов, а именно организацию обрабатывающих предприятий, способных экспортировать свою продукцию и зарабатывать валюту.

Египет выделяется среди стран Северной Африки относительно высокой долей капиталовложений в предприятия, использующие последние достижения научно-технического прогресса.

В качестве примера положительного развития обрабатывающей промышленности можно назвать и такую страну Северной Африки, как Тунис. Правительство страны в последнее десятилетие концентрирует усилия на двух основных направлениях – привлечение иностранного капитала в обрабатывающую промышленность и внедрение более современных технологических процессов в производство.

По данным министерства международной кооперации и иностранных капиталовложений Туниса, существенная часть инвестиций была направлена в высокотехнологичные отрасли, в частности, в электронику.

В стране действует план развития экономики на 1997–2001 гг., согласно которому рост промышленного производства должен осуществляться темпами, близкими к 7% в год[6].

В 1998–1999 гг. был предпринят ряд мер по привлечению частных капиталов в мелкие и средние предприятия, что способствует децентрализации промышленного производства, поскольку на данном этапе более половины его сконцентрировано в столице страны – Тунисе. Другими промышленными центрами являются города Сус, Сфакс, Габес, Бизерта, Гафса, Беджайя, Кассерин.

В рамках плана 1997–2001 гг. в стране начата программа создания 26 зон свободной торговли, расположенных как в прибрежных районах, так и в центральной части страны. Такие зоны уже начали действовать в районе Бизерты и на границе с Ливией.

Из отраслей промышленности специальную поддержку получила химическая, которая представлена в первую очередь производством фосфорной кислоты и удобрений на государственном предприятии в Габесе и частично приватизированном в Сфаксе. Выпускается также и другая химическая продукция, в том числе краски, лаки, клей, детергенты и прочее.

Предприятия металлургической промышленности включают металлургический комплекс в Мензель Бургиба, снабжающийся железной рудой тунисских месторождений (его производительность около 200 тыс. т продукции в год), и завод в Бизерте, выпускающий на 100 тыс. т изделий из стали, а также около 50 автосборочных заводов, работающих на импортных комплектующих, предприятия по выпуску шин и отдельных элементов электрического оборудования для автомобилей.

В секторе высоких технологий действует несколько компьютерных компаний, при участии которых создается специальная зона вблизи столичного аэропорта, где в качестве модели используются малазийские «технологические парки». Эта структура рассматривается правительством Туниса как канал поступления новейшей технологии, создания рабочих мест и привлечения иностранного капитала.

Не последнее место в экономике страны занимает цементная промышленность, мощности которой постепенно увеличиваются за счет строительства новых заводов, расположенных в различных районах страны. Одновременно идет процесс их приватизации. В 1998 г. два предприятия были куплены компаниями Португалии и Испании. В 1999 г. для продажи были предложены еще три завода.

В Тунисе действует целлюлозно-бумажная фабрика в Кассерине, которая в качестве сырья использует местную траву. Выпускаются также строительные материалы, стекло, керамика, мебель.

Помимо отраслей тяжелой промышленности важное значение для экономики и в первую очередь для экспорта играют отрасли легкой промышленности, особенно текстильная. В 1999 г. в последней было занято 250 тыс. человек и действовало 1,8 тыс. фирм, 700 из которых принадлежат иностранным владельцам[7].

Экспорт текстильных товаров в страны Европы составляет 45% всех валютных поступлений. Однако отрасль в целом слабо интегрирована в промышленную структуру, а стоимость импортных компонентов доходит до 75% стоимости экспорта. В 1999 г. правительство страны разработало план модернизации отрасли, повышения конкурентоспособности ее продукции на основе роста капиталовложений.

Проблема повышения качества промышленных товаров является актуальной для Туниса еще и в связи с тем, что по соглашению 1998 г. с Европейским Союзом Тунис должен в течение двенадцатилетнего периода устранить торговые барьеры на пути товаров из ЕС. В результате около двух тысяч компаний могут потерпеть крах, если не предпримут усилий по повышению качества своей продукции. Чтобы избежать подобной ситуации, в Тунисе на протяжении 90-х годов осуществлялась программа приватизации 300 предприятий с числом занятых более 10 тыс. человек.

В этом процессе им оказывает поддержку специально созданная организация «СОС энтерпрайз». Она координирует программу модернизации предприятий, которая финансируется двумя государственными фондами, ЕС и Мировым Банком.

Наряду с положительным опытом в развитии промышленного производства страны Северной Африки, в том числе, Египет и Тунис постоянно сталкиваются с такими проблемами, как недогрузка производственных мощностей, недостаток капиталовложений, низкая конкурентоспособность продукции обрабатывающей промышленности на мировом рынке, отсутствие достаточного числа профессионально подготовленных кадров и др.

Страны региона пытаются решать эти проблемы с помощью различных программ, включающих приватизацию предприятий и либерализацию торговли, а также привлечение иностранных и внутренних частных инвестиций.

[1] African Industry. Vienna, 2000, с. 152.
[2] Industrial Development. Global Report, N.Y. 1998, с. 25.
[3] Middle East and North Africa. L., 2000, с. 446.
[4] Ibid, с. 445.
[5] Ibid, с. 448.
[6] Ibid, с. 1087.
[7] Ibid, с. 1088.

Ф.Е.Конович

ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 90-е ГОДЫ
(военно-политический аспект)

Сближение Турции и Израиля в 90-е годы, тесное военное сотрудничество двух стран и установление между ними отношений уровня стратегического партнерства – все это оценивалось на страницах турецкой и израильской прессы, а также многими экспертами-аналитиками как очень важное, в некотором роде революционное событие, серьезно влияющее на расстановку сил в регионе. Однако отношения Турции и Израиля, нынешняя территория которого как часть Палестины, когда-то входила в состав Османской империи, складывались вплоть до 90-х годов весьма непросто. Как известно, Турция была первой мусульманской страной, которая еще в марте 1949 г. формально признала Государство Израиль, а в декабре того же года установила с ним дипломатические отношения, с тех пор, кстати, ни разу не прерывавшиеся. Констатация данных фактов могла, казалось бы, звучать обнадеживающе, однако на протяжении четырех с лишним десятилетий турецко-израильские отношения были практически в полной мере «завязаны» на арабо-израильском конфликте, и именно Турция, а не Израиль, была стороной, определявшей уровень двусторонних отношений. Стремление Израиля к улучшению связей с Турцией было в этом уравнении величиной постоянной. В свою очередь Анкара при определении своей политики в отношении Израиля руководствовалась зачастую региональными факторами, стремясь не вступать в конфронтацию с арабским миром. Лишь в начале 90-х годов зависимость турецко-израильских отношений от региональной ситуации в целом и палестино-израильского конфликта, в частности, перестала быть определяющей, а в отношениях между двумя странами произошли значительные перемены к лучшему.

Что же послужило основанием для сближения Израиля и Турции в 90-е годы, чем объяснялся возросший интерес турецких руководителей к развитию политических, военных и экономических связей с Израилем?

Представляется, что для полного и всестороннего ответа на поставленный выше вопрос необходимо, прежде всего, оценить общую ситуацию, сложившуюся в мире и регионе на рубеже 1980–90-х годов. В данный период в структуре региональных международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке произошли кардинальные изменения.

Вкратце, эти изменения, ставшие прямым следствием окончания «холодной войны», распада Советского Союза и, как следствие, трансформации биполярного мира в по сути однополярный, сводились к начавшемуся процессу формирования новой региональной системы международных отношений в уже совершенно иных геополитических условиях. Неотъемлемой частью этого процесса стало стремление большинства государств региона к решению спорных вопросов политическими методами, путем переговоров и достижения взаимоприемлемых компромиссов, примером чему могла служить, в частности, постепенная нормализация арабо-израильских отношений. Все эти перемены как глобального, так и регионального характера не могли не повлиять и на позиции такой крупной ближневосточной и средиземноморской державы, как Турция, политика которой в регионе существенно изменилась.

Для понимания стремления Турции к активизации отношений с Израилем несомненный интерес представляет аналитическая записка, подготовленная вашингтонским Институтом ближневосточной политики. В этом документе объясняются причины, побуждающие Турцию к развитию всесторонних связей с Израилем. Это и неудовлетворенность Анкары своими отношениями с арабскими странами, которые не приносят ей желаемых дивидендов, в то время как военное и экономическое партнерство с Израилем сулит значительную выгоду, и уверенность Турции в том, что связи с еврейским государством помогут ей в Вашингтоне, где многие критиковали Анкару за проведение жестких антитеррористических мероприятий против курдских повстанцев и нарушения прав человека, особенно в отношении курдского населения. Эксперты Института отмечают также, что в начале 90-х го-дов значимость Турции для безопасности Запада существенно снизилась, и, соответственно, гарантии НАТО по безопасности страны не выглядели уже столь весомыми, как во времена «холодной войны». Как результат, Турция стала более активна в поиске новых региональных гарантий такого рода, и Израиль здесь выглядел как наиболее перспективный и многообещающий партнер[1]. Не стоит, на наш взгляд, также сбрасывать со счетов тот факт, что Турции для развития своих вооруженных сил нужны были технологии, которые она в силу существующих ограничений не могла получить от США или Европы. Кроме того, Турцией руководило желание за счет сотрудничества с мощным израильским ВПК и израильской армией, наиболее современной и мобильной на Ближнем Востоке, охладить пыл потенциальных соперников в регионе.

Для Израиля в его новых отношениях с Турцией на первом плане стояло желание укрепить свое положение на Ближнем Востоке благодаря тесным связям с имеющей большой вес страной исламского мира и преодолеть тем самым политическую изоляцию в регионе. Наряду с этим сказывалась и необходимость найти покупателей, заинтересованных в продукции израильской оборонной и авиацион-

ной промышленности; наконец, играли свою роль стратегические и разведывательные преимущества, проистекающие из альянса со страной, имеющей общие границы с главными противниками еврейского государства – Сирией, Ираком и Ираном.

После Мадридской конференции 1991 г. Анкара подняла до уровня посольств дипломатические отношения с Израилем, активно поддержала ближневосточный мирный процесс. Особенно интенсивно турецко-израильские отношения стали развиваться с середины 90-х годов, когда Турция, уже не слишком считаясь с мнением арабских стран, пошла на установление с Израилем всесторонних связей, прежде всего военно-политических. Масштаб этих связей позволил говорить о появлении нового мощного союза двух наиболее развитых в военном и экономическом отношении государств региона – Израиля и Турции.

Безусловно, свою роль здесь сыграла и политика США, направленная на выдвижение этих стран в качестве главных форпостов в своей геополитической стратегии на Ближнем и Среднем Востоке, нацеленной на создание новых военно-политических «осей» и союзов, призванных сдерживать ряд режимов в государствах арабского мира. Соединенные Штаты с самого начала проявили заинтересованность в активизации отношений Турции с Израилем, и нет сомнения, что первые шаги Турции в этом направлении были в немалой степени инициированы именно американцами. Однако Турцию и Израиль объединяла не только проамериканская ориентация, но и наличие ряда общих внешних угроз и схожих, во многом, проблем во внутренней политике.

Первые активные военно-политические контакты между Израилем и Турцией относятся к осени 1994 г., когда во время официального визита в Израиль премьер-министр Турции Тансу Чиллер призвала израильское руководство к активному сотрудничеству в сфере обороны. Т.Чиллер назвала конкретные цифры необходимого Турции вооружения, которое мог бы поставить Израиль. Инициатива была связана со стремлением остановить распространение исламского фундаментализма, создать в регионе некое подобие антиисламистского фронта. Т.Чиллер охарактеризовала ожидаемое сотрудничество между двумя странами как «стратегическое партнерство».

На переговорах был поставлен вопрос о модернизации на израильских авиапредприятиях принадлежащих Турции самолетов F-4 «Фантом» американского производства. Турецкий премьер также выдвинула план широкого экономического сотрудничества в регионе, причем «его сердцевиной станут Турция и Израиль». В качестве возможных сфер двустороннего сотрудничества Т.Чиллер назвала телекоммуникации, коммерческие спутники, грузовые перевозки, а также поставки электроэнергии и водоснабжение.

Однако на пути расширения турецко-израильских отношений возникали и определенные трудности. На парламентских выборах в Турции в декабре 1995 г. заметного успеха добилась происламская

партия Рефах[2], набравшая наибольшее количество голосов (21,1% или 158 депутатских мест из 550). Партия во главе со своим лидером Неджметтином Эрбаканом проводила предвыборную кампанию под антиизраильскими и откровенно антисемитскими лозунгами, так что дальнейшие перспективы турецко-израильского сотрудничества, особенно в военной сфере, вызывали серьезные опасения. Но в результате, несмотря на некоторое негативное воздействие на динамику турецко-израильского сближения, успех Рефах не мог остановить этот процесс – во-первых, хотя бы потому, что Н.Эрбакан не сразу смог воспользоваться плодами относительной победы на выборах и создать «свое» коалиционное правительство, а во-вторых, потому, что нити турецко-израильских переговоров находились в руках военных и сил безопасности, и исламисты не могли серьезно препятствовать нараставшему сотрудничеству.

Первое полномасштабное соглашение о военном сотрудничестве между Турцией и Израилем было подписано в обстановке секретности 23 февраля 1996 г. Соглашение предусматривало создание объединенной группы военно-стратегических исследований, обучение турецких офицеров в Израиле, обмен разведывательной информацией, проведение сухопутных, военно-морских и военно-воздушных маневров, тренировочные полеты турецких самолетов в израильском небе, а израильских – в турецком. Кроме того, согласно этому документу, Израиль брал на себя обязательство помочь Турции в переоборудовании и укреплении ее границ для защиты от курдских сепаратистов[3].

Сведения о подписанном соглашении не сразу стали достоянием СМИ, лишь постепенно в последующие месяцы стала просачиваться информация о деталях этого документа. А тем временем приближались выборы в Израиле, требовали разъяснений исламисты в Турции, пока еще не допущенные к власти, арабский мир обвинял Турцию в тайном сговоре с Израилем. По утверждению турецкого ежегодника «Актюэль», публично об открытии Турцией своего воздушного пространства и аэродромов для израильских военных летчиков было объявлено министром обороны Турции Олтаном Сунгурлу 4 апреля 1996 г.[4] Через несколько дней о существовании военного соглашения начали сообщать турецкие газеты, причем из публикаций явствовало, что арабские страны и Иран также осведомлены о подписанном документе. С официальными разъяснениями 10 апреля выступил представитель МИД Турции Омер Акбель, заявив, что соглашение о военном сотрудничестве не направлено против третьих стран, речь идет не о «предоставлении баз» израильским ВВС, а о «разрешении пользоваться базами». Вполне естественно, отметил О.Акбель, что учебная подготовка ВВС предусматривает учебные полеты в воздушном пространстве как Турции, так и Израиля.

Заключенное между Израилем и Турцией соглашение о военном сотрудничестве вызвало широкий резонанс в регионе. Под заголовком «Арабы резко критикуют израильско-турецкие соглашения» простран-

ный обзор откликов из прессы стран Ближнего Востока приводит журнал «Мидл Ист» в своем июньском выпуске за 1996 г. Обилие приводимых комментариев – свидетельство поистине огромного внимания, которого удостоилось начавшееся военное сотрудничество между Израилем и Турцией. Прежде всего, оно стало объектом сильнейшей критики со стороны большинства государств региона, причем наиболее громкие обвинения исходили от ближайших соседей Турции – Сирии и Ирана.

Первой реакцией Дамаска, пишет «Мидл Ист», была статья, появившаяся в сирийском официозе «Тишрин», в ней утверждалось, что соглашение угрожает безопасности Сирии и разрушает сирийско-турецкие отношения. «Как бы упорно турецкое правительство не пыталось скрывать и оправдывать это соглашение, оно представляет собой угрозу безопасности Сирии, арабов и всех исламских государств. Соглашение является также наступлением на суверенитет Турции и вопиющим вызовом чувствам мусульман этой страны». Газета считает, что Дамаск был полон желания иметь добрососедские отношения с Турцией, но создание позитивного климата зависит от обеих сторон, последние же шаги турецкого руководства не способствуют улучшению этих отношений.

По данным журнала, сообщения о соглашении ухудшили и отношения Турции с Ираном, ранее уже испорченные обвинениями Анкары в том, что Тегеран поддерживает турецких исламских экстремистов и ведет шпионскую деятельность против турецких дипломатов в Иране. «Техран Таймс» критиковала Турцию за готовность, как считает газета, на «новое сионистское вторжение» и пыталась убедить иранских руководителей принять меры, чтобы пресечь «новую угрозу» региональной безопасности. Газета «Джомухурие ислами», следуя своей бескомпромиссной линии во внешней политике, высказывала мнение, что «с этим вероломным решением Турции Израиль отныне получает общую границу с Ираном», и призывала иранское правительство потребовать объяснений от Анкары по поводу «ее беспринципного и безответственного поведения»[5].

Важным событием в динамике двустороннего сотрудничества стал визит в Израиль президента Турции Сулеймана Демиреля в марте 1996 г. Этот визит был первым в истории официальным визитом главы турецкого государства в Израиль. Во время пребывания в Израиле С.Демирель заявил, что его визит не должен рассматриваться лишь как обычное протокольное мероприятие: «Я приехал сюда, чтобы подчеркнуть значимость мирных усилий Турции; на предстоящей в египетском городе Шарм-эль-Шейхе конференции по терроризму я потребую введения жестких санкций, включая экономическое эмбарго, против стран, поддерживающих терроризм»[6].

Политические изменения, произошедшие летом 1996 г. в обоих государствах, можно рассматривать как определенный рубеж в динамике турецко-израильского сотрудничества. Как известно, 29 мая 1996 г.

состоялись выборы в Кнессет и прямые выборы премьер-министра Израиля, в результате которых к власти пришел правый блок Ликуд во главе с Беньямином Нетаньяху. Прежнее руководство Израиля, участвовавшее в подготовке и заключении военного соглашения с Турцией, ушло в отставку. Также и в Турции светские прозападные партии, несмотря на то, что по итогам выборов получили в сумме более 75% голосов избирателей, так и не сумели в течение полугода создать стабильную правительственную коалицию и тем самым открыли путь к власти исламистской партии Рефах, лидер которой Н.Эрбакан стал 28 июня 1996 г. главой нового коалиционного кабинета, куда кроме Рефах вошла также Партия верного пути Т.Чиллер, занявшей, соответственно, посты заместителя премьер-министра и министра иностранных дел.

Однако несмотря на возникшие в связи со сменой власти в Турции опасения относительно будущего турецко-израильского партнерства, в какой-то степени подтверждавшиеся тем фактом, что в течение нескольких месяцев Эрбакан не давал ответа на предложение нового израильского премьера о проведении встречи, выжидая и, очевидно, рассчитывая на обострение палестино-израильского конфликта как на предлог для отказа от сотрудничества, дальнейшее развитие событий показало, что опасения эти были несостоятельны и весьма быстро рассеялись. Влиятельные военные и гражданские круги Турции, активно поддерживаемые США, предприняли ряд мер, чтобы сохранить поступательный процесс в турецко-израильском военно-политическом и торгово-экономическом сотрудничестве. В августе 1996 г. Т.Чиллер пригласила в МИД израильского посла и заверила его в том, что добрые отношения между двумя странами будут продолжены. Со своей стороны новые израильские руководители делали заявления, свидетельствовавшие о заинтересованности в дальнейшем сближении с Турцией по всем направлениям.

В целом можно отметить, что после прихода к власти Н.Эрбакан пытался сбалансировать внешнеполитическую ориентацию Турции, он приложил немало усилий, чтобы наладить турецко-иранское сотрудничество, улучшить отношения с рядом арабских стран. Что касается реализации военно-политического соглашения с Израилем, то в этом вопросе сопротивление Рефах и самого Эрбакана успешно преодолевалось военной верхушкой и турецким МИД. Используя такой влиятельный конституционный орган, каким является в Турции Совет национальной безопасности, они могли принимать важнейшие решения по сотрудничеству с Израилем, ссылаясь, и вполне справедливо, на интересы национальной безопасности Турции. В продолжении контактов с Израилем был заинтересован и главный представитель светской прозападной элиты страны – президент С.Демирель, который после своего официального визита в Израиль стал непосредственным участником, своего рода гарантом турецко-израильского сближения.

Итак, как видно из всего вышесказанного, турецко-израильские отношения, и прежде всего в военно-политической сфере, имели все шансы и далее развиваться по нарастающей, ибо как в самих государствах-участниках регионального стратегического партнерства, так и вне их существовали многочисленные влиятельные силы, заинтересованные в продолжении сотрудничества между двумя странами. И продолжение это не заставило себя ждать. 28 августа 1996 г., «после двух месяцев ожидания», один из руководителей Министерства обороны Израиля генерал Давид Иври прилетел в Анкару для подписания контрактов на общую сумму в 630 млн. долл. Новые военные соглашения предусматривали модернизацию в Израиле 54 самолетов F-4 «Фантом» турецких ВВС, приобретение Турцией опытной партии израильских ракет «Попай-1» в целях изучения возможности их совместного производства, а также организацию структуры военного сотрудничества между государственными авиационными предприятиями. СМИ обеих стран охарактеризовали подписанные контракты как «второе военное соглашение»[7].

В 1997 г. турецко-израильские отношения достигли значительного прогресса, причем, как представляется, наиболее последовательными являлись все новые инициативы в военной сфере. Так, уже в конце февраля Израиль посетил начальник Генштаба турецкой армии генерал Исмаил Карадайы. Во время этой поездки обсуждался вопрос о проведении совместных военно-морских маневров при участии кораблей 6-го американского флота, постоянно базирующегося в Средиземном море. Турецкий генерал четко заявил о том, что, несмотря на оппозицию некоторых политических сил внутри его страны, турецкие вооруженные силы намерены всячески поддерживать и развивать свои стратегические отношения с Израилем. Он также заверил партнеров по переговорам в том, что Турция не будет делиться военной информацией и технологиями, предоставляемыми Израилем, с другими странами[8].

9 апреля 1997 г. в Анкару прибыл министр иностранных дел Израиля Давид Леви. И на этот раз, помимо торговых и инвестиционных тем, а визит проходил вскоре после ратификации турецким парламентом торгового договора между двумя странами, на повестке дня стоял и вопрос о продолжении военного сотрудничества. Судя по некоторым публикациям, в ходе переговоров обсуждалась перспектива израильского участия совместно с американской корпорацией «Дженерал Дайнемикс» в модернизации примерно тысячи турецких танков М-60 американского производства и даже возможность поставки в Турцию израильских танков «Меркава» и «Шариот»[9]. Важной частью визита стала встреча Д.Леви с премьер-министром Турции Н.Эрбаканом, который принял его под давлением президента С.Демиреля и военных.

Визит израильского министра, известного своими жесткими правыми взглядами, и его встреча с премьер-министром Турции, активно

ратовавшим за развитие связей с исламскими странами, вызвали новую порцию критики со стороны некоторых арабских лидеров. Ливийский руководитель М.Каддафи заявил, что «за время правления Рефах Израиль добился от Турции большего, чем при предшественниках нынешнего премьера Н.Эрбакана». Утверждения о том, что Египет также поддерживает особые отношения с Израилем, по мнению М.Каддафи, неверны, так как «израильские самолеты не летают в небе Египта и не угрожают государствам региона»[10].

Однако обвинения со стороны М.Каддафи и других арабских лидеров не снизили интенсивность контактов между турецкими и израильскими военными, скорее наоборот, в течение 1997 г. она еще более возросла. Уже 30 апреля, сразу после визита Д.Леви, в Тель-Авив на переговоры со своим израильским коллегой Ицхаком Мордехаем отправился министр обороны Турции Туран Таян. Приветствуя гостя из Турции, израильский министр заявил, в частности: «Израильско-турецкое сотрудничество в военной области не направлено против какой-либо третьей стороны. Напротив, оно призвано стать одним из веских факторов политической стабилизации на Ближнем Востоке. Мы охотно делимся с турецкими партнерами технологическими достижениями нашей оборонной промышленности и опытом, накопленным в трудном деле борьбы с террором»[11]. На переговорах министров обороны вновь были затронуты темы развития двустороннего военного сотрудничества и проведения совместных военно-морских маневров при участии кораблей 6-го американского флота. Позднее данная тема обсуждалась уже в ходе вашингтонской встречи Ицхака Мордехая с министром обороны США Уильямом Коэном.

Неделю спустя после визита турецкого министра на встречу с И.Мордехаем прибыл заместитель начальника Генштаба Турции генерал Чевик Вир в сопровождении 23 офицеров, и вновь все те же публично объявленные темы – взаимодействие в борьбе с терроризмом, консультации по проблеме распространения баллистических ракет, совместные военные учения, участие в двусторонних промышленных проектах.

В коммюнике, опубликованном в Израиле по поводу приезда высокопоставленного турецкого генерала, подчеркивалось, что речь идет об очередной встрече в рамках «стратегического диалога», который «составляет дополнительную основу процесса глубоких оборонительных и военных отношений между Израилем и Турцией». Непосредственными участниками диалога, отмечается в коммюнике, являются ведомства, отвечающие за безопасность в каждой из стран. Здесь же приводится высказывание израильского министра обороны о том, что расширение и углубление связей «обеспечило ведомствам безопасности Турции и Израиля взаимную выгоду от мастерства другой стороны». Министр также «приветствовал предстоящие совместные военно-морские учения Турции, Израиля и США и сообщил Чевику Виру, что, придавая большое

значение региональному военному сотрудничеству, он затронул данную тему в беседах, которые провел с руководством США».

В коммюнике сообщалось и о позиции турецкой стороны: «Генерал Ч.Вир поддержал необходимость усиления и углубления сотрудничества между двумя странами и выразил восхищение тем впечатлением, которое он и его коллеги испытали во время посещения израильских авиазаводов, предприятия «Меркая» и других промышленных объектов. …Мы слышали и читали об этом и, наконец, увидели, – заявил генерал. – Это высокотехнологичные предприятия, их технология на уровне искусства. Они охватывают все сферы военного производства, и все это производится в Израиле». В заключение турецкий генерал высказал свое удовлетворение тем, как проходит на израильских авиационных заводах модернизация турецких самолетов F-4[12].

Тем временем внутриполитическая ситуация в Турции постепенно обострялась, противостояние светского истеблишмента и исламистов, впервые в истории Республики получивших реальную власть в свои руки, перешло уже в открытую стадию. Многие представители Рефах стали публично выступать с требованиями отказа от ряда светских законодательных норм, прежде всего в области образования, все большим нападкам подвергались некоторые статьи Конституции, составляющие основы светского характера турецкого государства. Так, 11 мая 1997 г. в Стамбуле по инициативе Рефах и при участии некоторых ее лидеров состоялся многотысячный митинг сторонников исламского, шариатского пути развития страны. Вот некоторые из лозунгов, содержавшихся на плакатах митинговавших: «Шариат или смерть!», «Кемалистская диктатура – израильская марионетка!», «Здесь Турция, а не Израиль». Как сообщалось, при упоминании Ататюрка слышен был гул недовольных голосов, депутат от Рефах Омер Хатипоглу, выступая на митинге, требовал к ответу генерала Чевика Вира, участника переговоров с Израилем о военном сотрудничестве, выкрикивая: «Турция не будет Израилем, да здравствует шариат!»[13].

Устроенный исламистами митинг напугал многих, вызвал шок в кругах светских интеллектуалов. Такого рода происламские акции все сильнее беспокоили общественность страны, вызвали ответную антиисламистскую кампанию. Представляется, что Рефах и близкие к ней круги спустя уже несколько месяцев после прихода к власти перестали осознавать реальную степень влияния в турецком обществе, восприняли свой относительный успех на выборах не как поддержку, оказанную их социальным, по сути популистским, лозунгам, и следствие во многом протестного голосования избирателей, а как исторический шанс для реванша шариата в современной Турции. Как известно, вскоре им придется дорого заплатить за непонимание своего реального места и роли в современном турецком обществе, за не-

умение и нежелание существовать в качестве его стабильной интегрированной части.

События начала мая заставили армейскую верхушку усилить давление на гражданскую власть, выступить с публичными обвинениями в адрес исламистов. Да и светская неправительственная элита, правовые органы, СМИ подняли тревогу. Ситуация в стране развивалась стремительно. 21 мая 1997 г. главный прокурор Кассационного суда Турции Вурал Саваш обратился с иском в Конституционный суд страны с требованием закрыть партию Рефах – главного участника правительственной коалиции. В иске излагались многочисленные нарушения законодательства по вопросам светскости, допущенные Н.Эрбаканом и другими лидерами партии за время их пребывания в правительстве и работы в парламенте. В конце документа подчеркивалось, что «ни разу за всю историю Турецкой Республики она не сталкивалась с такой опасностью реакции («иртиджа»), как сейчас»[14]. Несомненно, эти действия органов правосудия оказались сильнейшим ударом по коалиционному правительству, и уже в июне оно вынужденно было уйти в отставку, его сменил новый светский кабинет министров во главе с лидером Партии Отечества Месутом Йылмазом. Что касается судьбы Рефах, то окончательно она была решена лишь 22 февраля 1998 г., когда Конституционный суд вынес решение о закрытии партии. Н.Эрбакан и еще пять руководителей Рефах были лишены депутатской неприкосновенности, самому лидеру к тому же было запрещено заниматься политической деятельностью и создавать политические организации. Депутаты Рефах в парламенте вошли во вновь созданную происламскую партию Фазилет (Партию добродетели), позднее также ликвидированную. Очевидно, что изменения во власти облегчили усилия турецкого генералитета по дальнейшему сближению Турции с Израилем, особенно в военной сфере.

В соответствии с турецко-израильским соглашением о сотрудничестве в военном обучении 16 июня 1997 г. пять кораблей турецких ВМС вошли в израильский порт Хайфа для проведения совместных военно-морских маневров. По общему мнению сторон маневры прошли весьма успешно. В качестве наблюдателей на учениях присутствовали представители Иордании, которая довольно спокойно и даже с заинтересованностью отнеслась к турецко-израильскому сотрудничеству. Однако большинство арабских стран встретило маневры резкими критическими заявлениями, несмотря на официальные объяснения турецкой стороны, что в ходе учений отрабатывалось проведение исключительно спасательных операций.

В октябре 1997 г. Турцию посетил начальник Генштаба израильской армии А.Липкин-Шахак. В ходе визита была достигнута договоренность о совместном производстве ракет «Делила» с радиусом действия в 500 км, а также о создании спутниковой системы связи для обеспечения надежного канала информации. Сообщалось и о

готовности израильской компании «Рафаэл» продать ВВС Турции свои ракеты «Питон-2» класса «воздух-воздух». Кроме того, стороны договорились о совместном производстве ракет «Попай-2» по израильской лицензии, а модель «Попай-1» Турция должна была купить по прямой поставке для «удовлетворения срочного спроса». Во время встреч А.Липкин-Шахак также рекламировал танк «Меркава» как ответ на турецкий проект производства около 800 танков нового поколения на сумму 4,5 млрд. долл. Израиль интересовали и контракты на модернизацию устаревших танков М-60 американского производства, а также на поставку Турции самолетов раннего предупреждения типа АВАКС и переоборудование 48 самолетов F-5 турецких ВВС[15].

В декабре 1997 г. в Турции вновь побывал министр обороны Израиля И.Мордехай. После встречи И.Мордехая с заместителем премьер-министра, министром обороны Турции Исметом Сезгином была объявлена точная дата начала совместных военно-морских маневров Турции, Израиля и США – 5 января 1998 г. Стоит заметить, что сроки этих маневров неоднократно переносились, а сама договоренность об их проведении довольно долго оставалась сильнейшим раздражающим фактором для арабского мира из всего того, что привносило в региональную ситуацию турецко-израильское военное сотрудничество, за которым отчетливо просматривался третий участник – США.

В начале января 1998 г. совместные военно-морские маневры Израиля, Турции и США под названием «Надежная русалка» наконец-то состоялись. Прошли они в близости от израильского порта Хайфа, и общее командование осуществлялось руководством ВМФ Израиля. Иордания присутствовала на учениях в статусе наблюдателя. В ходе маневров, в которых участвовало пять небольших судов и несколько вертолетов, отрабатывалось проведение различных поисково-спасательных операций. Несмотря на ограниченный характер учений, они стали еще одним символом укрепляющегося военного сотрудничества между Израилем и Турцией и вызвали очередной шквал протестов со стороны некоторых арабских стран и Ирана.

Серьезную озабоченность и на Западе, и во многих государствах Ближнего Востока вызвало летом 1998 г. испытание Ираном ракеты «Шахаб-3». Ее возможности, по сообщению турецких источников, рассчитаны на поражение территорий Израиля, Турции и Саудовской Аравии. Это событие еще больше подтолкнуло Турцию к тесному военному сотрудничеству с Израилем. На проходившей в Тель-Авиве летом 1998 г. конференции «Турецко-израильский военный диалог» рассматривались ракетная угроза со стороны Ирана и проблема терроризма, активно поощряемого этой страной. Было подтверждено решение о совместном производстве ракет «Эрроу» и «Делила» дальнего радиуса действия с целью обеспечения защиты региона[16].

Весьма важным в контексте турецко-израильского стратегического партнерства представляется заявление, которое сделал премьер-

министр Израиля Б.Нетаньяху, выступая 1 сентября 1998 г. в Тель-Авиве на международной научно-практической конференции, проходившей под эгидой американской организации «Новая атлантическая инициатива». По словам израильского премьера, турецко-израильское сотрудничество призвано стать базисной структурой обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке. Вместе с тем Б.Нетаньяху счел нужным подчеркнуть, что не считает ось Иерусалим – Анкара «единственной основой региональной безопасности»[17].

Последнее замечание израильского премьера, видимо, было призвано хоть в какой-то мере развеять опасения Египта, Сирии и Греции, проявлявших заметную нервозность в связи с развитием военного партнерства между Израилем и Турцией.

7 сентября 1998 г. в Израиль с официальным визитом прибыл премьер-министр Турции Месут Йылмаз, совершавший турне по ряду стран Ближнего Востока. Наиболее значимым событием визита стало подписание турецко-израильского соглашения о свободной торговле между двумя странами. На совместной пресс-конференции глав правительств Б.Нетаньяху подчеркнул, что турецко-израильское сотрудничество, в том числе в области обороны и безопасности, «не направлено против какой-либо третьей страны». «Не направлено оно и против Сирии, – добавил он. – Напротив, мы заинтересованы в возобновлении мирных переговоров с Сирией и Ливаном»[18]. М.Йылмаз в свою очередь отметил, что «развитие отношений между Турцией и Израилем затрагивает не только обе эти страны, но имеет важное значение с точки зрения мира и стабильности в регионе»[19].

В сентябре 1998 г., вскоре после ближневосточного турне М.Йылмаза, в Каире состоялось совещание министров иностранных дел Лиги арабских государств (ЛАГ), итоги которого, на наш взгляд, заслуживают определенного внимания. В повестку дня совещания был включен вопрос о турецко-израильских отношениях. Подход арабского мира в этом вопросе был отнюдь не единодушен, на совещании прозвучали обвинения в адрес Сирии, оказывающей поддержку курдским повстанцам, было заявлено о необходимости прекращения этой помощи. Все это не могло не вызвать негодования сирийской стороны, усиленного еще и тем, что большинство арабских стран отказалось принять проект резолюции (подготовленный Сирией и Ливаном) о суровом осуждении Турции. Инициатива заблокировать данный проект принадлежала палестинскому лидеру Ясиру Арафату. «Холодным душем» для Сирии стали высказывания Я.Арафата, а также представителей Иордании и Омана о том, что турецко-израильский альянс не представляет опасности для арабского мира[20]. Таким образом, в конце 90-х годов можно было наблюдать изменение позиций ряда арабских стран в отношении турецко-израильского сотрудничества и отсутствие прежнего подхода по его полному и почти единодушному осуждению.

В декабре 1998 г. Израиль посетил командующий военно-воздушными силами Турции И.Килич. Он ознакомился с тем, как проходит модернизация самолетов F-4 турецких ВВС. Министр обороны Израиля И.Мордехай заявил турецкому генералу, что Израиль стремится к расширению военного сотрудничества с Турцией, И.Килич же в свою очередь отметил, что удовлетворен тем, как израильские специалисты выполняют программу модернизации, и сообщил, что на него произвел большое впечатление высокий уровень израильских технологий.

Турецко-израильское военное сотрудничество активно продолжалось и в последний год десятилетия: в мае 1999 г. в Турции состоялись совместные военно-воздушные учения, а в конце года традиционные военно-морские маневры. В соответствии с подписанным в феврале 1996 г. соглашением о сотрудничестве в оборонной области турецкие офицеры проходили обучение новейшим приемам ведения войны с помощью электронного оборудования и снаряжения в Израиле, а израильтяне использовали турецкое воздушное пространство и военные базы для подготовки своих пилотов[21].

В конце октября 1999 г. состоялся визит нового премьер-министра Израиля Эхуда Барака в Турцию. Это был первый официальный визит главы израильского правительства в Турецкую Республику. В ходе переговоров с турецким премьером Бюлентом Эджевитом и другими руководителями обсуждалась ситуация на Ближнем Востоке, вопросы расширения военного сотрудничества двух стран. Турецкая сторона заявила, что в повестке дня стоит вопрос о создании в южной Анатолии зоны свободной торговли для Турции, Израиля и США. Премьер-министры посетили торжественное открытие деревни, построенной израильтянами для пострадавших в результате разрушительного землетрясения на северо-западе Турции в августе 1999 г. Б.Эджевит выразил огромную признательность Израилю за помощь, оказанную в ликвидации последствий землетрясения.

Таким образом, стремительное развитие в 90-е годы турецко-израильского сотрудничества в различных областях, и в первую очередь в вопросах обороны и безопасности, стало важнейшим событием как в политике этих стран, так и в расстановке сил в регионе. Подобное стратегическое партнерство, по мнению авторов монографии «Безопасность в Средиземноморье в наступающем тысячелетии», дало возможность Израилю выйти из региональной изоляции, в которой он находился на протяжении десятилетий, Турция также получила немало выгод от тесного сотрудничества с еврейским государством. Союз Анкары и Иерусалима позволил ослабить опасность ирано-сирийского альянса, который рассматривается в обеих странах как источник региональной напряженности[22].

В целом всесторонний анализ позволяет сделать вывод, что военно-политический союз Турции и Израиля в 90-е годы нельзя расценивать как деструктивное или «агрессивное» явление в системе

региональных международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Скорее наоборот, турецко-израильское партнерство представляется весьма позитивным фактором, способным сыграть свою положительную роль в разрешении нынешнего палестино-израильского конфликта и общей стабилизации ситуации в регионе.

Итак, в конце 90-х годов Турцию и Израиль связывали тесные политические, военные и экономические отношения, базирующиеся на совпадении как тактических, так и стратегических интересов. И хотя в последнее время вследствие резкого обострения палестино-израильского конфликта уровень сотрудничества между двумя государствами несколько снизился, тем не менее, из всех стран исламского мира отношения Израиля с Турцией, основанные во многом на общих проблемах и сходных подходах к их решению, представляются наиболее прочными в долгосрочной перспективе.

[1] The Jerusalem Post, 04.11.1994.

[2] В отечественной туркологической литературе эта партия известна также под названием Партия благополучия (или благоденствия).

[3] Иванова И.И. Турецко-израильские отношения и проблемы региональной безопасности // Ближний Восток: проблемы региональной безопасности. – М., 2000, с. 82–83.

[4] Aktüel 1997. Yıllık, Istanbul, 1996, с. 74.

[5] Цит. по ст.: Киреев. Н.Г. Турция и Израиль – стратегические союзники на Ближнем Востоке (хроника военно-политического сотрудничества в 1994–1997 гг.) // Ближний Восток и современность. Вып. 5. – М., 1998, с. 110–112.

[6] Cumhuriyet, 12.03.1996.

[7] Гасратян С.М., Ушаков В.А. Израиль и Турция в контексте международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке // Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке и политика России на рубеже XXI века – М., 2000, с. 234.

[8] Sabah, 26.02.1997.

[9] Internationale Politik. 2000. № 11; Zaman, 08.04.1997.

[10] Инфо-ТАСС, 28.04.1997.

[11] Вести, 01.05.1997.

[12] Киреев. Н.Г. Турция и Израиль – стратегические союзники на Ближнем Востоке // Ближний Восток и современность. Вып. 5. – М., 1998, с. 130–131.

[13] Cumhuriyet, 12.05.1997; Radikal, 12.05.1997.

[14] Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. – М., 2001, с. 270.

[15] Jerusalem Post, 14.10.1997; Milliyet, 20.10.1997.

[16] Milliyet, 09.09.1998.

[17] Вести, 03.09.1998.

[18] Вести, 08.09.1998.

[19] Milliyet, 08.09.1998.

[20] Ibid, 19.09.1998.

[21] Arabic News.com, 24.05.1999.

[22] Mediterranean Security. Into the Coming Millennium. – Washington, 1999, c. 359.

К.В.Корякин

ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ

Израиль является одним из старейших направлений для международного туризма.

Главной специализацией Израиля в этом бизнесе является религиозный туризм. Даже если туристы не заявляют религиозные цели, туристский потенциал Израиля основывается прежде всего на религии. Основная цель большинства туристов, приезжающих в Израиль, – это Иерусалим, крупнейший в мире центр религиозного туризма. Кроме этого, развитие получили разнообразные виды познавательного туризма. В последнее время об Израиле все больше говорят, как о центре лечебного туризма. Важнейшее значение имеют курорты Мертвого моря, отличающиеся редким сочетанием лечебного эффекта минеральной воды, лечебных грязей и микроклимата. Тем не менее доля лечебного туризма в структуре предложения туристских услуг невелика. Только примерно 1% от всех иностранных туристов[1] приезжает в Израиль, чтобы поправить свое здоровье. Сохраняется роль традиционных видов пляжного отдыха.

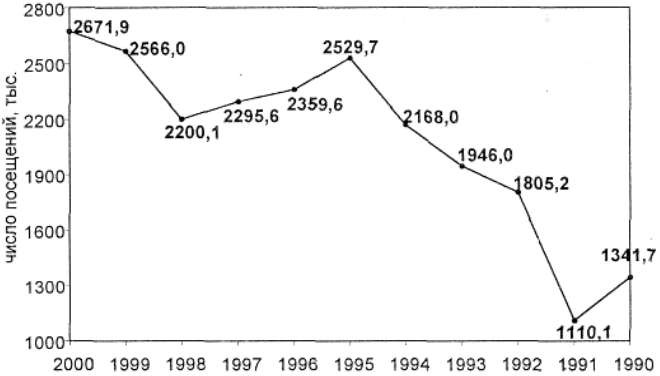
В настоящее время по числу посещений с туристскими целями Израиль опережает Уругвай, Данию и Филиппины, но несколько отстает от Кипра, эмирата Дубай и Зимбабве[2]. В 2000 г. Израиль посетили 2 млн. 672 тыс. чел. Среди них туристов (без круизных пассажиров) – 2 млн. 417 тыс. чел. Это самый высокий показатель за историю страны. Однако рост по сравнению с 1999 г. составил только 4%[3].

Всемирная туристская организация дает несколько меньшие числа[4], что связано с тем, что по критериям ВТО к туристам не относятся лица, которые не остановились на ночлег. В 1999 г. разница в оценках данных ВТО и министерства туризма Израиля, однако, составила около 13%. Эта разница, заключающая в себе «посетителей того же дня», могла быть гораздо большей за счет туристов из соседних стран. Сложная же политическая обстановка в регионе ограничивает развитие этого направления.

Всемирная туристская организация относит Израиль к Европейскому туристскому субрегиону, и его обычно сравнивают с Кипром и Турцией. Израиль принимает примерно столько же туристов, сколько Кипр, но сильно (в 3–4 раза)[5] отстает от Турции.

Рассмотрим динамику посещения Израиля иностранцами за истекшее десятилетие (см. график 1).

График 1. Динамика посещения Израиля иностранцами, 1990–2000 гг.



Источник: Arrivals by Mode of Travel, 2000. Министерство туризма Израиля. (http://www.tourism.gov.il/english/Download/8191329/*uah*1.doc)

Начиная с 1992 г. и вплоть до 1995 г. наблюдался быстрый рост числа поездок, который в дальнейшем сменяется уменьшением. По сравнению с 1991 г. в 1992 г. число посетителей увеличилось на 63%. В период 1993–1995 гг. рост был не столь значительным и составлял в среднем 12,2% в год. Причиной снижения числа посетителей в период 1996–1998 гг. был мировой финансовый кризис, поразивший развитые страны, являющиеся главными поставщиками туристов в Израиль. Сокращение числа поездок иностранцев было, однако, не очень значительным. В период 1996–1998 гг. убыль этого показателя составляла от года к году в среднем 4,6%. В 1999 г. число поездок, совершенных иностранными туристами в страну, резко увеличилось и превысило уровень весьма благоприятного для мировой индустрии туризма 1995 г. В 2000 г. мы опять можем наблюдать рост числа поездок, но гораздо меньший, чем ожидалось предварительно.

Израиль является одной из самых дорогих стран для туристов. В период зарождения индустрии туризма была выбрана стратегия на расширение туризма для гостей из развитых стран. Поэтому доля гостиниц класса менее 4 звезд очень невелика[6].

В 1996 г. в среднем каждый турист потратил в Израиле 1335 долл. Сравните с тем же показателем в США – 1390 долл. По расходам на одного туриста Израиль опережает Кипр и Турцию в 1,5–2 раза[7]. В связи с дороговизной туристских услуг в Израиле, суммарный доход страны от международного туризма превышает доход Кипра в 1,7 раз и почти достигает величины 3 млрд. долл. в год. Отставание от Турции по величине суммарного дохода примерно вдвое[8].

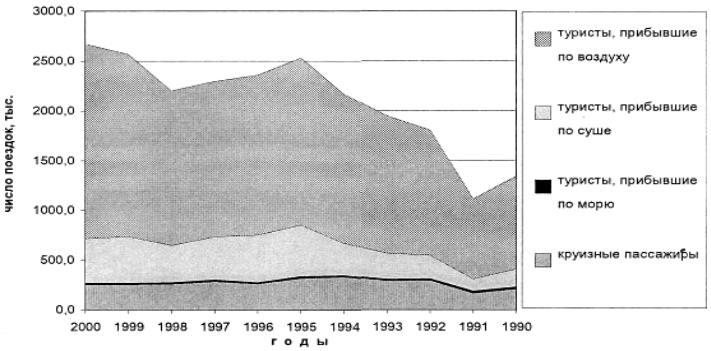
Главным партнером, организующим поездки туристов в Израиль, являются США, несмотря на абсолютное и относительное сокращение

числа граждан этой страны, посетивших Израиль в 2000 г. по сравнению с 1999 г. Итак, в 2000 г. граждане США совершили 19,4% всех поездок в Израиль с туристскими целями (518 тыс. чел). Вторым по направлению сюда туристов и круизных пассажиров была Великобритания, на которую пришлось 9,7% (258 тыс. чел). На третьем месте Франция, – 211 тыс. посетителей (7,9%). Четвертое и пятое места заняли Германия и Италия, число граждан которых в потоке посетителей составило соответственно 209 тыс. и 183 тыс. чел. На первую шестерку стран пришлось 52% от общего числа посещений. Остальные страны следовали в большом отрыве. Следующими были Нидерланды и Россия (96 тыс. и 95 тыс. чел. соответственно)[9].

Также интересно рассмотреть географию спроса на израильские туристские услуги в региональном разрезе. Ведущим регионом-поставщиком туристов в является Западная Европа[10]. В 1999 г. из этого региона в Израиль было совершено почти 1,5 млн. поездок (точнее – 1476 тыс.), а в 2000 г. этот порог был превышен, и данная величина составила 1587 тыс. чел. При этом доля Западной Европы в 2000 г. составила 59% в структуре потока международных туристов. Второе место занимал Американский континент (719 тыс. в 2000 г.), на который приходилось 27% от всех поездок. Одинаковые доли имели Восточная Европа (вкл. Россию) и Азия – по 10% (соответственно 268 и 269 тыс. чел.). При этом в 2000 г. жители Ближнего Востока совершили 143 тыс. поездок в Израиль, что составляет несколько больше 5% общей численности.

В связи со значительной удаленностью Израиля от основных потребителей туристских услуг ведущую роль в структуре доставки иностранных туристов играет воздушный транспорт (см. график 2 и табл. 1), роль которого неуклонно продолжает возрастать (в 2000 г. – 73% от всех поездок).

График 2. Изменение структуры прибытия иностранных посетителей по видам транспорта.



Источник: Arrivals by Mode of Travel, 2000.

Около 17% посетителей прибывает по суше. Туристы почти не пользуются морским транспортом, который от когда-то ведущего положения снизил свою долю до величины менее 1%, а доля круизных пассажиров в общем числе посетителей составляет около 10% (2000 г.). В последние годы значение этого вида туризма уменьшается как в относительных, так и в абсолютных числах[11].

Таблица 1

Структура иностранных посетителей по способу передвижения в 1990–2000 гг., %

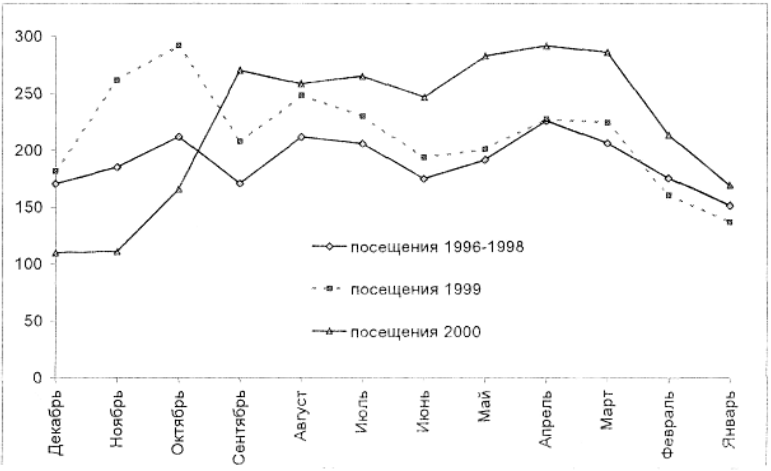
Год	Круизные пассажиры	Туристы (по способу передвижения)				все посетители
		суша	море	воздух	все туристы	
1990	15,7	13,1	1,7	69,5	84,3	100
1991	15,0	10,6	2,3	72,1	85,0	100
1992	16,4	13,0	1,0	69,6	83,6	100
1993	14,9	13,2	1,0	70,8	85,1	100
1994	15,2	14,7	0,9	69,2	84,8	100
1995	12,5	20,4	0,9	66,3	87,5	100
1996	11,0	20,0	0,7	68,2	89,0	100
1997	12,4	18,8	0,8	68,0	87,6	100
1998	11,7	16,9	0,7	70,6	88,3	100
1999	9,9	18,2	0,7	71,2	90,1	100
2000	9,6	16,7	0,6	73,1	90,4	100

Источник: Arrivals by Mode of Travel, 2000.

По суше в Израиль добираются[12] граждане Иордании и Ливана, (суммарно 1/5 от числа сухопутных посещений). Также по суше добирается большое число граждан развитых стран (США, Германии, Италии, Великобритании, Франции, Нидерландов), пересекающих границы с Египтом и Иорданией. Средствами морского транспорта пользуются граждане Украины, Кипра, Франции, а также таких удаленных стран, как США, Германия и Великобритания. Часто прибытие по морю значит то, что Израиль был конечным пунктом круиза по Средиземному морю и граждане удаленных стран используют морской транспорт по прибытии в один из портов Средиземного моря другими видами транспорта.

В течение года (см. график 3) можно выделить три максимума и три минимума в числе посещений (расчеты на 1996–1998 гг.). Максимальное число посетителей с туристскими целями приходится на март-апрель (1/5 всех посетителей), второстепенные максимумы приходятся на июль-август и октябрь. Минимальное число посетителей наблюдается в декабре-январе (6,6% в январе и 7,5% в декабре)[13]. Также низкое число посетителей бывает в сентябре и в июне.

График 3. Распределение поездок иностранных посетителей по месяцам года[14].



Пик, приходящийся на апрель-май, совпадает с еврейским праздником Песах и христианской Пасхой. Летний максимум, судя по всему, обусловлен традицией европейских туристов отдыхать именно в это время. Максимум в октябре совпадает с еврейским праздником Суккот, который в древности (вместе с праздниками Песах и Шавуот) был временем обязательного паломничества евреев в Храм.

Различное распределение по сезонности наблюдается по разным видам транспорта. Так, режим прибытия по морю сильно отличается от остальных путей. Здесь более выражены максимумы в июле-августе и сентябре и глубокий зимний спад. В августе приезжает 14% всех круизных пассажиров. Максимум же прибытия туристов морским транспортом приходится на июль – 17% от их годового числа (суммарно на июль и август – 29%). Что касается зимы, то за период 1996–1998 гг. на январь и декабрь приходилось соответственно 4% и 5% от годового числа круизных пассажиров и туристов, прибывающих морским транспортом[15].

По данным на 2000 г., 1/5 иностранных туристов заявляла свою иудейскую религиозную принадлежность[16]. Это примерно 534 тыс. человек. Бóльшая часть евреев приезжает из США и Франции (55%, соответственно 181 и 114 тыс. человек). Вместе с Великобританией, из которой в 2000 г. приехали 70 тыс. евреев-туристов, доля составляет 68%, т.е. более 2/3. Следующей по численности шла Германия, из которой прибыло только 10,5 тыс. евреев-туристов. А самой высокой долей евреев среди основных стран-поставщиков туристов

выделялась Франция – евреи составили 54% в суммарном потоке туристов из этой страны.

Таблица 2

Религиозная принадлежность туристов, прибывших в Израиль в 2000 г., %.

	Всего	США	Франция	Великобритания	Германия	Италия	Швеция
Евреи	20	35	54	27	5	3	8
Протестанты	18	18	10	29	51	3	59
Католики	33	20	29	12	26	91	4
Другие христ.	11	13	2	12	5	0	9
Др. и неизв.	18	13	5	20	13	3	21
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Findings From the Tourist Survey, 2000. Министерство туризма Израиля (http://www.tourism.gov.iI/english/Download/82096/i/aft8.doc).

На протяжении полувека при абсолютном росте числа туристов наблюдается относительное снижение в общем их числе доли еврейских посетителей.

Так, в начале 1970-х годов, на них приходилось 60–65%[17], а в 2000 г. их доля составила 20%.

По некоторым данным[18], при обострении социально-политической ситуации в регионе еврейский туристский поток отличается большей стабильностью, чем поток остальных категорий посетителей. Причиной этого являются более прочные связи еврейских посетителей с Израилем, а также то, что основные объекты их туристского интереса располагаются за пределами палестинских территорий.

Основной проблемой развития индустрии туризма является отсутствие общественно-политической стабильности в Ближневосточном регионе, а также опасность совершения террористических актов. Обострение отношений евреев и палестинцев приводит к резкому сокращению числа иностранных посетителей и большим потерям в сфере туристского бизнеса.

Ранее предполагалось, что число поездок иностранцев в Израиль в 2000 г. будет гораздо больше. Анализ изменения числа посещений по месяцам года позволяет сделать вывод о том, что выгода от ожидаемого эффекта конца тысячелетия была упущена в осенне-зимний период, когда обострение социально-политической ситуации привело к резкому снижению числа поездок. За период с января по сентябрь 2000 г. прирост числа посещений составил 25% по сравнению с тем же периодом 1999 г. При этом наибольший прирост был в мае – 40%. С октября по декабрь число посетителей Израиля было почти в два раза (1,9) ниже, чем за тот же период 1999 г. В январе-сентябре 2000 г. число посещений Израиля составило примерно на 450 тыс. больше, чем за тот же период 1999 г. Однако в течение последних трех месяцев страну посетило примерно на 350 тыс. чел. меньше, чем в это же время

в предыдущем году. В результате в 2000 г. по сравнению с 1999 г. прирост составил немного более 100 тыс. поездок. Таким образом, 5-летняя подготовка к концу тысячелетия во многом не оправдала ожиданий.

Тенденция увеличения туристских посещений Израиля в последние годы сопровождается усилением туристской активности населения страны и увеличением выезда за рубеж с туристскими целями. В результате складывается отрицательный баланс в доходах от туризма и расходах на него. Таким образом, Израиль больше тратит на туризм, чем получает от него.

Так, в 1996 г. отрицательный баланс составил 560 млн. долл. Впервые баланс стал отрицательным в 1990 г., когда наблюдалось снижение доходов от туризма по сравнению с предыдущим годом, и величина баланса составила – 60 млн. долл., а в 80-е годы баланс был положительным[19].

В 1991 г. опять имело место снижение доходов от туризма при неуклонном росте расходов израильтян на международный туризм. В результате величина отрицательного баланса составила примерно 0,25 млн. долл. В 1992 г. положение с доходами нормализовалось, и они снова превысили расходы израильтян. Однако начиная с 1993 г. становится очевидным значительное превышение темпов роста расходов израильтян на международный туризм над доходами страны от туризма. И с этих пор мы наблюдаем ежегодный отрицательный платежный баланс. По суммарным расходам на иностранный туризм Израиль вдвое превосходит Турцию, население которой в 10 раз больше[20].

Стоит сказать, что отмеченная тенденция наблюдается в большинстве развитых стран. Причиной тому является рост благосостояния населения Израиля (общая тенденция в развитых странах), а также все более увеличивающаяся доля новых репатриантов, в определенной мере сохраняющих связи с местами прежнего жительства за рубежом и поддерживающих эти связи посредством туристских поездок.

[1] Findings From the Tourist Survey, 2000. Министерство туризма Израиля (http://www.tourism.gov.il/english/Download/82096/uaft8.doc).

[2] WTO Tourism Highlights 2000, с. 16–21.

[3] Arrivals by Mode of Travel, 2000. Министерство туризма Израиля. (http://www.tourism.gov.il/english/Download/8191329/uaft1.doc).

[4] Compendium of Tourism Statistics, Edition 21. World Tourism Organization, Madrid, Spain, 2001.

[5] Tourism Market Trends, WTO, 1997, с. 101.

[6] Каценельсон Е.М. Святая Земля ждет паломников и туристов // Туристские фирмы. Выпуск 19. – СПб. 1999, с. 257.

[7] Tourism Market Trends, с. 39.

[8] Ibid, с. 103.

[9] Distribution of Visitors by Nationality, 2000. Министерство туризма Израиля. (http://www.tourism.gov.il/english/Download/8191343luah3.doc).

[10] lbid.

[11] lbid.

[12] Израильское бюро статистики (http://www.cbs.gov.il).

[13] Расчеты по данным Министерства туризма Израиля и Бюро статистики Израиля.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Findings From the Tourist Survey, 2000.

[17] Зачиняев П.Н., Фалькович Н.С. География международного туризма. – М., 1972, с. 166.

[18] Tourism Cooperation in the Levant: Executive Summary/ The Washington Institute for Near East Policy (http://preview.marketresearch.com/info/com.marketresearch reports 684215.html?se=ink).

[19] Israel 1995. Länderbericht. Statistisches Bundesamt. / Statistik des Auslandes, 1995, c. 130; Tourism Market Trends, c. 105.

[20] Ibid.

В.В.Кравченко

РОЛЬ ВОЕННОГО РЕЖИМА ЗИЯ УЛЬ-ХАКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПАКИСТАНА

Для политической истории Пакистана характерно чередование гражданского и военных режимов: с октября 1958 г. по июнь 1962 г. в стране существовал военный режим Айюб-хана, с марта 1969 г. по декабрь 1971 г. – Яхья-хана, с июля 1977 г. по декабрь 1985 г. – М.Зия уль-Хака. В октябре 1999 г. в Пакистане вновь произошел военный переворот, и к власти пришел генерал Первез Мушарраф. Следовательно, политическое развитие Пакистана носит циклический характер. Но вместе с тем каждый последующий режим существенно отличался от предыдущего. Различия определялись конкретными условиями, в которых военные осуществляли власть, целями и задачами, которые они перед собой ставили, и, соответственно, содержанием их политического курса[1].

Общим же для всех военных режимов Пакистана является то, что их установление было ответом на обострение внутренних противоречий в стране. В таких условиях в государственном управлении усиливались авторитарные тенденции, что приводило в наиболее острых ситуациях к установлению открытой военной диктатуры.

Установление режима Зия уль-Хака было реакцией традиционалистских, консервативных сил общества на меры по его модернизации, предпринятые правительством З.А.Бхутто в 70-е годы[2]. Правые силы использовали недостатки в деятельности его правительства, ухудшение экономического положения, снижение уровня жизни населения под влиянием мирового экономического кризиса 1974–75 гг. Авторитарные действия З.А.Бхутто вызвали недовольство общественности, и 5 июля 1977 г. в Пакистане был установлен военный режим под руководством генерала Зия уль-Хака[3]. Этот режим действовал в интересах земельной аристократии и крупных промышленников. Отменялись реформы, объявленные прежним правительством, был взят курс на развитие частного предпринимательства, ограничение государственного сектора, денационализацию предприятий. Те круги Пакистана, в руках которых были сосредоточены крупные капиталы, выступали против модернизации пакистанского общества, проводимой З.А.Бхутто. Здесь их интересы совпадали с интересами традиционалистов. В то же время отличительной чертой режима Зия уль-Хака стало проведение исламизации в стране с целью укрепления позиций Пакистана в условиях

роста исламизма в мире в тот период, а также для «легализации» своего правления. Политика исламизации правительства Зия уль-Хака усилила позиции традиционалистов в социально-экономической, политической и духовной сферах жизни пакистанского общества.

Курсу Зия уль-Хака противостояла оппозиция, в основном состоявшая из представителей высшей бюрократии: они не хотели терять те позиции в экономике, которыми располагали в результате национализации ряда ее важных отраслей. Против режима выступали и демократические силы. В отличие от предшествующих военных диктаторов Зия уль-Хак не отменил, а лишь временно приостановил действие Конституции Пакистана. Хотя вся жизнь страны регулировалась законодательными актами и указами президента и главы военной администрации, все же сохранялся основной закон, а в ряде случаев действия властей совершались в соответствии и с положениями Конституции. В частности, избранный президентом страны в августе 1973 г. Фазал Елахи Чоудхри оставался на своем посту до августа 1978 г., то есть до тех пор, пока не истек установленный Конституцией пятилетний срок.

Режим Зия уль-Хака использовал в качестве своих союзников политические партии, организации, политических деятелей. После военного переворота 1977 г. политическая деятельность была ограничена, но не запрещена, политические партии и общественные организации продолжали действовать. Режим опирался главным образом на религиозно-общинные партии правого толка, их представители входили в состав кабинета министров. В сентябре 1978 г. генерал Зия уль-Хак стал президентом. В период этого военного режима проводились выборы в органы местного самоуправления. При этом их структура и функции не были затронуты в отличие от предыдущего военного режима Айюб-хана, который ввел систему «основ демократии» взамен прежде существовавших органов власти на местах.

В 1982 г. был образован федеральный консультативный совет («маджлис-и-шура»). Данный совещательный орган был представлен как наиболее соответствующий исламской государственной системе. В пропагандистских целях власти часто проводили конференции представителей различных групп населения – рабочих, крестьян, студентов, женщин, религиозных деятелей. На них с участием руководителей страны обсуждались актуальные проблемы Пакистана. Подобные мероприятия в условиях отсутствия высших выборных органов власти создавали видимость причастности широких слоев населения к управлению государством. Таким образом, можно сделать вывод о том, что военный режим в Пакистане стремился сочетать военные и гражданские методы руководства. Об этом свидетельствует и то, что Зия уль-Хак проводил политическое и социальное маневрирование, умело используя усиление исламских настроений.

Режим объявил целью своей политики исламизации создание подлинного исламского общества, свободного от недостатков и пороков

современности, достижение всеобщего равенства и благоденствия. В целях борьбы с бедностью были реализованы некоторые исламские принципы в экономике, в частности, введены налоги закят и ушр, которые предусматривают определенные отчисления средств имущих в пользу инвалидов, вдов, сирот, нетрудоспособных.

Военный режим осуществлял маневры и в национальном вопросе. Ценой уступок удалось урегулировать ситуацию в Белуджистане, где в 70-е годы шла вооруженная борьба против правительства З.А.Бхутто. В результате проводимой политики усилился процесс изменения соотношения сил в составе элиты страны. Долгое время ведущая роль в ней принадлежала высшим слоям переселенцев-мусульман из Индии (мухаджиров), теперь же их позиции были ослаблены усилением верхушки пуштунов. Возвышение этой национальной элиты привело к ослаблению движения пуштунов за автономию.

В провинции Синд во времена военного режима привилегии синдхов были ограничены в пользу представителей других национальностей. Руководство страны привлекло на свою сторону ряд политических и общественных деятелей провинции, которым были предоставлены различные посты в системе государственного управления. Так, на заключительной стадии военного режима синдский политический деятель М.Х.Джунеджо стал премьер-министром.

В то же время военное руководство проводило репрессии в Синде: политическая деятельность была запрещена, многие демократические и оппозиционные деятели были посажены в тюрьму, некоторые из них казнены. Проводилась политика переселения в Синд представителей других национальностей, главным образом из Пенджаба и СЗПП.

В результате мухаджиры стали представлять собой оппозиционную силу, выступающую против панджабско-пуштунского засилья. Они начали бороться за создание отдельной провинции, где стали бы численно преобладать. Ими создана организация – «Национальное движение мухаджиров», влияние которой выходит за рамки одной провинции и ощущается в общей политической жизни страны. Следует отметить, что в Синде оппозиция военному режиму была особенно сильна, и в 1983 г. она проявила себя, подняв вооруженное восстание.

Политика социального и политического маневрирования позволила военному режиму Зия уль-Хака просуществовать достаточно долго – восемь с половиной лет. По сравнению с предшествующими военными режимами, которые стремились свести к минимуму пребывание армии у власти, во времена правления Зия уль-Хака утвердилось представление о том, что, по причине слабости демократических традиций и наличия комплекса серьезных внутренних противоречий в стране, участие армии в политической жизни закономерно и необходимо. В связи с этим режим Зия уль-Хака считал себя частью политической системы общества, выражающей интересы большинства населения.

Соответственно сроки существования военного режима определялись целесообразностью с точки зрения политической элиты. Такой подход к политической роли армии проявлялся в стремлении сохранить активное участие вооруженных сил в политической жизни и после отмены военного режима в 1984 г. Правительство следило за положением и настроениями в армии и регулярно осуществляло кадровые перестановки в офицерском корпусе. Стало правилом назначать на высшие командные посты только сторонников режима.

Режим поддерживали также и исламские традиционалисты, поскольку политика исламизации, проводимая Зия уль-Хаком, укрепляла их позиции в стране, повышала авторитет среди населения. Что же касается внешней поддержки, ее благодаря «афганской политике» Исламабада[4] оказывали США, страны Западной Европы и мусульманские страны Юго-Западной Азии. Руководство Пакистана анализировало международную обстановку и стремилось использовать ее в своих интересах: это и привлечение иностранного капитала, и сотрудничество с США, Китаем, нефтедобывающими странами Персидского Залива и странами Азии[5].

Спецификой военных режимов в Пакистане является наличие особого периода, который наступает после отмены военного положения. Высшая государственная власть в это время принадлежит бывшим военным диктаторам, которым все же приходится делить ее с различными политическими группировками, а курс государства во многом является продолжением политики военного режима.

Если говорить о режиме Зия уль-Хака, то переход от военного режима к гражданскому правлению осуществлялся постепенно, и в значительной мере под контролем военных властей. Высшая государственная и военная власть в то время сосредоточилась в руках одного человека. Военная и гражданская бюрократия имела преобладающее влияние на внутриполитическую ситуацию в стране.

После гибели Зия уль-Хака в 1988 г. в Пакистане были восстановлены конституционно-демократические институты. Однако действовали они малоэффективно. Политические кризисы следовали один за другим. В конце концов к власти в очередной раз пришли военные. Новый руководитель генерал П.Мушарраф учел, естественно, опыт своего предшественника при проведении собственного политического курса.

Установив свою власть 12 октября 1999 г., П.Мушарраф поставил задачи ослабить действия экстремистских организаций, с вызовом которых он столкнулся практически в самом начале своего правления, улучшить экономическую ситуацию в стране и подготовить условия для возрождения демократии и восстановления институтов гражданского правления[6]. 23 марта 2000 г. Мушарраф заявил, что он, в качестве первого шага на пути к восстановлению демократии, проведет выборы в органы местного самоуправления. Одновременно военное руководство объявило о расширении административной и

финансовой самостоятельности местных органов власти. По уверению властей, эти меры создадут основу для демократии.

Правительство Пакистана разработало четырехэтапный план, в соответствии с которым должно идти развитие демократического процесса в Пакистане. Данный план включает в себя создание всех основных институтов, необходимых для осуществления гражданского правления: избрание представительной власти и местной администрации, обладающих широкими полномочиями. Но вместе с тем следует отметить, что, в сущности, все эти меры направлены на укрепление власти руководства и создание социально-политической базы, на которую оно сможет в дальнейшем опираться. Кроме того, создаваемая демократическая система государственной власти будет иметь весьма существенный недостаток: она не включает выборы главы государства – президента. 20 июня 2001 г. генерал Мушарраф занял пост президента. Скорее всего, он сохранит этот пост в течение пяти лет, как это предусмотрено конституцией. Кроме того, он остается командующим вооруженными силами Пакистана. Таким образом, Мушарраф сосредоточил в своих руках гражданскую и военную верховную власть. Активно маневрируя, Мушарраф стремится опираться не только на армию, которая традиционно сильна в пакистанском обществе, но и на всенародно избранные органы власти. Это позволяет ему прикрывать свою политику наличием системы конституционно-парламентских органов власти, укреплять свое влияние в масштабе всего государства, принимать действенные меры по стабилизации обстановки внутри страны и проводить более гибкую политику на международной арене.

Еще до террористических актов 11 сентября 2001 года в США правительство П.Мушаррафа стремилось дистанцироваться от наиболее одиозных действий талибов в Афганистане. Исламабад обещал присоединиться к наложенным ООН санкциям на кабульский режим и выступил против разрушения талибами уникальных статуй Будды, ареста иностранных миссионеров, приказа всем индусам носить желтые повязки на территории Афганистана.

После событий 11 сентября официальный Пакистан выступил на стороне антитеррористической коалиции, а П.Мушарраф заявил, что в задачи правительства не входит «спасение режима талибов»[7]. Но вместе с тем обстановка в Пакистане весьма осложнилась. Позиции официального Пакистана у значительной части населения оцениваются противоположно. Звучат требования о прекращении поддержки правительством антитеррористической коалиции. В таких условиях дальнейший переход к гражданскому правлению находится под вопросом. Тем не менее Мушарраф продолжает маневрирование. Он взял курс на сближение с Западом, стремясь получить поддержку мирового сообщества в борьбе с терроризмом, а главное – экономическую помощь для находящейся в крайне тяжелом положении страны.

Нынешние формы и методы руководства страной свидетельствуют о том, что политическое развитие Пакистана продолжает идти по циклическому принципу чередования гражданских и военных режимов с учетом опыта и недостатков предшественников.

[1] Москаленко В.Н. Некоторые характерные черты и особенности военного режима М.Зия-уль-Хака // Специальный бюллетень Института востоковедения РАН. – М., 1988. – № 1. – С. 3.

[2] Там же, с. 6–7.

[3] Шерковина Р.И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане. – М., 1983, с. 231.

[4] Москаленко В.Н., Мукимджанова Р.М. Основные направления внешнеполитической деятельности режима М. Зия уль-Хака // Специальный бюллетень Института востоковедения РАН. – М., 1988. – № 1. – С. 34–35.

[5] Mehtab Ali Shah. The foreign policy of Pakistan: Ethnic Impacts on Diplomacy. – New York, 1997, c. 15.

[6] Белокреницкий В.Я. Россия и Пакистан: взлеты и падения двусторонних отношений // Азия и Африка сегодня. – 2001. – № 5. – С. 42–47.

[7] Кравченко В.В. Чем закончится внутриполитическое маневрирование Мушаррафа? // Азия и Африка сегодня. – 2001. – № 12. – С. 3–5.

А.В.Листопадова

АРАБСКОЕ МЕНЬШИНСТВО В ИЗРАИЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

На май 2000 г. нееврейское население Израиля составляло 1342,4 тыс. человек (21,45% из общего населения страны). Самой большой группой нееврейского населения страны (1227,4 тыс.) являлись мусульмане – 883,9 тыс., соответственно 14, 8% всего населения и 72% всего нееврейского населения государства. Арабское меньшинство не однородно в конфессиональном отношении: оно состоит из мусульман (76,1%), христиан (14,8%) и друзов (9,1%)[1]. Бедуины – арабы по национальности и мусульмане по вероисповеданию – официальной израильской статистикой считаются отдельной группой, потому как руководство страны было заинтересовано в расколе нееврейского меньшинства, осуществляемом на основе пристрастного отношения к разным общинам.

Израильские арабы являются одновременно и демографическим и социологическим меньшинством. Последнее означает, что эта группа населения не представлена в высших слоях государственного руководства – политического, хозяйственного и военного – и оттого чувствует себя обделенной по сравнению с господствующей нацией. Примечательно, что принадлежность к той или иной отдельной группе внутри арабского сектора определяет положение в израильском обществе и долю получаемых благ. Несмотря на приверженность Государства Израиль демократическим принципам, на практике арабское меньшинство всегда подвергалось определенной дискриминации в социально-экономическом, политическом и культурном аспектах. Руководство страны на протяжении долгого времени осуществляло несбалансированный подход к национальным меньшинствам. Сюда относится предпочтение друзской общины мусульманской и институализация обособленности друзов с целью удержать их подальше от арабов-мусульман. Государство стремится создать «друзское самосознание», поэтому просьбы друзов считать их арабами отклоняются. «Друз» записывается в графу «национальность».

В 90-е годы израильский социолог С.Смуха предложил применительно к Израилю концепцию «этнической демократии», при которой арабское меньшинство пользуется индивидуальными и коллективными правами, но преобладание еврейского большинства институционализируется через символику государства, его законы и учреждения.

Сходную теорию выдвинул и другой израильский ученый И.Пелед: он характеризует Израиль как «этнореспубликанское государство», где арабы наделяются правами, полагающимися им как частным лицам, но «благом общества» считается только то, что имеет отношение к евреям.

Нужно отметить, что при отсутствии политической автономии израильские арабы обладают определенной культурной автономией. Арабский язык является государственным языком, они имеют право обучаться на родном языке, чего нет у другой крупной израильской общины – выходцев из стран СНГ. Арабы могут сдавать психотест в университеты на своем языке, а «эфиопы» – нет. Государство Израиль никогда не стремилось подвергнуть сомнению право арабов на собственную культуру, когда в отношении выходцев из восточных стран осуществляло политику «плавильного котла». Цель этой работы – показать, чем обернулось для арабов создание Государства Израиль, как трансформировалась его национальная политика по отношению к арабам, сравнить положение арабов с положением других групп в израильском обществе. Одна из задач – разобраться в причинах возникновения «арабского вопроса» и в отношении самих арабов к своему положению в Государстве Израиль.

В начале XX века большинство населения подмандатной Палестины составляли арабы. Накануне первой мировой войны это было традиционное аграрное общество, где главной формой богатства, определяющей социальный статус, была земля. Во время установления британского мандата (1920 г.) феллахи составляли 75% от общего числа арабов. Арабское население Палестины характеризовалось резким преобладанием сельского населения, патриархальным укладом жизни, низким образовательным уровнем и отсталыми формами экономики[2].

Палестинские арабы кардинально отличались от евреев Палестины и арабов соседних стран и полуколониальных образований Ближнего Востока. У палестинских арабов не было международного признания их национальных особенностей, не было в тех исторических условиях национального единства и условий для осознания необходимости государственности и независимости, которые должны были «естественно» проистекать из их статуса большинства. Им были свойственны общинные формы управления, а элементы государственного воздействия отсутствовали[*].

---

[*] В этом отношении очень показателен контраст с другими арабскими странами. К 1946 г. Йемен, Саудовская Аравия, Египет, Ирак, Сирия, Ливан и Трансиордания уже получили независимость. Только Алжир (и Ливия до поражения итальянских войск во II-й мировой войне) находился в полной колониальной зависимости, его местное население не имело фактически никаких прав и не обладало контролем над своими внутренними делами.

В такой ситуации Палестина оказалась объектом переселенческой колонизации, в процессе которой прибывающее европейское население на основе ряда деклараций получало больше политических прав и привилегий, чем арабское большинство этих территорий[3]. Символической является формулировка Декларации Бальфура, упоминающая «существующие нееврейские общины Палестины» и замалчивающая присутствие там палестинцев как народа и наличие у них особых политических или национальных прав. Палестинцам не дали права на создание автономных полугосударственных структур, права на национальное самоопределение, они также не имели доступа в правительство, созданное мандатными властями. В течение двух десятилетий, предшествующих независимости Государства Израиль, в еврейском поселении уже сложилась автономная и зрелая политическая система, существовали свои финансовые, военные и образовательные структуры. У национальных еврейских организаций был официально признанный британскими властями статус. Переселенческая и колонизационная деятельность руководителей нового ишува приводила к напряжению между двумя этническими группами и закладывала основы будущего национального конфликта.

В период британского мандата все органы самоуправления ишува носили выраженный национальный характер. Руководство ишува не допускало арабских рабочих в такие учреждения, как Гистадрут и другие профессиональные организации, в Еврейское агентство, во Всеобщую федерацию трудящихся, в партии. Оно также проводило различие между национальными правами евреев в Палестине и правом арабов продолжать жить в этой стране в качестве отдельных индивидуумов. Д.Бен-Гурион говорил о «еврейском народе» и «арабской общине».

В период с 1933 г. по 1936 г. доля евреев в населении Палестины выросла с 18% до 30%. Только в 1935 г. почти 62 тысячи евреев прибыли в Палестину, что превышало все еврейское население в 1919 г.[4] Каждая новая алия порождала волны насилия, усиливавшиеся год от года, так как многие палестинцы пострадали в результате скупки земель и выселений, а также в результате проводимой ишувом политики «еврейского труда», оказавшегося предпочтительней арабского.

Во всех сионистских партиях царило согласие по поводу связи еврейского народа с территорией Эрец-Исраэль. Неясным оставалось, как определить территориальные границы воплощения идеала – создания еврейского государства – и как быть с арабским большинством Палестины[5].

В 30-е годы представители рабочего движения в руководстве ишува еще верили в возможность создания еврейского государства на части территории Палестины без перемещения масс арабского населения или без ущемления его интересов, но их надежды оказались неосуществимыми в свете растущего арабского национализма. Всеобщее арабское восстание 1936–1939 гг. достигло масштабов граждан-

ской войны. Арабы требовали запрета еврейской иммиграции, запрещения передачи земли евреям и создания арабского национального правительства. После этого нельзя было отрицать существование в Палестине арабского национального движения, в котором участвовали широкие слои арабского населения[6]. Правда, признание этого факта не означало признания национальных прав арабского народа на Палестину.

Арабские волнения заставили руководство ишува усомниться в возможности урегулирования нарастающего конфликта мирным путем. В 30-е годы стал особо актуальным вопрос о безопасности, национальная проблематика занимала центральное место в идеологических разногласиях ишува.

К концу II мировой войны еврейское население Палестины превратилось в сплоченную общину, способную противостоять своим врагам, ишув был готов к созданию независимого государства. Его политическое руководство избегало серьезного обсуждения будущего статуса арабов в еврейском государстве. Существовало представление о том, что когда евреи станут большинством, проблема палестинцев будет сведена к вопросу о правах национальных меньшинств, который можно будет решить при наличии доброй воли обеих сторон.

В ночь с 14 на 15 мая 1948 г., сразу после обнародования Декларации независимости Израиля, пять арабских стран открыли военные действия против только что провозглашенного государства. В течение всего нескольких месяцев после начала войны численность арабского населения сократилась более чем вдвое: людей изгоняли или они сами оставляли свои дома, спасаясь бегством. Большая часть арабского населения Палестины направлялась в соседние арабские страны. Последствием «катастрофы», именно так называется в арабской историографии война 1948 г., стала проблема 150 тыс. палестинских беженцев, разделенных, проживающих в чужих государствах и лишенных прав.

Оставшееся в Государстве Израиль меньшинство лишилось своей политической, экономической и социальной элиты, снизилась значимость многих крупных городских центров, бóльшая часть арабских деревень была разрушена в ходе военных действий. Война за независимость вылилась для арабов Палестины в потерю статуса и поражение на поле боя. В новом государстве арабы стали меньшинством, интересы которого практически не принимались в расчет.

Значительная часть арабских деревень (около 400) была захвачена израильской армией к 1949 г., земли были конфискованы, владельцы выселены, им запрещено возвращаться. В результате Войны за независимость 77% палестинских территорий оказались под израильским контролем, и на них еврейское население стало большинством.

Массовая миграция палестинских арабов, которая началась с высших и средних классов, подстегивалась действиями еврейских военных отрядов и слухами о возможных зверствах израильских солдат,

с одной стороны, и приказами арабских лидеров женщинам и детям покинуть дома и очистить местность для боевых действий, с другой[7]. Арабские государства также ответственны за судьбу палестинских арабов: они не были готовы принять беженцев, не желали пойти на компромисс, не могли и не желали абсорбировать беженцев.

15 мая 1948 г. стало не только датой основания Государства Израиль, но и знаком поражения одной из сторон в борьбе за Палестину, крушением надежд на осуществление плана ООН о ее разделе.

В начале 1948 г. арабы составляли более двух третей населения (почти 1,4 млн. чел.) и представляли большинство в пятнадцати из шестнадцати округов подмандатной Палестины. Помимо этого, в частной собственности арабов находилась большая часть палестинских земель. В период с 1949 г. по 1966 г. Палестина подверглась серьезным изменениям. Арабское население превратилось в национальное меньшинство в новом государственном образовании, оказалось под властью военного режима, утратило свой статус и имущество. Арабское население, оставшееся в стране, жило на периферии, в сельской местности, было отсталым и консервативным, не имело признанных общенациональных лидеров.

Декларация независимости определила Государство Израиль как государство еврейского народа, но одновременно провозгласила намерение осуществить «полное равенство социальных и политических прав для всех граждан без различия религии, расы и пола». Д.Бен-Гурион не скупился на заверения, аналогичные следующему: «Отношение этого еврейского государства к арабским и другим гражданам будет основываться на полном равенстве, словно бы речь шла о евреях. Государство будет всячески способствовать тому, чтобы арабы смогли сохранить арабский язык, свою национальную культуру, религию и обычаи»[8].

Выступая в 1946 г. перед членами англо-американской комиссии по Палестине, Д.Бен-Гурион предложил формулу: «данная страна принадлежит еврейскому народу и живущим в ней арабам», и заявил, что в случае создания еврейского государства его арабские граждане получат «полное равноправие» и возможность «быть избранными на любые должности». М.Шарет, первый министр иностранных дел, пообещал также, что «ни евреи Эрец-Исраэль, ни еврейская религия, ни какое бы то ни было еврейское учреждение не получат более высокого статуса»[9].

При этом символика нового государственного образования была сугубо еврейской. Максимум, на что могли рассчитывать палестинские арабы, оказавшиеся под властью сионистов, – это культурная автономия, да и то, как выяснилось впоследствии, в крайне урезанном виде.

Если до мая 1948 г. еврейские военные отряды на территории Палестины вели борьбу с ее коренным населением, то после провозглашения Государства Израиль его арабские граждане стали восприниматься государственными органами и общественностью как пятая

колонна, что не могло не отразиться на политике, проводимой на протяжении долгого времени по отношению к ним.

Сразу после основания Государства Израиль и во время Войны за независимость военно-политический истеблишмент страны рассматривал проблему статуса арабского меньшинства как сугубо военную, а отношение властей к арабскому населению страны определялось соображениями безопасности. По этой причине в 1950 г. был введен режим военной администрации, который почти 20 лет ведал делами арабской общины.

Военная администрация была призвана предупреждать попытки местного арабского населения оказывать помощь соседним государствам в случае агрессии со стороны последних, препятствовать созданию националистических организаций антиизраильской направленности, следить за передвижением арабов. В праве военных губернаторов было подвергнуть любого жителя подведомственной территории домашнему или административному аресту, отправить его в ссылку или депортировать, отдать приказ о сносе дома или конфискации имущества, урезать свободу передвижения, ввести комендантский час или объявить ту или иную территорию запретной зоной. Подобная форма правления накладывала значительные ограничения на многие общепринятые гражданские свободы, а ее существование вызывало сомнения с точки зрения международного права.

Во второй половине 50-х – первой половине 60-х годов проходил процесс относительной либерализации военного режима. В 1957 г. были отменены ограничения на передвижение для всех, кто отслужил в армии (главным образом для друзов и черкесов), и для арабов Акко и Афулы. В 1962 г. членам друзской и черкесской общин разрешили свободно передвигаться по всей стране, арабы же получили ряд послаблений. Таких, как право обжаловать вердикты военных судов или получать годовые разрешения на поездки вместо однодневных или месячных. Только в 1963 г. арабам позволили ходить и ездить в любое время суток по тем районам, в которые они ранее имели доступ лишь днем. В январе 1966 г. им предоставили полную свободу передвижения по Назарету и Центральной Галилее, а в декабре военная администрация была ликвидирована.

Израильские арабы в течение рассмотренного периода утратили значительную часть своих земельных наделов в первое десятилетие существования еврейского государства. Подобная практика ущемления их прав собственников частично осуществлялась и позднее. Изымать земли прекратили только после так называемого Дня земли (30 марта 1976 г.). Утрата земли подорвала экономическую самостоятельность арабской общины, сделала ее зависимой от еврейского хозяйства с точки зрения источников средств к существованию и трудоустройства, привела к перенаселению деревень, что, в свою очередь, вызывало пролетаризацию населения, подрывающую традиционный уклад сельской жизни.

К концу британского мандата во владении евреев находилось лишь 8% палестинской земли, но после создания государства свыше 90% земель стало частной или общественной еврейской собственностью. Помимо «заброшенных участков» палестинских беженцев, после 1948 г. было изъято 40–60% наделов израильских арабов. В основном эти участки предназначались для еврейского населения, и только самая малая их часть отводилась для общественного пользования. Изъятие земель проводилось на основании ряда законов. Так, Декрет о недвижимости от 1943 г. давал возможность отчуждать земельные участки, не мотивируя это ни военными, ни какими-либо иными нуждами. Уложение об обороне (чрезвычайные обстоятельства) (статья 125) разрешало провозгласить любой пункт «запретной зоной», доступ в которую закрыт. Арабы, которым на основании этой статьи запретили вновь занять покинутые ими ранее дома и земли, превратились в «наличествующих отсутствующих». Уложение о чрезвычайной ситуации (обработка залежных земель) от 1949 г. наделяло министра сельского хозяйства полномочиями отчуждать земли, не обрабатывавшиеся более года (отменено в 1984 г.). Согласно Закону о приобретении недвижимости (утверждение трансакций и компенсация) от 1953 г., было разрешено отчуждать (с выплатой компенсации) земли, не находившиеся на 1 апреля 1952 г. в распоряжении их владельцев; использовавшиеся в период между 14 мая 1948 г. и 1 апреля 1952 г. для решения неотложных проблем благоустройства, поселенчества, обороноспособности страны и все еще нужные для этих целей[10].

Формулировка понятия «отсутствующий», которая содержится в Законе о собственности отсутствующих, позволяет причислить к таковым не только палестинских беженцев, но и часть израильских арабов.

Хотя Государство Израиль по общепризнанным критериям являлось гражданским, арабское меньшинство подвергалось социальной дискриминации, но в политическом отношении арабы пользовались некоторыми возможностями как граждане.

В отношениях с арабским меньшинством государство использовало принцип кооптации, что было возможным благодаря малочисленности арабов (19% всего населения на 1948 г.) и стремлению руководства страны разрешить социальное напряжение путем включения отдельных представителей национальных меньшинств в политическую систему.

Арабы пользовались формальными гражданскими правами, включая избирательное право, но не принимали участия в распределении властных полномочий, чем их положение и отличалось от положения другой группы населения. Арабская община не обладала достаточными общественно-политическими ресурсами для принятия участия в соглашениях, характерных для израильской политики первого десятилетия, которые затрагивали важные аспекты общественной жизни. Несмотря на то, что со временем экономическое положе-

ние арабов улучшилось, значительное социальное и политическое неравенство между ними и евреями сохранялось.

Хотя полномочия религиозных судов каждой религиозной общины в Израиле в сфере браков и разводов остались неприкосновенными, только Верховный раввинат получил особый юридический статус и расширенные полномочия. Арабский язык был признан вторым официальным языком в судах, Кнессете и в других государственных учреждениях, но при этом знание иврита является определяющим фактором для получения работы в них.

Главной темой в вопросе о равноправии была проблема обеспечения прав личности. Традиция взаимоотношений с меньшинствами не давала необходимых средств решения проблемы, и при первой же попытке ее разрешения в израильском обществе возникло интеллектуальное замешательство. Необходимо было создать новую категорию израильтян-неевреев и наделить их равными правами с евреями, что осложнялось отсутствием коллективного арабо-еврейского национального и гражданского самосознания. Мнения разделились, а предлагаемые варианты национальной политики варьировались между полным слиянием и абсолютным разграничением арабов и евреев. При этом ни одно израильское правительство не вело последовательной политики, направленной на ассимиляцию арабского меньшинства или на изоляцию двух общин. Проблема статуса арабского меньшинства не была приоритетной, а его внутренним делам уделялось чрезвычайно мало внимания.

Интересна параллель между израильскими арабами и евреями-выходцами из восточных стран. Создание Государства Израиль и вторжение в него арабских армий поставили евреев-выходцев из стран Северной Африки и Ближнего Востока в невыносимое положение. Для них переселение в Израиль означало понижение социального статуса. Большинство этих людей, подобно арабам, расселились на периферии, занимались ремеслом и сельским хозяйством, зачастую находились в бедственном положении, что, как правило, было следствием их низкого, по меркам израильского общества, образовательного уровня, затруднявшего адаптацию к новым условиям. При этом у евреев-выходцев из арабских стран были все политические права, дотации, статус городов развития. В отношении восточных евреев государство осуществляло политику «плавильного котла», в то время как признавало национальное своеобразие арабов и не намеревалось «переплавить» их вместе с евреями в единую нацию израильтян.

В 1967–1993 гг. израильские арабы получают равный гражданский статус, но юридически, а не фактически. Равенство в правах на бумаге не снимает противоречий и не устраняет социальных диспропорций между двумя общинами. Практически во всех областях общественной и экономической жизни равенства между евреями и арабами нет: это касается и политической деятельности, и уровня

социального развития, и доходов, и образования. Как социологическое меньшинство израильские арабы не представлены в военном и бюрократическом истеблишменте Израиля в соответствии со своим удельным весом в населении страны.

После провозглашения независимости Израиля все правительства страны подчеркивали свою приверженность принципу равенства перед законом, а кабинет И. Рабина 23 мая 1976 г. принял официальное постановление, где говорилось, что необходимо позаботиться о «включении арабских граждан Израиля в жизнь государства на основе полного гражданского равноправия, при уважительном отношении к их религиозному и культурному своеобразию»[11].

Представляя свое правительство в Кнессете 20 июня 1977 г., М.Бегин сказал: «Евреи и арабы, друзы и черкесы могут жить вместе в нашей стране – жить в условиях мира, взаимного уважения, равноправия, свободы и социально-экономического прогресса»[12]. Генеральная линия кабинетов национального единства, действовавших в 1984–1988 и 1988–1990 гг., также предусматривала «обеспечение полного равноправия всех жителей страны, без различия вероисповедания, расы, национальности, пола или принадлежности к той или иной общине»[13].

Заявления руководителей Государства Израиль и декларации по арабскому вопросу, которые все израильские правительства включают в изложения своих генеральных линий, противоречат действительности. Главным образом потому, что еврейский характер государства плохо сочетается с провозглашаемым политиками намерением предоставить нееврейским меньшинствам полное гражданское равноправие.

Формирующаяся арабская интеллигенция столкнулась с многочисленными барьерами на пути к социальной мобильности. Факт существования этих барьеров резко контрастировал с декларируемыми нормами жизни израильского общества и с тем обстоятельством, что израильские арабы имели право быть членами разных еврейских партий и организаций и Всеобщей федерации профсоюзов. Это был классический пример не оправдавшихся ожиданий, аналогичный ситуации с потомками репатриантов из Марокко, правда, социальное и политическое положение арабов было гораздо проблематичнее.

Ликвидация режима военных администраций не означала утрату важности оборонной проблематики во взаимоотношениях между еврейской и арабской общинами. В 70–90-х годах Израиль оставался в состоянии войны с частью арабских государств, что не могло не сказаться на положении арабской общины. Арабы не имели доступа в правительство, комиссию Кнессета по иностранным делам и обороне, в партийные комиссии по проблемам безопасности и другие органы, занимающиеся военно-политическими вопросами и получающие секретную информацию. Для арабов были закрыты концерны ВПК, что составляет целую отрасль промышленности. Обязательная воинская

повинность распространялась только на друзов и черкесов, как и в предшествующий период.

Большинство министерств закрыты для арабов из соображений безопасности, поэтому на министерство просвещения арабы возлагали особые надежды, предполагая, что оно облегчит интеграцию в израильское общество. В действительности, арабы очень редко представлены в высших эшелонах министерства просвещения. В 1983 г. арабы составляли 3% чиновников этого министерства, занимающих высокие посты, несмотря на то, что 20% учеников израильских школ – арабы. В течение 80-х годов никаких серьезных изменений не произошло. В 1991 г. был принят пятилетний план, направленный на расширение арабского присутствия на руководящих должностях в указанном министерстве, но по финансовым причинам проект не был воплощен в жизнь. В министерстве образования и культуры есть много департаментов, в которых нет служащих – арабов. Примечателен тот факт, что многие департаменты были созданы исключительно для нужд определенных еврейских общин, например, для сефардов, для арабов же параллельных структур нет. В управлении собственным образованием арабы играют второстепенную роль[14].

В 1978 г. из 2324 высоких руководящих постов в государственной администрации лишь 37 занимали арабы. За последние 15 лет положение не улучшилось. В 1988 г. среди 4 тыс. человек, входящих в директораты государственных компаний, был только один араб. Среди 600 высших администраторов профсоюзного сектора в 1975 г. арабов не было вообще; такая же ситуация наблюдалась и в президиумах Объединения промышленников, Объединения ремесленников и Объединения коммерсантов. Даже в сельском хозяйстве и строительстве, где арабы составляют значительную часть рабочей силы, они не занимают руководящих должностей. Нет ни одной крупной экономической единицы – банка, промышленной или сельскохозяйственной компании, – во главе которой стоял бы араб. Ничтожно мало число представителей арабского населения и в высших учебных заведениях: на 1993 г. к профессорско-преподавательскому составу, насчитывающему около 5 тыс. чел., принадлежало лишь 12 арабов. В высшей социально-экономической когорте Израиля и в близкой к ней прослойке общества арабы практически не представлены[15].

Как показывают опросы общественного мнения, свыше 80% израильтян поддерживают сохранение подобных ограничений для арабского населения, при этом основной причиной они называют государственную безопасность. Назначение советника премьер-министра по делам арабов из числа кадровых армейских офицеров и сотрудников спецслужб также свидетельствует о том, что проблема арабов воспринимается как военная.

Несмотря на отмену военных администраций, власти довольно часто прибегают к мерам, характерным для того периода, опираясь

на Уложение об обороне. Так, в 1980 г. не было дано разрешение на проведение «конгресса арабских масс», который мог стать органом, представляющим всех израильских арабов. Только в 1980–1984 гг. арабским националистам 24 раза запрещалось покидать свои деревни. В 1989 г. была закрыта арабская газета «Ар-Райя», официальный печатный орган ассоциации «Бней-га-кфар». Закон о службе трудоустройства разрешает отказывать арабам в приеме на работу по мотивам безопасности, и известны случаи необоснованной дискриминации арабов при соискании рабочего места.

Проблема занятости в арабской общине вообще стоит более остро, чем в еврейской; безработица затрагивает даже квалифицированных работников и лиц, имеющих высшее образование. У арабов нет своего самостоятельного хозяйства, арабской промышленности, причиной чему является незначительность льгот и дотаций, предоставляемых государством немногочисленным арабским предпринимателям и боязнь руководителей государственного и профсоюзного секторов экономики направлять инвестиции в индустриализацию арабских городов и деревень. Предприятия, выполняющие заказы Армии Обороны Израиля, почти полностью закрыты для арабов. Высокий уровень безработицы в арабской части населения обусловлен также бедностью арабских муниципалитетов, невозможностью участия арабских партий в распределении благ в министерствах и Гистадруте. Нельзя также упускать из виду мнение еврейской общественности, выступающей за первоочередное трудоустройство евреев. Неравенство между евреями и арабами можно проследить и по отраслям. Примечательно, что среди «белых воротничков» удельный вес евреев в четыре раза больше, чем арабов (20,1% и 5% соответственно на 1980 г.), обратное соотношение среди неквалифицированных рабочих в строительстве, обрабатывающей промышленности и на транспорте: 3,4% евреев и 12,2% арабов[16]. Но несмотря на вышесказанное, многие данные говорят об улучшении положения арабов со времени основания Государства Израиль.

Несмотря на лучший уровень жизни по сравнению с арабами других государств и контролируемых территорий, израильские арабы имеют ряд претензий по поводу институциональной дискриминации в Израиле (отсутствие доступа в ряд государственных учреждений и т.п.) и придают проблеме социально-экономического отставания большое значение.

Исследования, проведенные израильскими учеными, показывают, что 2/3 арабов осознают существование социально-экономических диспропорций между двумя составляющими израильского общества.

Ассигнования министерства внутренних дел местным органам власти неодинаковы в еврейских и арабских населенных пунктах. Правда, в 80–90-х годах этот разрыв уменьшился, а в 1991 г. правительство решило его ликвидировать в последующие четыре года.

Сходным образом обстоят дела и в религиозной сфере: в 1995 г. министерство по делам религий выделило на нужды мусульман лишь 2% своих бюджетных расходов. В области жилищного строительства существует еще большая диспропорция: из 5,5 тыс. единиц жилья, построенных государством в 1984–1985 гг., друзы и черкесы получили лишь 230, христиане и арабы-мусульмане – ни одной. Осуществляемый в Израиле проект реконструкции неблагоустроенных жилых зон охватывает десятки городов развития и кварталов бедноты, но до 1988 г. среди них не было ни одного арабского населенного пункта. Только в 1988–1989 гг. в проект были включены арабские районы Яффо, Лода и Рамле[17].

Арабские школы отстают от еврейских по многим направлениям. Бюджет арабских муниципалитетов, как правило, не позволяет делать крупных вложений в образование, развитие школ, строительство. Финансирование отстает от естественного увеличения численности учащихся. Не проводится дополнительная работа с отстающими учащимися, так как ни один официальный орган не признает, что в арабских школах есть учащиеся, требующие индивидуального подхода.

В некоторых сферах неравенство между евреями и неевреями существует, несмотря на то, что закон не делает различий между ними. Так, например, правительственные дотации муниципалитетам в арабском секторе меньше, чем в еврейском. Многие районы проживания национальных меньшинств, относящиеся к числу бедствующих, не получают тех льгот, которые предоставляются еврейским поселениям, находящимся в сходном положении.

Арабы, как отмечалось, не подлежат призыву на срочную военную службу, поэтому для них не существует многих льгот, включающих пособие на детей, единовременное пособие на первоначальное обустройство и т.п. В арабской общине пособие, причитающееся демобилизованным военнослужащим, получают только семьи друзов, черкесов и бедуинов, находившихся в прошлом в рядах Армии Обороны Израиля. В еврейской же части статус служивших в армии получили люди, которые никогда там не были, например, учащиеся иешив. Деление граждан на «служивших» в армии и «не служивших» в ней практикуется и в министерстве строительства, которое предоставляет первым более крупные ипотечные ссуды. Демобилизованный военнослужащий имеет преимущество при получении займов и субсидий на покупку жилья и на аренду квартиры в городах развития, ссуд на оплату учебы в университете, первоочередное право на трудоустройство в государственных учреждениях и на государственных и профсоюзных предприятиях. Понятно, что всех этих привилегий у арабов нет. Со стороны израильского правительства также предпринимались попытки сеять рознь между арабами-мусульманами и арабами-христианами, носившие, правда, бессистемный характер. Так, представители христианского меньшинства теоретически сохраняют

право вступить в Армию Обороны Израиля, а мусульманское население было сразу «освобождено» от этой повинности.

С 1976 г. услуги друзам оказываются не через арабские отделы министерств и ведомств, а наравне с евреями. В 1987 г. друзским и черкесским городам был предоставлен статус городов развития. На арабов-мусульман и арабов-христиан это не распространяется до сих пор. Согласно Основному закону о земельных угодьях Израиля от 1960 г., большую их часть составляют «еврейские земли», к которым причисляются «участки территории Израиля, принадлежащие государству, Управлению землеустройства или Еврейскому национальному фонду». Во владении последнего находится 13% «еврейских земель», причем в соответствии с уставом эти земли должны навсегда остаться собственностью еврейского народа, а их переход в руки неевреев невозможен. Возникла ситуация, при которой государственный орган действует в соответствии с уставом, дискриминирующим часть населения государства по национальному признаку. Во времена борьбы за доминирование в Палестине подобная практика была оправданной, а ныне представляет собой фактор, осложняющий положение нееврейского меньшинства. Деятельность Еврейского национального фонда и поселенческого отдела Еврейского национального агентства, связанная с «освобождением земли», освоением пограничных районов, созданием новых населенных пунктов и помощью их жителям, ориентирована на еврейский сектор населения и не выходит за его пределы, хотя речь идет о решении задач сугубо государственного характера. Такая юридическая ситуация вызывает недовольство арабов.

Политическая деятельность, связанная с местными органами власти, играет в арабской общине более важную роль, чем в еврейской. Основной ареной политического самовыражения арабов являются сельские и городские советы, поскольку, как отмечалось, центральные государственные институты и влиятельные общественные организации находятся под контролем евреев. В арабской части именно местные советы дают возможность отстаивать основные интересы, часть которых к тому же носит ярко выраженный национальный характер, поэтому арабские избиратели проявляют на муниципальных выборах самую большую активность. Отмена военных администраций и растущая открытость израильского общества облегчили контакты между арабской и еврейской общинами. Значительный рост числа молодых арабов с высоким уровнем образования, усвоивших правила политической игры, привел к тому, что традиционные методы убеждения потеряли свое влияние на них.

В 70-е годы первые приняли участие в муниципальных выборах партии и организации, относящиеся к арабскому национальному лагерю (Бней-ха-кфар, Прогрессивное национальное движение, местные списки националистов). В 1983 г. Назаретское прогрессивное

движение, отколовшееся от Демократического фронта, успешно выступило на выборах и завоевало четыре места в городском совете. Исламские кандидаты впервые приняли участие в муниципальных выборах в 1983 г. и сразу же пробились в пять сельских советов (Умм аль-Фахма, Тайбе, Кафр-Касима, Мадж аль-Крума, Кафр-Бары). Ставленники исламистов заняли должности мэров Кафр-Бары, Джальджулии и Фурайдиса. Еще больший успех сопутствовал религиозным политикам в 1989 г.: они возглавили органы местного самоуправления в Умм аль-Фахме, Рахате, Кафр-Касиме, Кафр-Баре и Джальджулии, стали ведущей оппозиционной силой в Назарете, образовали самую большую фракцию в местном совете Кафр-Канны, прошли в муниципалитеты Фурайдиса, Калансуа, Тайбе, Тиры и Лода. Одной из причин модернизации и политического развития арабской общины в Израиле является неуклонное увеличение числа молодых образованных людей, входящих в органы местного самоуправления и возглавляющих таковые.

В конце 80-х годов среди израильских арабов проявляются две тенденции: полная интеграция в существующий истеблишмент или отстранение от него, максимальная автономия израильских арабов. Первая из этих концепций нашла воплощение в политической деятельности Арабской демократической партии – первой независимой арабской партии в Израиле (создана в 1988 г.), лидер которой А.Дарауше требовал обеспечения реального равенства между евреями и арабами на основе политического сотрудничества. Альтернативой этому стало требование двух арабских интеллектуалов – А.Башара и С.Зайдани – о введении культурной автономии израильских арабов. Понимая, что территориальная автономия израильских арабов невозможна, они призывали избрать Совет израильских арабов, которому принадлежал бы решающий голос в составлении программ для арабских школ, который контролировал бы арабские программы радио и телевидения и мог бы влиять на размер средств, отчисляемых на развитие арабских деревень. Конечной целью этой программы было сделать Израиль «государством для всех граждан», упразднив его еврейскую и сионистскую символику, основываясь на том, что государство, еврейское по своему характеру, не может обеспечить равенство всем своим гражданам.

В феврале 1993 г., когда И.Рабин был у власти и прогресс в мирных переговорах представлялся все более реальным, социологический опрос, проведенный среди израильских арабов, показал, что 17% из них хотели бы сохранить существующие рамки взаимоотношений между евреями и арабами в Израиле, 26% – видеть арабскую общину полностью интегрированной в израильское общество, 22% высказывались за автономию израильских арабов внутри Израиля, и 10% предпочли бы стать гражданами палестинского государства. Остальные 25% не выражали твердой позиции по вопросу о своем статусе[18].

Усиление интеграционистских настроений среди израильских арабов было вызвано обещанием И.Рабина прекратить исторически сложившуюся дискриминацию арабов в сфере распределения государственного бюджета, социальных служб и занятости. В подтверждение серьезности своих намерений он назначил Н.Масалху, арабского депутата от Партии труда, министром здравоохранения.

Разочарование, вызванное невыполнением многих обещаний, данных правительством Рабина, и внешнеполитические причины – обострение в Южном Ливане и регресс мирного процесса – негативно отразились на арабском населении Израиля, свели на нет достижения И.Рабина и привели к радикализации израильских арабов.

В 1994 г. в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан было создано палестинское самоуправление, отличающееся от всех существующих в мире автономий. Автономия – это самоуправление в рамках суверенного государства, а вышеуказанные территории не принадлежали ни одному государству; самоуправление на них было введено лишь на время, до урегулирования вопроса о суверенитете. В результате этого израильские арабы оказались между двух огней: с одной стороны, внутри Израиля они не воспринимаются как полноценные израильтяне из-за их связи с палестинцами, с другой стороны, сами палестинцы считают их предателями. В этой связи некоторые исследователи делают вывод, что дальнейшее развитие мирного процесса между Израилем и палестинцами приведет к ухудшению статуса израильских арабов, которые оказываются как бы «дважды на периферии».

Политика израильского руководства в отношении нееврейского населения страны подчинена решению двух основных стратегических задач. С одной стороны, власть фактически стремится сохранить доминирующее положение еврейской общины и еврейский характер израильской государственности, с другой, – политическое руководство страны прилагает немалые усилия к тому, чтобы максимально сгладить негативные последствия фактического социально-правового неравенства граждан по национально-религиозному признаку.

Нееврейским общинам обеспечиваются широкие возможности самостоятельного культурного развития и внутреннего самоуправления вплоть до частичной судебной автономии. Так, национально-религиозным меньшинствам гарантировано право на создание школ с национальными кадрами учителей, преподаванием на родном языке, с сохранением национальной и культурной специфики учебного плана.

Арабскому языку придан официальный статус. Министерство образования и культуры материально поддерживает арабских писателей, финансирует печатный орган их объединения («Аш-Шарк»), субсидирует арабские фольклорные коллективы. В языковой ситуации Израиля арабский язык занимает особое место. Арабский – официальный язык страны, правда, изучение и преподавание его происходят в несколько необычной ситуации. Арабский изучается как ино-

странный, а не как второй язык. Вне рамок формального обучения контакты с его носителями минимальны. Затянувшийся политический конфликт довлеет над израильским обществом и влияет на языковую ситуацию в стране. Арабский язык характеризуется диглоссией: устный арабский отличается значительной вариативностью даже в пределах одной страны, в то время как письменный язык сохранился в классической форме, основанной на Коране, и практически одинаков во всех странах. Израильские школьники изучают письменный литературный язык, не могут общаться на арабском и плохо понимают устную речь, в то время как фактически все арабы неплохо владеют ивритом. Вместе с тем у многих школьников еврейских школ отмечается положительная мотивация к изучению арабского языка, и они убеждены, что знание арабского важно для облегчения контактов с живущими в стране носителями второго по значению языка.

Хотя арабский – второй официальный язык в Израиле, реально статусы арабского и иврита не равны. В отдельных случаях требовались специальные решения Верховного суда, чтобы ввести надписи на арабском языке на дорожных указателях и в названиях улиц в городах или защитить право на рекламу на арабском, которая может ограничиваться предписаниями муниципалитетов, требующих доминирование иврита в рекламе.

Таким образом, хотя израильское законодательство не обеспечивает равноправия граждан вне зависимости от этнической принадлежности и вероисповедания, политика израильского правительства в отношении национальных меньшинств может быть охарактеризована как «либеральная сегрегация».

Второе, репрессивное направление израильской политики в отношении нееврейского населения в значительной мере оправдывается соображениями национальной безопасности. Даже сегодня противостояние Израиля, если не со всем арабским миром, то с его значительной частью, фактически сохраняется, поэтому «презумпция нелояльности» в отношении граждан арабского происхождения по-прежнему не может в глазах властей считаться излишней перестраховкой. В этом контексте не только прямое ограничение гражданских прав израильских арабов (в частности, их исключение из всех сфер общественной и хозяйственной жизни, прямо связанных с обороноспособностью и внутренней безопасностью страны), но и сама политика поощрения национально-культурной автономии нееврев, в конечном итоге, обеспечивают внутреннюю безопасность государства.

В Израиле существует тенденция наделять малочисленные этнические группы более высоким социально-правовым статусом. На протяжении всей истории Государства Израиль иерархия различных нееврейских общин практически определялась отношением к воинской повинности, поскольку престиж армии в Израиле чрезвычайно высок. Успехи израильской национальной политики в противопо-

ставлении национальных меньшинств достаточно скромны. Добиться лояльности к государству именно от общин, а не от индивидуумов удалось только от друзов и черкесов, которые и так не ассоциировали себя с арабами. Друзы и черкесы, а также в меньшей степени арабы-христиане и бедуины долгое время находились в привилегированном положении, – это являлось попыткой ослабить формирование общего арабского самосознания. В то же время после Ливанской кампании наметилась тенденция к сближению друзов и арабов.

По мнению российского востоковеда А.Корнилова, предоставление неодинаковых прав разным нееврейским общинам может трактоваться как «попытка расколоть потенциально наименее лояльный сегмент общества; по возможности ослабить интерес нееврейского населения к общегосударственным делам, замкнув его на решении внутриобщинных проблем, культивируя тем самым у представителей национальных меньшинств комплекс «внутренней иммиграции»; наконец, создать противоречия между отдельными общинами, или, способствуя усилению уже существующих, противопоставить их друг другу, тем самым расширив социальную и этническую базу государства»[19].

Быстрый рост нееврейского населения, главным образом за счет высокого естественного прироста, беспокоит израильское руководство. Естественный прирост у мусульман и друзов превышает общий прирост еврейского населения (учитывая положительный иммиграционный баланс), составлявший 2,5% в 1990–1995 гг. и 2% в 1996–1997 гг. В результате, несмотря на массовую волну иммиграции последних 10 лет, продолжается увеличение удельного веса арабского населения. Эта тенденция не может не тревожить израильское руководство, так как создает объективные предпосылки для превращения Израиля в двунациональное образование. Это неприемлемо для национально ориентированной части израильского общества, а возможность отказа от еврейского характера государственности представляется нереальной в ближайшем будущем. Тем более, что соседство ПНА обостряет ситуацию.

Что касается политизации и радикализации израильских арабов, то причины этого явления роднят их с марокканскими евреями. Однако в отличие от традиционалистских настроений последних, протест арабов обусловлен их стремлением следовать универсальным демократическим ценностям. Можно утверждать, что главной целью израильских арабов остается интеграция в израильское общество на основе полного равенства. Однако ширящееся недовольство молодого образованного поколения этой общины своим статусом может увести этот процесс в более радикальном направлении. Будет ли он усиливаться, зависит от политики государства по отношению к национальным меньшинствам. Условия интеграции израильских арабов зависят от руководства государства: если оно не пойдет им навстречу, то, по

выражению профессора Иерусалимского университета Т.Фридгута, «активно развивающееся и привлекательное для молодых людей исламское движение может превратиться в арабскую «партию Шас»[20]. Стремление арабского населения к образованию в недалеком будущем также может усугубить политическую напряженность в Израиле, так как быстрый рост национальной палестинской интеллигенции происходит на фоне сохранения среди нееврейского населения высокого удельного веса пролетариев и социально близких к ним групп.

Нееврейское население по-прежнему оказывается практически исключенным из административной сферы. Кроме того, высокий уровень алии из стран СНГ, которую отличает сравнительно высокий уровень образования, значительные социальные амбиции и готовность работать за меньшую, чем принято на рынке труда, плату, уменьшает шансы образованных арабов на получение высокооплачиваемой работы по специальности. Это, в свою очередь, может означать лишь усиление в среде арабской интеллигенции антигосударственных настроений, что чревато дальнейшей национальной консолидацией израильских арабов при усилении их антиизраильской ориентации.

* * *

Практически вековая история арабской общины в Палестине, а затем и в государстве Израиль наталкивает на некоторые выводы, которые сводятся к следующему.

Захват израильтянами палестинских земель является неоспоримым историческим фактом. Несомненно, что великие державы, арабские страны и действия сионистов сыграли свою роль в образовании арабского меньшинства в Израиле, но представляется, что объективной причиной «катастрофы» палестинского общества был низкий уровень его развития, который не позволил арабам отстоять свои национальные права на Палестину перед лицом мирового сообщества и перед лицом еврейского ишува.

Политика руководства страны по отношению к арабам трансформировалась от модели преобладания к либеральной сегрегации, где переломным моментом является десятилетний юбилей государства, означавший переход от изоляции арабского населения к его более активной социально-экономической интеграции в израильское общество.

Основные причины особого положения арабов в израильском обществе, отличного от других общин, неодинаковы в разные периоды времени. Так, в первые десятилетия существования Государства Израиль арабы, безусловно, воспринимались как угроза существованию еврейской государственности, при этом сионисты еще и подражали другим национальным движениям того времени, игнорировавшим права других народов, проживающих на той же территории. По выражению одного из лидеров сионизма, Х.Вейцмана, Палестина должна была стать «настолько же еврейской, насколько Англия является английской»[21]. Когда стало понятно, что Израиль в силе проти-

востоять арабской угрозе, национальная политика по отношению к израильским арабам стала диктоваться боязнью демографического захвата изнутри, превращением в двунациональное образование. Подобные опасения вызывались высокими темпами естественного прироста и тенденциями к сближению между друзами и арабами. Одной из целей политического курса, проводившегося на основе пристрастного отношения к этническим группам, был раскол нееврейского меньшинства, выделение отдельной друзской общины среди израильских арабов и углубление их сепаратистского общинного самосознания.

Несмотря на отмеченный в Декларации независимости Израиля принцип равенства лиц разных конфессий, национальностей и полов, на практике уровень жизни, образования и доходов представителей этнокультурных меньшинств значительно ниже того, которого достигли евреи – выходцы из стран Европы. Государственная власть сознательно не прилагала (и не прилагает) максимума усилий к преодолению социального неравенства между общинами, потому что это позволяет определенным слоям общества сохранить свое положение на вершине социально-политической пирамиды. Доминирование духа арабо-израильского конфликта во всех сферах политической жизни страны объясняет терпимое отношение израильтян к сложившемуся неравенству между евреями и арабами.

До сих пор демократические заявления отцов-основателей Израиля не воплощены, а действительность не соответствует вербальным декларациям. Социальный статус арабского населения Израиля традиционно ниже, чем у израильских евреев. Экономические интересы и политический реализм побуждают израильских арабов к примирению с существующим положением. Вместе с тем быстрый рост образовательного уровня нееврейского населения позволяет прогнозировать некое сокращение социального неравенства между общинами в израильском обществе.

Исходя из сказанного, едва ли приходится сомневаться и в том, что вне того, насколько далеко зайдет процесс интеграции арабов, Израиль останется еврейским государством и еврейское большинство будет по-прежнему доминировать в нем.

[1] Корнилов А. Этническая структура современного израильского общества / Под ред. А.Д.Эпштейна, А.В.Федорченко // Миграционные процессы и их влияние на израильское общество. – М., 2001, с. 344.

[2] Подробнее см.: Majid al-Haj. Education, Empowerment and Control. The Case of the Arabs in Israel. – State University of New York, Albany, 1995, с. 15–18.

[3] См.: Khalidi R. The Palestinians and 1948: the underlying causes of failure, с. 12–32; Rogan E.L., Shlaim A. The war for Palestine. Rewriting the history of 1948. – Cambridge University Press, 2001.

[4] Khalidi R. The Palestinians and 1948: the underlying causes of failure, с. 12–32; Rogan E.L., Shlaim A. The war for Palestine. Rewriting the history of 1948. – Cambridge University Press, 2001.

[5] См.: Нойбергер Б. Власть и политика в Государстве Израиль. – Часть 1: От ишува к государству / Открытый университет. – Израиль, 1997, с. 77, 78.

[6] Подробнее см.:, Становление израильской демократии: первое десятилетие. – Часть 1 / Под ред. А.Д.Эпштейна; Открытый университет. – Израиль, 2001.

[7] См. также: Parsons L. The druze and the birth of the State of Israel, с. 60–70; Rogan E.L., Shlaim A. The war for Palestine. Rewriting the history of 1948. – Cambridge University Press, 2001.

[8] Цит. по: Барковский Л.А. Арабское население в Израиле // Государство Израиль. Экономика и политика. – М., 1988, с. 120.

[9] Нойбергер Б. Власть и политика в Государстве Израиль. Ч. II: Арабское меньшинство / Открытый университет. – Израиль, 1999, с. 56.

[10] Нойбергер Б. Арабское меньшинство, с. 27–30.

[11] Нойбергер Б. Арабское меньшинство, с. 56.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Majid al-Haj. Education, Empowerment and Control. The Case of the Arabs in Israel. – State University of New York, Albany, 1995, с. 70.

[15] Нойбергер Б. Арабское меньшинство, с. 46.

[16] Нойбергер Б. Арабское меньшинство, с. 49–50.

[17] Нойбергер Б. Арабское меньшинство, с. 45.

[18] Фридгут Т. Поколения и политика: некоторые изменения в мировоззрении и в политических предпочтениях в современном Израиле // Миграционные процессы и их влияние на израильское общество / Под ред. А.Д.Эпштейна, А.В.Федорченко. – М., 2001, с. 36–72.

[19] Корнилов А. Этническая структура современного израильского общества // Миграционные процессы и их влияние на израильское общество / Под ред. А.Д.Эпштейна, А.В.Федорченко. – М., 2001, с. 350.

[20] Фридгут Т. Поколения и политика…, с. 67.

[21] Барковский Л.А. Арабское население в Израиле, с. 121.

С.Л.Логунова

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТУРЦИИ С РЕСПУБЛИКОЙ ТАТАРСТАН

Экономические отношения Турции с Республикой Татарстан являются перспективным направлением двустороннего сотрудничества во второй половине 90-х гг., когда Турция переходит к использованию новых методов наращивания экспорта, отказавшись от применявшегося ранее прямого субсидирования экспортеров. Ныне актуальность приобретает географическая диверсификация экспорта. Турция пытается налаживать отношения с новыми партнерами в РФ, среди которых можно выделить и Республику Татарстан. Притягательность Татарстана для Турции объясняется, прежде всего, экономическими причинами. Турция получает возможность импортировать нефть, продукцию химической, нефтехимической промышленности и других отраслей. В свою очередь она экспортирует оборудование, автомобили, продукцию пищевой промышленности. Таким образом, положительную роль в развитии торговых отношений партнеров играет фактор взаимодополняемости их хозяйственных структур. Вторым по важности направлением является инвестиционное сотрудничество. Готовность Турции к кредитованию отдельных проектов позволяет надеяться на дальнейшее развитие отношений. Важное значение для развития экономических связей имеет мусульманский фактор, общность этносов, культуры, языка, традиций.

Религиозная и этническая общность воспринимаются как позитивный вспомогательный стимул к сотрудничеству, однако очевидно, что она не рассматривается как его предпосылка. Основой служат реальные экономические интересы сторон.

Турция и Республика Татарстан (РТ) стремились к развитию отношений еще в начале 90-х гг. Так, реализация государственных проектов и программ между Турецкой Республикой и Республикой Татарстан была возложена на компанию «Татурос» – первое совместное татарстано-турецкое предприятие, которое начало осуществлять свою деятельность в 1991 г. Резкое увеличение товарооборота с Турцией в 1993 г. объясняется тем, что в 1992–1996 гг. Республика Татарстан через СП «Татурос» экспортировала нефть, потребителями которой в большинстве случаев были третьи страны.

Однако несмотря на поддержку со стороны татарстанских правительственных структур, СП «Татурос» не в полном объеме реализовало

потенциал развития торгово-экономических связей с Турцией. В результате финансовых затруднений турецкого учредителя СП предприятиям Республики Татарстан не были выплачены крупные суммы за поставленную продукцию. Отсутствовали серьезные инвестиции в экономику Татарстана. Кроме того, продукция республиканских предприятий реализовывалась через турецкие предприятия-посредники, что мешало татарстанским производителям зарекомендовать себя и закрепить свои позиции на турецком рынке. Из-за неблагополучного финансового состояния и недостатков в работе руководства «Татурос» фактически прекратил свою деятельность с 1998 г. В середине 1997 г. функция осуществления программ татарстано-турецкого сотрудничества была передана новому СП «Татинтрейд», деятельность которого также не отличалась высокой эффективностью с точки зрения экономических интересов РТ и ее предприятий. В итоге было принято решение о прекращении участия РТ в СП «Татурос» и «Татинтрейд».

Таким образом, данная схема монополизации отношений в рамках одной компании или структуры не совсем себя оправдала. 22 мая 1995 г. между Правительством Республики Татарстан и Правительством Турецкой Республики было подписано Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве[1]. Важно подчеркнуть, что данное соглашение явилось официальной базой для создания благоприятных стартовых условий развития внешнеторговых и внешнеэкономических отношений Турции и Татарстана, а также предоставило возможность сотрудничества гораздо большему количеству участников, ликвидируя при этом схему монополизации отношений.

В этом соглашении стороны признали важное значение традиционных торгово-экономических, научно-технических и культурных связей, а также развития промышленного и производственного потенциала Республики Татарстан и Турецкой Республики. Они договорились о содействии росту торговли и экономического сотрудничества во всех областях народного хозяйства, о поиске новых форм сотрудничества для развития торгово-экономических связей между предприятиями, организациями, учреждениями, независимо от форм их собственности. Были определены основные области сотрудничества, такие как: промышленность, в том числе топливно-энергетическая, добывающая, легкая, агропромышленность; сельское хозяйство; строительство и строительные услуги; транспорт и транспортные услуги; торговля товарами и услугами; подготовка и обучение кадров; туризм. С целью развития данных направлений стороны договорились о производственном, инвестиционном сотрудничестве, о контактах в области туризма, создании совместных предприятий и организаций со смешанным капиталом, о взаимном предоставлении технических и консультационных услуг, совместных действиях, направленных на организацию выставок и ярмарок, и условились об иных взаимосогласованных формах сотрудничества, обеспечивающих реализацию подписанного соглашения.

Согласно ст. 3 данного Соглашения, торгово-экономическое сотрудничество между сторонами осуществляется с учетом развития рыночных отношений на основе заключения договоров непосредственно между государственными органами, соответствующими организациями и предприятиями при соблюдении норм законодательства, действующего на территории Республики Татарстан и Турецкой Республики.

Следует отметить, что в соглашении также было отведено значительное место культурным, национальным, научным и образовательным связям. В соглашении отмечается, что стороны намерены совершенствовать взаимные знания о культуре республик, поощрять и поддерживать развитие культурного сотрудничества, прилагать усилия для взаимного изучения языков как в системе школьного образования, так и в других учебных заведениях, содействовать сотрудничеству в области науки и образования, в том числе между высшими учебными заведениями, научными организациями и учреждениями, общеобразовательными школами, организациями и учреждениями профессионального обучения, между научными библиотеками и другими научно-исследовательскими учреждениями. Стороны будут поддерживать обмен делегациями и отдельными лицами с целью передачи информации и опыта, включая участие в научных конференциях, семинарах и симпозиумах.

Данное соглашение явилось юридической базой для развития дальнейших отношений между Турцией и Республикой Татарстан.

В целях придания нового импульса торгово-экономическим отношениям между РТ и Турцией в конце 1999 г. под эгидой Министерства торговли и экономического сотрудничества РТ был создан Торговый дом РТ, координатором деятельности которого стало Полномочное Представительство Республики Татарстан в Турецкой Республике, осуществляющее свою деятельность с 13 сентября 1997 г. Оно было учреждено Указом Президента Республики Татарстан № УП – 493 от 13 сентября 1997 г. в соответствии с договором Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» от 15 февраля 1994 г. и соглашения между Правительством Республики Татарстан и Правительством Турецкой Республики о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве[2]. Представительство является постоянно действующим органом Республики Татарстан по осуществлению связей и контактов в Турецкой Республике. Целью Представительства является содействие установлению, развитию и расширению связей и контактов между сторонами. Задачи заключаются в представлении интересов Республики Татарстан по вопросам, касающимся торговли, финансово-кредитной деятельности, инвестиций, научных и культурных контактов, обменов, международного туризма и других видов

экономической и гуманитарной деятельности, не затрагивающих компетенцию Российской Федерации; содействии юридическим лицам Республики Татарстан и Турецкой Республики в вышеперечисленных областях. Основные функции Представительства сводятся к сбору, анализу и предоставлению информации, необходимой для осуществления эффективной и взаимовыгодной внешнеэкономической деятельности Республики Татарстан на рынке Турецкой Республики; решению задач по подготовке и выполнению государственных программ социально-экономического развития РТ; оказанию услуг предприятиям РТ по изучению рынка Турции; содействию установлению прямых хозяйственных связей, созданию совместных предприятий; совершению сделок, в том числе внешнеэкономических, не противоречащих законодательству Республики Татарстан, Российской Федерации и Турецкой Республики; предоставлению справочно-информационных и консультационно-методических услуг, содействию фирмам и организациям Турции в установлении деловых контактов с предприятиями и организациями Республики Татарстан, в налаживании на их основе регулярных торгово-экономических связей; содействию привлечения иностранных инвестиций; оказанию содействия организациям и предприятиям Татарстана в разработке проектов торгово-экономических соглашений и контактов с деловыми партнерами Турции; организации обменов учеными, специалистами и студентами между научными центрами, учреждениями, университетами республик; развитию контактов с татарской диаспорой в Турецкой Республике.

С момента создания Представительства была проделана большая работа. В 1998 г. основное внимание в работе Полпредства уделялось налаживанию прямых контактов между предприятиями Республики Татарстан и турецкими компаниями в области реализации совместных инвестиционных проектов. Так, при содействии Полпредства был реализован проект строительства ресторанного комплекса ПО «Татспиртпром». Был организован визит в город Казань директора внешнеторговой компании холдинга «Коч» С.Генча и менеджера группы по развитию нового бизнеса холдинга «Коч» М.Айджила для рассмотрения предложений компании о строительстве торгового центра в Казани. Проведены переговоры с компанией «Эколь», заинтересованной в поставках медицинского оборудования в Татарстан на условиях долгосрочного кредита.

В июле 1999 г. Полпредством был организован визит делегации Республики Татарстан в Турцию во главе с министром торговли и экономического сотрудничества РТ для определения путей развития прямых экономических контактов. Были проведены переговоры с министром промышленности и торговли и министром внешней торговли Турции по поводу развития экспорта татарстанской продукции и активизации турецких инвестиций в Татарстан, а также с руководством Эгейской свободной зоны относительно использования возможностей

зоны для продвижения продукции предприятий РТ в Турцию и страны региона. Наиболее перспективным направлением развития торговых отношений был признан экспорт продукции предприятий нефтехимического комплекса Татарстана. По результатам переговоров с руководством крупных турецких компаний, использующих в производстве нефтехимическую продукцию Татарстана, были налажены поставки на регулярной основе продукции ОАО «Нижнекамскнефтехим»: каучуков шинным заводам компаний Pirelli, Good Year, Bridgenstone, Petlas, а также неолов на заводы компании Turk Henkel. Кроме того, был подписан контракт с компанией Aktas на поставку в 2000 г. стирола и неонолов. Продолжением этой работы стали переговоры Полпреда с руководством Новороссийского порта, транспортных и судовых компаний, в ходе которых были достигнуты договоренности по организации эффективной и экономичной схемы перевозки грузов из Татарстана в Турцию и страны Средиземноморья. В Казани прошли переговоры президента компании «Зорлу Холдинг» и «Гючвирлиги» с генеральным директором ОАО «Казаньоргсинтез» по вопросу закупки полиэтилена в объеме до 10 тыс. тонн в год[3].

В 2000 г. Полпредством проводилась работа по обеспечению экспортных поставок нефтехимической продукции РТ (ОАО «Нижнекамскнефтехим», ОАО «Нижнекамскшина») и автомобилей «КамАЗ». Был подписан протокол о сотрудничестве в производстве полистирола между ОАО «Нижнекамскнефтехим» и компанией «Fina Technologi Inc», достигнута договоренность о поставке в Турцию запчастей и комплектующих к вертолетам, а также о поставках вертолетов для нужд министерства здравоохранения и министерства лесного хозяйства. Проведены переговоры с министром транспорта Турции о поставках продукции ГП «Завод им. Горького». В рамках работы по привлечению инвестиций в экономику Республики Татарстан были организованы переговоры между ОАО «Нижнекамскшина» и заводом «Petlas» о совместном производстве шин на базе ОАО «Нижнекамскшина» с привлечением инвестиций турецкой фирмы; совместно с министерством торговли и экономического сотрудничества РТ организован визит в г. Казань делегации РАМСТОР (сеть турецких супермаркетов в Москве) и достигнута договоренность об инвестировании строительства гипермаркета в г. Казани. Было организовано участие ОАО «Нижнекамскнефтехим» в крупнейшей выставке в г. Измир (август-сентябрь 2000 г.), а также экспозиция предприятий РТ в выставке «Экспортный потенциал России – 2000» (ноябрь 2000 г.). Проведены переговоры с руководством Совета по внешнеэкономическим связям Турции (DEIK) по поводу участия республики Татарстан в мероприятиях под эгидой DEIK и достигнута договоренность об активизации осуществления совместных проектов.

В первом полугодии 2001 г. Представительство продолжило работу по продвижению продукции ОАО «Нижнекамскнефтехим» на рынок

Турции по проекту создания производства полистиролов в г. Нижнекамске по технологии американской корпорации ФИНА, прорабатывалась возможность начала работы ОАО «Татнефть» на турецком рынке. Разрабатывается проект организации производства камер из бутилкаучука на ОАО «Нижнекамскшина». Также перспективным направлением является участие татарстанских предприятий в газовых проектах Турции. С этой целью в январе 2001 г. Казань посетили представители государственной газовой компании Турции «БОТАШ». Услуги татарстанских предприятий в качестве субподрядчиков представлены на тендеры 2002–2003 гг. по газификации Турции. Ведется работа по подготовке к участию в тендере Министерства обороны Турции на капитальный ремонт 19 вертолетов Ми-17[4].

В рамках подписанного соглашения между сторонами и осуществляемой Полномочным представительством Республики Татарстан в Турции деятельности прошел ряд встреч и визитов делегаций как в Турции, так и в Татарстане с целью обсуждения вопросов, касающихся дальнейшего сотрудничества. Так, с 25 июня по 2 июля 1998 г. в Турции находилась делегация Республики Татарстан во главе с Первым заместителем Главы администрации г. Казани Р.И.Фасхутдиновым. В ходе поездки были проведены переговоры с компанией «Менсель» о реконструкции зданий Александровского Пассажа.

В ноябре 1998 г. для участия в торжественных мероприятиях по случаю 75-летия со дня провозглашения Турецкой Республики в Анкару был приглашен министр культуры РТ М.М.Таишев. В Стамбуле прошел первый фестиваль фильмов тюркоязычных государств. Республику Татарстан представляла делегация союза кинематографов.

В связи с землетрясением в Турции Республикой Татарстан согласно распоряжению Кабинета Министров РТ от 23 августа 1999 г. № 703-р была оказана гуманитарная помощь в размере 690,2 тыс. руб.[5]

7–14 октября 2000 г. в Пальмие прошел бизнес-форум предпринимателей Татарстана и других регионов Поволжья с представителями деловых кругов Турции, в котором приняли участие представители Торгово-промышленной палаты и предприятий Татарстана. По итогам встреч и переговоров были достигнуты договоренности о сотрудничестве в области туризма, о расширении поставок строительных материалов, овощей и фруктов из Турции и продукции нефтехимии и электроники из Татарстана.

С 2 по 4 апреля 2001 г. в г. Казани находилась с визитом группа членов Союза молодых промышленников и предпринимателей г. Эскишехир. В ходе переговоров в Министерстве торговли и экономического сотрудничества РТ обсуждались вопросы возможного инвестирования в экономику Татарстана.

1–2 ноября 2001 г. в г. Казани состоялось 9-е заседание Российско-турецкого делового совета, в работе которого участвовало более

350 человек с российской и турецкой сторон. Турецкая делегация была представлена государственным министром Турции Йылмазом Каракоюнлу, Председателем Российско-турецкого делового совета Тургутом Гюром, послом Турецкой Республики в РФ Наби Шенсоем, представителями Ведомства внешней торговли Турции, Агентства развития и сотрудничества Турции (ТИКА), Совета по внешней торговле Турции (ДЕЙК), а также представительной делегацией турецких бизнесменов. В российскую часть участников Совета входили представители более чем 25 регионов. Сторонами была подчеркнута необходимость активизации двусторонних отношений. Проведение заседания Российско-турецкого делового совета в г. Казани должно послужить повышению эффективности существующих двусторонних торгово-экономических связей.

Для оценки совместного сотрудничества проанализируем основные направления деятельности в области торгово-экономических связей.

По объему оборота услуг с РТ Турция занимает третье место среди зарубежных стран. В 2000 г. он составил 5804,3 тыс. долл. (в 1999 г. – 6175,2 тыс. долл.) или 13,5% от общереспубликанского оборота услуг. Экспорт услуг равнялся 154,4 тыс. долл. (что ниже уровня 1999 г. в 8,3 раза), импорт - 5649,8 тыс. долл. (рост по сравнению с 1999 г. на 15%)[6].

В 1999 г. в экономику Республики Татарстан из Турции было привлечено инвестиций на сумму 226,3 тыс. долл. В 2000 г. размер привлеченных инвестиций составил 44,1 тыс. долл., а в 1-м полугодии 2001 г. в сферу общественного питания было вложено 50,0 тыс. руб. прямых инвестиций из Турции[7].

Сейчас в Татарстане работают более 70 совместных татарстано-турецких предприятий. Среди них ООО «Торино» (производство дорожных и галантерейных изделий), ЗАО «Сакташ» (строительство), ООО «Язар» (посреднические услуги при купле-продаже товаров народного потребления), ЗАО «Ива» (оптовая торговля), ЗАО «Уфуклар» (кондитерская промышленность), ООО «Караван» (туризм) и др. Кроме того, на территории Республики Татарстан зарегистрировано около 20 представительств и филиалов турецких компаний: «Ильк Умут», «Мимар», «Одак», «Оримекс», «Дениз Дери», «Умташ», «Тюрк Хава Иоллары», филиал фирмы «Дженк Иншаат Саеайи Ве Тиджарет Лимитет» и др. Следует выделить строительные компании «Одак», «Оримекс», «Ильк Умут», осуществляющие ряд крупных и средних проектов (строительство мечети Кул-Шариф, реконструкция зданий Казанского Кремля, строительство культурно-развлекательного комплекса «Пирамида», Сафар-отеля, КБ «Заречье» и др.). Турецкие компании открыли в Татарстане большое количество магазинов розничной торговли, несколько кафе и ресторанов, ряд небольших производств в области кожевенной, мебельной и пищевой промышленности. Крупнейшим экспортером татарстанской продукции является ОАО «Нижнекамскнефтехим». На турецкие заводы поставляются различные виды

продукции – от синтетических каучуков до жидкой нефтехимии, на общую сумму более 10 млн. долл. в год. Казанский вертолетный завод поставляет запасные части для поставленных ранее для жандармерии Турции 19 вертолетов МИ-17. Данный проект являлся одним из крупнейших торговых контрактов между Татарстаном и Турцией. Кроме того, экспорт осуществляют следующие предприятия: ОАО «Казаньоргсинтез», «ОАО «Нижнекамскшина», завод СК им. Кирова, Химический завод им. Карпова, Нижнекамский завод по производству техуглеводорода[8].

По оценкам министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества, перспективными направлениями сотрудничества с Турецкой Республикой являются следующие:

– поставки в Турцию военных кораблей и другой продукции завода им. Горького, строительство судов на территории Турции;

– организация поставок продукции ОАО «КамАЗ, ОАО «Казанский вертолетный завод», завода «Электроприбор», НПП им. Ленина, ОАО «Казаньоргсинтез», ОАО «Химзавод им. Карпова», ОАО «Нэфис»;

– привлечение турецких инвесторов к участию в проектах, реализуемых в Свободной экономической зоне «Елабуга», в частности в области автомобилестроения совместно с ПО «ЕлАЗ»;

– дальнейшее привлечение турецких строительных компаний к участию в проектах реконструкции историко-архитектурных памятников, по жилищному строительству, а также к участию в программе ликвидации ветхого жилья;

– импорт из Турции свежих и переработанных пищевых продуктов, изделий из кожи, организация в Татарстане центров оптовой торговли турецкими товарами;

– открытие представительства Турецкого агентства по экономическому развитию (TIKA) в г. Казани и др.

Важным направлением экономического сотрудничества республик является торговля. Рассмотрим таблицу 1, которая анализирует динамику внешней торговли за период с 1998 г. по 1 полугодие 2001 г.

Таблица 1

Динамика внешней торговли между Татарстаном и Турцией

(тыс. долл.)

	1998 г.		*1999 г.*		*2000 г.*		*9 месяцев 2001 г.*	
	Сумма	*Доля в общем объеме экспорта РТ (%)*	*Сумма*	*Доля в общем объеме экспорта РТ (%)*	*Сумма*	*Доля в общем объеме экспорта РТ (%)*	*Сумма*	*Доля в общем объеме экспорта РТ (%)*
Экспорт	8306,2	0,66	3906,9	0,37	5511,0	0,20	2173,2	0,16
Импорт	11284,0	2,59	4282,0	1,51	2538,0	0,70	1271,3	0,49
Оборот внешней торговли	19590,2	1,15	8188,9	0,47	8049,0	0,25	3444,5	0,21
Сальдо	-2977,8		-375,1		2973,0		901,9	

Составлено по материалам министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества РТ и Государственного комитета РТ по статистике.

Максимальный объем товарооборота с Турцией приходился на 1993 г. (116279,3 тыс. долл.). В 1995 г. товарооборот с Турцией уменьшился вдвое по сравнению с 1994 г., и в 1996–2000 гг. продолжал последовательно снижаться. За это время Турция переместилась по объему внешнеторгового оборота среди стран-партнеров Татарстана с 5-го места в 1995 г. на 24-е в 2000 г. (объем внешней торговли составил 8049,0 тыс. долл.). При этом надо учитывать, что официальные цифры значительно ниже реального объема, так как часто не учитываются подрядные работы турецких компаний в Татарстане, туризм, значительный объем товарооборота через челночную торговлю (основное заполнение рейса Казань-Стамбул осуществляется частными предпринимателями), экспорт товаров через компании-нерезиденты Татарстана. Например, продукция Казанского вертолетного завода экспортируется через Рособоронэкспорт, жидкая нефтехимия ОАО «Нижнекамскнефтехим» – через терминал Котка (Финляндия), практически единственный возможный путь транспортировки[9].

В структуре экспорта наибольший удельный вес занимает продукция химической и нефтехимической промышленности (таблица 2).

Таблица 2

Товарная структура экспорта Республики Татарстан в Турцию

(тыс. долл.)

	1998 г.		1999 г.		2000 г.		9 мес. 2001 г.	
Наименование группы товаров	Сумма	Доля (%)	Сумма	Доля (%)	Сумма	Доля (%)	Сумма	Доля (%)
Каучук синтетический	3790,0	45,64	2037,8	52,16	1916,7	34,8	797,3	36,4
Моющие и чистящие средства	622,7	7,50	169,8	4,35	442,2	8,0	606,2	27,9
Шины резиновые	-	-	-	-	60,3	1,1	415,0	19,10
Лесоматериалы	87,0	1,05	45,9	1,17	343,6	6,2	30,8	1,40
Полимеры этилена	1749,9	21,05	481,7	12,33	307,5	5,6	1,3	0,05
Нефть и нефтепродукты	689,6	8,30	355,1	9,09	-	-	-	-

Составлено по материалам Министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества РТ и Государственного комитета РТ по статистике.

Мы видим, что произошло снижение объемов внешней торговли Турции и РТ (табл. 1). Но следует отметить, что за последние годы в структуре экспорта отсутствует статья «нефть и нефтепродукты» (табл. 2), занимающая важное место в общем объеме экспорта. Кроме того, снижение объема экспорта объясняется дальнейшей географической диверсификацией экспорта Татарстана и расширением числа стран-партнеров, что предопределило более низкий объем внешней торговли между Турцией и Республикой Татарстан.

В 90-х – начале 2000 гг. в Турции закупались в основном автомобили легковые, запчасти к ним, оборудование и его части, в том числе для пищевой промышленности, изделия из черных металлов, в том числе трубы, продукция химической промышленности, масло подсолнечное, напитки алкогольные и безалкогольные, кондитерские изделия, дрожжи, готовые пекарные порошки.

Товарная структура импорта за 2000 г. и 9 месяцев 2001 г. выглядела следующим образом (таблица 3).

Таблица 3

Товарная структура импорта Татарстана из Турции

(тыс. долл.)

Годы	2000 г.		9 месяцев 2001 г.	
Наименование группы товаров	Сумма	Доля (%)	Сумма	Доля (%)
Трубы из черных металлов	2,9	0,20	2,4	0,19
Оборудование механическое	432,7	17,00	475,2	37,40
Оборудование электрическое	36,1	1,40	51,6	4,10
Инструменты измерительные	2,0	0,17	20,0	1,60
Автомобильное оборудование и части	1,2	0,05	-	-

Составлено по материалам министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества РТ и Государственного комитета РТ по статистике.

Таким образом, Республика Татарстан получает возможности экспорта своего сырья, а также импортирует из Турции необходимую ей продукцию. Экономические отношения Турции и Татарстана являются перспективным направлением совместного сотрудничества. Существует ряд проектов, решение которых будет взаимовыгодным для обеих республик. Однако успешное развитие отношений на первом этапе сменилось их последующим ослаблением. Следовательно, сотрудничество республик требует дальнейших усилий сторон для реализации потенциала развития экономических отношений.

В документах об экономическом сотрудничестве, действующих между Турцией и Республикой Татарстан, содержатся отдельные разделы, посвященные вопросу взаимодействия сторон в сфере образования. Таким образом, и эта область деловых контактов рассматривается в качестве одной из сфер двусторонних экономических отношений. Иначе говоря, контакты в области образования не рассматриваются как автономные и самодостаточные, а постоянно интегрируются в общую схему экономического сотрудничества сторон.

Данное обстоятельство важно подчеркнуть, дабы опровергнуть оценки некоторых экспертов, делающих, по-видимому, избыточный акцент на роли пантюркистских идей в системе отношений Турции и тюркских республик Российской Федерации, в том числе Татарстана. В качестве одного из аргументов они приводят экспансию Турции в культурной и образовательной сфере в этих республиках. Между тем эти контакты носят взаимный характер. Так, развивается студенче-

ский обмен между Турцией и Татарстаном. В 2000 г. в вузах Татарстана на платной основе обучалось около 200 студентов из Турции. 220 студентов и аспирантов Татарстана обучались в университетах Турции. В Республике Татарстан действует 10 татарско-турецких лицеев, 6 турецких лицеев (в Казани, Нижнекамске, Набережных Челнах, Бугульме). Учебные учреждения Татарстана в 2000 г. получили из Турции гуманитарную помощь в размере 30 тыс. долл.[10] В университетах некоторых городов Турции преподается татарский язык, а в Университете Босфор – татарская история и литература. В мае 2000 г. совместно с мэрией Стамбула были проведены дни татарской культуры. В мероприятии приняли участие представители официальных и деловых кругов Стамбула и представители дипломатических миссий ряда стран.

Таким образом, экономические отношения Татарстана и Турции развиваются в направлении обеспечения реальных коммерческих интересов сторон, и их перспективы связаны с поиском обоюдополезных моделей развития торговли и инвестиционного сотрудничества.

[1] Панорама-Форум, 1996, с. 152–153.

[2] По материалам Государственного Совета Республики Татарстан.

[3] По материалам Министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества РТ.

[4] http://www.Tatar.ru/repres/trkGa.html

[5] По материалам Министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества РТ.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] По материалам Департамента внешних связей Президента РТ.

[9] По материалам Министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества РТ.

[10] Там же.

С.В.Лэнгфорд

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРВЫЙ ГОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖОРДЖА БУША-МЛАДШЕГО

Начало XXI века во многом открыло совершенно новую страницу для арабо-израильских отношений на Ближнем Востоке. На протяжении всех 90-х годов мир с надеждой наблюдал за происходящим в регионе, и американское правительство прилагало все возможные усилия для установления мира между Израилем и арабскими странами. Однако в связи с начавшейся осенью 2000 года интифадой президент США Билл Клинтон столкнулся с тем, что к концу его второго президентского срока уровень конфликтности на Ближнем Востоке превышал тот, который мы наблюдали в начале 90-х годов, то есть до его прихода к власти. Окончание президентства Клинтона и начало президентского правления Буша проходит под знаком не только коллапса мирного процесса, но и опасности эскалации противостояния и развязывания крупномасштабных военных действий. К концу 2000 года Израиль сталкивается с конфликтными ситуациями сразу в трех плоскостях: с палестинцами на Западном Берегу и в Газе, с арабским населением внутри своих границ, а также с Сирией и Ливаном. При этом палестинский лидер Ясир Арафат находит общий язык с исламской оппозицией в лице Хамаса, и десятки активистов, принадлежащих к этой организации, освобождаются из палестинских тюрем. Попытки американской дипломатии остановить кровопролитие не принесли ожидаемых результатов: устная договоренность о прекращении огня, достигнутая в Шарм аш-Шейхе между израильским премьер-министром Эхудом Бараком и палестинским лидером Ясиром Арафатом никак не отразилась на реальных событиях.

Палестинская и израильская общественность была на тот момент во многом просто не способна идти на уступки, прекращать военные атаки и проникнутые горечью обиды демонстрации и выступления – слишком много было пролито невинной крови в ходе жестоких расправ с обеих сторон. К моменту прихода Джорджа Буша-младшего к власти ситуация усугубилась еще и тем, что ожидаемое коалиционное правительство в Израиле создано не было, и в ходе выборов победил Ариэль Шарон.

Еще в ходе предвыборной кампании республиканская партия, кандидатом которой является Джордж Буш-младший, заявляла о своем намерении снизить уровень своей международной вовлеченности

и уделять основную долю внимания внутриполитическим, а не внешнеполитическим проблемам. Таким образом, никого не удивило одно из первых решений Колина Пауэлла, принятых им на посту госсекретаря, не посылать американского представителя на арабо-израильские переговоры в Табе и отложить на неопределенный срок назначение нового посла на Ближнем Востоке (при Клинтоне эту должность занимал Деннис Росс). Эти решения соответствовали республиканской концепции внешней политики, и были подтверждены словами Пауэлла в ходе его выступления перед комитетом Сената по международным делам: «Стороны должны сами прийти к миру. Мы также намереваемся отныне рассматривать весь регион в целом, а не только мирный процесс»[1]. При этом, когда стали известны результаты выборов в Израиле, Колин Пауэлл счел необходимым связаться по телефону с лидерами некоторых арабских государств, убеждая их дать Шарону время на формирование правительства и формулирование концепции своей внешней и внутренней политики.

На протяжении весны 2001 года ситуация на Ближнем Востоке продолжала ухудшаться: американская администрация пыталась оказать воздействие на стороны, но жестокие столкновения свели на нет достигнутые договоренности. Становилось очевидным, что США следует в очередной раз пересмотреть свои позиции на Ближнем Востоке, так как ни Арафат, ни Шарон на тот момент не могли сами предложить никакого решения, и вмешательство Соединенных Штатов могло бы дать обоим достойный предлог для прекращения огня. (Арафат по политическим причинам не мог призвать свой народ прекратить акты насилия и жестокости, боясь потерять значительную часть общественной поддержки, а Шарон намеревался продемонстрировать, что насилие не может являться инструментом для манипулирования Израилем).

Для пересмотра политики в отношении арабо-израильского конфликта администрация США взяла за основу так называемый «Отчет Митчелла», над которым с октября 2000 года работала комиссия в составе пяти человек под руководством бывшего лидера сенатского большинства Джорджа Митчелла. Комиссия воздерживается в отчете от обвинения какой-либо одной из сторон в развязывании конфликта, рассматривает позиции как Израиля, так и Палестины и предлагает следующие меры для преодоления кризисной ситуации: ПНА в лице Ясира Арафата должна выступить против использования актов насилия в качестве инструмента для политических манипуляций и начать сотрудничать с Израилем в сфере безопасности, от Израиля же требовалось прекращение строительства поселений (причем конкретного определения данного понятия дано не было, что позволило палестинцам трактовать термин «поселения» по своему усмотрению).

Отчет Митчелла также предоставлял американской администрации на выбор два основных возможных направления внешнеполитической

линии в отношении арабо-израильского конфликта, отличавшихся по уровню американской вовлеченности. Суть первого направления заключалась в постоянном присутствии представителя госсекретаря в регионе, который должен был бы посредством так называемой «челночной дипломатии» совместно с лидерами обеих сторон составить план действий, определить временные границы его осуществления и создать некий комитет для мониторинга исполнения условий договоренностей. Второе же направление предполагало более низкий уровень вовлеченности США. Сторонам предлагалось принять основные положения отчета Митчелла и в течение 4–6 недель разработать план действий, с тем чтобы впоследствии вернуться за стол переговоров.

Внимательно проанализировав результаты работы комиссии Митчелла, госсекретарь выступил со следующим заявлением, которое в дальнейшем и определило американскую позицию в отношении происходящего на Ближнем Востоке. 21 мая Колин Пауэлл призвал стороны публично осудить насилие, немедленно прекратить вооруженные столкновения и обозначил план действий – за временным прекращением огня должно последовать окончательное, затем, по прошествии некоторого времени, в течение которого стороны могли бы пересмотреть свои позиции, появилась бы реальная возможность вернуться за стол переговоров[2].

Основным отличием между рекомендациями, содержащимися в отчете Митчелла, и призывом, заявленным Пауэллом, является положение о прекращении строительства новых поселений – госсекретарь предпочел не упоминать этот пункт в ходе своего выступления. Основной причиной этого явилось, в первую очередь, понимание того, что израильское правительство не согласилось бы с планом действий, содержащим критику строительства поселений, более того, оказалось бы необходимым немедленно начинать переговоры по Иерусалиму как по спорной территории, к чему ни одна из сторон не была готова. Американская администрация также учитывала тот факт, что локомотивом начала вооруженных столкновений явились вовсе не поселения, занимающие незначительную часть общей площади Западного Берега и Газы, следовательно, нелогичным было бы ожидать, что вслед за прекращением строительства поселений немедленно последует прекращение насилия.

В начале июля 2001 г. госсекретарю Колину Пауэллу в ходе его визита в регион удается добиться от сторон согласия на прекращение огня на семь дней. Тем не менее насилие на улицах продолжается, и стороны обвиняют друг друга в нарушении договоренностей. Таким образом, очередная попытка прекратить вооруженные столкновения не принесла плодов; начиная с октября 2000 года стороны несколько раз давали обещания и достигали некоторых договоренностей, ни одна из которых так и не была проведена в жизнь. Например, еще осенью того же года в Париже было достигнуто соглашение с тогдашним

премьер-министром Израиля Эхудом Бараком и палестинским лидером Ясиром Арафатом о совместных действиях, направленных на стабилизацию ситуации, затем последовали устные договоренности в Шарм аш-Шейхе от 17 октября и как бы достигнутое понимание между Шимоном Пересом и Арафатом в ноябре.

При этом, если насилие несколько приостанавливалось после таких встреч, а также во время выборов в Израиле, перерыв ни разу не превышал периода в несколько дней. В течение весны и начала лета 2001 года количество столкновений росло и, возможно, достигло своеобразного печального апогея, когда в результате взрыва в Тель-Авиве погиб 21 израильский подросток[3]. После этого Ясир Арафат призвал свой народ прекратить огонь, понимая, что в глазах международного сообщества этот инцидент нанес серьезный ущерб делу освобождения Палестины. Вообще, важно отметить значимость международного общественного мнения для обеих сторон, что, с точки зрения Денниса Росса, необходимо учитывать и использовать в ходе стабилизации палестино-израильских отношений. Он высказал мнение о том, что следует создать систему международного контроля за исполнением достигаемых договоренностей, включающую не только США, но и европейские государства и Россию, и специальная комиссия предоставляла бы каждые две недели отчет о выполнении совместных палестино-израильских решений. Это позволило бы избежать того, что договоренности остаются лишь на бумаге, а на деле продолжаются кровопролитные столкновения, в развязывании которых каждая сторона обвиняет противоположную[4].

Таким образом, в течение первого полугодия нахождения у власти администрация Буша была вынуждена во многом пересмотреть свою позицию в отношении ситуации на Ближнем Востоке.

Во-первых, это относится к уровню вовлеченности США в палестино-израильский конфликт. Изначально предполагалось, что американская политика в регионе будет осуществляться исключительно силами дипломатов, непосредственно находящихся в ближневосточных странах, без привлечения высших американских чиновников. Тем не менее высокопоставленные представители американской администрации не раз посещали регион и встречались с Арафатом и Шароном, более того, в мае сам Колин Пауэлл отправился в Израиль и встретился с израильским и палестинским лидерами. В связи с продолжающимся насилием в регионе следующим возможным шагом был бы визит Буша в регион и его личное участие в переговорах, то есть американская политика вернулась бы к тому, от чего изначально отказалась.

Во-вторых, эволюционировал и сам подход правительства США к арабо-израильским отношениям. В момент прихода к власти команда Буша осознавала, что мирные переговоры, зашедшие в тупик при Клинтоне, вряд ли удастся довести до логического конца и при Буше, по крайней мере, на данном этапе, вследствие чего в первые месяцы

нахождения Буша у власти американские политики призывали палестинцев и израильтян остановить насилие, ничего не говоря о возвращении за стол переговоров. Тем не менее в свете постоянного ухудшения ситуации администрация пересмотрела и эту тактическую линию, и уже в мае в выступлении Колина Пауэлла содержалась мысль о том, что основной целью отчета Митчелла являлся постепенный переход к переговорам об окончательном статусе[5]. Таким образом, Джордж Буш-младший столкнулся с постепенным откатом к внешнеполитической концепции Билла Клинтона, обеспечивающей заинтересованность сторон в переговорах вовлеченностью, как политической, так и экономической, Соединенных Штатов. Однако же, в отличие от схожей политики в отношении Египта во второй половине 70-х годов, когда экономическая помощь со стороны США оказала реальное, хотя и не решающее, влияние на подписание мирного договора между Израилем и Египтом, в случае с ПА дело обстоит несколько иначе. Возможно, успех переговоров с Садатом заключался именно в готовности обоих государств пойти на некие уступки ради достижения мирного решения затянувшегося конфликта. Арафат же, несмотря на высказанное им желание достижения мира и данные им обязательства (в том числе и в Осло), не раз на протяжении 90-х годов и в особенности в течение 2000–2001 годов давал американской администрации повод задуматься о верности выбранного ею подхода. Наиболее яркими примерами чего являются несогласие Арафата на предложенные Бараком условия мирного договора, где фактически все требования палестинцев были в той или иной мере удовлетворены (кроме пункта о праве на возвращение всех беженцев на территорию Израиля), а также отказ палестинского лидера от публичного осуждения террористических актов и использования насилия для достижения политических целей. О неготовности сторон идти на уступки говорят также и действия Израиля, в том числе постоянное игнорирование резолюций СБ ООН, осуждающих, в том числе, депортацию палестинцев и оккупацию спорных территорий.

Для рассмотрения возможных изменений в американской политике допустимо провести параллель с политикой Джорджа Буша-старшего: в июле 1990 года, когда Ясир Арафат отказался выступить с критикой террористических актов, осуществленных палестинцами, президент Буш принял решение приостановить диалог с ООП, начатый в 1988 году Рейганом. До тех пор, пока, по прошествии трех лет, палестинская сторона не приняла израильские условия для мирных переговоров, американская администрация не имела официальных контактов с ООП. На данный момент неоспоримым является тот факт, что ПНА нарушает одно из основных правил американо-палестинского взаимодействия, а именно – осуждение всех форм насилия и признание переговоров в качестве единственного инструмента для достижения политических целей.

В августе–сентябре 2001 года специальная комиссия работала над так называемым «Отчетом о выполнении Организацией Освобождения Палестины обязательств» (PLOCCA[6]), документом, предоставляемым Конгрессу дважды в год со времен подписания договоренностей в Осло в 1993 году, основными из которых являются положения о признании со стороны ООП права Израиля на существование в мире и безопасности и принятие на себя ответственности за все действия, осуществляемые различными подразделениями ООП, с целью обеспечения соответствия их действий с данными обязательствами и предупреждения нарушения договоренностей. Этот отчет, представленный на рассмотрение Конгресса в сентябре 2001 г., в значительной степени отличался по духу от большинства отчетов до этого. Так, если предыдущий отчет, анализирующий период с 15 июня до 15 декабря 2000 г., говорил о том, что роль Арафата и высших палестинских чиновников в трагических событиях неясна (даже несмотря на то, что госсекретарь США Мадлен Олбрайт заявляла об обратном[7]), то отчет сентября 2001 г., первый отчет со времени прихода Буша к власти, подчеркивал, по крайней мере, толерантное отношение лидеров ПА к атмосфере, поддерживающей насилие. В этой связи авторы отчета привели пример палестинского телевидения, которое, согласно отчету, подвигает палестинцев на акты насилия. Более того, отчет указывал на причастность членов Фатха и палестинских сил безопасности к антиизраильским выступлениям и действиям и на то, что руководство ПНА не сделало ничего для предотвращения данных событий. Тем не менее в отчете не содержалось оценки выступления Ясира Арафата на арабском саммите в Аммане в марте 2001 г., в ходе которого палестинский лидер рассматривал «кровь мучеников как важный инструмент для освобождения земель»[8], тем самым приветствуя роль насилия как метода достижения политических целей.

Итак, несмотря на указанные недостатки, важной особенностью сентябрьского отчета являлся более детальный подход к анализу событий в Палестине и исполнению палестинским руководством данных им обязательств. Особенно важным в данной связи являлся анализ действий ПА, направленных на приостановление насилия и террористических актов.

События 11 сентября 2001 г. заставили содрогнуться весь мир и поставили администрацию США перед необходимостью в кратчайшие сроки пересмотреть концепции внешней и внутренней политики, особенно в вопросах, касающихся безопасности. В то время, как весь мир следил за действиями США, направленными против Усамы бен Ладена и его организации, в отношениях между Соединенными Штатами и Израилем наблюдалось определенное охлаждение. Попытки США включить в антитеррористическую коалицию различные арабские страны вызвали в Израиле определенный резонанс. Негативная реакция достигла своего апогея, когда в одном из выступлений премьер-министр

Ариэль Шарон намеками дал понять прессе, что в его глазах действия президента Буша сопоставимы с капитуляцией Чемберлена в Мюнхене. Белый дом немедленно назвал подобные замечания «неприемлемыми», и Шарон принес свои извинения[9].

Вообще, начиная с первых же дней после террористических актов в США, лидеры арабских стран выражали соболезнования американскому народу и предпринимали все возможное, чтобы дистанцироваться от совершивших эти теракты исламских экстремистов. Например, Ясир Арафат сдал кровь для американского «Красного Креста» и палестинские силы безопасности провели конфискацию видеокассет с записью ликующих по поводу трагедии в США демонстрантов; сирийский лидер Башар аль-Асад направил президенту Бушу личное письмо с соболезнованиями. Это дало израильскому правительству повод надеяться на то, что после событий 11 сентября Соединенные Штаты будут предъявлять более высокие требования к арабским странам в их борьбе с терроризмом, в особенности в случае формирования антитеррористической коалиции. Это мнение было также подкреплено выступлением Буша перед Конгрессом, в котором он объявил войну терроризму[10]. Со своей стороны Израиль предоставил США имеющиеся данные об Усаме бен Ладене. По обоюдному согласию американского и израильского правительства было решено, что стратегически верным и предпочтительным являлось невступление Израиля в международную коалицию; так в ходе своего визита в регион министр обороны США Дональд Рамсфельд посетил некоторые арабские государства, но воздержался от встречи с израильским лидером, очевидно, опасаясь, что участие Израиля в коалиции может вызвать негативную оценку в некоторых арабских странах.

Одним из пунктов преткновения в данном случае явился тот факт, что в начале октября США не выступили против назначения Сирии одним из непостоянных членов Совета Безопасности ООН. За некоторое время до этого, а именно 28 сентября 2001 г., СБ ООН одобрил резолюцию, гласящую, что международная коалиция должна предпринять все возможные меры, направленные против террористических группировок и стран, их поощряющих[11]. Сирия фигурирует в составленном Госдепартаментом США списке стран, спонсирующих терроризм и, согласно американским правительственным документам, нарушает практически все пункты резолюции, принятой Советом[12]. Таким образом, объявляя войну терроризму и странам, его поощряющим, США не высказались против резолюции Генеральной Ассамблеи, назначающей Сирию новым членом СБ. Это, в свою очередь, не могло не вызвать отрицательной реакции со стороны Израиля.

Более того, в начале октября пресс-атташе госдепартамента Ричард Ваучер заявил, что терроризм, направленный против американцев, и терроризм, направленный против израильтян, – это «две разные вещи»; объясняя свою точку зрения, он добавил, что в то

время как первый вид терроризма представляет собой «жестоких людей, пытающихся уничтожить общество», то второй – то есть терроризм против граждан Израиля – направлен на привлечение внимания к «политическим вопросам, требующим рассмотрения»[13]. В данном случае точка зрения госдепартамента во многом перекликается с высказываниями мусульманских лидеров, которые проводят черту между терроризмом, достойным осуждения, и легитимным противостоянием оккупации. И хотя является очевидным, что США не поддерживают сами террористические акты, направленные против израильтян, тем не менее, также несомненно, что в то время как все усилия направляются на войну с терроризмом в лице Усамы бен Ладена и его организации, в случае терактов в ходе арабо-израильского конфликта Соединенные Штаты занимают, скорее, позицию наблюдателя. Израиль ожидал от США более радикальных шагов, особенно после упомянутого выше провозглашения Бушем войны против терроризма. Однако американская администрация отнюдь не усиливает давления на ПНА и лично Арафата, более того, президент США выдвигает положение о «Видении палестинского государства» (Vision of a Palestinian State), провозглашая, что «палестинское государство всегда было частью американского видения Ближнего Востока» (что не совсем соответствует реальности – например, в 1982 году президент США Рональд Рейган выступал против палестинского государства), а государственный секретарь Колин Пауэлл противостоит намерениям Конгресса внести Фатх и службу безопасности Арафата (Force-17) в террористический список госдепартамента.

Возможно, в сложившейся ситуации американская администрация надеется на прекращение огня, а в перспективе – на продолжение диалога между ПНА и Израилем. За несколько месяцев до событий 11 сентября 2001 г. Деннисом Россом была высказана точка зрения, разделяемая многими политиками и научными экспертами, занимающимися проблемой ближневосточного урегулирования. В совместном докладе с Робертом Сатлоффом, одним из ведущих исследователей Вашингтонского института ближневосточной политики, Деннис Росс описал несколько возможных вариантов эволюции ситуации в регионе, и одним из таких вариантов было влияние на арабо-израильские отношения некого события международного значения. Таким образом, несмотря на очевидность того, что масштаб и суть данного внешнего события никто на тот момент предвидеть не мог, тот факт, что изменение обстановки в мире в той или иной степени повлияет на палестино-израильские отношения, представлялся американским политикам также несомненным.

Однако стоит упомянуть, что некое предполагаемое событие повлечет за собой прекращение огня и, возможно, – пересмотр сторонами своих позиций, что способствовало бы их возвращению за стол переговоров. Тем не менее, несмотря на кратковременное прекращение

огня, о значительном влиянии трагедии 11 сентября на ближневосточные отношения говорить, возможно, пока еще рано. Анализ событий, последовавших за сентябрьскими терактами, дает возможность предположить, что, вероятно, и израильтяне, и палестинцы надеялись на большее внимание со стороны американской администрации. Ясир Арафат осудил теракты против американских граждан; его очевидной мотивацией было продемонстрировать непричастность к трагедии 11 сентября, заручиться поддержкой и доверием США, которые на тот момент занимались формированием международной коалиции для борьбы с терроризмом. Израиль, в свою очередь, предоставил американской стороне материалы, собранные разведкой об Усаме бен Ладене. Обе стороны ожидали, что события 11 сентября заставят США обратить взор на ближневосточное урегулирование; однако все внимание американской администрации было обращено на военные и гуманитарные действия в Афганистане и, таким образом, Израиль и Палестинская автономия вновь оказались лицом к лицу с необходимостью самим предпринимать меры для приостановления насилия.

Можно предположить, что американцы подразумевали, что в новых, постсентябрьских условиях, стороны будут более склонны идти на уступки, нежели прежде. Но насилие в регионе продолжалось, и 19 ноября 2001 г. госсекретарь США Колин Пауэлл выступил с речью, посвященной ситуации на Ближнем Востоке[14]. Основной мыслью выступления было то, что первостепенными на данном этапе развития палестино-израильского конфликта являются стабилизация отношений и прекращение огня, а не полное урегулирование. Сторонам предлагалось не сесть за стол переговоров об окончательном статусе, а подготовить почву для подобных переговоров в будущем. Обращаясь к палестинцам, Колин Пауэлл говорил о необходимости прекращения проведения терактов, направленных против израильтян, и о свертывании антиизраильской пропаганды. От израильтян же госсекретарь требовал прекращения оккупации и строительства поселений[15]. Чрезвычайно важным является, во-первых, использование Пауэллом в речи термина «оккупация», а во-вторых, – само требование прекращения оккупации; многие палестинцы видят корень всех проблем именно в ней. Еще более значимо и то, что термин «оккупация» был употреблен вместе с упоминанием о резолюциях ООН 242 и 338. Дело в том, что на протяжении 90-х годов американская администрация не только не употребляла этот термин в отношении спорных территорий, но и выступала с критикой подобной формулировки, в том числе на заседаниях Совета Безопасности ООН[16].

Однако в своем выступлении американский госсекретарь ни словом не обмолвился о переговорах об окончательном статусе, что несколько разочаровало палестинскую сторону. Что же касается Израиля, то несмотря на то, что обычные для подобных выступлений слова о стратегическом сотрудничестве между США и Израилем не были

произнесены, израильская сторона положительно отнеслась к выступлению Пауэлла. Это объясняется тем, что прекращение строительства поселений, к чему призывал Пауэлл, согласно плану Митчелла, на который он опирался в своем выступлении, должно произойти только после прекращения огня, а также конфискации палестинскими властями нелегального оружия и отказа от антиизраильской пропаганды.

Еще одним значимым пунктом выступления Колина Пауэлла стало объявление о назначении Энтони Зинни, отставного генерала морской пехоты, специальным представителем США на Ближнем Востоке. Таким образом, изначальный отказ от непосредственного участия в переговорах между Арафатом и Шароном был пересмотрен, и американская администрация вернулась к практике назначения своего специального представителя в регионе. Об успехах миссии Зинни на данном этапе судить рано, однако уже видно, что конфликтность в ближневосточном регионе достигла такой высокой степени, что, возможно, потребуется вмешательство со стороны более высокопоставленных должностных лиц американской администрации.

Итак, к концу первого года президентства Джорджа Буша-младшего администрация США в своей политике в отношении Израиля и ситуации на Ближнем Востоке вернулась к тому, от чего изначально отказалась. Политика невмешательства в дела региона не оправдала себя, и 2001 год вновь привлек внимание американской администрации к региону, причем сразу в нескольких плоскостях.

Переговоры, которые регулярно проводились с палестинским и израильским лидерами и должностными лицами, заканчивались договоренностями, являющимися таковыми исключительно на бумаге, и насилие продолжалось. Несмотря на то, что обе стороны приняли положения планов Тенета и Митчелла, а также пунктов майского выступления госсекретаря США Колина Пауэлла, на реальных событиях это никак не отразилось. Постепенно становится очевидным, что присутствие американского представителя в регионе является необходимым, хотя и недостаточным условием выполнения Израилем и Палестинской автономией договоренностей, достигнутых в ходе переговоров. Сама постановка цели переговоров между Израилем и Палестиной в течение 2001 года также претерпела изменения. Если в мае в своем выступлении Пауэлл говорил о переговорах о конечном статусе как об основной задаче сторон, то в ноябрьском выступлении он сделал акцент на том, что на данном этапе реалистичной является лишь подготовка почвы для подобных переговоров в будущем. Это, в том числе, соответствует и плану Митчелла, где подчеркивается важность прекращения огня и осуществления мер по возрождению и укреплению доверия и сотрудничества между сторонами, что обеспечило бы основу для переговоров об окончательном статусе. И именно готовность Израиля и Палестины прекратить огонь и сесть за стол переговоров

о подобных мерах и является вторым, достаточным, условием успеха американской политики в целом и миссии Зинни, в частности.

[1] Washington Post, 11.02.2001.
[2] Wall Street Journal, 22.05.2001.
[3] www.cnn.com
[4] Washington Post, 7.07.2001.
[5] Los Angeles Times, 12.07.2001.
[6] Palestine Liberation Organization Commitments Compliance Act.
[7] www.washingtoninstitute.org
[8] www.saudiembassy.net
[9] www.jpost.com
[10] www.whitehouse.gov
[11] www.un.org
[12] The Los Angeles Times, 10.10.2001.
[13] Ibid.
[14] www.jmcc.org
[15] www.mfa.gov.il
[16] S/PV. 2989 (1991), SP/V. 3151 (1992), S/PV. 3351 (1994).

Ю.Ю.Максимов

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ЕГИПТА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ЕГИПЕТСКОГО ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Интеграционные и глобализационные процессы, происходящие на современном этапе развития мировой экономики, являются результатом многовекового установления и упрочения внешнеэкономического сотрудничества, которое особенно активизировалось в последние десятилетия XX века.

Сравнение динамик прироста таких важнейших составляющих международного экономического сотрудничества, как внешняя торговля и прямые иностранные инвестиции (ПИИ), явно доказывает, что внешнеэкономическая деятельность как отдельно взятых государств, так и региональных экономических группировок играет все более значительную роль в развитии мировой экономики. Так, если до середины 80-х гг. объемы международной торговли и инвестиций возрастали примерно на 7% в год, то после 1985 г. годовой рост мировой торговли составлял уже около 10%, а ПИИ ежегодно возрастали почти на 19%[1].

Играя определяющую роль в развитии мировой экономики в целом, международное экономическое сотрудничество во второй половине XX века стало едва ли не главным фактором экономического подъема большой и постоянно пополняющейся группы государств, в которую входят как промышленно развитые страны, так и государства, находящиеся на периферии мирового хозяйства.

Согласно расчетам, проведенным В.А.Мельянцевым, заметную роль в процессе ускорения экономического развития развивающихся стран сыграло повышение темпов прироста как раз физического объема экспорта. Так, если в довоенный период расширение внутреннего спроса обеспечивало 91–93%, а увеличение экспорта – 7–9% прироста ВВП стран третьего мира, то в последние четыре десятилетия соответствующие показатели составили уже 85–87 и 13–15%[2].

Развивающиеся страны Арабского Востока, в том числе и наиболее экономически продвинутые из них, по существу, только по каналам международного обмена получили доступ к новейшим технологиям и источникам сырья, передовому управленческому опыту, дефицитным валютным ресурсам и, наконец, рынкам сбыта значительной части производимых товаров и услуг – тем составным процесса

воспроизводства общественного продукта, без которых сегодня вряд ли возможно само существование национальных экономик.

Страны Северной Африки имеют длительную историю развития международного экономического сотрудничества, как на межарабском экономическом пространстве, так и с такой мощной экономической силой, как Европейский Союз, с другими членами мирового сообщества. Причем отдельные важные показатели такого сотрудничества (доля внешней торговли в ВВП, величина валютных поступлений в национальном доходе и др.) вполне сопоставимы с соответствующими данными промышленно развитых стран. Так, в начале 90-х годов доля внешней торговли в ВВП – показатель достаточно явно свидетельствующий о той роли, которую играет внешнеэкономическая деятельность в национальной экономике государства, – в странах ЕС и Северной Африки равнялась 47,1% и 33,7% соответственно[3]. А если в качестве сравнения мы рассчитаем аналогичный показатель в одном из наиболее развитых государств арабского мира – Египте, то эта доля в ВВП за 1991 и 1995 годы составила 49,3% и 61,3% соответственно[4], что, как мы видим, даже превышает общеевропейский уровень.

Столь относительно высокий уровень вовлеченности Египта в международную торговлю не случаен. Египет – одно из первых государств на Арабском Востоке, которое осознало необходимость проведения широкомасштабных либеральных экономических реформ, направленных на создание благоприятных условий для активного развития внешнеэкономических связей. Такая задача была поставлена уже в 70-е гг., когда под руководством президента Садата стала проводиться политика реформ, получившая название «инфитах».

На современном этапе развития активизация внешнеэкономических связей по-прежнему является одним из наиболее приоритетных направлений в системе преобразований и реформ, проводимых в Египте. Столь большое внимание, уделяемое этой проблеме, связано с тем, что такие составляющие внешнеэкономической деятельности, как внешние заимствования, иностранная экономическая и финансовая помощь, товарооборот с другими государствами и иностранные инвестиции, – во многом определяют состояние экономики страны.

Внешние заимствования. Программа структурных преобразований в АРЕ в 90-х гг. не смогла бы осуществиться, если бы она не получила широкую поддержку со стороны многочисленных международных и региональных организаций, таких как МВФ, МБРР, Парижский клуб, Африканский банк развития, а также отдельных стран-доноров, в первую очередь США и стран-членов ЕС. Как известно, в 1991 году египетский внешний долг равнялся 50 млрд. долл. В то время стране приходилось тратить на его обслуживание почти 3,5 млрд. долл., что соответствовало 116% экспортной выручки (1989 г.). Такие расходы, конечно же, значительно тормозили экономическое развитие страны. И в этом отношении начало реализации программы

реформ, согласованных с МВФ, явилось выходом из сложившейся критической ситуации. Так, в результате проводившихся с 1991 г. переговоров в рамках Парижского клуба и с отдельными странами-кредиторами Египту, доказавшему свою верность избранному курсу на поэтапные рыночные преобразования, удалось добиться постепенного списания 24,5 млрд. долл. внешней задолженности и переноса срока погашения оставшейся ее части в рамках Парижского клуба на 25 лет.

Внешняя задолженность в 1999–2000 финансовом году снизилась на 441 млн. долл. США по сравнению с предыдущим годом и по состоянию на 30 июня 2000 г. составила 27,8 млрд. долл. США. Из общей суммы внешнего долга 89,3% приходилось на средне- и долгосрочные кредиты, примерно 5,8% – на краткосрочные ссуды, 3,5% – на кредиты поставщиков и 1,4% – на негарантированные долги частного сектора[5].

Десятка основных кредиторов АРЕ по состоянию на конец сентября 1998 г. выглядела следующим образом (в млн. долл.): США – 5497, Франция – 5539, Япония – 3102, Германия – 2919, Италия – 1138, Великобритания – 397, Кувейт – 248, Австралия – 218, Канада – 210, Дания – 166[6].

Египет продолжает привлекать иностранную экономическую и финансовую помощь, за счет которой частично покрывается бюджетный дефицит, обеспечивается импорт ряда потребительских товаров и строительство большинства крупных объектов промышленности и инфраструктуры. Например, в 1998 г. США выделили 181 млн. долл. на выполнение работ по модернизации системы управления распределением электроэнергии, вырабатываемой на Высокой Асуанской плотине, доля которой в общем объеме производства электроэнергии страны составляет 15%. Тем не менее необходимо отметить, что в последнее время объем иностранной экономической и финансовой помощи Египту, составлявший ранее около 3 млрд. долл. США в год, начал сокращаться.

Иностранные инвестиции. Приступая в 1991 г. к реализации программы либерализации экономики, правительство АРЕ поставило перед собой задачу создать благоприятный климат для привлечения иностранных инвестиций. В результате внесения соответствующих изменений в регламентацию деятельности иностранных компаний роль участия прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в инвестиционных проектах на территории Египта в 90-е годы заметно возросла. Так, доля ПИИ увеличилась с 22,3% в 1980 г. до 31,0% в 1994 г.[7]

В настоящее время проблеме привлечения иностранных инвестиций также уделяется большое внимание, что находит свое отражение в принятии законов и нормативных актов, предоставляющих дополнительные гарантии и стимулы для иностранных инвесторов. По данным МБРР, опубликованным в 1998 г., АРЕ относится к 20 странам с наиболее благоприятным инвестиционным климатом, а по объему привлеченных ПИИ, который в этом же году составил 1,8 млрд. долл., опередил все арабские страны[8]. Для сравнения, этот же показатель в 1991 г.

(начало реформ) и 1997 г. равнялся 290 и 1027,5 млн. долл. соответственно, что подтверждает тот факт, что роль иностранных инвестиций в экономике Египта возрастает, причем относительно высокими темпами.

Всего по состоянию на 30 июня 2000 г. в рамках закона об иностранных инвестициях и свободных зонах действовало 3122 предприятия (2541 – на территории страны, 581 – в свободных зонах) с капиталом 56,6 млрд. ег. ф. (соответственно 44,5 и 12,1 млрд.) и капиталовложениями 90,9 млрд. ег. ф. (соответственно 42,9 и 26,4 млрд.)[9]. Представляется интересным сравнение этих данных с аналогичными показателями по состоянию на 30 июня 1998 г. Так, к указанному моменту в рамках этого закона действовало 2170 предприятий (1698 – на территории страны, 472 – в свободных зонах) с капиталом 39,9 млрд. ег. ф. (соответственно 29,2 и 10,7 млрд.) и капиталовложениями 65,8 млрд. ег. ф. (соответственно 42,9 и 22,9 млрд.)[10]. Таким образом, только за два года численность иностранных и совместных предприятий, функционирующих в Египте, выросла почти на 45%, а объем их капиталовложений – приблизительно на 40%.

Наиболее привлекательной отраслью для иностранных инвестиций в 2000 г. оставалась нефтегазовая промышленность, в которую они вкладывались на условиях соглашений о разделе продукции (СРП). С 1973 г., когда было создано Министерство нефти, по настоящее время было заключено около 260 СРП примерно с 50 компаниями. За это время в нефтегазовую промышленность Египта ими было инвестировано около 24 млрд. долл. США и открыто свыше 400 месторождений нефти и газа. Для того чтобы поддержать интерес иностранных инвесторов к этой отрасли промышленности, Египетская генеральная нефтяная корпорация в 2000 г. разработала новые, по заявлению ее представителей, более привлекательные для нефтяных и газовых компаний условия СРП.

Таким образом, основным реципиентом иностранных инвестиций является промышленность, доля которой в совокупном объеме привлеченных ПИИ выросла в 90-х гг. по сравнению с 80-ми гг. на 10%. В 1998 г. на промышленность пришлось 36% иностранных инвестиций, на сектор услуг – 18,6% и на туризм – 4%[11]. Остальная часть приходится на строительство, сельское хозяйство и проекты свободных зон.

Наиболее крупными западными инвесторами в АРЕ являются США, Германия, Франция, Швейцария, Италия и Великобритания. Многочисленные компании из этих стран, а также из Южной Кореи, Сингапура, Таиланда, Малайзии, Австралии и других государств активно предлагают свои услуги и капиталы на инвестиционном рынке Египта. Американская «Амоко» и итальянская «Аджип» доминируют на рынке нефтегазовой промышленности, строительства объектов нефтехимии. Французские фирмы, реализующие «Программу Мубарак-Ширак», ведут строительство метро в Каире и Александрии, участвуют в модернизации алюминиевых предприятий, создании системы

телекоммуникаций. Немецкие компании по «Программе Мубарак-Коль» осуществляют проекты профтехобразования, являются ведущими фирмами и консультантами при строительстве объектов энергетики. Японские организации участвуют в строительстве объектов инфраструктуры, автосборочных производств, ирригационных сооружений. Даже менее крупные фирмы из Дании, Люксембурга, Голландии, Бельгии, а также из Китая, Индии, Турции и других стран находят свою нишу на инвестиционном рынке Египта.

Значительное место в экономическом развитии АРЕ занимают также инвестиции и из соседних арабских стран, которые выросли с 7,3 млрд. в 1996 г. до 11,3 млрд. ег. ф. в 1997 г. (в 1500 проектах по сравнению с 1314) и в основном направляются в развитие туристического и гостиничного бизнеса. Среди арабских капиталовложений преобладают инвестиции из Саудовской Аравии (36,1%), Кувейта (24%) и ОАЭ (11%).

К факторам, которые благоприятно влияют на инвестиционный климат и повышают интерес потенциальных инвесторов к Египту, можно отнести следующие:

– тенденция к либерализации экономики, поддерживаемая развитыми государствами;

– макроэкономическая стабилизация, рост ВВП в расчете на душу населения, снижение инфляции и бюджетных дефицитов, увеличение внутренних инвестиций, преодоление несбалансированности системы платежей по текущим операциям;

– диверсифицированная структура экономики, относительно крупные размеры внутреннего рынка;

– возможность свободного проведения операций с иностранной валютой, стабильность валютного курса;

– устойчивая внутриполитическая обстановка;

– наличие значительного спроса на капиталовложения, новейшие технологии, современные средства производства. (Так, по оценкам некоторых экспертов, в 1999 г. рынок Египта был способен принять и разместить до 3 млрд. долл.).

Тем не менее необходимо отметить, что в 90-е гг. наблюдается уменьшение доли Египта в притоке ПИИ в развивающиеся страны. Эта доля сократилась с 18% в 1986 г. до 1,8% в 1998 г.

Отчасти это явление можно объяснить факторами, негативно влияющими на приток инвестиций в АРЕ, среди которых можно выделить следующие: несовершенство налогового и инвестиционного законодательства, сложная таможенная система, низкая покупательная способность египтян, затянутость судебных разбирательств, наличие чрезмерно большого числа государственных структур, занимающихся иностранными партнерами, некомпетентность многих чиновников, работающих в этих ведомствах и др.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на благоприятный в целом инвестиционный климат, в Египте существует целый ряд проблем,

решение которых может позволить заметно увеличить приток иностранного капитала из других государств.

Внешняя торговля. В настоящее время наиболее серьезной проблемой внешнеполитических связей Египта является наличие крупного дефицита торговли, составившего в 1999/2000 гг. 11,4 млрд. долл. Покрытие импорта (17,8 млрд. долл.) экспортом (6,4 млрд. долл.) составило всего 36%, что, тем не менее, значительно выше аналогичного показателя за 1998/99 гг. (26,1%)[12].

Как признает в своем обзоре, изданном в январе 1999 г., авторитетный египетский Центр политических и стратегических исследований, на фоне обнадеживающих темпов агрегированных показателей экономического роста «экспортная стратегия», разработанная в рамках программы реформ, потерпела полный провал. Не только не удалось сбалансировать внешнюю торговлю, но ее общий оборот относительно ВВП рос медленнее, чем в других арабских странах, проводящих аналогичные реформы и продвигающихся к намеченному на 2010 г. приему во Всемирную торговую организацию, а также к более тесной интеграции с ЕС. Как сообщается в обзоре, по сравнению с 1980 г. египетский экспорт в стоимостном выражении и неизменных ценах возрос к 1996 г. всего на 16%, при этом в Сирии – почти на 89%, в Марокко – на 97% и в Тунисе – на 147% за тот же период[13]. Подобная картина сохранилась и в дальнейшем.

Если обратиться к другому показателю, отражающему степень вовлечения страны в мирохозяйственные связи (доля египетского экспорта в мировом), то он понизился с 0,1% в 1985 г. до 0,07 в 1995–1996 гг.[14] Не состоялась и увязка между расширением экспортной базы и созданием дееспособного национального частного бизнеса, чья доля в вывозе готовых изделий ныне минимальна.

В структурном отношении на долю нефти и нефтепродуктов в египетском экспорте пришлось 52,6%, что говорит о высокой зависимости торгового баланса страны от мировых цен на энергоносители. А такая зависимость в условиях наблюдаемой нестабильности конъюнктуры мирового рынка нефти и нефтепродуктов серьезно препятствует установлению стабильного внешнего товарооборота и приводит к сокращению золотовалютных резервов, росту внешней задолженности и падению темпа роста экономики.

Другими важнейшими составляющими египетского экспорта являются длинноволокнистый хлопок, х/б пряжа, алюминий, эфирные масла и потребительские товары (одежда, обувь, кожизделия и др.).

Главными статьями египетского импорта являются машины и оборудование, сырьевые товары и продукты питания.

В географическом распределении египетского экспорта и импорта в 1998 г. произошли довольно заметные изменения. В результате увеличения египетского экспорта в арабские страны на 49,9%, а импорта из них – на 26,0%, удельный вес этой группы стран в египетском

экспорте возрос до 13,9%, а в импорте – до 4,3%, в то время как доля других африканских и азиатских стран повысилась соответственно до 14,5% и 17,6%.

Тем не менее главным внешнеторговым контрагентом АРЕ продолжали оставаться США, поставившие в 1997/98 финансовом году своих товаров на 3305 млн. долл. (20% всего египетского импорта) и закупившие их на 1741 млн. долл. (36% египетского экспорта). Также, помимо США, важными контрагентами Египта по импорту являются Германия, Франция, Италия и Япония (Россия замыкает вторую пятерку), а по экспорту: Италия, Германия, Великобритания и Румыния[15].

Что касается перспектив развития внешнеэкономических связей, то в принятых пятилетнем плане на 1997/98–2001/2002 финансового года и Долгосрочной программе социально-экономического развития АРЕ на период до 2016/2017 финансовый год предусматривается увеличить к этому времени процент покрытия египетского товарного импорта экспортом до 120%. Для этого удельный вес экспорта сельскохозяйственных товаров должен достичь 10% объема производства против 4% в 1999 г., а удельный вес экспорта промышленной продукции в объеме производства – 35% по сравнению с 16% в том же 1999 г.[16]

В качестве потенциальных рынков сбыта египетской продукции в будущем рассматриваются арабские и африканские страны, а также страны Восточной Европы и СНГ. Это во многом связано с тем, что западные страны в последние годы обвинили Египет в демпинговых поставках хлопка, постельных принадлежностей, алюминия и некоторых других товаров.

Внешнеэкономические связи Египта с Россией. До конца 80-х годов АРЕ являлась одним из крупнейших торговых партнеров СССР из числа развивающихся стран. С 1991 года объем торговли с АРЕ резко сократился под воздействием ряда причин. Бывшие республики СССР теперь самостоятельно осуществляют торговлю с АРЕ, и наша статистика, естественно, учитывает только поставки между Россией и Египтом. Нарушены ранее четко функционировавшие транспортные связи между регионами бывшего СССР, большая часть портов Черного моря, на которые прежде были ориентированы грузы в торговле с АРЕ, оказалась на территории Украины, в связи с чем возросли транспортные расходы торговых партнеров, а также степень риска в обеспечении сохранности грузов на территории СНГ.

Низкий уровень товарооборота России с АРЕ во многом объясняется и тем, что торговля осуществляется не по клирингу, а в основном в свободно конвертируемой валюте, ресурсы которой у организаций обеих стран ограничены. Кроме того, в условиях свободной рыночной экономики российские организации слабо заинтересованы в осуществлении операций на бартерной основе или с частичной оплатой товаров и услуг египетскими товарами, которые, как правило, по качеству уступают западным стандартам, а по ценам выше предлагаемых аналогич-

ных изделий из других стран (Турция, Пакистан, страны Юго-Восточной Азии и т.д.).

Тем не менее в настоящее время форма расчетов с частичной оплатой за поставки в АРЕ египетскими товарами все еще остается достаточно распространенной наряду с оплатой сырья, значительной части машин и оборудования, поставляемых в АРЕ, за наличные в свободно конвертируемой валюте.

Практика торговли с Египтом показывает, что примерно треть российского экспорта в эту страну приходится на машины и оборудование, примерно столько же – на сырьевые товары и остальное – на инвестиционное сотрудничество.

Импорт из АРЕ представлен в основном товарами народного потребления – швейные и трикотажные изделия, парфюмерия, косметика, моющие средства (стиральные порошки, мыло, шампуни), кожаная и спортивная обувь, продовольствие (макароны, суповые концентраты, консервы, соки, джемы), мебель и некоторые другие товары.

Экономическое и техническое сотрудничество с Египтом в широком плане начало осуществляться с 1958 года. Всего в рамках межправительственных соглашений в АРЕ построено 97 промышленных, энергетических и сельскохозяйственных объектов. Крупнейшим и наиболее известным из них является Асуанский гидроэнергетический комплекс. При содействии СССР в Египте впервые организовано производство алюминия, металлорежущих станков, холоднокатанного стального листа, кокса, смазочных масел и т.д. Значительно расширены мощности в энергетике, черной металлургии, нефтеперерабатывающей, металлообрабатывающей и судостроительной промышленности.

Несмотря на известные трудности, развитие экономического сотрудничества с Египтом продолжается. При содействии российских организаций осуществляется реконструкция цехов и модернизация основного технологического оборудования Хелуанского металлургического комбината, строительство и эксплуатация коксовой батареи на Хелуанском коксохимическом заводе, реконструкция стекольного завода в Шобре, ведутся работы по строительству горно-обогатительного комбината в Абу Тартуре.

Позитивное воздействие на развитие российско-египетских экономических связей оказала ратификация Парламентами обеих стран двух соглашений между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет: «О поощрении и взаимной защите капиталовложений» и «Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и капитал», которые вступили в силу соответственно 12 июня и 6 декабря 2000 г.

В последние годы динамика товарооборота с Египтом в целом отражала изменения в общем товарообороте России со странами дальнего зарубежья, которые проявились в заметном сокращении импорта и

некотором повышении экспорта. Однако если рост российского экспорта в страны дальнего зарубежья примерно на 4% был обусловлен повышением цен на энергоносители в результате улучшения для России конъюнктуры мирового рынка, то экспорт в Египет увеличился благодаря наращиванию физических отгрузок черных металлов (стальной заготовки и листового проката), а также расширению номенклатуры поставляемых в АРЕ химических товаров за счет полимеров: этилена и пропилена.

Неблагоприятное в целом воздействие на динамику российско-египетского товарооборота оказывало также обострение в 1999–2000 гг. валютно-финансового положения АРЕ, для стабилизации которого египетское правительство было вынуждено пойти на использование как официальных, так и негласных мер по ограничению импортных закупок, ужесточив порядок открытия аккредитивов. Ряд египетских импортеров в 2000 г. информировал российских экспортеров о том, что Центральный банк АРЕ не выдает разрешения на открытие аккредитива, и некоторые из них, не сумев найти выхода из сложившейся ситуации, который не нарушал бы действующего в обеих странах законодательства, были вынуждены отказаться от выполнения контрактов.

Ухудшение валютно-финансового положения АРЕ отразилось и на объеме государственных закупок, в том числе и по линии Министерства обороны, являющегося основным потребителем российских машинно-технических товаров. В ходе переговоров с рядом российских поставщиков представители Главного управления вооружений министерства обороны АРЕ неоднократно сокращали объемы заявок, в отдельных случаях на 50% по сравнению с первоначальным уровнем.

Тем не менее и в условиях неблагоприятного финансового положения, обусловившего ощутимое замедление темпов прироста египетского импорта в целом, российские экспортеры в 1999–2000 гг. смогли существенно расширить свои поставки в АРЕ.

По данным Государственного таможенного комитета Российской Федерации (ГТК РФ), российский экспорт в АРЕ за 1-е полугодие 2000 г. возрос до 262,4 млн. долл. США, или на 26,2% по сравнению с аналогичным уровнем предыдущего года.

По оценке Торгпредства РФ в АРЕ, базирующейся на данных ГТК РФ и Центрального агентства мобилизации и статистики АРЕ, товарооборот российско-египетской торговли в целом за 2000 г. составил 465 млн. долл. США, в том числе российский экспорт – 460 млн. и импорт – 5 млн.

Впервые более чем за 10 лет увеличились и импортные закупки в АРЕ. По сравнению с уровнем 1999 г. товарооборот российско-египетской торговли возрос на 11,2%, при этом российский экспорт увеличился на 10,8%, а импорт – на 72,4%.

Рост российского экспорта в Египет в 2000 году был обусловлен как наращиванием отгрузок ряда поставлявшихся ранее товаров, так и продолжающейся диверсификацией структуры экспорта. Так, после

весьма длительного перерыва, в наших отгрузках в АРЕ вновь появились подсолнечное масло и нефтепродукты, поставлявшиеся в 60–70-х годах, а также липецкие трактора, не экспортировавшиеся в Египет с середины 80-х годов, и другие товары.

Обращает также на себя внимание устойчивое присутствие в российских поставках в АРЕ в течение последнего времени такого традиционного раньше товара египетского экспорта в нашу страну, как хлопчатобумажные ткани.

Расширение номенклатуры и увеличение объемов поставок ряда сырьевых товаров и полуфабрикатов в Египет, которое и обусловило рост всего экспорта, происходило на фоне стагнации отгрузок машинно-технических товаров. Их экспорт в 2000 г. практически не изменился по сравнению с итогами 1999 года и составил примерно 60 млн. долларов США.

В результате действия этих двух факторов (увеличения поставок сырьевых товаров и полуфабрикатов и сохранения на неизменном уровне объемов отгрузок машин и оборудования) удельный вес машинно-технических товаров в российском экспорте в АРЕ в 2000 г. сократился до 13,1%.

Стагнация отгрузок машинно-технических товаров свидетельствует о том, что российские поставщики этой группы товаров продолжают зависеть от закупок своей продукции Министерством обороны АРЕ и до сих пор не смогли создать себе прочной базы на рынке машинно-технических товаров общегражданского назначения.

Причина этого, вероятно, кроется в отсутствии гибкости в сбытовой политике крупных российских производителей, использующих только одну форму экономических связей – торговлю готовой продукцией. Между тем от такого одностороннего подхода к развитию своих экономических связей с Египтом отказались уже не только крупные компании промышленно развитых стран, но и основные поставщики машинно-технических товаров из Украины и Белоруссии, успешно наладившие сборку поставляемых ими комплектующих на местных предприятиях. Дальнейшее промедление с перестройкой ведущими российскими экспортерами этой группы товаров своей работы в Египте грозит им полной потерей египетского рынка машинно-технических товаров общегражданского назначения.

Что касается российских закупок в Египте, то их рост произошел главным образом за счет расширения номенклатуры импорта, в которую впервые в истории нашей торговли вошли алюминиевая посуда и льняное волокно – столь же «экзотичный» для России импортный товар, как и хлопчатобумажные ткани для АРЕ, закупаемые египетскими компаниями в России. Среди других товаров, поступивших в 1999–2000 гг. из Египта, можно отметить цитрусовые и каркаде, импортировавшееся по статье «растения, используемые в парфюмерии и косметике», лаки и краски, смеси душистых веществ и кондиционеры.

Следующая ниже таблица дает представление об основных товарах российского экспорта в АРЕ в 2000 г.

Наименование	Количество тыс. т	Стоимость млн. долл.
Полуфабрикаты из железа и стали	916	125
Пиломатериалы	-	68
Машины, оборудование и транспортные средства	-	60
Прокат плоский из железа и стали	192	41
Бумага и картон	79	32
Нефтепродукты	141	31
Прутки, уголки, профили из железа и стали	135	25
Полимеры винилхлорида, этилена и пропилена	60	20
Масло подсолнечное	41	14

Заметное развитие получило и российско-египетское сотрудничество в области туризма. По оценке Министерства туризма АРЕ, в 2000 г. число российских туристов, посетивших Египет, возросло по сравнению с предыдущим годом на 13% и достигло 180 тыс. человек. С учетом того, что российский турист затрачивает в среднем на отдых в АРЕ примерно 500 долларов США, включая перелет, проживание и питание в гостинице, а также карманные расходы, их общие затраты составили в 2000 г. около 90 млн. долларов. Из этой суммы российские компании, осуществлявшие продажу туров и авиаперевозки, получили, по оценке, всего 27 млн. долл. США[17].

Возросло также и число египетских туристов, посетивших Россию. В 2000 г. оно достигло 600 человек, увеличившись по сравнению с предшествующим годом на 50%. Основным направлением египетского туризма в нашу страну являлся деловой туризм на ваучерной основе.

Ближайшие перспективы развития торговли, несмотря на определенные финансовые трудности в АРЕ и меры по ограничению импорта, представляются довольно благоприятными для увеличения российского экспорта. Однако после 2002 г. может усилиться воздействие негативных факторов и в первую очередь – сокращение импортных потребностей АРЕ по ряду ведущих товаров российского экспорта.

Так, в случае реализации проектов строительства металлургических комбинатов неподалеку от Асуана и Суэца и расширения существующих сталеплавильных мощностей, Египет если и не превратится в неттоэкспортера черных металлов, то заметно сократит их импорт. В этой связи в середине следующего десятилетия можно ожидать усиления конкурентной борьбы на местном рынке черных металлов, в том числе стальной заготовки, являющейся в настоящее время основным

товаром российского экспорта, а также ужесточения мер по защите местных производителей от конкуренции с импортной продукцией.

В результате наращивания местных производственных мощностей можно ожидать сокращения импортных потребностей и по многим другим товарам российского экспорта, в том числе пластмассам, экспорт которых в последние годы динамично возрастал, цементу, удобрениям и другим товарам.

Необходимо, однако, отметить, что наряду с сокращением импортных потребностей во многих товарах российского экспорта в АРЕ в следующем десятилетии будет наблюдаться и рост спроса на некоторые товары, входящие в число экспортируемой Россией продукции.

В частности, можно ожидать увеличения импортных потребностей в коксе и коксующемся угле. Будут в целом благоприятными и перспективы для поставок в АРЕ российской лесобумажной продукции: пиломатериалов, фанеры, целлюлозы, картона и бумаги (несмотря на начатое в 1999 г. антидемпинговое расследование в отношении поставок российской бумаги для письма и печати), а также плоского стекла и ряда наименований химических товаров.

Можно также ожидать открытия новых рынков сбыта российской продукции. В результате того, что в октябре 1999 г. «Госзнак» был зарегистрирован в качестве официального поставщика спецбумаги для Центрального банка АРЕ и получил возможность участия в соответствующих тендерах, открываются перспективы выхода российской продукции на новый сегмент египетского рынка.

Экспорт российских товаров может также заметно возрасти в том случае, если будет найдена приемлемая форма реализации подписанных в ходе 2-го заседания Совместной Комиссии соглашений о встречных поставках товаров с соблюдением действующего в обеих странах законодательства. Следует, однако, признать, что вероятность этого невелика, поскольку несколько встреч представителей деловых кругов двух стран, подписавших эти соглашения, проведенные после 2-го заседания, окончились безрезультатно. Основным препятствием для ее осуществления является отсутствие египетских товаров, способных выдержать жесткую конкуренцию на российском рынке с аналогичной продукцией, производимой компаниями Китая, Турции, Индии, Пакистана и других стран.

На протяжении всех 90-х годов экспорт из АРЕ в РФ ежегодно сокращался как в результате падения покупательской способности россиян (египетские поставки полностью представлены потребительскими товарами), так и вследствие возраставшего завышения курса египетского фунта, делавшего национальную продукцию все менее конкурентоспособной.

Резкое падение курса рубля в результате августовского кризиса 1998 г. привело к практической приостановке закупок российскими компаниями египетских товаров, и нет никаких оснований ожидать коренного изменения сложившейся в 1999–2000 годах ситуации.

Вместе с тем по ряду товарных позиций можно прогнозировать рост египетских поставок в Россию. В первую очередь это относится к лекарственным препаратам, которые могут стать одной из ведущих статей египетского экспорта в Россию, поскольку они превосходят по конкурентоспособности фармацевтическую продукцию ряда других стран, поставляемую в настоящее время на наш рынок. Объем их поставок в ближайшее время может заметно превысить существовавший ранее уровень на 1–2 млн. долл. США.

Определенные перспективы на российском рынке имеет и египетская сельскохозяйственная продукция, о чем свидетельствует как предыдущий опыт ее закупок российскими компаниями, так и текущие поставки этих товаров в другие государства СНГ.

Кроме того, сохраняются возможности для закупки в Египте фруктов, и в первую очередь цитрусовых, чеснока, лука и других овощей, а также риса, по урожайности которого Египет занимает одно из первых мест в мире. В этой связи необходимо отметить, что в 1998 г. Египет экспортировал 421 тыс. тонн риса на 134,6 млн. долларов США. Среди его покупателей был и ряд стран СНГ, в частности Украина.

Сохраняются также возможности для поставок на российский рынок хлопчатобумажной пряжи и тканей, практически полностью исчезнувших в последнее время из структуры египетского экспорта в нашу страну, особенно в случае проведения модернизации прядильных предприятий.

В целом можно ожидать, что объем египетского экспорта в Россию в ближайшее время составит порядка 5–10 млн. долл. США.

В 2000 году уже начали появляться первые признаки зарождения тенденции к росту российского импорта из Египта.

Прежде всего, это связано с ослаблением последствий резкого понижения курса рубля в результате августовского кризиса 1998 г., вызвавшего сокращение нашего импорта из Египта в 1999 г. до минимального уровня в 2,9 млн. долл. США.

С другой стороны следует отметить определенное повышение к концу 2000 г. конкурентоспособности египетских товаров на внешнем рынке с точки зрения их цены вследствие заметного понижения в 2000 г. курса египетского фунта. В ближайшее время следует ожидать еще большего понижения курса национальной валюты, что позволит и дальше снижать цены на египетские товары при осуществлении их экспортных поставок.

Кроме того, льготы, полученные в последнее время местными производителями, в частности освобождение от уплаты всех налогов на экспортируемые товары с 2000 г., существенно увеличивают их заинтересованность в заключении контрактов с иностранными компаниями.

В результате воздействия этих двух факторов позиции поставщиков из некоторых стран «третьего мира» на российском рынке могут быть потеснены египетскими производителями. В первую очередь,

может быть вытеснен с нашего внутреннего рынка ряд индийских товаров, поскольку внешний долг Индии перед Россией, в рамках погашения которого они поставляются, в скором времени будет полностью выплачен.

И, наконец, появились первые признаки роста интереса российских компаний к продвижению египетской продукции на наш рынок. В том случае, если эта тенденция будет нарастать, то удастся преодолеть одно из главных препятствий наращивания российско-египетского товарооборота – пассивность, иждивенческие настроения египетских компаний.

Наиболее перспективными для продвижения на российский рынок являются египетские сельскохозяйственные товары, в первую очередь, рис, лук, чеснок, цитрусовые, каркаде. Их список в будущем может быть расширен, о чем свидетельствуют закупки в 2000 г.

Отмечая перспективы увеличения египетского экспорта в нашу страну, необходимо иметь ввиду, что его объемы, вероятно, будут попрежнему незначительными.

В то же время пока нет никаких оснований для утверждений об увеличении объемов российско-египетского товарооборота до уровня, существовавшего в конце 80-х годов в торговле между Советским Союзом и Египтом. Для достижения этой цели необходимо принятие дополнительных мер, в числе которых могло бы быть осуществление под эгидой государственных компаний товарообменных сделок или предоставление государственного кредита для реализации 1–2 наиболее привлекательных для двух стран проектов, намеченных в рамках Долгосрочной программы развития торговли, экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества. При проработке вопроса о предоставлении кредита, можно было бы оговорить, что он станет покрывать только стоимость российского оборудования, поставленного для его реализации, а остальная его часть будет финансироваться за счет государственного бюджета АРЕ или средств, привлекаемых Египтом из третьих стран. Причем можно было бы обсудить и вопрос о погашении кредита (частично или полностью) поставками продукции этого предприятия или другими египетскими товарами.

[1] БИКИ 1997, № 61.

[2] Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. – М.: Изд-во МГУ, 1996, с. 194.

[3] Посчитано по: United Nations. Commodity Trade Statistics. N.Y.

[4] Посчитано по: World Bank. World Development Indicators 1998, Washington, DC.

[5] Arab Republic of Egypt Year Book. Ministry of information, State Information Service. – Cairo, 2000, c. 84.

[6] Arab Republic of Egypt Year Book. Ministry of information, State Information Service. – Cairo, 2000, c. 83.

[7] Максимов М. Прямые иностранные инвестиции в Египте в 1980–90-е гг. Дипломная работа. – М. 1998, с. 52.

[8] БИКИ, № 54 (1998) и № 140 (1999).

[9] Arab Republic of Egypt Year Book. Ministry of information, State Information Service. – Cairo, 2000, с. 117–132.

[10] БИКИ, № 127 (1998).

[11] БИКИ, № 54 (1998).

[12] Посчитано по Arab Republic of Egypt Year Book. Ministry of information, State Information Service. – Cairo, 2000, с. 117–132.

[13] Цит. по: Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. Египет после арабского социализма: в поиске экономических решений. – М., 1999, с. 43.

[14] IMF. Egypt Beyond Stabilization. Toward a Dynamic Market Economy. – Washington, D.C., May 1998, с. 66.

[15] Ермаченков И.О. Египет – наш деловой партнер // Еженедельник зарубежной внешнеторговой информации «КОРИНФ». – М., 1999, № 7.

[16] Долгосрочная программа экономического, торгового и научно-технического сотрудничества между СССР и АРЕ до 2000 г. от 15 мая 1990 г.

[17] Elhamy El-Zayat. New strategies for tourism. Al-Ahram weekly, Cairo, 11–17 января, И-516, с. 11.

С.Манукян

ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В СИРИИ (30–60-е годы XX в.)

В первой половине XX века Сирия представляла собой некое формальное государственное образование, лишенное в современном смысле ряда признаков государственности. В первую очередь это относится к несложившейся территориальной целостности. В отличие от Египта, она не обладала монолитностью, которая была достигнута в Египте во время правления Мухаммеда Али и британского колониального присутствия. Такое наследие было получено от Османской империи, в составе которой страна находилась в течение 4 веков: с 1516 г. до заключения Мудросского перемирия в 1918 г. Территории, которые вошли в САР, были вилайетом, управляемым непосредственно султаном, и местные и племенные шейхи, лидеры больших кланов и другие феодалы платили налоги, признавали верховенство султана и получали неограниченную власть в своих вотчинах. Самоидентификации населения с территорией своего проживания не было. Клановая или племенная принадлежность были более важными звеньями социальной организации, чем единая территория проживания. К этому нужно добавить тот факт, что границы между арабскими странами были очерчены колониальными властями произвольно и, по сути, не содержали никакой мотивированной связи с национальным составом проживающего на этой территории населения.

Еще одной характерной чертой сирийского общества являлся пестрый и разнообразный национальный и религиозный состав населения, проживающего на этой территории. Кроме составляющих здесь большинство арабов-суннитов, на этнорелигиозной карте Сирии выделялись также многочисленные другие единицы – арабоязычные алавиты, друзы, исмаилиты и шииты-имамиты (мутавали), христиане арабы, армяне и ассирийцы.

Нужно отметить, что в первой половине XX века население, проживающее на этой территории, не сложилось как единая нация. Самоорганизованные и довольно сильные этноконфессиональные группы (алавиты в Ансарийских горах между северными границами Ливана и р. Нахр-эль-Кальб; друзы на плато Джебель Друз в Хауране и горном Ливане; шииты в горном Амиле, в Южном Ливане; исмаилиты около старого исмаилитского центра в горах Салямия, близ Хамы; курды-сунниты и туркмены у основания Тавроса и в Хасеке) компактно

проживали в небольших, обычно горных, районах, где они были надежно защищены от посягательств суннитского большинства и были фактически полунезависимы от центральной власти. Известную роль в обособлении этноконфессиональных групп играла и политика Османской империи. По этому поводу сирийский исследователь А.Х.Хаурани отмечал, что в Османской империи «барьеры между общинами становились все более труднопроходимыми, и религиозные группы постепенно начали превращаться в национальные»[1].

Фактически, процесс формирования сирийской нации не был завершен и продолжался. В период действия французского мандата (1920–1946) он сознательно тормозился колониальными властями, которые углубляли раздробленность страны. Так, сразу через несколько месяцев после передачи Франции сирийского мандата страна была поделена на несколько частей во главе с губернатором и французской администрацией. Ливану была дана независимость, а Александреттский санджак по франко-турецкому договору от 23 июня 1939 г. был передан Турции, несмотря на то, что подавляющее большинство проживающего на этой территории населения (арабы, армяне и даже часть турок) на референдуме 3 мая 1938 г. высказалось за сохранение единства с Сирией. До 1936 г. существовали Алавитское и Друзское государства. Даже после подписания в 1936 г. Договора о дружбе и помощи, по которому мандатарий – Франция обязывалась до 1939 г. отказаться от мандата и признать единство и независимость Сирии, она связала это с условием сохранения своих войск в районах, населенных алавитами и друзами – в Латакии и Джебель-эд-Друзе, еще на 5 лет[2]. Впоследствии Франции удалось получить у новосформированного правительства Сирии согласие на предоставление округам Джазира, Джебель эд-Друз и Латакия широкой автономии с приглашением для управления ими французских советников[3].

Кроме всего прочего, несуннитским этноконфессиональным меньшинствам отдавалось явное предпочтение со стороны французских властей. Данные о так называемых Специальных отрядах Леванта, в составе 7000 человек, сформированных Францией в 1923 г. из представителей местного населения, подтверждают факт конфессионального дисбаланса в сирийской армии в период ее формирования. Так, из восьми пехотных батальонов три (первый, второй и пятый) были полностью укомплектованы из алавитов[4]. А из 12 кавалерийских эскадронов все, кроме 24-го, укомплектованного арабами-суннитами из Дейр-аль-Зора и аль-Ракки, и 21-го и 25-го из Идлиба и Химса[5], состояли также полностью из алавитов. В целом же доля алавитов и христиан, представленных в составе Вспомогательной армии, составляла около 46%. Кроме того, большую часть из солдат, принадлежащих к суннитской конфессии, составляли черкесы и курды. Это несоответствие в определенной мере заложило основу той роли, которую играют меньшинства в последующей и современной сирийской политике[6], посколь-

ку армия САР во многом являлась наследницей именно Специальных отрядов, а роль армии в новейшей истории Сирии трудно переоценить.

Несмотря на указанную незавершенность процесса складывания национальной идентичности, отношения местных жителей различных этноконфессиональных групп с французами были сложными и противоречивыми. Все возникавшие в период французской гегемонии национальные выступления подавлялись колониальными властями. Также наталкивались на их противодействие всякие попытки создания видимых даже полугосударственных атрибутов. Так, в 1939 г. было приостановлено действие Конституции 1930 г. Это все, в конечном итоге, привело к пронацистской ориентации сирийцев во время Второй Мировой войны. После падения Вишистского правительства, с середины июля 1941 г. Сирия перешла под контроль администрации голлистов. Для укрепления союзнических отношений 27 сентября 1941 г. была провозглашена независимость Сирии. Однако коммюнике «Свободной Франции» от 4 ноября 1943 г. заявляло, что система мандатного управления Сирией и Ливаном будет окончательно отменена только после того, как будут четко определены основы взаимоотношений между обеими сторонами и метрополией.

Только в марте 1943 г. была восстановлена конституция Сирии и в июле 1943 г. прошли парламентские выборы, на которых победу одержал Национальный патриотический блок, объединивший все существовавшие в стране политические организации. Президентом республики был избран лидер Национального блока Шукри Куатли[7]. В декабре 1943 г. был отменен французский мандат. С 1 января 1944 г. все основные вопросы управления переходили в компетенцию сирийского правительства.

Однако несмотря на то, что к началу 1945 г. независимость Сирии признали 14 государств, а 24 октября 1945 г. страна была принята в ООН, на ее территории продолжали оставаться английские и французские войска. Франция ставила условия для вывода своих войск, которые касались предоставления ей экономических и стратегических привилегий. После отказа сирийского правительства удовлетворить эти требования в мае 1945 г. произошел ряд столкновений между французскими войсками и населением Дамаска, Хомса и других городов Сирии.

Лишь 17 апреля 1946 г., в день отмечаемый сейчас как национальный праздник сирийского народа – «День эвакуации», Франция полностью вывела свои войска из Сирии.

После приобретения независимости перед страной встал ряд больших проблем.

Одной из них была слабая национальная самоидентификация населения, проживающего на территории САР, к числу главных свидетельств чего можно отнести постоянное стремление руководящих элит Сирии к объединению с соседними странами[8].

Еще одним следствием политики французских колониальных властей стала неразвитость политической системы страны. Отсут-

ствовали даже зачатки местных административных институтов, на основе которых было возможно построение государственных властных структур, как это произошло во многих арабских странах. В 1939 г. национальное правительство Сирии, созданное в 1936 г., после отказа сотрудничать с французскими колониальными властями на условиях полного и безоговорочного подчинения им было распущено. В стране с 1939 г. не действовала конституция, а для осуществления административных функций был создан Совет директоров из 5 человек, который находился под полным контролем колониальных властей.

Таким образом, структуры власти или институты, способные в будущем стать таковыми в полной мере, были созданы непосредственно перед получением независимости и не несли на себе печати полной легитимности. За 26 лет действия французского мандата сирийский парламент действовал лишь 11 лет (1923–1923, 1928–1928, 1932–1933, 1936–1939, 1943–1947 гг.)[9]. То же можно сказать о политических элитах и партиях, которые были слабы и немногочисленны; даже в наиболее крупных из них было лишь по несколько сот активных членов. Политические программы их были расплывчаты, уставов большинство не имело, как и сложившихся организационных структур. А жесткая и непримиримая борьба за власть между различными политическими группировками приводила к политической нестабильности. Только в период с марта 1949 г. по ноябрь 1951 г. произошло 4 государственных переворота.

В этих условиях решающее влияние на ситуацию в стране оказывала армия, сформированная на основе Вспомогательной армии. Численность армии достигала 20–25 тыс. солдат, а большинство в ней составляли представители религиозных и национальных меньшинств Сирии.

Определяющее влияние армии на политические процессы, происходящие в стране, стало традицией всей последующей истории САР. Именно офицерство, которое представало в эти годы наиболее организованной и сплоченной силой[10], становилось в последующие после провозглашения независимости годы основной движущей силой многочисленных переворотов, происходивших до прихода к власти Хафеза Асада. Плюс ко всему постоянно увеличивался численный состав армии. Если в 1963 г. в составе Вооруженных сил было около 65 тыс. солдат, то к началу 80-х гг. в армию было призвано почти 250 тыс. солдат. В 1992 г. эта цифра достигла 400 тыс., а при надобности можно было поставить под ружье еще столько же резервистов[11].

Вышеуказанная незавершенность процесса формирования национального пространства получила неожиданную развязку. Череду государственных переворотов в начале 60-х гг. завершил приход к власти партии Баас. Это же, в свою очередь, способствовало приходу к власти выходцев одного из самых непрестижных меньшинств – алавитов, из одного из наименее модернизированных до 1963 г. сирийских регионов.

Тут необходимо сказать несколько слов о постепенном формировании гегемонии национальных меньшинств в сирийской политике нового времени. Если в период Османской империи и во время действия французского мандата ведущее место в структуре общества занимали сунниты, то в первые годы независимости на первый план стали выходить представители меньшинств. Период конца 40-х – начала 50-х годов ознаменовался борьбой суннитов и друзов. Однако последние испытывали серьезную конкуренцию в офицерском корпусе со стороны курдов, что подрывало их влияние на армию[12]. Так, руководителями четырех переворотов 1949–1951 гг. были Хусни аз-Заим, Сами Хинауи и Адиб Шишекли, по национальности курды.

Соперничество национальностей создало явные предпосылки для подъема в армейском офицерском корпусе еще одной этнорелигиозной группы – алавитов. Возвышение алавитов часто связывается с тем, что служба в армии была единственным средством для повышения социального статуса и карьеры представителями этого угнетенного меньшинства, однако тут нужно заметить еще одну очень важную деталь. Алавиты были к тому же одним из самых бедных слоев населения Сирии. Так, в 1938 г. средний доход крестьянина-алавита составлял 22 сирийских фунта, в то время как прожиточный минимум был равен 50 фунтам.

В сирийской армии существовал институт финансового откупа («бадал»). То есть каждый призывник мог откупиться от обязательной службы в армии, заплатив определенную сумму. До 1964 г., например, она составляла 500 сирийских фунтов. В 1964 г. эта сумма возросла до 2000 для людей с высшим образованием, 1000 фунтов для окончивших начальную школу и 600 фунтов для всех остальных сирийцев. В 1968 г. максимальная сумма достигла 3000 сирийских фунтов[13]. Понятно, что в таких условиях в отличие от более зажиточных суннитов, предпочитавших откупаться от службы в армии, алавиты и представители других этноконфессиональных меньшинств в большинстве случаев были лишены такой возможности и активно пополняли ряды сирийской армии. Следующим шагом стало пополнение алавитами офицерского корпуса армии, которое сделало возможным их преобладание в сирийских вооруженных силах не только количественно, но и по занимаемому положению. Главной же причиной этого доминирования следует считать сплоченность алавитских офицеров, которые в отличие от суннитского офицерского состава не были расколоты по местническим привязанностям.

Выходцы из разных мест в суннитской офицерской элите придерживались различных политических взглядов. Дамаскцы были в большинстве приверженцами насеризма и исламизма, хамцы – социалистов Акрама Хаурани, а большая часть офицеров из Дейр аль-Зор и Хаурана поддерживала близкие связи с партией Баас. Кроме того, существовало и классовое расслоение. Нижние и средние слои суннитского населения поддерживали алавитов или друзов в борьбе против сунни-

тов из высшего класса. Д.Пайпс подметил очень верно, что «сунниты вступали в армию индивидуально, а алавиты как члены секты»[14].

Значительное влияние на идейно-политическую эволюцию независимой Сирии оказал религиозный фактор. Для более четкого понимания ситуации в религиозной сфере следует рассмотреть весь предыдущий опыт идеологического развития страны.

Выход на авансцену сирийской политической жизни исламистских организаций стал закономерным продолжением предшествующих политических и социально-экономических процессов в стране. Предельно напряженная, нестабильная ситуация и неразрешенность вопроса о будущем государства создавали в период обретения независимости Сирии благоприятную почву для политизации религии и связанной с нею радикализации ислама.

После обретения независимости на повестке дня стоял вопрос о путях развития Сирии. Как и в большинстве арабских стран, получивших независимость, выбор был сделан в пользу национализма. Американский исследователь Хэлперн в связи с этим писал, что в обществе, где семья и племя не являются стабильными единицами, а традиционное исламское государство, основанное на принципах восточного деспотизма, уже не функционирует, и община правоверных переживает упадок вследствие эрозии веры, именно национализм способен стать средством для создания нового и эффективного государства[15].

Западная концепция национализма была представлена арабским определением «ибн араб». И если в Европе это явление возникло для противоборства сначала против феодального дворянства, а затем против абсолютизма, то у балканских народов, армян и арабов оно было формой движения против османского империализма. Кстати, турецкий национализм был, в свою очередь, протестом против западных сил. Таким образом, арабский национализм был не классовым явлением, а скорее борьбой против «чужих»[16].

С тех пор и стремление к национальной идентичности и борьба за политическую власть в Сирии развиваются в рамках арабского национализма.

Идеология исламизма также была одной из основ возможного варианта развития страны и выступала альтернативой национализму, предлагая в качестве оружия против иноземного влияния религиозную самоидентификацию вместо национальной. В течение всей последующей истории САР можно проследить протекающую с различной интенсивностью борьбу между идеологией светского национализма, своеобразным центром которого был Дамаск, и исламистской идеологией, адепты которой были особенно сильны в Хаме.

Идеологической основой и структурным базисом сирийских братьев-мусульман можно считать различные исламские общества (jan`iyyat) или общества социальной защиты, действующие на территории Сирии в конце XIX века.

В 30-е годы XX века эти организации приобрели форму религиозных объединений (al-Gharra`, al-Hidaya и Al-Tamaddun).

Инициатива их создания принадлежала сирийцам – выпускникам каирского университета Аль-Азхар, которые после учебы вернулись в Сирию и основали ряд клубов и обществ: Клуб Дар аль-Аркам в Алеппо, Общество молодых мусульман в Дамаске, Общество братьев-мусульман в Хаме, Общество Союза в Хомсе, Клуб сторонников в Дейр аз-Зоре.

Хотя взгляды, пропагандируемые этими организациями, были очень близки к идеологии «Братьев-мусульман», однако же эти объединения не были филиалами одноименной египетской организации. Она, кстати, неоднократно предпринимала шаги для своего проникновения непосредственно в Сирию. Например, в 1935 г. страну именно с этой целью посетили члены названной египетской организации Абд-ар-Рахман ас-Саати и Мухаммад Асад аль-Хаким.

С конца 30-х гг. начались попытки консолидации этих религиозных объединений в одну организацию. Парадоксально, но побудили их на сплочение французские власти, которые настояли на необходимости обсуждения проблемы исламского образования в школах с единой религиозной национальной организацией.

Консолидация прошла в два этапа в 1937 г. в Хомсе состоялись I и II съезды исламских организаций, а в 1938 г. на III съезде в Дамаске большинство этих разрозненных групп объединилось в организацию под названием «Молодежь Мухаммеда». Тогда же было принято решение о перенесении штаб-квартиры движения в Алеппо[17].

На IV съезде, состоявшемся в 1943 г., было решено создать полувоенную гвардию из сторонников движения. Интересно, что лишь после этого на V съезде в Алеппо было принято решение о формировании центрального комитета. Так, в отличие от Египта, процесс перехода от организации, занимающейся благотворительностью и антимиссионерской борьбой, в политическое движение прошел очень быстро. Организацию возглавил молодой Мустафа ас-Сибаи. Он родился в городе Хомсе в семье алима. Во время учебы в каирском университете Аль-Азхар он завязал дружеские отношения с Хасаном аль-Банной, взгляды которого оказали на него большое воздействие. Впоследствии Мустафа ас-Сибаи был выслан из Египта за революционную деятельность, однако и на родине он был заключен в тюрьму французскими властями за антиимпериалистическую агитацию. Затем, после обретения страной независимости, он стал преподавать в Сирийском университете и стал деканом шариатского факультета, что, по мнению Раймонда Хиннебуша, было «стратегическим постом для вербовки учеников».

В 1946 г. в Сирию приехал сам аль-Банна. Он встретился с лидерами местных организаций и посетил тренировочный военный лагерь исламистов в Катне. Приезд отца-основателя ассоциации «Братья-мусульмане» послужил серьезным стимулом для создания в 1946 г.

на состоявшемся в г. Ябруде VI съезде на основе организации «Молодежь Мухаммеда» «Общества братьев-мусульман». Кроме того, в статье I Устава организации было провозглашено, что она является частью египетской ассоциации «Братья-мусульмане». Это объединение было предпринято Мустафой ас-Сибаи, Мухаммадом аль-Мубараком и Салахом аш-Шашом на основе всех исламистских организаций и благотворительных и образовательных мусульманских ассоциаций. Параллельно были созданы Арабский институт ислама и типография. Стала выходить газета «Аль-Манар аль-Джадид» (Новый Маяк). Генеральным наставником (муракиб аль-амм) «Общества братьев-мусульман» стал Мустафа ас-Сибаи, который вошел также в Учредительную ассамблею (Аль-Хайа ат-тасасийя) египетского братства. Под его руководством организация основала свои группы в школах и учреждениях, где стала распространять, как и в мечетях, свои взгляды, наладила тесные контакты с египетским отделением и превратилась в реальную политическую силу, а своему лидеру позволила в 1949 г. быть избранным в сирийский парламент.

Взгляды Мустафы ас-Сибаи были обычными для исламского лидера, но с некоторыми реформистскими и националистскими оттенками. Он отрицал феодализм и прозападную старую олигархию, оторванную от народа, в том числе хашимитские монархии из-за их западных связей. Мустафа ас-Сибаи также выступал против иностранных экономических концессий и создаваемых пактов безопасности, которые рассматривались как средство для раздела сфер влияния и отвлечения внимания от Израиля. Он осудил перемирие с Израилем и призвал к вооруженной борьбе и нефтяному эмбарго ради освобождения Палестины.

Мустафа ас-Сибаи был сторонником особого, «третьего» пути развития страны. Во внешней политике им подчеркивался нейтралитет между Востоком и Западом, с некоторым приоритетом связей с Востоком. Сибаи воспринимал свое движение как дух новой революции, необходимый для установления всеобъемлющего исламского порядка (al-nizam al-islami). Капитализм им отрицался, поскольку при нем была возможна ситуация, когда маленькая группа людей могла занять доминирующую роль в экономике. Социализм же, в свою очередь, признавался неприемлемым вследствие отрицания права на частную собственность. А исламский порядок, по его мнению, должен был основываться на социальной справедливости, берущей начало в религиозной вере и моральных ценностях. Частная собственность была даром Всевышнего и должна была быть использована в общих интересах общества. Богатые слои общества должны были платить закят для поддержки становления государства всеобщего благоденствия. Чрезмерно большие земельные участки должны быть разделены между крестьянами, обучение объявлялось бесплатным и всеобщим. Народное хозяйство с использованием современной технологии

в исламских реалиях должно было вывести Сирию из состояния зависимого государства[18].

Идеологическое обоснование исламистского движения дал еще один его лидер, глава «Лиги улемов» Мухаммед аль-Мубарак. Его записи содержали идею исламского государства, которое желали создать «Братья-мусульмане». Правитель получал власть в результате своеобразного контракта, заключенного с народом взамен на обещание править в соответствии с исламским законом. Предусматривался также институт шуры, который регулировал отношения в тех случаях, когда иджтихад не разрешался первоисточниками закона. Свобода политического выражения ограничивалась требованиями соответствия исламским принципам[19].

Параллельно происходил процесс становления организации. Создавались структурные звенья, продолжалась вербовка новых членов.

С самого начала деятельность «Братьев-мусульман» отличалась от других подобных организаций, существующих в Сирии, своими организационными методами и широким кругом обсуждаемых вопросов: культурных, социальных и экономических.

Организация была похожа на египетскую ассоциацию «Братья-мусульмане». Обе имели одинаковую структуру, но, хотя и признавали себя одним движением, действовали независимо друг от друга. Однако в отличие от египетской, отношения внутри сирийской организации не отличались столь сложной централизованной структурой, они были более неформальными и осуществляли непосредственную связь лидеров с последователями, локальными исламскими организациями и особо выдающимися представителями улама. Кроме того, учитывая мозаичную религиозно-общинную структуру и ряд других социально-экономических и культурных факторов Сирии, местные «Братья-мусульмане» выдвигали более осторожные лозунги. В частности в их программе содержался призыв к идейному сотрудничеству и братству всех «истинных религий» (христианства и ислама), а также требование соблюдения всех законов государства в интересах как мусульман, так и христиан[20].

Однако соразмерно с возвышением алавитской прослойки прослеживается постепенное ужесточение отношения к иноверцам. В этом основное содержание сирийского исламизма и его отличие от египетского. Постепенно он превращается в протест суннитского большинства, которое сравнимо с протестом шиитского большинства в Ираке, но никак не с египетским вариантом.

В основном, одинаковым был социальный базис сирийского и египетского движений: средний и низший слои населения – рыночные торговцы, духовенство, учителя, служащие.

Однако и тут нужно отметить существенное отличие: если в Египте основным «поставщиком» исламистов были отстающие в своем развитии сельские районы Верхнего Египта, то в Сирии исламизм оставался в целом городским движением.

После завоевания независимости «Братья-мусульмане» приняли активное участие в политической жизни страны. В период «националистических режимов с буржуазной тенденцией», как принято называть в документах ПАСВ период развития Сирии до образования Объединенной Арабской Республики в 1958 г.[21], «Братья-мусульмане» действовали легально и были заметными игроками на политической сцене Сирии. По выражению П.Сила, не столь сильными, чтобы доминировать, но и не столь слабыми, чтобы быть уничтоженными[22].

По данным М.Маоза, впервые в 1947 г. в парламент были избраны 3 члена и сторонника организации «Братья-мусульмане». Они выступали в союзе с Народной партией и развернули активную кампанию против намерений кабинета премьер-министра Джамиля Мардама ратифицировать соглашения, подписанные с иностранными компаниями, обвиняли министров в поражении сирийской армии в Палестине, и в злоупотреблении властью, а также призвали к сближению с Ираком и Трансиорданией под предлогом возросшей опасности со стороны Израиля[23].

В 1949 г. они создали «Исламский блок», объединив многих происламских кандидатов, и получили 4 места в 113-местном парламенте. Кроме того, один из лидеров организации Мухаммед аль-Мубарак несколько раз даже становился даже членом разных правительств в начале 50-х гг.

Политическая активность сирийских фундаменталистов была крайне высокой.

В частности, «Братья-мусульмане» приняли деятельное участие в обсуждении проекта Конституции. Самым существенным пунктом расхождения с оппонентами был вопрос о месте ислама в Основном Законе Сирии. После крушения Османской империи страны, возникшие на месте ее бывших вилайетов, приняли секулярный путь развития, каждая по собственным основаниям. Сирия не стала исключением, и ее выбор был продиктован необходимостью консолидировать мусульман и немусульман в борьбе против французского мандата.

В проекте Конституции декларировалось, что Сирия является «частью Арабской нации», а Ислам признавался государственной религией. Против последнего постулата выступили социалисты (Национальная партия Сирии, Арабская Социалистическая партия, Баас) и коммунисты, а также лидеры влиятельных христианских конфессий и некоторые влиятельные общественные деятели. Естественно, что сирийские «Братья-мусульмане» не могли не отреагировать на подобное противостояние и организовали серию демонстраций протеста против подобных «богохульских» позиций. Депутат парламента и лидер сирийских фундаменталистов Мустафа ас-Сибаи предупредил своих коллег об опасности для Ислама и арабского национализма, исходящей от секуляризма, который характеризовался как атеизм и материализм. Кроме того, исламисты получили поддержку от улемов, чьи проповеди стали столь явно антиправительственными, что власти

были вынуждены арестовать некоторых из них в дамасской мечети Омеядов. Ситуация, действительно, была очень сложной и напряженной, однако было найдено компромиссное решение. В Конституцию была добавлена фраза из Конституции 1930 г. о том, что религией президента страны должен быть Ислам. Исламское право признавалось основным источником законодательства, однако подтверждались права всех религиозных сообществ. 5 сентября 1950 г. Конституция была принята парламентом.

В выборах 1954 г. «Братья-мусульмане» не участвовали как партия, но поддержали независимых кандидатов – членов партии или сочувствующих, которым удалось завоевать места в парламенте. (По крайней мере, трое стали депутатами – Мустафа ас-Сибаи, Мааруф ад-Давалиби и Рауф Абу-Таук)[24]. Однако это был период спада организации. Количественный и качественный составы организации перестали расти и укрепляться, а активность участия во внутрисирийской политике снизилась. Слои населения, которые поддерживали ранее исламистов, попали под влияние насеристов. Кроме всего прочего, причину кризиса организации можно видеть в увлечении лидера исламистов Мустафы ас-Сибаи с середины 50-х гг. идеями исламского социализма, главное достоинство которого он видел в том, что эта система отвечает самой природе человека и способна обеспечить интересы всех членов общества. Так, по его словам, в этой системе «рабочим гарантируется приличный жизненный уровень и уверенность в завтрашнем дне; людям, обладающим капиталом и готовым вложить его, открываются обширные горизонты производства под государственным контролем»[25].

Попытка перенять эти идеи не дала ничего «Братьям-мусульманам», которые значительно растеряли свою социальную базу, не приобретя взамен ничего, поскольку левый фланг был уже занят сложившимися политическими силами. В развернувшейся политической борьбе между буржуазными националистами, насеристами, партией Баас и коммунистами «Братья-мусульмане» не смогли найти свою нишу.

Летом 1954 г. в рамках поездки по странам Благодатного полумесяца в Сирии побывал Верховный наставник египетских «Братьев-мусульман» аль-Худайби. 30 июля в Дамаске он выступил против парафирования египетским правительством соглашения о выводе английских войск из зоны Суэцкого канала[26]. Эта поездка была призвана вернуть активность исламистам, однако же последующие события помешали этому.

После неудавшегося покушения на президента Насера 26 октября 1954 г. организация «Братья-мусульмане» в Египте была разгромлена и запрещена. А государство в 1955 г. повело борьбу со всяким влиянием религиозных институтов на политическую жизнь Египта. Так, мусульманские суды были объединены с гражданскими, а в 1961 г. был передан в государственную собственность университет аль-

Азхар. Все это привело к существенному ограничению помощи со стороны египетских исламистов своим сирийским братьям.

После объединения Сирии и Египта и образования Объединенной Арабской Республики организация сирийских братьев-мусульман была официально распущена. Поскольку в Египте политические организации не действовали со времени революции 1952 г., по мартовскому декрету президента ОАР Насера все политические партии и организации, действовавшие в Сирии, распускались, а членам этих партий запрещалось проводить какую-либо политическую деятельность.

Однако несмотря на объявления о самороспуске еще до издания декрета, ядро движения «Братья-мусульмане» действовало в подполье достаточно активно. С этого же времени началась инфильтрация сирийских исламистов в различные органы государственной власти и проникновение в другие политические партии. Это традиционное для исламистских партий свойство сохранять свои структуры в неблагоприятных условиях сказалось на быстром восстановлении нормальной деятельности структур движения исламистов после выхода Сирии из ОАР. Впоследствии эти приобретенные «навыки» пригодились после вторичного перехода в подполье уже при власти баасистов.

28 сентября 1961 г. в Сирии произошел очередной военный переворот. После того, как президент ОАР Насер отказался подписать коммюнике, выработанное руководителями переворота и своим представителем в Сирийском округе маршалом Амером, в котором указывалось, что выступившие офицеры не ставят своей целью «угрожать достижениям арабского национализма», и что «они получили согласие маршала Амера на принятие мер для защиты единства вооруженных сил ОАР»[27], организаторы переворота объявили о выходе Сирии из состава ОАР.

«Братья-мусульмане» поддержали руководителя переворота генерала Абд аль-Карима аль-Нахлауи и даже выступили единым фронтом на парламентских выборах 1 декабря 1961 г., в результате чего десять их последователей получили мандаты сирийского парламента, насчитывавшего 150 избранников[28]. По данным В.Вавилова, у исламского блока, образовавшегося в 1962 г., в парламенте было уже 12 мест (из 173 мест)[29]. Новое правительство возглавил один из лидеров Народной партии, политик, близкий к фундаменталистам, доктор Мааруф Давалиби.

В сформированном в сентябре 1962 г. правительстве Халеда Азема исламисты получили несколько портфелей. Об усилении влияния исламистов на политическую жизнь Сирии свидетельствует следующий факт. В конце 1962 – начале 1963 гг. в правительстве возникли серьезные разногласия между министрами-социалистами и министрами – ставленниками организации «Братья-мусульмане» по вопросу сближения с социалистическими странами. Сближение Сирии с Советским Союзом, начавшееся с участия советской делегации в Дамасской Международной ярмарке в 1954 г., продолжилось заключе-

нием 16 ноября 1955 г. соглашения о торговле и платежах и получило свое оформление в советско-сирийском соглашении об экономическом и техническом сотрудничестве, заключенном между двумя странами 28 октября 1957 г., было одной из мишеней, против которой резко выступали «Братья-мусульмане»[30]. Лидер «Братьев-мусульман» М.Аттар заявлял, что «социалистические мероприятия правительства Халеда Азема несовместимы с исламом», и возражал против разрешения возвратиться в Сирию генеральному секретарю компартии Х.Багдашу, осуждал обращения Сирии за помощью к социалистическим странам в строительстве Евфратской плотины и организации добычи сирийской нефти[31]. Самое примечательное, что фундаменталисты, в случае неприятия их условий, требовали проведения досрочных выборов. Это свидетельствует о том, что «Братья-мусульмане» чувствовали себя достаточно сильно, для того чтобы рассчитывать на успех в досрочных выборах. Таким образом, после выхода Сирии из ОАР, исламские фундаменталисты использовали создавшиеся легальные возможности для активизации усилий по наращиванию своей материальной базы и распространению своего влияния.

8 марта 1963 г. войска, находившиеся на границе с Израилем под командованием горячего сторонника сотрудничества с ОАР полковника Зияда аль-Харири, двинулись на Дамаск[32] и закрыли все входы и выходы из города. Выступление поддержала вторая группа офицеров-насеристов во главе с начальником разведки Генштаба генерал-лейтенантом Рашидом Кутейни. Руководство и контроль над операцией осуществили руководители созданного Военного комитета баасисты Мухаммед Умран, Салах Джадид и Абдель Керим аль-Джунди, уволенные из армии после распада ОАР в 1961 г.[33]

В результате переворота был создан Национальный совет революционного командования, взявший на себя все функции законодательной и исполнительной власти, «верующей в единство арабов и борющейся за его осуществление»[34]. Национальный совет запретил деятельность всех других политических партий. Поначалу имена людей, входящих в состав и руководство НСРК, скрывались, позже выяснилось, что совет состоит из 18 человек, а возглавляет его генерал Луэй Атаси.

После переворота «армия [фактически] провозгласила себя верховным арбитром политической жизни»[35]. Правительство возглавил Салах Битар – один из отцов-основателей партии Баас, а еще один – Мишель Афляк – вошел в состав НСРК.

Приход к власти партии Баас[36] (на первом этапе вместе с насеристами и юнионистами, а после их устранения из правительства и с высших армейских постов летом 1963 г. единолично) ознаменовал начало совершенно нового этапа в развитии Сирии. После волны чисток, когда были отправлены в отставку 47 чиновников и около 800 офицеров, к управлению страной пришли новые общественные силы – представители средних городских и деревенских слоев. Кроме того, что немаловажно, ликвидиро-

валось второе поколение сирийских офицеров, что в условиях возросшей роли вооруженных сил приобретало решающее значение.

После ухода прежней военной элиты на первый план вышли выпускники Военной Академии Хомса, по определению Г.И.Мирского, «националисты с социальной ориентацией»[37], в большинстве своем алавиты и представители других религиозных меньшинств. Так алавиты заняли половину из тех вакансий офицерств, возникших после переворота 1963 г. Причем алавиты занимали должности в столице, постепенно вытесняя суннитов на периферию страны[38].

Преобладание представителей религиозных и этнических меньшинств, как уже отмечалось, было присуще всей истории сирийской армии с самого ее возникновения. Служба в армии была непрестижной для представителей основного большинства населения Сирии – мусульман-суннитов и пополнялась большей частью несуннитской молодежью, для которой это был единственный шанс сделать карьеру. А поскольку политическую опору последних составляла именно партия Баас, именно ей досталась роль политической организации армии. Фактически Баас дала этническим и религиозным меньшинствам возможность легального и непосредственного участия в политической жизни страны. До этого доступ в политические партии являлся монополией суннитского слоя населения страны, и влияние алавитов и др. на политику было только опосредованным, путем доминирования в армейских институтах.

Программные установки Баас, в свою очередь, полностью устраивали офицерский состав, поскольку в них содержались требования, близкие к их позициям. Это, прежде всего, упор на социальный характер программы (в данном случае социалистический – аль-иштиракийа), неприятие вмешательств империалистических или колониальных (аль-истимарийа) сил во внутренние дела страны и, исходя из состава армии, наднациональные, надконфессиональные, панарабские (аль-уруба) цели и задачи[39].

Акцентирование внимания на тесных связях армии и Баас очень важно для понимания последующих событий. Ведь именно то, что в течение всех выступлений исламистов армия всегда сохраняла верность правящему режиму, становилось решающим фактором в противостоянии сторон.

Партия Баас стала главным проводником идеи радикального арабизма в Сирии. Концепция арабизма определялась как «стремление народов арабских стран к освобождению арабской нации, объединению ее в единое государство и строительству социализма на демократических началах»[40] и в какой-то мере компенсировала для представителей национальных и религиозных меньшинств их непринадлежность к ортодоксальному мусульманскому большинству, одновременно создавая возможность выхода на политическую арену страны. «Речь более не шла о религиозном исповедании, а о более высокой ценности – принадлежности к национальному сообществу

как основе человеческой, включая и политический аспект, жизнедеятельности»[41]. Однако интересно, что «создавшись как удобное средство для адаптации религиозных меньшинств к суннитскому праву, он стал использоваться для подчинения суннитов праву меньшинств»[42].

Нужно согласиться в Н.ван Дамом, который утверждает, что «весьма симптоматично, что программные установки Баас и особенно состав руководства и членов партии, включавший христиан, мусульман-друзов, армян-григориан, дали основание некоторым арабским авторам считать партию чуть ли не сектантским движением, направленным на изменение существующего порядка, при котором господствуют горожане-сунниты»[43]. Фактически, первоначально партия создавалась как узкая кадровая организация и небольшое интеллектуальное движение, однако скоро подъем революционного движения убедил лидеров партии в возможности использования легальной и парламентской деятельности. Именно для увеличения электората и возможности легитимизации своих претензий на власть в суннитской стране лидеры партии, хотя опирались на меньшинства, провозгласили принцип арабского единства.

Произошло изменение системы ценностей. Ислам перестал быть тем универсумом, который объединял страну и ставился в центре развития общества.

Приход к власти Баас был важен и с точки зрения изменения сущности «Братьев-мусульман». Произошла трансформация исламистского движения из одного из важных игроков политической сцены в оппозиционный фронт, действующий в подполье, чьи действия направлены на восстановление «законных прав суннитского большинства». Таким образом, если раньше претензии исламистов касались роста религиозного влияния на политическую жизнь общества, то теперь доминантным мотивом деятельности «Братьев-мусульман» стало движение против национальных и религиозных меньшинств, занявших руководящие позиции в обществе.

Кроме того, что приход к власти Баас ознаменовал возвышение некоторой этнической прослойки, произошла, как отмечалось выше, и смена правящего социального слоя и экономических элит.

Все это выразилось в изменении экономической и социальной политики государства, поскольку Баас была приверженцем прямого и косвенного участия государства в разработке природных ресурсов, управлении городским коммунальным хозяйством, крупными средствами производства и транспортом.

Как следствие этого, придя к власти, партия провела постепенную национализацию местного и иностранного капитала, в результате чего значительно возросли масштабы государственной собственности в сфере обращения и производства (в первую очередь в банковском деле, промышленности и внешней торговле), и взяла в свои руки контроль и управление экономикой и торговлей страны. Процесс национализации начался с банковской сферы, где в мае 1963 г. прошла

приватизация частных банков, вокруг которых сгруппировалась крупная буржуазия, стремившаяся к господству в экономике и политике. В декларации, выпущенной правительством по этому поводу, говорилось, что «небольшая группа влиятельных лиц, по существу, захватила важную часть банковских капиталов, превратившись в своего рода класс ростовщиков, которые, благодаря своему влиянию и общественному положению, могли получать под небольшой процент любую сумму, а затем передавать ее взаймы мелким землевладельцам, торговцам и промышленникам на условиях, иной раз достигавших 30–40% кредитуемой суммы».

По закону от 2 апреля 1963 г. 14 частных банков перешли в распоряжение Государственной экономической организации. На основе этих банков, располагавших капиталом в сумме 108 млн. сир. ф. и контролировавших до 60% всех активов сирийских банков, в августе 1963 г. были образованы 5 крупных банковских учреждений – «Банк Сирии и заграницы», «Банк Омейя», «Банк Арабского Востока», «Банк арабского единства», «Коммерческий банк». Остальная часть капиталов была сконцентрирована в руках шести банков, национализированных еще в 1961 г.

Также были национализированы 63 страховые компании, которые слились в одну «Государственную страховую компанию» с капиталом 750 тыс. сир. ф. Все банковско-страховое дело перешло в руки государства. С июля 1964 г. специальное положение правительства запрещало частным лицам и компаниям заниматься банковскими и страховыми операциями.

22 декабря 1964 г. было заявлено о национализации всех нефтяных и минеральных ресурсов.

Кроме того, с начала 1965 г. были национализированы почти все крупные промышленные предприятия. В 1966 г. 228 таких предприятий (5% общего числа цензовых предприятий) располагало 74% капиталовложений и использовало 68,8% всех занятых в промышленности. Однако мелкие предприятия остались в руках частных владельцев[44].

В результате вышеуказанных преобразований государство значительно расширило круг своих экономических обязанностей, следствием чего стало еще большее усиление влияния власти на общество. Кроме этого, еще одним результатом явилось возникновение так называемой «бюрократической буржуазии», которая стала еще одной опорой нового режима. Это своеобразная прослойка бюрократической верхушки, возникающая в сходных условиях во всех странах, использовала служебное положение и возможности в целях личного обогащения и постепенно превращалась в предпринимателей капиталистического типа. Так, для представителей этого социального слоя, по мнению Л.М.Энтина, характерно активное использование следующих возможностей:

– почти бесконтрольное распоряжение государственным бюджетом,

– руководство государственными предприятиями, обществами и компаниями,

– прямое злоупотребление в виде коррупции и хищений[45].

А существование внушительного государственного сектора, такого как в Сирии, давало неограниченные возможности для укрепления позиций бюрократии и ускорения процесса обуржуазивания последней.

Вместе с этим финансовые и другие структуры, близкие к исламистам, были лишены всех рычагов влияния и значительных финансовых возможностей.

Другим направлением политики баасистов стала попытка решить аграрную проблему. Была проведена земельная реформа. В деревне шли процессы кооперирования и регламентации сельскохозяйственных отношений между землевладельцами и арендаторами-издольщиками. В 1970 г., когда правительство заявило о завершении работы по изъятию земель у помещиков, согласно законам 1958, 1963 и 1966 гг., общая площадь конфискованной у 4185 помещиков земли составила 1513,6 тыс. га.

780,7 тыс. га было распределено среди 52, 5 тысяч семей крестьян и батраков (из 65 тыс. семей, имеющих право на получение земли, и из числа примерно 350 тыс. семей, нуждавшихся в дополнительной земельной площади в соответствии с установленным стандартом рентабельного единоличного крестьянства), 38,7 тыс. га продано зажиточным крестьянам и 281 тыс. га сдана в аренду 24 тыс. арендаторов[46]. Итак, прямым результатом в целом удавшейся земельной реформы стал появившийся новый слой мелких земельных собственников, служивший опорой режима. В будущем преимущества, полученные этой частью населения, сдержали ее от перехода в радикальную оппозицию к властям. В отличие от них потеряли свои позиции более консервативные представители села: помещики и крупные землевладельцы, которые, естественно, составили основу недовольной властью оппозиции.

Во внешней политике с первых же дней нахождения у власти Баас предприняла активные шаги для воплощения в жизнь идеи «единства арабов и построения арабского социалистического общества» и включения Сирии в союз с Ираком и Египтом. После нескольких раундов переговоров 17 апреля 1963 г. была подписана совместная декларация, содержавшая проект федерации. Однако попытка получилась неудачной.

Несмотря на все достижения ПАСВ, в самом движении в течение 1963–1970 гг. шло постоянное противоборство между фракциями. Умеренная правая фракция, возглавляемая отцами-основателями Баас Мишелем Афляком и Салахом Битаром и поддерживаемая общеарабским руководством Баас, социальной базой которой был городской средний класс, стояла за проведение реформаторской политики сотрудничества с местными капиталистами. Фактически это

означало, что правое крыло Баас призывало к построению социализма западноевропейского образца. А радикальное левое крыло, возглавляемое лидерами регионального командования, которое в 1966 г. было распущено, представляло интересы более бедного среднего класса и крестьянства и стремилось к ниспровержению городского среднего класса посредством революции. Большинство в этом крыле составляли молодые члены партии, а армия занимала там особое место. Победу одержало радикальное крыло и САР выбрала левый путь развития страны. Самой заметной личностью стал генерал-майор Амин Хафез, заместитель премьер-министра и министр внутренних дел, назначенный в июне 1963 г. начальником генштаба, а затем и министром обороны и главнокомандующим сирийской армией. В ноябре, после отстранения от власти одного из основателей партии Салаха Битара, он возглавил правительство, сохранив другие посты. Позднее он был назначен председателем НСРК.

В течение всего этого периода не затихала также внутренняя борьба между различными этническими единицами, входившими в Баас, и союзническими организациями насеристов, хауранистов. Каждый лидер или человек, занимающий более или менее видный пост во властной структуре государства (например, алавит Мухаммед Умран[47]), создавал себе опору из близких людей, базируясь на племенных, клановых и родовых привязанностях. В документе, под грифом «секретная внутренняя публикация только для членов партии», говорилось, что дружеские, семейные отношения и просто личные знакомства стали основой для принятия в партию, что приводит к проникновению в ее ряды чуждых людей, не поддерживающих логику и отправные пункты программы партии[48]. С течением времени племенные, социальные и идеологические разногласия отошли на второй план и алавитская концентрация стала трансформироваться в консолидацию. В итоге алавиты стали вытеснять суннитских офицеров, которых направляли на периферию и лишали ключевых постов в Дамаске. В результате численность и влияние суннитских офицеров непрерывно падали. Пытаясь остановить этот процесс, председатель Национального совета революционного командования готовил отставку 30 алавитских офицеров из армии, однако в феврале 1966 г. алавитская группировка нанесла превентивный удар. Организованный 23 февраля переворот принес победу левому крылу и обозначил доминирование алавитской верхушки. А после ударов, нанесенных по друзской группировке офицеров под руководством Салима Хатума[49] в сентябре 1966 г. и по оставшемуся блоку поддерживающих их суннитов – хауранской группировке Ахмада Сувайдани в феврале 1968 г., – высшая военная власть окончательно оказалась в руках алавитского меньшинства.

После победы в феврале 1966 г. левого крыла старые руководители, в том числе основатели Баас М.Афляк и С.Битар, были исклю-

чены из партии и оказались под арестом, а к власти пришло новое молодое руководство, утвержденное на Второй чрезвычайной региональной конференции. Борьба продолжилась уже между социалистическим крылом, возглавляемым генералом Салахом Джадидом, Нуреддином Атаси, Ибрагимом Махусом, Юсефом Зуэйном – сторонниками управляемой государством экономики, и армейским крылом генерала Хафеза аль-Асада и Мустафы Тласа, сконцентрировавшими вокруг себя те силы, которые были согласны на сотрудничество с частным сектором, поддерживали усиление вооруженных сил и партии Баас в кооперации с другими партиями. Кроме того, фракция Асада требовала проявить более реалистичный подход к проблеме урегулирования ближневосточного конфликта. Предлагалось: предпринять шаги к улучшению отношений Сирии с другими странами, вовлеченными в конфликт; передать армии контроль над всеми воинскими частями государства, в том числе и над действующими с его территории отрядами палестинских партизан; улучшить техническую оснащенность и укрепить боеспособность вооруженных сил; расширить сотрудничество с другими патриотическими и прогрессивными силами страны[50].

Эти вопросы были вынесены военной фракцией на обсуждение 4-й региональной конференции партии Баас, состоявшейся в сентябре 1968 г., однако не были поддержаны участниками.

30 октября 1970 г. состоялся Десятый чрезвычайный общеарабский съезд партии Баас. На съезде Асад заявил о недопустимости обострения конфронтации между Сирией и Израилем в отсутствие реального единства арабских стран и неподготовленности сирийской армии к ведению успешных боевых действий. Бурное обсуждение принесло перевес военной фракции.

Через две недели крыло Хафеза Асада взяло в свои руки власть в стране и заявило о необходимости исправления допущенных ошибок.

Теперь рассмотрим процесс развития движения фундаменталистов в условиях первых лет правления ПАСВ. Как уже отмечалось выше, приход к власти партии Баас после переворота 8 марта 1963 г. изменил ситуацию. Несмотря на то, что в течение первых 8 лет (1963–1970 гг.) в правящей партии было множество разногласий и бескомпромиссной идеологической борьбы, одна линия оставалась неизменной – режим проводил радикально светскую политику.

Этот первый период правления Баас выделяется беспрецедентным уменьшением роли ислама в жизни страны. Политика по отношению к «Братьям-мусульманам» стала более жесткой, а давление на исламистов возросло. Их деятельность была объявлена вне закона, а целый ряд руководителей выслан из страны. В их числе оказался и Верховный наставник организации Исам аль-Аттар, который в 1964 г. не был допущен в страну после совершенного паломничества в Мекку. Он перебрался вначале в Ливан, а позже обосновался в Германии. В этих условиях «Братьям-мусульманам» пригодился приобре-

тенный «опыт» перехода в подполье. После прихода к власти Баас маленькие группировки стали тайно действовать в Алеппо и Хаме.

Возглавив страну, баасистские идеологи сделали упор на преимущественно общенациональной светской программе развития, дабы смягчить центробежные тенденции в многоконфессиональной стране. Ислам сохранялся здесь лишь как историческое наследие, способ самоутверждения и неотделимая черта арабской нации. Кроме того, ислам отделялся от государства. В государственных школах было уменьшено количество религиозных уроков[51]. А национализация крупнейших предприятий и земель вкупе с жестким контролем над частным предпринимательством нанесли сильный удар по финансовым возможностям исламских институтов суннитского среднего городского класса.

Однако несмотря на эти негативные для исламистов тенденции, приход Баас к власти привел к своеобразному усилению движения «Братьев-мусульман». Поскольку партия Баас представляла собой образование, члены которого состояли почти исключительно из этноконфессиональных меньшинств, в стране сложилась ситуация, когда «Братья-мусульмане» остались единственной группой контрэлиты, способной претендовать на власть в стране и обладающей для выдвижения этих претензий достаточной легитимностью, выступая в качестве выразителей интересов конфессионального большинства – мусульман-суннитов. Эта легитимность еще более утвердилась, после того как в 1965 г. баасисты нанесли сильный удар по традиционным суннитским партиям – Национальной и Народной. Движение исламистов стало, по существу, компенсировать отсутствие суннитских политических структур[52].

И в этих условиях совершенно неудивительно, что руководство серией забастовок 1964, 1965 и 1967 гг. против правительства осуществлялось именно исламистами.

Деятельность новых властей привела к появлению значительной прослойки людей, недовольных проводимой политикой. Неприятие самой сущности ПАСВ консолидировало идеологически совершенно разные политические силы. Мирные демонстрации, которые начались уже в октябре 1963 г., через два месяца переросли в вооруженные столкновения. Причиной послужил маленький инцидент, когда учитель-баасист разорвал в одной из школ книгу религиозного содержания[53]. Очень скоро локальное недовольство переросло в бурные протесты и выступления против баасистского правления, начавшиеся в апреле 1964 г. с забастовки в городе Хомсе и студенческих столкновений в Баниасе и распространившиеся по всем городам САР. В каждом городе они принимали разные формы, что подтверждает отсутствие разработанной единой идеологической базы для выступлений.

Так, в Баниасе волнения переросли в межэтнические столкновения между насеристами-суннитами из торгово-помещичьих кругов,

исторически доминирующих в окрестных селах, и баасистами-алавитами из соседних деревень. В Дамаске, Алеппо и Хомсе выражение недовольства вылилось в забастовки. Торговая палата заявила о требовании отменить запрет на внешнюю торговлю и предоставить гарантии от возможной национализации. Однако самые сильные демонстрации прошли в Хаме, где оппозиция, состоящая из фундаменталистов, насеристов и представителей знатных семейств, предприняла ряд атак на правительственные здания, возвела на улицах города баррикады и объявила забастовку[54]. Режим баасистов был объявлен безбожным, а с минаретов был открыт огонь в сторону полиции. Все попытки властей договориться с манифестантами не увенчались успехом, и в дело была брошена армия. В Хаме танками были сметены баррикады, а большая мечеть подверглась обстрелу. В Алеппо эскалация насилия была остановлена лишь в результате личного вмешательства министра внутренних дел Сирии Нур-ад Дина аль-Атаси, который лично приехал в город, и на встречах с населением объяснял, что столкновения в Хаме не являются противостоянием между верующими и атеистами. «Мы все верим в Бога и преданы Родине», – заявлял он[55]. Попытка всеобщей забастовки была также предотвращена вмешательством солдат, которые заставляли бастующих хозяев открывать магазины. Произошел ряд столкновений с представителями «Братьев-мусульман» на базарах во всех городах, охваченных восстанием.

Характеризуя восстание 1964 г., Хиннебуш отмечает невиданный до этого времени разрыв между провинциальным по своей сути режимом и городской оппозицией. Еще одной, явно значимой чертой противостояния была невероятно широкая коалиция оппозиционеров, в которой исламисты составляли не самую большую часть. В этих условиях совсем неудивительно, что среди основных требований фигурировали такие общедемократические лозунги, как требование прекращения действия чрезвычайного положения и возврат к истинно парламентскому способу правления. Однако же вместе с тем именно члены ассоциации «Братья-мусульмане» возглавили этот конгломерат, поскольку исламское содержание было самым понятным и легитимным идеологическим обоснованием протеста.

Видимо, следствием этого широкого протеста и стало опубликование временной Конституции 24 апреля 1964 г.[56] В ней «сирийский район» провозглашался народной, демократической и социалистической республикой, а его граждане – частью арабской нации, верящие в арабское единство. Восстановлены были ветви власти: законодательные функции перешли к Национальному революционному совету, руководитель которого признавался главой государства, а исполнительную власть осуществляли президентский совет и кабинет министров. Несмотря на то, что провозглашалась независимость судебной власти, большая часть ее функций монополизировалось военными судами. Статус Ислама сохранялся без изменений – так же, как и в Конституции 1950 г.

Таким образом, несмотря на то, что антиправительственные выступления были подавлены с большим трудом, правительство недооценило потенциал исламистов и не предприняло особых мер для ослабления организации и предотвращения в дальнейшем подобных восстаний.

Из-за отсутствия серьезной опоры в городах, кроме армии, и неприятия широкими слоями населения политики баасистов в первые годы их нахождения у власти уже в следующем 1965 г. возникли новые столкновения. Следует заметить, что деревенская сущность власти явно проявилась и в реформах, предпринятых партией в последующие годы. Проведя аграрную реформу, Баас, тем не менее, не смягчила своей тактики по отношению к городской буржуазии.

В ночь с 2 на 3 января 1965 г. солдаты заняли посты у крупных частных фабрик и заводов в Дамаске, Алеппо, Хомсе и других городах Сирии. Так был реализован указ о национализации 107 заводов. В результате этого и ряда других последующих указов в руки государства перешло 75% промышленного производства Сирии. Ответом на эту акцию властей стали массовые беспорядки и антиправительственные демонстрации протеста, организованные с 22 января в Хомсе и Дамаске сформированными исламистами «Отрядами Мухаммеда». Сценарий протестного выступления был почти тот же, что и в 1964 году. Во время пятничной молитвы в мечетях правительству снова была объявлена «священная война во имя защиты религии и свободы», а Торговая палата и профсоюзы еще раз выступили с протестом. Однако теперь в политике властей появились некоторые новые приемы воздействия экономическое давление и подключение активистов партии к подавлению мятежа. Конфискация 69 бастующих магазинов при поддержке некоторых слоев населения (крестьяне, военизированные рабочие отряды, левая интеллигенция) на этот раз позволила изолировать и разбить оппозицию гораздо быстрее. Были арестованы религиозные лидеры движения, среди которых был профессор исламского права Дамасского университета. Военный трибунал приговорил пятерых из них к смерти[57].

Приход в 1966 г. к власти левого крыла Баас еще более обострил атмосферу противостояния. Усилив контроль над экономикой, новые власти повели решительную борьбу против черного рынка. Аресты многих торговцев и конфискация их имущества привели к новому накалу недовольства.

Властями были предприняты очередные попытки изжить любое несогласие с политикой правящего режима. Так, летом 1966 г. органы безопасности Сирии задержали ряд деятелей распущенных партий и ассоциации «Братья-мусульмане», обвинив их в намерениях сформировать оппозиционное «свободное правительство в эмиграции» и свергнуть левобаасистский режим[58].

В то же время отмечались концентрации иорданских войск на границе с Сирией. Есть данные о том, что Иордания пыталась подку-

пить с помощью Саудовской Аравии вождей некоторых приграничных племен и использовать их в качестве «ударной силы» для осуществления заговора[59]. А осенью была предпринята попытка переворота, возглавляемого офицером Хатумом.

Несмотря на принимаемые усилия по борьбе против несогласных элементов, в середине 1967 г. вновь вспыхнули выступления против правительства ПАСВ.

Поводом к новому открытому противостоянию послужила антирелигиозная статья, напечатанная в газете «Народная Армия» (Джайш аш-Шааб). Статья призывала к искоренению всех старых институтов феодализма, капитализма и религии, что незамедлительно вызвало резкий протест со стороны духовенства. Известный религиозный деятель Х.Аль-Хабнака на проповеди в Дамаске объявил джихад правительству, и в мае 1967 г. в Дамаске и Алеппо вспыхнули новые волнения и прокатилась волна забастовок.

Заявление руководителя Комитета народной обороны – рабочих батальонов Халида аль-Джунди, что религия была всего лишь опиумом для народа, еще более возбудило общественное мнение. И несмотря на то, что власти позже предприняли усилия для затушевывания антирелигиозного настроя в своих рядах и отмежевались от статьи, объявив ее инспирированной ЦРУ, а автора статьи[60] и редактора издания арестовали, волнения вылились во все более ожесточенные формы. События 1967 г. завершились уже апробированным методом, отряды «рабочих батальонов» подавили мятеж, а шейх Х.Аль-Хабнака, как и другие организаторы заговора, был арестован[61]. Кроме этого, в Дамаске и Алеппо были экспроприированы 80 магазинов, принадлежащих участникам выступлений. События 1967 г. явно показали глубину разрыва между усиливающимся радикальным режимом и консервативным традиционным обществом.

Решительность и жестокость подавления этих выступлений (арест многих религиозных лидеров и артобстрел Большой Мечети в Хаме в 1964 г.)[62] показала, что баасистский режим со всей серьезностью осознает опасность, исходящую со стороны исламистов, и полон решимости применять любые меры для борьбы с ними. Причем было ясно, что режим не готов к переговорам и относится к любому предложению исламистов с недоверием, если не с враждебностью.

Перейдем к рассмотрению основных участников политического противостояния властям – фундаменталистских группировок, действующих в САР.

К середине 60-х гг. сирийские «Братья-мусульмане» были представлены несколькими организациями, которые, считая своей конечной целью свержение баасистского режима и установление исламского государства, однако расходились во мнении о путях достижения этой цели.

Самой сильной и влиятельной была, естественно, традиционная ассоциация «Братья-мусульмане». По существу, она была больше движением, чем партией, поскольку состояла из множества организаций, которые, принимая общее название и главенство Верховного наставника, однако сохраняли некоторую автономию в идеологии и действиях.

Наиболее крупным из них было Движение Исламской свободы (Харака ат-тахрир аль-ислями), основанное в 1963 г. шейхом Абдель Рахман Абу Гуддой из Алеппо и представляющее из себя тайное общество, выступающее за вооруженную борьбу против правительства после длительной и тщательной подготовки. Движение пользовалось поддержкой властей Саудовской Аравии, куда переехал впоследствии сам лидер организации. Кроме того, материальная и военная помощь обеспечивалась известным сирийским политическим деятелем Мааруфом ад-Давалиби, занимающим пост советника при саудовском дворе[63].

Также можно отметить Партию исламского освобождения, основанную еще в середине 50-х гг. и руководимую шейхом Зуллумом из Иордании. Партия особо боролась против рабочих и коммунистических партий, которые объявлялись врагами «номер один» на пути создания исламского государства. Еще одной подобной организацией была группа «Святого Корана» под руководством Хазема Абу Газали, выступающая против любых революционных идей, расценивая их как атеистические и антиисламские. Центры группы располагались в Халебе, Дамаске, Аммане и Иерусалиме[64]. Кроме того, можно отметить другие мелкие военизированные формирования в г. Хомс – Воинство Бога (Джуд Аллах), Фидаины Бога (Фидаийу Аллах).

В 1961 г. Верховным наставником сирийских «Братьев-мусульман» стал учитель Исам аль-Аттар, который с 1957 г. замещал больного Мустафу ас-Сибаи. Новый лидер оказался еще более консервативным деятелем, чем прежний. Это проявилось хотя бы в его отказе от поста в умеренно-реформаторском правительстве Башира аль-Азма в 1962 г. по причине «коммунистического уклона» правительства[65]. Впрочем, он оказался не столь сильной фигурой, как Мустафа ас-Сибаи. Именно его слабость и неспособность в дальнейшем закрепить за собой роль политического лидера в период своего руководства привели к тому, что в организации начались многочисленные расколы, которые впоследствии привели к ослаблению «Братьев-мусульман». Причиной были его в целом умеренные взгляды на способ завоевания власти в стране. Так, он выступал за длительную политическую борьбу с режимом, которая была неприемлема для молодых членов Ассоциации «Братьев-мусульман» и некоторых течений в самом движении[66]. Кроме того, ослаблению его власти способствовала и его ссылка, в которой он пребывал с 1964 г. Он обосновался в немецком городе Аахене, где с 1968 г. начал издавать журнал «аль-Раид» (гид). Организацией он пытался руководить из-за границы через своих заместителей, действу-

ющих в крупных центрах Сирии. В Дамаске это был профессор университета Муваккак Даабул, в Латакии – Аднан Саад, а в Алеппо – Амин Якин, заместитель Верховного наставника, который, однако, вместо выполнения своих прямых обязанностей, тратил все свое время на споры с Исамом аль-Аттаром[67].

Последующие события показали, что попытки управления столь большой и структурированной организацией из-за рубежа были тщетны, а концентрация основного внимания руководства на дамасской организации и невнимательное, а порой и пренебрежительное отношение к провинциальным филиалам привели к выходу последних из-под контроля Верховного наставника. Исам аль-Аттар не смог удержать партию от революционного насилия, и восстание, вспыхнувшее в Хаме 1964 г., и гражданское неповиновение в 1965 г., и восстание в Дамаске в 1967 г. возглавляли совсем другие лидеры[68]. Вероятней всего, он даже не контролировал все эти течения, делавшие упор на революционной борьбе. Более того, Исам аль-Аттар был против действий, предпринимаемых радикальными деятелями[69].

Наиболее воинственное крыло сирийских фундаменталистов возглавлял Мирван Хадид[70], активный участник выступлений первой половины 60-х гг., который предлагал немедленно приступить к свержению ненавистного режима. Он никогда не входил в состав ассоциации «Братья-мусульмане», поскольку не признавал никаких организационных рамок и не был согласен с политикой лидеров движения. Исам аль-Аттар, в свою очередь, считал действия Хадида опасными. Численность членов этой организации была маленькой, и она опиралась, по большому счету, на харизму своего лидера. Неудивительно, что после его смерти организация была постепенно поглощена ассоциацией «Братья-мусульмане». Большое влияние на формирование радикального мировоззрения Мирвана Хадида оказал Сайд Кутб, вместе с которым он был в заключении. И именно основываясь на радикальных идеях своего учителя, Мирван Хадид с 1964–1965 гг. начал собирать тайные бригады в Хаме, названные им Катаиб Мухаммад (Фаланги, или Отряды Мухаммеда), которые использовал для защиты торговцев от национализации[71], и посылать своих последователей в лагеря палестинского «Фатха» для прохождения курса военной подготовки. Штаб-квартира организации находилась в Иордании так же, как и тренировочные лагеря. В 1973 г., решив, что пришло время решительных действий, Мирван Хадид перешел в подполье, где организовал воинственную организацию (аль-Талия аль-мукатиля) и объявил джихад правительству. Его заявления о том, что «режим исчезнет лишь тогда, когда военные группы… уничтожат его членов»[72], ясно указывает на тактику, которую избрала его организация. Одной из первых акций боевиков стало убийство начальника отдела политической безопасности г. Хамы, майора М.Гирры. Впоследствии его организация при помощи капитана И.Юсефа – члена «Братьев-мусульман»

организовала покушения на некоторых офицеров в Алеппо. В 1976 г. он был арестован сирийскими властями и умер в тюрьме. После смерти Мирвана Хадида руководителем организации стал другой уроженец Хамы Абд ас-Саттар аз-Заим[73], однако движение потеряло свою силу и впоследствии, после смерти и этого руководителя, слилось с военным крылом алеппской организации «Братья-мусульмане», руководимой Аднаном Укле. Интересно, что противостояние между Дамаском и Хамой существовало даже внутри исламистского движения.

После временного сплочения населения вокруг режима в годы войны 5–10 июня 1967 года тенденция распространения воинственных настроений получила свое дальнейшее развитие. Поражение в Шестидневной войне послужило поводом для нового роста исламского радикализма. Арабские страны захлестнула волна пессимизма. Пожалуй, впервые арабы стали искать причины поражения в себе.

Так, в подтверждение этой мысли можно привести пример отставки президента Египта Насера. 9 июня 1967 г. в своем телеобращении к населению египетский президент заявил, что он сам и никто другой несет ответственность за поражение, и подал в отставку. Это было очень показательно, поскольку уровень разочарования был невероятно высок. После многочисленных выступлений и манифестаций, прошедших не только в Египте, но и в Сирии, Ливане, Иордании и ряде других арабских стран, Насер взял свое прошение об отставке назад.

Все это привело к предельному обострению внешнеполитической позиции Сирии, которая не стремилась в полной мере участвовать в арабских саммитах (в хартумском она не участвовала вообще), бойкотировала резолюцию ООН № 242, проигнорировала миссию шведского дипломата Гуннара Ярринга, назначенного спецпредставителем ООН на Ближнем Востоке. Выдвигались лозунги вооруженной борьбы за «изгнание захватчиков и колониалистов с родной земли»[74].

Радикализация произошла и в движении фундаменталистов. Многие исламисты прямо заявили, что поражение – не что иное, как наказание за отход от истинной религии, распространение ереси (видимо, имелись в виду социалистические идеи) и управление правительством «нечестивцев». Особенно остро эта проблема проявлялась в странах, непосредственно участвовавших в войне. В Египте, например, рост исламских настроений нашел отражение в конституции 1971 г., где по сравнению с конституцией 1964 г. исламские формулировки получили большее акцентирование. Подобная тенденция наблюдалась и в Сирии.

Еще одним значительным событием стал углубляющийся кризис в самом исламистском движении. Авторитет Верховного наставника стремительно падал, и на первый план выходили более радикально настроенные лидеры (Амин Якин и шейх Абд аль-Фаттах Абу Гудда в Алеппо, Сайд Хавва и Аднан Саад ад-Дин в Хаме и Аднан Саад в Латакии), а все возрастающие разногласия между умеренным дамасским

крылом Исама аль-Аттара и представителями северных городов (Алеппо, Хама), которые призывали к джихаду, принимали более выраженную форму.

Противоречие вело к неминуемому расколу. К 1969 году алеппское и латакийское отделения выбрали себе нового лидера в лице шейха Абд аль-Фаттах Абу Гудды, руководителя Движения исламской свободы. Власть Верховного наставника «Братьев-мусульман» стала признаваться лишь отделениями Дамаска и Дейр-эз-Зора. А хамское отделение сохраняло нейтралитет, поскольку все радикальное поле занимала группировка Хадида, с которым хамские «Братья-мусульмане» иногда заключали тактические союзы[75].

Таким образом, после прихода к власти партии Баас произошло новое для Сирии явление – радикализация сирийского исламского движения, которому суждено было через некоторое время поставить страну на грань гражданской войны.

[1] Кобищанов Ю.М. Крестьянство и этноконфессиональные группы в арабских странах // Религии мира: история и современность, 1988, с. 42.

[2] Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1966). – М., 1978, с. 4.

[3] Современная Сирия (Справочник). – М., 1958, с. 150–151; Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1966). – М., 1978, с. 4.

[4] Четвертый был составлен из армян, восьмой из христиан, состав третьего, шестого не ясен.

[5] Hanna Batatu. Some observations on the social roots of Syria's ruling, military group and the causes for its dominance // The Middle East Journal, № 3, vol. 35, 1981 – summer, с. 341.

[6] Ахмедов В.М. Россия, арабы и Кавказ // Арабский сборник. – М., 2000, с. 3.

[7] Haddad G. Fifty Years of Modern Syria and Lebanon, Beirut, 1950, с. 89; Цит. по: Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1966). – М., 1978, с. 5.

[8] За объединение с Ираком и Трансиорданией выступала Народная партия, позднее партия Баас последовательно проводила линию на создание единого государства с Египтом.

[9] http://www.syria-people-council.org

[10] Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1966). – М., 1978, с. 12.

[11] Косач Г.Г. Сирия в регионе арабского мира и Ближнего Востока: условия становления «центра силы» // Азия: роль ключевых стран в международных отношениях в 1990-е годы. – М., 1995, с. 96.

[12] Поляков К., Хасянов А. Проблема стабильности Сирии в XXI веке // Ближний Восток и современность. Вып. 9. – М, 2000, с. 207–208.

[13] Article 1 of Decree # 746 on October 24, 1953, by Syria's Ministry of National Defence/ Jaridat al-Rasmiyyah li al-Jumhariyyat (The Official Gazette of the Syrian Republic), № 69 of November 12, 1953, c. 5326; Article 7 of Decree # 35 on March 4, 1964, issued by the chairman of the National Council of the Revolutionary Command / Jaridat al-Rasmiyyah li al-Jumhariyyat (The Official Gazette of the Syrian Republic), № 10 of 1964, c. 2493; данные из: Hanna Batatu. Some observations on the social roots of Syria's ruling, military group and the causes for its dominance // The Middle East Journal, № 3, vol. 35, 1981 – summer, c. 342.

[14] Pipes Daniel. Greater Syria. – N.Y., 1990, c. 169.

[15] Halpern M. The Politics of Social Change in the Middle East and North Africa. – N.Y., 1964, c. 202.

[16] Yale W. The Near East. – N.Y., 1958, c. 191–193.

[17] Сараджян П.А. Активизация деятельности организации «Братья-мусульмане» в Сирии в 1979–1982 гг. // Ислам в политической жизни стран современного Ближнего и Среднего Востока. – Ереван, 1986, с. 147.

[18] Abd-Allah, Unar F. The Islamic Struggle in Syria. – Berkeley, 1983, c. 116–118.

[19] Fahmi Jadaane. Notions of the State in Contemporary Arab-Islamic Writings // The Foundations of the Arab State. – London, 1987, c. 129–132.

[20] Тегин Ю. Исламский Фронт в Сирии: цели и задачи // Восток и современность. – М., 1982, № 5 (26), с. 24.

[21] Вавилов В.В. Социально-экономические преобразования в Сирии. – М., 1972, с. 4.

[22] Patrick Seale. Asad, The Straggle for the Middle East. – Berkeley, LA, 1989, c. 322.

[23] Румянцев В.П. Сирия и Ливан – Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке. – М., 1966, с. 130.

[24] Tibawi A.L. A Modern History of Syria including Lebanon and Palestine. – Edinburgh, 1969, c. 391.

[25] Al Sibai M. A propos du socialism de l'Islam // Orient, 1961, № 20, c. 280; Энтин Л.М. Политические системы развивающихся стран. – М., 1978, с. 155.

[26] Абгарян Е.А. Религиозно-политическая организация «Братья-мусульмане» в Египте // Ислам в политической жизни стран современного Ближнего и Среднего Востока. – М., 1986, с. 105.

[27] Be'eri E. Army Officers in Arab Politics and Society. – N.Y.-L., 1970, c. 144.

[28] R. Hrair Dekmejian. Islam in Revolution. Fundamentalism in the Arab World. – Syracuse, N.Y., 1995, c. 107.

[29] Вавилов В.В. Социально-экономические преобразования в Сирии. – М., 1972, с. 76.

[30] Викторов В.П. Экономика современной Сирии, с. 221.

[31] Вавилов В.В. Социально-экономические преобразования в Сирии. – М., 1972.

[32] Кстати, за несколько дней до переворота каирское радио сообщило, что «полковник Зияд Харири, командующий южным фронтом, поднял восстание

против дамасского правительства». Это сообщение обошло всю иностранную прессу, но было опровергнуто сирийским правительством. Все это дает повод предположить, что в Египте были в курсе готовящегося выступления.

[33] N. van Dam The Struggle for Power in Syria // Orient. – Opladen, 1973, № 1, с. 11.

[34] Щенников В. Мухабарат против Моссада // Азия и Африка сегодня. – 1995., № 4, с. 50.

[35] Мирский Г.И. Проблемы социалистической ориентации в арабских странах и роль военных // Проблемы современной арабистики. Современные политические и социально-экономические проблемы арабских стран. – Ереван, 1988, с. 47.

[36] 7 апреля 1947 г. разрозненные студенческо-интеллигентские группировки и клубы оформились на I съезде в единую организацию – Партию арабского возрождения (основанную в 1940 г. Мишелем Афляком и Салахом Битаром). В 1950 г. Акрамом Хаурани была основана Арабская социалистическая партия, которая в 1954 г. объединилась с Баас и основала Партию арабского социалистического возрождения (ПАСВ).

[37] Мирский Г.И. Проблемы социалистической ориентации в арабских странах и роль военных // Проблемы современной арабистики. Современные политические и социально-экономические проблемы арабских стран. – Ереван, 1988, с. 46.

[38] Pipes D. Greater Syria. – N.Y., 1990, с. 171.

[39] Perthes V. The Political Economy of Syria under Asad. – L., 1997, с. 135–139.

[40] Вавилов В.В. Социально-экономические преобразования в Сирии. – М., 1972, с. 61.

[41] Гучетль Г.И. Демократизация в арабском мире: опыт Туниса и Сирии. – М., 1999, с. 87–88.

[42] Kramer Syria's Alawis and Shi'ism, с. 245.

[43] Van Dam N. The Struggle for Power in Syria. Sectarianism, Regionalism and Tribalism in Politics, 1961–78. – L., 1979, с. 45.

[44] Вавилов В.В. Социально-экономические преобразования в Сирии. – М., 1972, с. 157.

[45] Энтин Л.М. Политические системы развивающихся стран. – М., 1978, с. 78.

[46] Вавилов В.В. Социально-экономические преобразования в Сирии. – М., 1972, с. 186.

[47] Он был обвинен Салахом Джадидом в том, что был связан с сектантством «таифийа», однако сам получил поддержку от этого же блока алавитов в борьбе против Амина Хафеза, сторонниками которого были суннитские офицеры.

[48] Syrian Regional Command of the Ba'th Party, Azmat al-Hizb wa Harakat 23 shubat. – Damascus, 1966, с. 20–21; Pipes D. Greater Syria. – N.Y., 1990, с. 171.

[49] Командовал батальоном «коммандос», который арестовал генерала Хафиза Амина.

[50] Капитонов К. Ближний Восток в лицах. – М., 1998, с. 70.

[51] Hanna Batatu Syria's Muslim Brethren // Merip Report. – 1982, № 110–111 November-December, с. 15–16; Moshe Ma'oz. Asad. The Sphinx of Damascus. A Political Biography, с. 150.

[52] Гучетль Г.И. Демократизация в арабском мире, опыт Туниса и Сирии. – М., 1999, с. 102.

[53] Pipes D. Greater Syria. – N.Y., 1990, с. 181.

[54] Raymond A. Hinnebusch Authoritarian Power and State Formation in Ba'thist Syria: Army, Party, and Peasant. – 1990, с. 291

[55] Tibawi A.L. A Modern History of Syria including Lebanon and Palestine. – Edinburgh, 1969, с. 415.

[56] В конце июля 1967 г. действие Конституции было продлено.

[57] Tibawi A.L. A Modern History of Syria including Lebanon and Palestine. – Edinburgh, 1969, с. 416.

[58] За рубежом, 1966, № 44, с. 15–16.

[59] Аль-Ахбар, Бейрут, цит. по: За рубежом, 1966, № 31, с. 11.

[60] Номер был изъят и уничтожен, а содержание газеты известно исследователям только по изложению в западной прессе.

[61] Тегин Ю. Исламский Фронт в Сирии: цели и задачи // Восток и современность, № 5 (26). – М., 1982, с. 24.

[62] Moshe Ma'oz. Asad. The Sphinx of Damascus. A Political Biography, с. 150.

[63] Цит. по: Сараджян П.А. Активизация деятельности организации «Братья-мусульмане» в Сирии в 1979–1982 гг. // Ислам в политической жизни стран современного Ближнего и Среднего Востока. – Ереван, 1986, с. 148.

[64] Цит. по: Сараджян П.А. Активизация деятельности организации «Братья-мусульмане» в Сирии в 1979–1982 гг. // Ислам в политической жизни стран современного Ближнего и Среднего Востока. – Ереван, 1986, с. 149.

[65] Mayer T. The Islamic Opposition in Syria, 1961–1982 // Orient, v. 24, № 4, December, с. 591.

[66] В конце 70-х годов он подверг критике арабские монархии, однако и тут не призвал к насильственной смене власти.

[67] Raymond A.Hinnebusch. Authoritarian Power and State Formation in Ba'thist Syria: Army, Party, and Peasant. – 1990, с. 280–281.

[68] R.Hrair Dekmejian. Islam in Revolution. Fundamentalism in the Arab World. – Syracuse, N.Y., 1995, с. 107, цит по: Umar F. Abd-Allah. The Islamic Struggle in Syria. – Berkeley, California, Mizan Press, 1983, с. 103.

[69] Более того, он осудил действия воинственных исламистов и компанию убийств в 70-е годы. И лишь в 1980 г. присоединился к призывам к джихаду против правительства Хафеза Асада.

[70] Марван Хадид по происхождению албанец, из семьи торговцев из Хамы, учился в Каире, по специальности агроном, сражался всю жизнь против Баас. Впоследствии стал имамом, или руководителем молитв в мечети Барудия, которая была местом распространения антибаасистской пропаганды.

[71] Новейшая история арабских стран (1917–1966). – М., 1968, с. 86.

[72] Umar F. Abd-Allah. The Islamic Straggle in Syria. – Berkeley, California, Mizan Press, 1983, с. 103–106.

[73] Дантист из семьи торговцев, в 1979 г.

[74] Иванов С.А. Межарабская политика Сирии, том 1. – М., 1986, с. 61.

[75] Цит. по: Сараджян П.А. Активизация деятельности организации «Братья-мусульмане» в Сирии в 1979–1982 гг. // Ислам в политической жизни стран современного Ближнего и Среднего Востока. – Ереван, 1986, с. 148.

И.В.Наумова

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ИЗРАИЛЬ В 90-е ГОДЫ

С начала 90-х годов Израиль стал объектом постоянного роста объемов иностранных инвестиций, и прямых, и портфельных. Хотя арабский бойкот так и не был снят и все еще оказывает воздействие на развитие экономических связей израильских компаний, все большее число иностранных фирм осознает важность израильского рынка и перспективность разработанных здесь новых технологий. Значительную роль в привлечении прямых зарубежных инвестиций в экономику страны в 90-е годы сыграла активная государственная политика: усилились скоординированные действия как израильского правительства в целом, так и отдельных министерств и ведомств, муниципальных властей, профессиональных объединений, местных и международных экономических организаций, а также Еврейского агентства[1].

Основными факторами, повлиявшими на рост объемов иностранных инвестиций в 90-х годах, стали: начавшаяся либерализация израильской экономики; уникальное положение региональной сверхдержавы, обладающей развитой инфраструктурой, высокой степенью интегрированности в мировую экономику, сравнительно дешевой рабочей силой; целенаправленная политика правительства и деловых кругов страны по привлечению инвестиций в израильские проекты; наличие широкого круга двусторонних инвестиционных соглашений как со странами западной и восточной Европы, так и с азиатскими государствами, странами Северной и Южной Америк; общемировая тенденция к увеличению инвестиций в страны с экономикой, находящейся на стадии становления.

Динамика иностранных инвестиций

В 1991–1992 гг. зарубежные инвесторы вложили в израильскую экономику 589 млн. долларов, преимущественно в недвижимость и акции израильских компаний, выставленных на торги на нью-йоркской фондовой бирже[2].

В 1992 г. одна из крупнейших американских компаний – «Кодак» – сделала крупные вложения капитала в венчурный фонд «Экалиптус», созданный инвестиционными фирмами «Тамир-Фишман» (Израиль) и «Хамбрехт энд Куэст» (США). Уставный капитал фонда составил 50 млн. долларов, предназначенных главным образом для поддержки вновь созданных израильских компаний, специализирующихся в

наукоемкой сфере. Фонд, находящийся под руководством Ареле Манковского и Брюса Крокера, уже в том же 1992 г. инвестировал средства в фирму «Мистикум»[3].

В 1993 г. существенно вырос в абсолютном выражении объем зарубежных инвестиций на Тель-Авивской фондовой бирже. Объем прямых зарубежных инвестиций в Израиль при этом упал до 3% от объема внутренних инвестиций (соответствующий показатель равнялся 8–16% в Европе и 6% в США)[4].

Основными факторами, сдерживающими рост иностранных инвестиций в 1994 г., стали: обострение внешнеполитической ситуации, а также то, что бюрократическая структура государства хотя и была либерализована, но в гораздо меньшей степени, чем в странах, конкурирующих с Израилем за одни и те же инвестиционные фонды. Однако по сравнению с этими странами у Израиля было два важных преимущества: достаточный уровень предложения квалифицированной рабочей силы, особенно в сфере «хай-тек», и ряд соглашений о свободной внешней торговле.

В число высокотехнологичных транснациональных корпораций, которые имели свои филиалы в Израиле или владели акциями местных фирм к началу 1994 г., входили такие компании, как «Эппл», «ДиЭйчСи», «Хьюлет-Паккард», «АйБиЭм», «Интел», «Киосера», «Майкрософт», а также такие фирмы, как «Моторола», «Октель» и «Виши Интер-технолоджи». Среди компаний, работающих в других отраслях, были «Пицца Домино», «Бургер Кинг», «Холидэй Инн», «Ладброк», «Макдоналдс» и «Сарра Ли». К этому списку к концу года присоединились известные компании, например, «Америкэн Экспресс», «Аплайд Электроникс», «BBD&O», «Грейт Лэйкс», «Хасбро Тойс», «Нэшнл Семикондактор», «Орбит Семикондактор», «Сименс» и «Спринт»[5].

В 1995 г. объем прямых зарубежных инвестиций в Израиль составил 2,2 миллиарда долларов (на 46% больше, чем в 1994 г.). Список иностранных инвесторов, сделавших прямые инвестиции в Израильскую экономику, пополнился следующими компаниями:

– «Нестле», «Пилсбьюри», «Колгэйт-Палмолив», «Юниливер» и т.д. – в сфере производства товаров массового потребления;

– в тяжелой промышленности и в области «хай-тек» «Волво» направил инвестиции в «Меркавим» (дочерняя компания «Кур»), «Фольксваген» приобрел 35% завода фирмы «Дэд си Уоркс» по добыче магнезии;

– другие фирмы, например, «Таймекс» и «Пфайзер Фармасьютикалс» открыли центры исследования и развития[6].

Со второго квартала 1995 г. в Израиль начался усиленный приток иностранного капитала. Столь положительный фактор привел к серьезным изменениям на Тель-Авивской бирже. Всего с апреля месяца в биржу влились 0,5–1 млрд. долл. Еще на 3 млрд. были совершены

сделки вне биржи по закупке крупных пакетов акций «Апоалим», «Кур», «Киль» и т.д.[7] Портфельные иностранные инвестиции в израильскую экономику составили за первые три квартала 1995 г. 2,4 млрд. долл., однако в четвертом квартале объем их резко сократился вследствие убийства премьер-министра И.Рабина[8].

В октябре 1995 г. американская корпорация «Интел» заключила с правительством Израиля соглашение о строительстве в этой стране филиала корпорации – предприятия по производству компьютерных микрочипов (в городе Кирьят Гат). Это самая крупная частная иностранная инвестиция в истории Израиля в размере 1,6 млрд. долл. В этом же году осуществление второго по величине капиталовложения начал транснациональный телекоммуникационный концерн «Моторолла», приступивший к созданию крупного предприятия по производству полупроводников[9].

В первой половине 1996 г. объем иностранных инвестиций в Израиль увеличился на 32%. Примерно половина из них – это прямые инвестиции[10]. За весь год сумма иностранных инвестиций составила 2,9 млрд. долл. В этом году наиболее значительными инвестиционными проектами стали: создание компаниями «Фольксваген» и «Дэд си Уоркс» совместного предприятия по выработке магнезии для использования в автомобильной промышленности. Начальные инвестиции по созданию завода составили 350 млн. долл. а также основание компанией «Дженерал Моторс» фонда для инвестиций в израильские разработки в области транспортных средств[11].

Иностранные инвестиции в Израиль составили в 1997 г. 3,4 мдрд. долл. Несмотря на Азиатский кризис и экономический застой в Израиле, объемы иностранных инвестиций в 1997 г. резко возросли. Самые крупные суммы были вложены в приобретение акций концернов «Кур» и «Безек», банка Апоалим, группы Ай Ди Би, крупные средства были инвестированы в компании «хай-тек»[12].

В 1998 г. уровень зарубежных инвестиций в Израиль упал до 2 млрд. долл. Согласно данным Банка Израиля, в то время как прямые инвестиции в Израиль остались практически на уровне в 1,5 млрд. долл., общие инвестиции в ценные бумаги, выставленные на торги как в самом Израиле, так и за его пределами, сократились с приблизительно с 2 млрд. долл. в 1997 г. до примерно 500 млн. в 1998 г., т.е. на 75%. По мнению специалистов Банка Израиля, причинами этому послужили: сокращение предложения израильских акций на торгах за рубежом и российский кризис середины августа, результатом которого явился уход иностранных инвесторов с развивающихся рынков. Это в свою очередь привело к продаже на Тель-Авивской бирже ценных бумаг, находящихся в руках иностранных инвесторов, на сумму в 300 млн. долл. в период с августа по октябрь. Лишь в ноябре ситуация стабилизировалась. Таким образом, хотя Израиль является важным центром технологий, его способность привлекать

иностранный капитал была снижена его ассоциированностью с другими находящимися на стадии становления рынками[13].

Таблица 1

Самые крупные инвестиции в 1997 г.

Компания	Иностранный инвестор	Сумма (млн. долл.)
Банк Апоалим	Группа Харрисон	1018,0
«Кур»	Кларидж	423,0
Бносэнс	Джонсон энд Джонсон	400,0
Безек	Мерил Линч	250,0
Гваним	Американск. компания	160,0
МЕХкар алгоритм	Сайлинк Группа	82,7
Ай Ди Би	Гольдман-Закс	80,0
Раднет	Сименс	75,0
Агис	Мерил Линч	65,0
Штраус	Денона	56,0
Суперсаль	Морган-Стенли	53,8
Вокалтек	Дойче-телеком	48,3
Тельрад	Нортен Телеком	45,0
Тами	Си-Пи-Си	33,0
Шемен	-	124,8
Матав	Мост (Россия)	24,0
Матехет ханита	Гринфельд	20,0
Эльрав	Фонд Джорджа Сороса	19,3
Нью-медиа	Гармоник Лайтвэйс	19,0
Таднран	Карьер	17,5

Источник: «Искитон» № 59, январь 1998, с. 23.

Тем не менее в 1998 г. международный концерн «Филипс» открыл в Израиле свое первое представительство, задачей которого является координация инвестиционной деятельности концерна. (Как известно, концерн «Филипс» на протяжении долгих лет воздерживался от прямых связей с Израилем из-за объявленного арабскими странами бойкота)[14]. Концерн «Джонсон энд Джонсон» подписал соглашение о сотрудничестве с венчурными фондами «Поларис» и «Умга», входящими в группу «Лапид медикэл венчер», целью которых является инвестирование в израильские компании, специализирующиеся в медицинской промышленности[15].

Суммарные иностранные инвестиции составили в 1999 г. 3,9 млрд. долл. Фонды рискового капитала вложили 1 млрд. долл. в израильские молодые компании, что на 67% больше, чем в 1998 г., и на 200% больше по сравнению с 1997 г. Особенно большой интерес у инвесторов вызывали израильские Интернет-компании, которые получили треть всех инвестиций. Телекоммуникационные компании

также привлекли значительные инвестиции – 29% от общей суммы[16]. 13% от общей суммы инвестиций было вложено в производство программного обеспечения, 13% в исследования в сфере естественных наук, еще 11% в другие технологии.

В том же 1999 г. один из ведущих венчурных фондов Японии – JAFCO – вложил в израильскую компанию «Гиперникс», специализирующуюся в области Интернета, 1,5 млн. долл. Несколькими месяцами раньше в «Гиперникс» 2,4 млн. долл. инвестировала фирма CNET[17].

Наиболее характерной чертой 2000 г. следует назвать резкое изменение экономических тенденций во второй его половине по сравнению с первой. Этот год стал рекордным по объему иностранных инвестиций в Израиле, объем которых составил внушительную цифру в 11,8 млрд. долл. Общие иностранные инвестиции составили почти 5 млрд. долл., а инвестиции в ценные бумаги – около 4 млрд. В первой половине 2000 г. быстрый рост уровня рисковых капиталовложений продолжился. Местные обследования показали, что во втором квартале 2000 г. были сделаны инвестиции на сумму в 735 млн. долл. (согласно данным местного филиала «Прайс Уотер Хаус Куперс»). Цифры второго квартала перекрыли предыдущий рекорд, который был установлен в первом квартале этого года, и в результате общие инвестиции только за одну половину 2000 г. составили 1,35 млрд. долл., что на 63% больше, чем за аналогичный период предыдущего года, а в третьем квартале 2000 г. в израильский хай-тек была вложена рекордная сумма – 1,034 млрд. долл.[18]

Приблизительно 40% инвестиций было сделано фондами рискового капитала, расположенными в Израиле, и 60% – иностранными фондами. Около 60–70% фондов рискового капитала оперировали в сфере средств связи и Интернета[19]. Прямые иностранные инвестиции существенно уменьшились как в относительном, так и в абсолютном исчислении с 1,82 млрд. в 1999 г. (63% от общей суммы инвестиций) до 1,23 млрд. долл. (лишь 26% от общей суммы иностранных инвестиций). Однако объем портфельных инвестиций сильно возрос: с 1,09 млрд. долл. до 3,5 млрд. По отчету Банка Израиля, большая часть этого увеличения приходится на долю израильских компаний, выставивших свои акции на торгах в США. Чистая стоимость израильских акций, выставленных на торгах за рубежом в 2000 г., увеличилась на 474 млн. долл.

В 2000 г. специалисты по экономике израильского банка «Леуми» заявляли, что «вялотекущая война» делает выгодными и дальнейшие вложения в хай-тек в Израиле. Поскольку финансово-экономические показатели израильских предприятий на фоне палестино-израильского конфликта падали, акции компаний шли вниз, и их покупка становилась все более выгодна. В этот период, по информации министерства промышленности и торговли Израиля, в стране ежедневно открывалось 2–3 новых компании. В августе 2000 г. страны

Европейского Союза заявили, что вложат в израильский «Интернет-2» около 2 млн. евро[20].

Улучшение экономической и геополитической ситуации заставило рейтинговое агентство «Мудиз Инвесторз Сервис» обновить оценки кредитоспособности Израиля. «Мудиз» также сообщает, что улучшение в экономической деятельности Израиля и структурные реформы показывают, что «негативное развитие в сфере геополитики и/или краткосрочные превратности мирного процесса теперь в меньшей степени способны подрывать кредитоспособность страны»[21].

Однако быстрый рост популярности Израиля у инвесторов только частично связан с мирным процессом. Большинство прямых инвесторов привлечено инфраструктурой и высококвалифицированными работниками в высокотехнологичных отраслях промышленности, и маловероятно, чтобы они меняли свои инвестиционные планы, основываясь на краткосрочных изменениях в мирном процессе.

Государственная инвестиционная политика

С самого начала существования Государства Израиль его правительства проводят политику активного привлечения иностранных капиталовложений, что в значительной мере обусловлено слабостью внутренней базы накопления. С этой целью предпринимались специальные меры законодательного и административного характера. Так, уже в 1950 г. был принят «закон о стимулировании капиталовложений», который был существенно расширен в 1959 г., изменен и дополнен в 1967 и 1977 гг. Другими законодательными актами, регулирующими (и поощряющими) инвестиции, являются «Закон о стимулировании промышленности» (1969 г.), «Закон о стимулировании фундаментальных исследований и развития» (1984 г.) и другие. Они предоставляют инвесторам широкие возможности для эффективного вложения капитала, с минимальным риском и получением налоговых льгот.

Работы по привлечению и стимулированию инвестиций координирует Инвестиционный Центр при Министерстве промышленности и торговли. Одна из главных задач Центра – выявление потенциальных иностранных инвесторов, обеспечение их всеми необходимыми информационными материалами, организацией визитов представителей компаний в страну и их полным обслуживанием в ходе ознакомительной или деловой поездки. Центр определяет также стратегических партнеров по бизнесу для местных израильских компаний и организует встречи с частными и юридическими лицами. Сотрудники Центра предоставляют информацию о ценах, существующих на израильском рынке, наличии рабочих мест и трудовых ресурсов; улаживают вопросы взаимоотношений с местными властями в области технического обслуживания и управления.

В работу Центра также входит ознакомление международного экономического сообщества с перспективами иностранных инвесторов

в Израиле путем распространения информации и организации рекламных кампаний; издания пресс-релизов для специализированных журналов, а также экономических и бизнес-приложений для международных средств массовой информации; организации пресс-туров для журналистов, специализирующихся в области промышленности, современных технологий, промышленных зон, инвестиционного климата и общих перспектив развития предпринимательства в Израиле; передачи информации по вопросам предпринимательства через Интернет; привлечения израильских бизнесменов к рекламной работе в других странах; организации деловых совещаний в Израиле для зарубежных предпринимателей[22].

Инвестиционный проект, который подается на рассмотрение в Центр, получает статус «утвержденного предприятия» в случае, если он отвечает следующим критериям. Это определенный вклад в развитие национальной экономики Израиля; конкурентоспособность на международных рынках (доля экспорта в продажах должна составлять от 20% до 65% – в зависимости от места расположения предприятия); использование новых технологий; обеспечение новых рабочих мест на территории Израиля.

Искомый статус в основном предоставляется в случае инвестирования в новые промышленные проекты и расширение существующих промышленных мощностей, включая капитальное строительство; строительство промышленных зданий с целью их дальнейшей передачи полностью или по большей части в лизинг «утвержденным предприятиям»; сельскохозяйственные проекты (заявление о предоставлении статуса «утвержденного предприятия» подается непосредственно в Министерство сельского хозяйства); производство программного обеспечения; строительство и реконструкция отелей, аквапарков и других туристических объектов (за исключением ресторанов и магазинов).

Существует несколько других направлений, также имеющих право на льготы:

– инвестиции иностранных резидентов в недвижимость, сделанные в иностранной валюте (допускается также инвестирование в строительство апартаментов при условии, что не менее 50% застроенной площади берется в аренду резидентами Израиля);

– инвестиции в резидентскую собственность;

– проекты по производству кинематографической продукции. Производство телевизионных и художественных фильмов может получить статус «утвержденного предприятия». По крайней мере, 70% финансирования должно быть осуществлено за счет иностранного резидента в иностранной валюте, или, по крайней мере, 30% дохода должно быть получено от проката фильма за рубежом;

– «утвержденные инвестиции в иностранной валюте» (инвестиции в иностранной валюте иностранных резидентов в акционерный капитал израильской компании). При этом акционеру гарантировано максимум 25% подоходного налога на дивиденды;

– «утвержденные займы» (займы в иностранной валюте, предоставленные иностранными резидентами израильской компании на срок не менее 7 лет с 8%-й ставкой, которые могут быть переведены в оплаченный акционерный капитал).

В случае с инвестициями из-за границы статус «утвержденного предприятия» может получить:

– иностранная корпорация (акционерное общество);

– иностранное товарищество с ограниченной ответственностью;

– иностранная корпорация или товарищество, зарегистрированное в Израиле;

– товарищество с ограниченной ответственностью с участием израильской компании;

– товарищество, в котором каждый из партнеров представлен в одной из юридических форм, перечисленных выше;

– юридическое лицо, утвержденное Советом Инвестиционного Центра.

В целях наиболее полного использования природных и трудовых ресурсов территория Израиля разделена на несколько районов развития – А, В и С (центр страны), и отдельную Эйлатскую зону свободной торговли.

Районы развития промышленности включают:

– Район А – Север страны, в том числе Верхняя Галилея и часть Западной Галилеи, Кармиэль, Афула, Голанские высоты, Ашкелон, район Беэр-Шевы и юг страны, Эйлат (для компаний «хай-тек» – Иерусалим и определенный район вокруг Иерусалима);

– Район В – Кирьят-Гат, Кирьят-Малахи, Иерусалимский коридор, Нижняя и Центральная Галилея и часть Западной Галилеи. Основные районы развития туристической индустрии: Иерусалим, Мертвое море и Эйлат.

Таблица 2

Размеры субсидий и гарантий, предоставляемых государством по закону о поощрении инвестиций

Вид бизнеса и район развития	Субсидии	Гарантии*	Комбинированный вариант (субсидии и гарантии)	
Промышленные предприятия				
Район А	38%	67%	25%	41,67%
Район В	20%	67%	10%	56,66%
Район С	0	67%	-	-
Отели и кемпинги				
Район А	29%	67%	17%	50%
Район В	23%	67%	11%	56%
Район С	16%	67%	16%	11%
Другие туристические проекты				
Район А	22%	67%	17%	50%
Район В	11%	67%	6%	61%
Район С	5%	67%	-	-

Источник: «Деловой Израиль», № 1, май 1995: «Поощрение инвестиций».

* Государственные гарантии составляют 70% от этой суммы, оставшиеся 30% риска должен взять на себя банк.

Для «утвержденных» иностранных инвестиций существует целая система льгот и привилегий, в ее рамках осуществляются: предоставление вкладчикам безвозвратных субсидий от государства; предоставление банкам государственных гарантий для получения инвестором ссуды, необходимой для реализации проекта; льготное налогообложение; страхование внешнеторговых и иных операций.

Субсидии и гарантии

«Утвержденное предприятие» может получить безвозвратную субсидию от государства для организации или расширения бизнеса в промышленности, промышленном строительстве и туризме. Сумма субсидии рассчитывается как определенный процент от стоимости основных производственных фондов – земля под застройку, здания и сооружения, оборудование – и зависит от места расположения предприятия и сферы его деятельности. Например, промышленное «утвержденное предприятие» в районе развития А получает субсидию в размере 38%, в районе В – 20%. Наукоемкие предприятия, расположенные в Иерусалиме, получают субсидии, аналогичные предприятиям района А.

Одним из условий получения субсидий является также требование к инвестору самому оплатить как минимум треть суммы «утвержденной программы». Сумма субсидии исключается из общей суммы доходов, подлежащей налогообложению. Кроме того, она вычитается из суммы основных активов при начислении амортизации и не берется при расчете прибылей или убытков в случае продажи имущества.

Государственные гарантии предоставляются «утвержденному предприятию» с тем, чтобы помочь инвестору получить ссуду в банке. Право на получение гарантии имеет «утвержденное предприятие» – иностранная компания или корпорация с акционерным капиталом, или товарищество, в котором все партнеры являются компаниями. Есть организации, которые не имеют права на гарантии, несмотря на статус «утвержденного предприятия». Это иностранные компании с ограниченной ответственностью, где израильский партнер является компанией, а его иностранный партнер – частным лицом; компания с ограниченной ответственностью, где один из партнеров является иностранной компанией с ограниченной ответственностью, а также другие компании, которым Совет Инвестиционного Центра не дает права на гарантии. Гарантии предоставляются «утвержденным предприятиям», являющимся промышленными, строительными и туристическими компаниями.

Основным условием получения гарантий является финансирование самим инвестором не менее одной трети общей суммы «утвержденной программы». Минимальная сумма вклада самого инвестора

должна быть в размере от 75 тыс. долл. до 100 тыс. долл., в зависимости от района развития.

Инвестиции в акционерный капитал могут быть сделаны как в денежной форме, так и в форме передачи в собственность земли или другого недвижимого имущества.

При расчете размеров гарантий учитываются не только основные фонды, но и расходы на аренду земли или оборудования; на оборудование, купленное в рассрочку; зарплату и другие расходы в период организации предприятия: на планирование, контроль, консультации, приобретение «ноу-хау» и некоторые другие виды инвестиций и расходов. Оборотный капитал учитывается только в соответствии с утвержденным бизнес-планом. Расходы на маркетинг и текущие расходы на исследования и разработки возможны только в соответствии с «утвержденной программой» и при условии, что на эти виды расходов не было получено помощи из госбюджета.

Гарантия государства дается на 70% от суммы ссуды. Ссуда предоставляется на срок не свыше 10 лет со времени получения первой части ссуды для обеспечения начала строительства. При определенных условиях этот срок может быть продлен на 5–7 лет.

Размер процента, под который выдается ссуда, складывается из банковского процента для этого вида ссуд плюс 0,5% годовых, плюс надбавка за риск в размере 1,5% годовых и «привязка» к курсу иностранной валюты либо к индексу потребительских цен. Ссуда дается под залог всего имущества фирмы (текущая ипотека).

«Утвержденное предприятие» может получить гарантии в любое время в течение трех лет со дня его «утверждения». Период, в течение которого могут быть осуществлены инвестиции, составляет три года со дня «утверждения», однако не менее 25% суммы «утвержденной программы» должно быть реализовано в первый год.

Организации, имеющие право на государственные гарантии и субсидии, могут выбрать схему финансирования, представляющую собой комбинацию системы гарантий с системой субсидий. Комбинированная схема возможна для промышленных, строительных или туристических фирм. Товарищество, в котором все партнеры являются фирмами, может применить эту схему только в случае расширения производства. Размер инвестиций, получаемых при комбинированной схеме, зависит от типа предприятия и места его расположения (см. табл. 2). Сумма денежных вкладов самого инвестора та же, что и при получении гарантий, т.е. составляет треть суммы «утвержденной программы». Общий размер субсидий и гарантий в комбинированной схеме равен размеру гарантий, т.е. 2/3, или 66,7% «программы». При этом в районе развития А 25% суммы составляют субсидии, а 41,66% – гарантии.

Комбинированная схема является более предпочтительной в случае, когда инвестиции в основной капитал меньше, чем инвестиции в оборотный капитал. По сравнению с системой гарантий, комбиниро-

ванная схема позволяет получить субсидию на часть основного капитала и вместе с ней – гарантии на финансирование оборотных фондов. Гарантии более выгодны для предприятий с небольшим объемом основного капитала в тех районах, где сумма субсидии невелика.

Налоговые льготы для инвесторов

«Утвержденному предприятию» предоставляются налоговые льготы в случае, если оно имеет право на получение государственных субсидий, гарантий или выбрало «комбинированную схему». Полное освобождение от налогов возможно только в случае предоставления гарантий.

Снижение налогов предоставляется на срок от 2 до 10 лет, в зависимости от процента иностранного капитала и местоположения «утвержденного предприятия». Например, полное освобождение от налогов в районе А предоставляется на 10 лет, В – на 6 лет плюс 4 года с пониженным уровнем налогов, в центре страны– на 2 года плюс 8 лет льготного налогообложения.

«Утвержденное предприятие» может выбрать альтернативную систему льгот. В этом случае компания может отказаться от своих прав на субсидию и получить право на полное освобождение от налогов на доход компании и от налогов на нераспределенную прибыль сроком от 2 до 10 лет, в зависимости от района развития.

Для «утвержденного предприятия» применяется также налоговая льгота в виде «ускоренной амортизации» зданий, машин и оборудования. Она составляет до 200% от обычных ставок для машин и оборудования и до 400% – для зданий. «Ускоренная амортизация» применяется в течение первых пяти лет со дня начала использования имущества. Однако существует ограничение: процент амортизации для здания не может превышать 20% в год. Обычные же ставки амортизации составляют для зданий – 4% и более (если здание не является высоко специализированным); для оборудования – 7–10%.

Все доходы, получаемые инвестором от сдачи в аренду жилых и нежилых помещений и от продажи жилья (при определенных условиях), облагаются льготным налогом в размере 10–20%. Налоговая ставка на доходы от заема или акционерного вклада, которые имеют статус «утвержденный заем или инвестиция», не может превышать 25%. Это требование распространяется и на доходы от ценных бумаг, полученных компанией в рамках доходов от «утвержденных инвестиций».

Инвестиции иностранного резидента в иностранной валюте могут получить статус «утвержденных активов». В этом случае предоставляются налоговые льготы, аналогичные льготам для «утвержденного предприятия». Иностранный гражданин, никогда не бывший израильским резидентом и приглашенный работать на израильское предприятие в качестве эксперта или руководящего работника, получает статус «утвержденного эксперта». Его доходы, полученные от этой работы,

облагаются налогом, не превышающим 25% от наибольшей суммы дохода, подлежащего налогообложению. Льготный период продолжается в течение трех лет и в дальнейшем может быть продлен. Если владелец «утвержденного предприятия» – частное лицо, а не фирма, то его доходы, полученные от данного предприятия, облагаются налогом в размере не более 35%.

Доходы, полученные иностранным гражданином в виде дивидендов или процентов по облигациям или акциям, котирующимся на бирже, могут быть освобождены от налога, если этот гражданин не имеет в своей стране налоговых льгот, связанных с налогами, которые он платит в Израиле. Доходы в виде процентов, полученные иностранцем по банковским депозитам в иностранной валюте в Израиле, освобождаются от налогов, если он не имеет бизнеса в Израиле.

Компании с высоким уровнем акционерного капитала могут получить от Министерства финансов официальный статус «капиталоемкой компании» и, соответственно, определенные налоговые льготы. Акционерный капитал компании должен составлять не менее 30 млн. долл., а число иностранных акционеров – не менее 15 человек. Не менее 75% капитала должно быть прямо или косвенно инвестировано в такие сферы, как промышленность, сельское хозяйство, туризм, транспорт, строительство, водоснабжение, энергетика, средства коммуникации и компьютеризации, или в исследования и разработки, связанные с этими сферами. Налоговая ставка для такой компании не превышает 25%. Налоговая ставка на доходы от прироста капитала и удорожания земли при продаже основных активов и на доходы от продажи акций компаний также ограничена 25%[23].

Еще одной компанией, занимающейся непосредственным привлечением инвестиций в Израиль, является «Иозма, От-Сикун Лтд.» («Инициатива, Венчурный капитал»), созданная еще в июле 1992 г. с целью заполнения вакуума на рынке инвестиций. Ее основной задачей является создание фондов инвестиций «повышенного риска» совместно с израильскими и профессиональными иностранными инвесторами в этой сфере деятельности.

Компания ставит перед собой такие цели, как увеличение объема иностранных инвестиций «повышенного риска» и экспортного потенциала, заложенного в нем; поощрение развития инвестиций повышенного риска в частном секторе; установление контактов с инвесторами, заинтересованными во вложениях в израильскую технологию; поиск стратегических партнеров для израильских компаний.

Уже к середине 1994 г. компания создала 8 инвестиционных фондов «повышенного риска»: «Джемини» (совместно с инвестиционным фондом повышенного риска «Адвент» из США и банком «Дисконт»); «Стар» (совместно с TVM из Германии); «Инвентек» (совместно с израильской группой «Шоваль» и голландской группой «Ван Лир»); «Полярис» (совместно с группой «Доврат-Шрем» и зарубеж-

ными инвесторами); «Волдан» (совместно с инвестиционным фондом «повышенного риска» «Волдан» из США и Юго-Восточной Азии); «Окстоун» (совместно с инвестиционным фондом «повышенного риска» «Окстоун» из США и Юго-Восточной Азии, а также при участии французских инвесторов); «Ницаним» (совместно с компанией FVX и группой Маршал Батлер из США, «Киосара» из Японии и израильским инвестиционным фондом); фонд «Евротек» с участием компании «Даймлер Бенц», германским банком DEG и группой «Федерман».

Степень риска в такого рода инвестиционных фондах распределяется между фирмой-инициатором проекта и одним или двумя партнерами. При этом существует возможность выкупить у партнеров соответствующие доли в компании и тем самым увеличить свое участие в проекте в течение пяти лет со дня создания фонда[24].

Несмотря на успешное в целом развитие израильского рынка инвестиций в рассматриваемый период, не все анонсированные в первой половине 90-х годов инвестиционные проекты увенчались успехом, например проект «Промышленной Зоны Свободного Экспорта» FEPZ.

Впервые о нем было объявлено в июне 1992 г. По предварительным расчетам, этот проект должен был привлечь прямые зарубежные инвестиции в объеме 750 млн. долл. и до конца 1993 г. обеспечить создание 20 тыс. рабочих мест. Такие же проекты были ранее реализованы в Малайзии, Мексике и на Тайване[25]. Согласно данному проекту, в пределах территории FEPZ не должно быть государственного регулирования: таможенных досмотров и пошлин, лицензирования, подоходного налога, отменялось и действие закона о минимальной зарплате. Для рассмотрения проекта был назначен комитет под руководством главы министерства по налогам Иорама Габбая. Комитет выявил, что FEPZ наиболее эффективны в экономиках недостаточно развитых стран. Между Израилем, имевшим ВВП на душу населения около 17 тыс. долл. и развитое трудовое законодательство, и странами «третьего мира» имеется огромный разрыв. Кроме того, между Израилем и рядом зарубежных стран (США, ЕС) существуют двусторонние соглашения, по которым 80% израильского экспорта не облагалось пошлиной. Наконец, не участвующие в проекте промышленники не приняли бы налоговые привилегии FEPZ, предоставляемые конкурентам. В результате в конце 1993 г. проект был отвергнут[26]. Но в 1994 г. группа американских инвесторов, возглавляемая Ю.Грином, опираясь на личную поддержку премьер-министра Рабина, вновь подготовила открытие FEPZ с венчурным («рисковым») капиталом в $1,2 млрд. долл. в Лигите, к северу от Беэр-Шевы. Однако после гибели Рабина в октябре 1995 г. этот проект, значение которого как для развития Северного Негева, так и для Израиля в целом, высоко оценивалось экспертами, потерпел крах. Потери по проекту создания FEPZ составили 8 млн. долл., и в 1995 г. было объявлено о

расформировании спонсировавшей его организации – «Израэль Экспорт Дивелопмент Корпорэйшн».

В целом инвестиционная ситуация в Израиле в 90-е годы была благоприятной. Объемы инвестиций увеличивались как в реальном, так и в процентном выражении. Израильский рынок, особенно это касается сферы «high tech», привлекал все большее количество иностранных фирм, в том числе и известных международных корпораций. Строились радужные прогнозы относительно будущих инвестиций, которым, однако, по-видимому, не суждено сбыться, по крайней мере в ближайшее время, из-за резко обострившегося конфликта в регионе.

[1] Сатановский Е.Я. Экономика Израиля в 90-е годы. – Москва, 1999, с. 112.
[2] Там же, с. 108.
[3] Новый Венчурный фонд // Искитон, сентябрь 1992, № 67, с. 7.
[4] Сатановский Е.Я. Цит. соч., с. 108.
[5] Israel Year Book and Almanac 1995.
[6] Сатановский Е.Я. Цит. соч., с. 110.
[7] Искитон, 1995, № 12, с. 16.
[8] Сатановский Е.Я. Цит. соч., с. 110.
[9] Федорченко А.В. Экономика переселенческого общества. – М., 1998, с. 313.
[10] Деловой Израиль, 1996, № 6, с. 27.
[11] Там же, с. 17.
[12] Искитон, Январь 1998, № 59, с. 23.
[13] http://www.nanyangmba.ntu.edu.sg/bsm/bsm_links/Israel/imi_fdi_1-99.htm
[14] Впервые в Израиле // Искитон, Август 1998, № 66, с. 6.
[15] Джонсон энд Джонсон // Искитон, Июнь 1998, № 64, с. 6.
[16] http://www/techbusiness.ru/news/0100/34.htm
[17] Искитон, Октябрь 1999, № 80, с. 6.
[18] www.netoscope.ru
[19] http://www.israel-discount-bank.co.il/trends/fine071l.html 15.03.01
[20] http://novosti.online.ru/it/news/00/11/05_239.htm
[21] http://www.eiu.com/latest/380978.asp
[22] http://www.nalogi.net/1997/199709J.htm
[23] Поощрение инвестиций // Деловой Израиль, Май 1995, № 1.
[24] Путеводитель предпринимателя: Справочное пособие для деловых людей в Израиле. – Тель-Авив, 1999 г.
[25] Сатановский Е.Я. Цит. соч., с. 107.
[26] Israel Yearbook and Almanac 1993.

И.М.Никулина (Мохова)

АЛЖИР – ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИНТЕГРАЦИИ

Одним из основных элементов сотрудничества Европейского Союза (ЕС) со странами Магриба и в более широком смысле Юга Средиземноморья, в рамках Барселонского процесса, являются двусторонние договоры об ассоциированном членстве в ЕС. Подобные соглашения были подписаны и уже вступили в силу в ряде стран Северной Африки, в частности в Тунисе и Марокко[1]. Алжиру удалось парафировать договор с ЕС только в декабре 2001 г., после 17 раундов переговоров, длившихся несколько лет. В чем причины столь долгого переговорного процесса, и каковы будут последствия для Алжира от более тесного сотрудничества с Европой, которое охватывает не только торгово-экономическую сферу, но и вопросы политики и безопасности, соблюдения прав человека и культурного развития?

В рамках данной статьи автор надеется отметить как позитивные, так и негативные стороны процесса постепенной интеграции Алжира в современный международный политико-экономический контекст, а также показать реакцию некоторых слоев алжирского общества на грядущие серьезные перемены в стране.

Алжир, представляя собой одну из крупнейших стран региона, обладающую существенными природными ресурсами, не имеет на сегодняшний день ни стабильной политической, ни экономической обстановки. Сложная внутриполитическая ситуация стремительно обостряется с приближением парламентских выборов, которые, согласно закону, должны состояться летом 2002 г. Все возрастающее недовольство проводимой в стране политикой, которая не в состоянии решить основные проблемы Алжира (например, обеспечение личной безопасности граждан, урегулирование кабильского вопроса, и в целом берберской проблемы, снижение высокого уровня безработицы, роста цен), проявляется в форме стихийных массовых демонстраций и митингов, забастовок государственных служащих. Это является также свидетельством того, что доверие населения к власти снижается. В экономической сфере отсутствие последовательных реформ, направленных на диверсификацию промышленного производства и отхода от монотоварной структуры экспорта, делает государство заложником мировых цен на углеводородное сырье. Необходимость структурных изменений в экономике, развитие собственной

обрабатывающей промышленности, поддержка местных сельскохозяйственных производителей, реформы правовой и финансовой систем, формирование квалифицированных кадров – все эти вопросы, требующие решения уже сегодня, нуждаются в высокопрофессиональном, комплексном подходе и серьезных инвестициях. К сожалению, внутренние источники финансирования программ социально-экономического развития являются недостаточными для эффективного решения всех вышеперечисленных задач, а растущая социальная напряженность еще более усугубляет ситуацию.

В этих условиях вполне естественным и прагматичным шагом является стремление Алжира к более тесной региональной интеграции в рамках Барселонского процесса. Современный этап отношений между Севером и Югом Средиземноморья имеет своей основной целью оказание помощи и содействия со стороны ЕС в социально-экономическом развитии на взаимовыгодных условиях для укрепления стабильности, безопасности и развития демократических институтов во всем регионе. Поэтому одним из приоритетных направлений внешней политики Алжира являются развитие и укрепление всесторонних контактов с Европой, стремление скорейшего подписания и вступления в силу договора об ассоциированном членстве в ЕС.

Европейский Союз является основным торгово-экономическим партнером Алжира. Подавляющее большинство алжирского экспорта направляется на европейский рынок, а основная часть импортных товаров поступает из Европы. По данным Еврокомиссии за 1999 год, около 67,8% от общего объема экспорта Алжира было реализовано на рынке ЕС, причем импорт из Европы составил 58,5% от всех иностранных товаров, ввезенных в страну[2]. К 2001 г. произошло небольшое сокращение относительного показателя объема экспорта, который, по официальным данным, был зафиксирован на уровне 64,52%, однако, импорт из Европы вырос и достиг в относительном выражении 59,39%[3]. Эти данные сами по себе не дают нам возможности оценить, насколько экономика Алжира, крупнейшего экспортера нефти, находится в зависимости от мировой конъюнктуры цен на энергоносители. Однако если мы обратим внимание на *структуру* экспорта, то увидим, что 95% его общего объема приходится на нефть и природный газ[4]. Этот факт свидетельствует о чрезвычайно уязвимом положении страны как в экономическом, так и в социальном плане, поскольку доходы от экспорта энергоносителей формируют 30% ВВП и 60% национального бюджета[5]. Сельское хозяйство и ненефтяная промышленность находятся на сегодняшний день в состоянии стагнации, несмотря на меры, предпринятые по реформированию этих отраслей. Поэтому основными статьями импорта из ЕС попрежнему являются машины и оборудование, сельскохозяйственная продукция, включая молоко и молочные продукты, корма для животных[6]. С целью устранения подобных диспропорций в экономической

структуре и повышения конкурентоспособности страны на мировом рынке Алжир принял решение о постепенной политико-экономической интеграции с ЕС в рамках Средиземноморского сотрудничества. Для реализации этой задачи Алжиру пришлось предпринять ряд серьезных усилий по подготовке к подписанию основного документа, институционализирующего подобное сотрудничество, договора об ассоциированном членстве в ЕС.

Начало переговорам с ЕС было положено в марте 1997 г., однако они были заморожены по инициативе алжирской стороны вплоть до июня 2000 г. по причинам внутриполитического характера, а также из-за невозможности выполнить требования Европейского Союза о либерализации внешней торговли и вступления в ВТО. Весной 2000 г. произошла относительная стабилизация положения в Алжире, переговорный процесс возобновился, и начались консультации на уровне экспертов. На настоящий момент основная работа по подготовке к подписанию соглашения практически завершена, а кульминацией длительного переговорного процесса явилось *парафирование* договора об ассоциации с ЕС 19 декабря 2001 г. в бельгийской столице.

Как и большинство подобных договоров, соглашение с Алжиром состоит из нескольких частей: политика, экономика, финансы, право, социальные и культурные вопросы. Стоит особо подчеркнуть, что в текст документа были дополнительно включены статьи, обязывающие стороны сотрудничать по вопросам борьбы с терроризмом, разветвленными сетями его поддержки, оказывать содействие по уничтожению источников его финансирования, а также выполнять резолюцию 1373 Совета Безопасности ООН[7], принятую сразу после террористических атак на ряд американских городов в сентябре 2001 г. Факт официального признания Евросоюзом растущей угрозы терроризма не только в региональном, но и в глобальном масштабе для алжирской стороны представляет особую важность. Алжир за последнее десятилетие столкнулся с небывалым подъемом исламского фундаментализма. Организации исламского толка используют в своей практике террор, жертвами которого становятся мирные жители и граждане иностранных государств. На территории страны действуют несколько незаконных исламских группировок. Так, в списке из 11 международных террористических организаций, названных Дж.Бушем, которые были объявлены целью антитеррористической борьбы, две являются алжирскими. Поэтому координация совместных с ЕС усилий, направленных на обеспечение безопасности в регионе, должна, как это зафиксировано в договоре, содействовать решению одной из самых острых проблем Алжира – борьбе с терроризмом, самостоятельно справиться с которым не представляется возможным.

Принципиально важным отличием договора об ассоциированном членстве от аналогичных соглашений, заключенных Тунисом и Марокко, является облегчение процедуры получения виз и признание

важности алжирской диаспоры, проживающей на территории Европы. Отныне бизнесменам, деятелям культуры, а также родственникам проживающих в ЕС алжирцев будет гораздо проще совершать как деловые, так и частные визиты[9].

Во всех договорах, заключенных в рамках Барселонского процесса со странами Юга Средиземноморья, особое внимание уделяется уважению сторонами принципов демократии, прав человека и политических свобод. Без этого, по мнению ЕС, невозможно развитие в направлении открытого общества и рыночной экономики, а именно эти цели ставят перед собой ассоциированные страны. Европейский парламент, а также некоторые неправительственные организации, наблюдающие за соблюдением прав человека, неоднократно призывали алжирскую сторону к скорейшему решению кабильской проблемы. В мае 2001 г. депутаты Европарламента на своем пленарном заседании приняли резолюцию, в тексте которой выражается «острая обеспокоенность большим количеством алжирских граждан, убитых силами правопорядка во время демонстраций, которые имели место в Кабилии»[10] весной того года[11]. Через некоторое время Европарламентом были созданы 2 комиссии (президентская и парламентская) по расследованию данной ситуации. ЕС рекомендовал алжирской стороне воздержаться от проявления насилия во всех его формах и принять соответствующие меры для того, чтобы виновные в жертвах среди мирного населения были наказаны. Подобное заявление можно рассматривать в качестве своего рода предупреждения о возможном приостановлении сотрудничества, поскольку Европейский Союз оставляет за собой это право в случае серьезных нарушений ассоциированным государством демократических прав и свобод. В качестве примера можно привести требование международных неправительственных организаций «серьезно пересмотреть программу сотрудничества с Тунисом»[12]. В этой стране права человека и общественные свободы оказались просто «высмеяны после того, как президент Бен Али решил баллотироваться на высший пост в государстве третий раз подряд, и где политические оппоненты подвергаются преследованиям»[13].

В ситуации с Алжиром ЕС обращает внимание не только на несоблюдение прав человека, но и на крайне неблагоприятное состояние дел в социальной и экономической сферах. По данным Еврокомиссии, около 22,6% населения живет за чертой бедности, а уровень безработицы достиг в 2000 г. 30% трудоспособного населения[14]. Нам представляется, что корни кризиса, возникшего вследствие кабильских выступлений, находятся не только и не столько в культурных и языковых отличиях берберов, а в целом комплексе нерешенных проблем, прежде всего экономического характера. Было бы, скорее всего, неверно усматривать прямую зависимость между слабым состоянием дел в экономике Алжира и ухудшающейся общественно-политической

ситуацией, усугубляющейся возрастающей активностью террористов[15], приводящей к общей нестабильности Средиземноморского региона. Однако определенная корреляция, безусловно, существует. Поэтому особое внимание в договоре об ассоциации уделяется экономическому характеру взаимоотношений, шагам по оздоровлению системы хозяйства Алжира и росту показателей производства.

Стоит отметить, что договор об ассоциированном членстве является своего рода результатом эволюции торгово-экономических отношений между Алжиром и ЕС за последние 25 лет. Дело в том, что так называемое Соглашение о сотрудничестве между сторонами было подписано еще в 1976 г. В Соглашении основное внимание уделялось торгово-экономическим отношениям, которые обеспечивали относительно свободный доступ алжирской промышленной продукции на европейский рынок, а также предоставляли определенные льготы для ряда экспортируемых в Европу сельскохозяйственных товаров[16]. Тем не менее аграрный экспорт был ограничен с целью защиты аналогичной продукции стран-членов ЕС.

Одной из главных задач экономического сотрудничества в рамках договора, который должен быть подписан не позднее июня 2002 г.[17], является создание зоны свободной торговли (ЗСТ) для промышленных товаров в течение 15 лет[18] при поэтапном снижении таможенных тарифов. Первый этап предусматривает постепенную отмену пошлин для первичного сырья и полуфабрикатов. На втором этапе уменьшение тарифов коснется оборудования для промышленности, а на заключительном, третьем этапе, предполагается снижение пошлин на конечную продукцию[19]. В том, что касается продукции аграрного производства, то с момента вступления в силу договора об ассоциации сельскохозяйственные льготы, по договору от 1976 г., будут отменены, однако, доступ на европейский рынок товаров, являющихся «традиционными в торговле между Алжиром и ЕС, таких как финики, зерно, молоко, сливочное масло и продукция рыболовства, будет облегчен»[20].

Правительство надеется, что в результате заключения договора с ЕС страна станет более привлекательна как для национальных, так и для иностранных инвесторов. Алжирский министр финансов М.Мурад Меделси заявил, что «подписание договора является гарантией безопасности *[инвестиций – прим. автора]*»[21] и сигналом для активизации внешнеэкономической деятельности. Говоря о возможных негативных последствиях и потерях для национальной экономики в результате реализации договора, министр торговли, М.Хамид Темар заверил, что «мы *[алжирцы]* выигрываем больше, чем теряем. Мы теряем устаревшую экономику, а получаем интеграцию нашей экономики в один из самых развитых регионов мира. Теперь все зависит от нас»[22]. Тем не менее постепенное снижение таможенных тарифов для промышленных товаров и продукции машиностроения, которое, согласно договору, будет осуществляться в три этапа, по-

видимому, неоднозначно скажется на развитии индустриального сектора алжирской экономики. Некоторые пункты договора вызывают серьезные опасения у представителей промышленной элиты, и, в первую очередь, это касается вопросов защиты национального внутреннего рынка от европейских конкурентов. Одним из главных просчетов правительства, по мнению участников Форума глав промышленных предприятий Алжира, обсуждавших соглашение, является открытие рынка для иностранных товаров уже с 1 января 2002 г. Они также указали на очень низкий уровень импортных тарифов, установленный в размере 30%[23]. В аналогичной ситуации Тунис и Марокко установили пошлины, защищающие свои внутренние рынки на уровне 100–120%[24], что делало национального производителя гораздо более конкурентоспособным и предоставляло некий временной лаг для адаптации экономических субъектов к постепенной отмене протекционистских мер.

К сожалению, при современной ситуации в алжирской промышленности предприятия не в состоянии ни по ценовым, ни по качественным характеристикам противостоять крупным иностранным компаниям, пришедшим на рынок; а низкий уровень тарифов делает импорт сравнительно дешевым и широко доступным, что губительно сказывается на развитии национального производителя. По мнению Р.Хамиами, вице-президента Форума глав промышленных предприятий, договор об ассоциации с ЕС хотя и является своевременным и необходимым для Алжира, тем не менее его вступление в силу приведет к дополнительному росту безработицы в реальном секторе, а в результате захвата рынка импортными товарами, вследствие низких таможенных тарифов, единственным доходным ресурсом экономики будет и впредь оставаться нефть[25]. В этом случае правительству не только не удастся повысить конкурентоспособность алжирских предприятий, но это приведет к еще большему обострению кризиса в алжирской экономике. Неспособность продукции промышленного производства конкурировать с европейскими товарами на национальном рынке красноречиво свидетельствует об отсутствии возможности эффективного экспорта на рынок международный. Алжирская промышленность «не соответствует ни уровню, ни международным нормам по вопросам качества <…> Сравнение стоимости алжирских и европейских товаров показывает, что наша продукция является дороже. <…> Мы производим плохо и дорого»[26], – так заявил Р.Хамиами, отвечая на вопросы, связанные с перспективами развития экономики, после подписания договора об ассоциации с ЕС. Поэтому открытие рынка для иностранных товаров, скорее всего, разорит значительное число алжирских предприятий, однако подобные последствия в первую очередь затронут неэффективных собственников, которым и при государственном протекционизме не удалось создать конкурентоспособную продукцию.

По мнению сторонников реализации договора с ЕС, открытие рынка и конкуренция будут стимулировать улучшение качества и развитие рентабельных отраслей промышленности. Однако только открытие рынка не является залогом долгосрочного роста, и представляется недостаточным условием развития. По словам бывшего министра финансов, профессора А.Бенашенху, Алжиру «нужно производить больше, лучше и иную номенклатуру товаров»[27]. Вполне естественно, что для осуществления этих целей экономика нуждается в крупных долгосрочных инвестициях. Особую обеспокоенность вызывает то, что основная часть производственных фондов задействована в промышленности уже более 20 лет, а к 2010 г., по расчетам алжирских экономистов, будет полностью изношена. В договоре об ассоциации говорится о поддержке деятельности, направленной на привлечение прямых иностранных инвестиций, а также на модернизацию и реструктуризацию промышленности.

Помимо структурных изменений в экономике, Алжиру необходимо улучшить общий инвестиционный климат, повысить привлекательность для иностранного капитала, что напрямую связано с обеспечением гарантии внутриполитической стабильности и правовой защиты внешнеэкономической деятельности. Показательно, что большую заинтересованность инвесторы проявляют к таким странам Магриба, как Тунис и Марокко, поскольку на практике они смогли убедиться в возможности совместного сотрудничества на долгосрочной основе. За прошедшее десятилетие Алжиру удалось привлечь около 28 млн. долл. инвестиций, в то время как в Тунис пришло в 12, а в Марокко – в 14 раз больше средств[28]. Тем не менее, несмотря на сравнительные успехи североафриканских экономик, относительный показатель прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страны Магриба остается на невысоком уровне. На долю Марокко, Туниса и Египта в общей сложности приходится около 1,5% общемирового объема, еще 1% делят между собой остальные страны Африки, в том числе и Алжир[29]. В ближайшее время изменить ситуацию, в которой 75% ПИИ распределяется между странами Европы, Канадой и США[30], скорее всего, не удастся ни одной из стран Юга Средиземноморья. Таким образом, Алжиру в кратко- и среднесрочной перспективе приходится надеяться на финансовую *помощь* со стороны ЕС в рамках предусмотренной договором об ассоциации программы MEDA, основного финансового инструмента сотрудничества. Согласно MEDA, Европейский Союз выделяет 140 миллионов евро на период 2002–2004 гг. для осуществления реформ в экономической области, в сфере транспорта и образования, а также окружающей среды[31]. Особую важность ЕС придает проектам по развитию экономической инфраструктуры и созданию предприятий малого бизнеса.

Возвращаясь к вопросу о привлечении иностранных инвестиций, в Алжире нельзя не заметить произошедшего в последнее время некоторого сдвига в сторону увеличения числа проектов с участием ино-

странного капитала. Оживление внешнеэкономической деятельности связано, по данным ЕС, с проводившейся совместно с МВФ програм-

мой структурных реформ в 1994–98 гг., а также с увеличением в 1999 г. мировых цен на энергоносители[32]. В результате этого «инфляция уменьшилась с 28,6% в 1995 г. до 0,3% в 2000 г., обслуживание внешнего долга, которое обходилось стране в 1998 г. в 44,8% экспортной выручки, в 2000 г. составляло 20,9%»[33]. Однако общая динамика роста несколько замедлилась: если его среднегодовой показатель за период 1995–99 гг. был на уровне 3,3%, то в 2000 г. опустился до отметки в 2,4%[34]. Тем не менее относительное замедление роста экономики и нерешенные проблемы в социальной сфере, которые дестабилизируют ситуацию в стране, не смущают некоторых крупных стратегических инвесторов, в первую очередь в области нефтедобычи. На алжирском рынке представлены крупнейшие мировые компании нефтегазового сектора, такие как Anadarco, British Petroleum, Rapsol, Cepsa, которые, несмотря на неблагоприятную внутриполитическую обстановку, продолжают работать и получать прибыль. Некоторые западные эксперты выражают уверенность, что «большую опасность террористы представляют для туристов, а не для нефтедобывающего бизнеса»[35]. Президент крупной нефтяной компании BP Amoco Algeria Майкл Т.Хеффнер, говоря о трудностях на пути инвестирования в Алжире, не сомневается, что «любые риски, с которыми нам приходится сталкиваться, являются управляемыми. … Это подтверждается желанием иностранных бизнесменов работать не только в нефтегазовой сфере»[36]. Доказательством этому является решение французского концерна Danone учредить совместное с крупнейшей алжирской молочной компанией Djurdjura предприятие по производству молока и йогурта. Этот проект предусматривает использование мощностей компании Djurdjura, которой будет принадлежать 49% капитала предприятия, у Danone будет на 2% больше[37]. Такая компания, как Yahiaoui, производящая молочную продукцию под маркой Yoplait, также приступила к работе на алжирском рынке. Помимо инвестиций в производственный сектор, в Алжире реализуется несколько проектов в области связи и телекоммуникаций.

Особо хотелось бы отметить, что для Алжира иностранные инвестиции важны не только с точки зрения улучшения макроэкономических показателей и общего оздоровления экономики, но и с точки зрения получения новых знаний и технологий, которые в современную эпоху становятся основными составляющими роста. Новые методы управления, анализа рынка, оперативная работа с современными средствами коммуникации нередко требуют повышения квалификации современных работников, а в некоторых случаях и дополнительного образования. Поэтому Евросоюз в рамках программы MEDA разработал проект реформирования алжирской системы профессионального образования, общей стоимостью 50 миллионов евро[38]. В целом сотрудничество с ЕС предполагает координацию совместных усилий по всем основным направлениям социально-экономического

развития Алжира, начиная от экономики и финансов, и заканчивая вопросами образования и культуры.

В заключение нам хотелось бы обратить внимание на тот факт, что завершение переговоров об ассоциированном членстве Алжира в ЕС является крупным внешнеполитическим успехом государства, последнее десятилетие которого было отмечено тяжелой внутренней ситуацией, сопровождающейся гражданской войной и вспышками террора. В политическом плане парафирование договора свидетельствует о начале выхода Алжира из международной изоляции и о его стремлении сотрудничать в решении вопросов регионального характера и, прежде всего, в сфере обеспечения безопасности Средиземноморья. Экономический аспект взаимоотношений с ЕС предполагает увеличение прямых иностранных инвестиций, создание здоровой финансовой инфраструктуры, развитие и реализацию взаимовыгодных совместных проектов, с передачей современных знаний и технологий.

Европейский Союз, парафируя договор, демонстрирует свое позитивное отношение к такому партнеру, как Алжир, и надеется на постепенную политико-экономическую интеграцию государства в рамках Барселонского процесса. Тем не менее одним из главных требований ЕС является внутренняя стабильность и соблюдение основных демократических прав и свобод человека, нарушение которых сможет серьезно осложнить намечающееся широкомасштабное сотрудничество. Для Алжира ассоциированное членство в Евросоюзе должно стать своего рода стимулом для решения вопросов социально-экономического развития и сигналом мировому экономическому сообществу о складывающихся благоприятных условиях для инвестирования и развития производства. Поэтому скорейшее подписание обеими заинтересованными сторонами договора позволит сделать еще один шаг на пути осуществления главной цели сотрудничества, а именно – создания единого, процветающего и стабильного Средиземноморского пространства.

[1] Тунис – первое государство Юга Средиземноморья, подписавшее в июле 1995 г. с ЕС подобное соглашение (вступило в силу в 1998 г.). В случае с Марокко подписание состоялось в феврале 1996 г. (подписанный договор вступил в силу в 2000 г.).

[2] Euro-Mediterranean Partnership. 5 years of Partnership – 25 years of Cooperation. European Commission, External Relations DG (unit F. 3), December 2000, с. 3.

[3] El Moudjahid, El-Djazair, 20.03.2002.

[4] Euro-Mediterranean Partnership. Five years of Partnership – 25 years of Cooperation. European Commission, External Relations DG (unit F. 3), December 2000, с. 3.

[5] Euro-Mediterranean Partnership. 5 years of Partnership – 25 years of Cooperation. European Commission, External Relations DG (unit F. 3), December 2000, с. 3.

[6] El Moudjahid, 20.03.2002.

[7] El Watan, El-Djazair, 20.12.2001.

[8] EL Moudjahid, 25.09.2001.

[9] El Watan, 20.12.2001.

[10] El Watan, 18–19.05.2001.

[11] Весной 2001 г. в Алжире проходили многочисленные демонстрации и митинги, участники которых требовали признания уникальности берберской культуры, а также придания кабильскому языку статуса официального. Эти события были названы алжирской «Кабильской весной».

[12] El Watan, 19.12.2001.

[13] Там же.

[14] Commission de l'UE. Algérie, document de stratégie 2002–2006 et PIN 2002–2004. Цит. по: El Watan, 20.03.2002.

[15] Стоит особо подчеркнуть, что в Алжире проблема исламского терроризма никак не связана с кабильской (берберской) проблемой. Берберское движение использует легальные методы действия, в то время как исламисты – террористические (закладка бомб в густонаселенных кварталах, расстрелы заложников, убийства иностранных граждан и т.д.). Тем не менее и берберское движение ради достижения некоторых целей может прибегнуть к насилию.

[16] В первую очередь речь шла об оливковом масле, экспорт которого на рынок ЕС вызвал недовольство европейских производителей.

[17] Liberté économie, El-Djazair, № 163, 20–26 février 2002.

[18] El Moudjahid, 8.01.2002.

[19] Liberté, El-Djazair, 18.12.2001.

[20] Liberté, 18.12.2001.

[21] El Watan, 28–29.12.2001.

[22] Там же.

[23] Liberté économie, № 163, 20–26 février 2002.

[24] Ibid.

[25] Ibid.

[26] Ibid.

[27] El Watan, 14.11.2001.

[28] El Watan, 22.08.2001.

[29] Liberté économie, № 163, 20–26 février 2002.

[30] Ibid.

[31] El Watan, 19.11.2001.

[32] Commission de l'UE. Algérie, document de stratégie 2002–2006 et PIN 2002–2004. Цит. по: El Watan, 20.03.2002.

[33] Ibid.

[34] Ibid.

[35] El Watan, 8.07.2001.

[36] El Watan, 16.04.2001.

[37] Liberté, 19.11.2001.

[38] El Watan, 19.11.2001.

М.А.Новгородова

АРАБСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БОЙКОТ ИЗРАИЛЯ: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СТОРОН

Первоначальной целью арабского экономического бойкота, провозглашенного Лигой арабских государств в декабре 1945 г. и вступившего в силу 1 января 1946 г., признавался «подрыв еврейского сектора экономики путем саботирования торговых отношений с ним»[1]. В некоторых источниках, посвященных исследованию данного вопроса, встречаются также следующие определения задач бойкота: «предотвращение создания еврейского государства на территории Палестины»[2]; позднее – «экономический коллапс государства Израиль в качестве доказательства его нежизнеспособности»[3] и т.п. В дальнейшем содержание бойкота приобрело более конкретные формы, включив в себя запрет на пользование Суэцким каналом (вплоть до 1979 г.) судам, принадлежащим Израилю либо перевозящим груз израильского происхождения; внесение в «черный список» фирм, сотрудничающих с Израилем и т.п. В вышедшей в 1961 г. книге «Основные положения арабского бойкота» он подавался в качестве защитной меры, принятой странами-членами Лиги арабских государств в целях обеспечения экономической безопасности региона. В начале 70-х гг. одной из основных задач бойкота было объявлено восстановление «статус-кво» на оккупированных Израилем арабских территориях.

Сразу же после вступления в силу резолюции ЛАГ о бойкоте Еврейское Агентство направило протест в Организацию Объединенных Наций, в котором отмечалось, что действия Лиги арабских государств противоречат основным принципам ООН и являются неправомерными. Несмотря на то, что арабский экономический бойкот в отношении Израиля не был одобрен Генеральной Ассамблеей, тем не менее в феврале 1946 г. ЛАГ приступила к формированию специального Комитета по бойкоту со штаб-квартирой в Каире. В задачи комитета входила разработка мер по обеспечению выполнения положений Резолюции 1945 г., среди которых, в частности, было введение строгих ограничений на импорт продукции еврейского сектора Палестины и на экспорт товаров, необходимых для развития израильской промышленности. Происхождение товаров планировалось контролировать путем внедрения системы сертификации и импортных лицензий.

Вскоре отдельными арабскими государствами была выработана закрепленная законодательством процедура, запрещающая ввоз

израильской продукции, и определен порядок санкций, применимых к нарушителям положений о бойкоте. Так, в Сирии они могли быть подвержены (в зависимости от степени «неподчинения» и др.) различным видам наказаний, начиная от штрафа с последующим внесением в «черный список» и заканчивая тюремным заключением. В Ливане, к примеру, возможный срок заключения составлял 15 лет при первичном нарушении Положения о бойкоте, а при повторном мог быть увеличен вплоть до пожизненного[4].

Основными формами бойкота Израиля являлся отказ от прямого сотрудничества с ним (так называемый «первостепенный» бойкот) стран-членов Лиги арабских государств, призывавших и другие страны присоединиться к бойкоту («второстепенный» бойкот). Помимо этого, ЛАГ наложила запрет на инвестиции в израильскую экономику и всячески пыталась создать как можно больше препятствий на пути импорта Израилем сырья из стран региона. В «черный список» организации вносились, в том числе, и западные компании, сотрудничающие с Израилем.

К середине 50-х гг. арабский экономический бойкот превратился в отлаженный механизм. В 1954 г. ЛАГ был одобрен Закон об экономическом бойкоте Израиля, в котором были уточнены некоторые положения резолюции 1945 г., касающиеся содержания бойкота. Помимо запрета на непосредственные торговые контакты с Израилем, благодаря чему, по мнению представителей стран-членов Лиги, он, лишившись ближайших рынков сбыта местной продукции и закупки сырья, будет вынужден осуществлять торговлю на менее выгодных для него условиях. В этих же целях, а также в целях «урезания» сотрудничества Израиля и его торговых партнеров правительствам арабских государств предписывалось отказывать иностранным фирмам, торгующим с Израилем или имеющим там представительства своих компаний, в установлении и поддержании деловых связей; а администрациям морских и аэропортов было отдано распоряжение о недопущении пребывания иностранных морских и воздушных судов, следовавших через Израиль, на территории стран-членов ЛАГ.

Как известно, Израилю все же удавалось несколько ослабить действие арабского экономического бойкота в отношении него путем налаживания торговли через третьи страны, а именно – через Кипр, Грецию и Турцию. Не отказывали в поддержке и страны Запада – в первую очередь, США, Великобритания, Франция, страны Бенилюкса и др., в разное время принявшие антибойкотное законодательство.

Шестидневная война 1967 г. несколько ослабила влияние арабского бойкота, поскольку Израиль смог воспользоваться рынками оккупированных территорий Западного берега р. Иордан и Сектора Газы – как в качестве рынка сбыта израильских товаров[5], так и в качестве источника трудовых ресурсов и производственных площадей для выпуска израильской продукции, предназначавшейся для дальнейшего вывоза в страны Персидского залива. Помимо этого, в результате

вступления в силу «политики открытых мостов» между Восточным и Западным берегом р. Иордан Израиль получил возможность импортировать некоторые виды сырья (в частности, кожу и зерновые) по ценам, более выгодным, нежели на мировых рынках.

Нефтяной кризис 1973 г. привел к быстрому накоплению валютных средств на счетах арабских государств-экспортеров нефти, следовательно, к расширению торговли с западными странами и росту числа инвестиционных проектов. В этот же период усиливается т.н. «второстепенный» бойкот Израиля. В феврале 1975 г. Лига арабских государств одобрила резолюцию об ужесточении мер по реализации бойкота. Был опубликован очередной «черный список», на этот раз включавший в себя 14 всемирно известных банков Великобритании, США, Бельгии, Франции, Германии, Швейцарии и Канады, и введен запрет финансовым учреждениям арабских государств на осуществление операций с ними[6]. К концу 70-х гг. в «черном списке» ЛАГ находилось порядка 2 тыс. западноевропейских компаний.

При этом следует заметить, что даже в «период расцвета» политики арабского бойкота Израиля далеко не все члены ЛАГ в полной мере выполняли предписания Лиги. До конца 70-х гг. Алжир, Марокко, Мавритания, Сомали, Судан и Тунис осуществляли в отношении Израиля лишь «первостепенный» бойкот, в то время как Ирак, Иордания, Йемен, Катар, Кувейт, Ливия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия и Сирия соблюдали его на всех уровнях – по крайней мере, официально[7]. Иордания, как уже было сказано, с 1967 г. вела торговлю с Израилем в соответствии с политикой «открытых мостов», а после 1975 г. к ней присоединился и Ливан. Что касается прочих исламских стран (либо тех, где имеется влиятельное исламское меньшинство), арабский экономический бойкот поддерживали Бангладеш, Индия, Мали, Пакистан и Уганда[8].

Подписание в сентябре 1978 г. Кэмп-Дэвидских соглашений между Израилем и Египтом и последующее заключение мирного договора в марте 1979 г. повлекло за собой отказ египетской стороны от дальнейшего участия в арабском экономическом бойкоте Израиля, официально закрепленный правительством Египта в феврале 1980 г.

В ответ на действия последнего на саммите арабских государств, проходившем в марте 1979 г. в Багдаде, было предложено применить экономические санкции в отношении теперь уже бывшего участника арабского бойкота и внести в «черный список» египетские компании, ведущие торговлю с Израилем. Решение саммита было претворено в жизнь и осуществлялось вплоть до вторичного принятия Египта в члены Лиги арабских государств в 1988 г.

Ввод израильских войск на территорию Ливана в 1982 г. придал новый импульс политике бойкота, поскольку многие западные державы включились в него уже без какого-либо давления со стороны арабских государств, а лишь только в знак протеста против агрессивных

действий Израиля. В результате к 1987 г. 48 стран, 22 из которых являлись членами ЛАГ, так или иначе участвовали в экономическом бойкотировании Израиля. Среди присоединившихся к санкциям оказались Афганистан, Албания, Бразилия, Китай, Куба, Вьетнам, Тайвань и другие, а также страны Восточноевропейского блока.

Палестинское восстание 1987 г. еще более усугубило противостояние Израиля и арабских государств. На встрече представителей стран-членов ЛАГ в июле 1989 г. в Дамаске вновь обсуждались вопросы ограничения торговли Израиля с арабскими государствами через третьи страны. С началом массовой иммиграции в Израиль в конце 80-х – начале 90-х гг. граждан из СССР Лигой было принято решение о применении санкций в отношении организаций и компаний, оказывающих содействие новым репатриантам, включая транспортные фирмы, а также предприятия-поставщики строительных материалов для будущих поселений иммигрантов[9].

Разразившийся в начале 90-х гг. кризис в Персидском заливе оказал значительное влияние на американо-арабские и арабо-израильские отношения.

Соединенные Штаты потребовали от арабских государств отмены бойкота Израиля, что, однако, не помешало странам-членам ЛАГ во время очередной встречи весной 1991 г. в Дамаске принять решение о расширении «черного списка» компаний, сотрудничающих с Израилем, еще на 110 пунктов[10].

Тем не менее мирный процесс на Ближнем Востоке вступил в очередную фазу, что позволило Израилю при посредничестве Соединенных Штатов добиться некоторого ослабления действия арабского экономического бойкота. В июле 1991 г. Совет сотрудничества государств Персидского залива принял решение о разрешении поставок Израилю нефтепродуктов. Власти Кувейта заявили о прекращении в отношении Израиля действия «второстепенного» бойкота, по крайней мере, в сфере сотрудничества с американскими компаниями. В ходе встречи представителей США и Саудовской Аравии было высказано намерение последней отказаться от бойкотирования израильской продукции при условии прекращения строительства новых поселений на палестинских территориях. Похожие заявления поступили от представителей Объединенных Арабских Эмиратов и Омана[11].

В феврале 1993 г. шесть государств Персидского залива – Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия – пришли к соглашению о значительном сокращении числа западных компаний, прежде внесенных в «черный список». При этом, согласно информации Департамента внешней торговли США, Кувейт и Саудовская Аравия, несмотря на сделанные ранее заявления, продолжали вести политику «второстепенного» бойкота. Так, до 50% ограничений на осуществление экспортно-импортных операций с Израилем и странами, сотрудничающими с ним, исходило от указанных двух госу-

дарств[12], правительства которых вместе с прочими членами Лиги арабских государств заявляли, что действие арабского экономического бойкота может быть приостановлено только в случае соблюдения гражданских прав палестинцев[13]. И лишь после подписания в сентябре 1993 г. израильско-палестинской Декларации о принципах сотрудничества вышеупомянутые шесть государств Персидского залива подтвердили свое решение о прекращении «косвенного» бойкотирования Израиля.

27 октября 1994 г. Иордания и Израиль подписали мирный договор, предусматривающий установление и поддержание полновесных экономических и политических отношений между двумя странами. Год спустя иорданский парламент большинством голосов (из 80 его членов 51 проголосовал «за», 21 – «против», 8 не голосовали вообще)[14] отменил действие законодательства о бойкотировании Израиля. В дальнейшем примеру Иордании последовал Оман, в январе 1996 г. отменивший действие «первостепенного» бойкота; годом позже – Катар. Таким образом, к концу 90-х гг. 14 арабских государств (включая, кроме уже упомянутых, Марокко, Мавританию и др.) встали на путь установления полноценных экономических отношений с Израилем. Среди стран, продолжавших вести рестрикционную политику в отношении последнего, оставались Сирия, Ливан, Ирак, Судан и Ливия.

Попытки оценить эффективность арабского бойкота в отношении Израиля предпринимались неоднократно как в течение практически 50 лет его действия, так и после[15]. Если брать в расчет первоначальные задачи бойкота (см. начало раздела), касающиеся недопущения создания, а позднее – ликвидации молодого государства Израиль, становится очевидным полный провал данной политики. Если рассматривать эффективность бойкота как способность его инициаторов осуществлять объявленные санкции, а также как возможность страны, против которой они направлены, теми или иными способами преодолевать их, то в этом случае ясно, что Израилю, несмотря на многочисленные призывы Лиги арабских государств к третьим странам присоединиться к бойкоту, путем переговоров с ведущими западными державами и рядом других стран все же удавалось вести торговлю с различными государствами, включая членов Лиги арабских государств-инициаторов бойкота против Израиля.

Так, израильские товары успешно экспортировались на рынки арабских государств через Кипр, Турцию и Грецию; после 1967 г. – через Иорданию; после 1975 г. – через Ливан, а после подписания в 1979 г. мирного договора с Египтом и отмены в 1980 г. «первостепенного» бойкота Израиля – через территорию Египта. По данным «Time Magazine», в 1968 г. объем экспорта израильской продукции через Иорданию составлял 10,4 млн. долл., в 1971 г. – 20 млн. долл., а десятилетие спустя – уже 75,2 млн. долл.[16] Значительная часть вывозимой таким образом продукции поставлялась затем в Ливан и страны Персидского залива, что дало повод Сирии заявить об отказе закупать то-

вары у Иордании, мотивируя это тем, что они на самом деле произведены в Израиле, либо с использованием израильских комплектующих.

С 1975 г. Израиль открыл для себя новый канал сбыта собственной продукции в Сирию и другие арабские страны – через Южный Ливан. К началу 80-х гг. объем транзитной торговли в данном направлении составлял порядка 100 млн. долл. ежегодно[17]. Годовые показатели взаимной торговли Израиля и Египта (без учета поставок нефти) после подписания ими мирного договора составляли 2 млн. долл. по официальным каналам и 18 млн. долл. – по неучтенным[18].

По некоторым данным, ежегодно от 5 до 10% израильского экспорта (в сумме порядка 10 млрд. долл.), представлявшего собой, в основном, поставки продовольствия, текстиля, сельскохозяйственной техники и медикаментов, направлялось в арабские государства. От 10 до 20% поставок сельскохозяйственной техники (главным образом ирригационного оборудования) поступало в Иорданию, Саудовскую Аравию и другие арабские государства.

Ежегодный масштаб торговли Израиля со странами Персидского залива оценивался в начале 80-х гг. в 500 млн. долл.[19]

К началу 90-х гг. экспорт Израиля в арабские страны достиг, по разным оценкам, 0,5 млрд. долл. – 1 млрд. долл., или 5–10% всего израильского экспорта[20]. По данным МИД Катара, в 1996 г. Израиль вывез в страны Персидского залива через Кипр продукции на сумму 2 млрд. долл.

Немаловажным фактором роста числа поставок израильской продукции арабским странам являлось то, что, будучи привлекательной по соотношению цена-качество, сельскохозяйственная и промышленная продукция Израиля могла быть доставлена в достаточно сжатые сроки и по сравнительно низкой стоимости. В то же время экспорт арабских стран в Израиль оставался незначительным. Единственным исключением из этого правила являлись поставки египетской нефти в 1979–1989 гг., оценивавшиеся в 3,9 млрд. долл.[21]

Таким образом, нельзя однозначно утверждать, что арабский экономический бойкот нанес существенный ущерб израильской экономике. Более того, некоторые исследователи данного феномена считают, что в какой-то степени введение санкций в отношении Израиля пошло тому на пользу, если учесть, что ввиду сложностей экспорта национальной продукции в соседние страны и в государства ЛАГ и узости внутреннего рынка Израиль был вынужден искать возможности сбыта своей продукции главным образом в странах Западной Европы и Северной Америки. Это, с одной стороны, вело к удорожанию израильских товаров и отрицательно сказывалось на его конкурентоспособности, но с другой – ориентация на насыщенные западные рынки заставляла постепенно повышать требования к внутренним стандартам производства, в результате чего страна могла только выиграть. Арабские же государства, поддерживающие политику бойкота в отношении Израиля, понесли более значимые потери как из-за «утраты» перспективного торгового партнера, так и в связи с сокращением

контактов с компаниями западных стран из-за их отказа присоединиться к осуществлению санкций в отношении Израиля.

Тем не менее с начала 1950-х гг. различными экспертами предпринимались попытки подсчитать возможный ущерб от воздействия арабского бойкота на экономику страны. По информации Федерации торгово-промышленных палат Израиля, за весь срок действия бойкота страна лишилась потенциальных доходов в размере 45 млрд. долл.[22] Согласно западным исследованиям, ежегодные потери Израиля от арабского экономического бойкота составляли от 25–30 до 40 млн. долл.[23]

В середине 70-х гг. министерство иностранных дел Израиля представило собственные расчеты экономических потерь от действия арабского бойкота. В соответствии с опубликованными данными при условии снятия бойкота в 60–70-е гг. Израиль мог бы направлять до 20% своего экспорта в арабские страны, что позитивно сказалось бы на развитии экономик обеих сторон[24].

По оценке министерства финансов, при отсутствии бойкота в отношении Израиля ежегодные показатели экспорта в течение 50–90-х гг. могли быть на 10% выше существующих цифр; при этом экспорт в абсолютном выражении мог приблизиться за эти годы к показателю внешнего долга страны, равного на конец 1992 г. 24 млрд. долл.[25]

Влияние арабского экономического бойкота на показатели внешней торговли Израиля, 1951–1980 гг.,

млн. долл.[26]

	1951–1960 гг.	1961–1972 гг.	1973–1980 гг.
Величина реального экспорта в арабские страны	25,0	69,0	667,0
Величина потенциального импорта из арабских стран	16,0	12,0	127,0

Статистика, предоставляемая арабской стороной, также свидетельствует о значительных экономических потерях Израиля в связи с действием бойкота. По сообщению Лиги арабских государств, они составили порядка 100 млрд. долл., что сопоставимо с суммой в 107 млрд. долл., безвозмездно выделенной стране Соединенными Штатами в течение полувека существования Государства Израиль[27].

Политическая ситуация на Ближнем Востоке, в последнее время по-прежнему оставляющая желать лучшего, не позволяет сделать оптимистический прогноз на будущие взаимоотношения государств региона. С момента нового обострения конфликта между Израилем и Палестиной со стороны отдельных арабских государств вновь зазвучали призывы к бойкоту Израиля. На последнем саммите стран-членов Лиги арабских государств, проходившем в марте 2002 г. в Бейруте, представители ЛАГ вновь

потребовали от Израиля признать независимость Палестинского государства. Выразив поддержку Палестинской национальной автономии, участники саммита (среди которых, надо отметить, не наблюдалось единства в вопросах урегулирования нынешнего конфликта), тем не менее, постарались не идти на открытую конфронтацию с Израилем, что внушает определенную надежду на возобладание здравого смысла в будущих политических и экономических отношениях ближневосточных государств.

[1] Rolef S.H. Israel's Anti – boycott Policy. – Jerusalem, 1989, с. 4.

[2] Chill D. The Arab Boycott of Israel: Economic Aggression and World Reaction. – N.Y., 1976, с. 1.

[3] Al-Hassan O. Economic Sanctions and the Middle East. – L., 1996, с. 2.

[4] Feiler G. From Boycott to Economic Cooperation. The Political Economy of the Arab Boycott of Israel. – L., 1998.

[5] Подробнее об этом см.: Новгородова М. Взаимная торговля Израиля, Палестины и Иордании: прошлое, настоящее, будущее // Ближний Восток и современность. Вып. 9. – М., 2000.

[6] MEED, 16.02.1976, с. 4.

[7] Teslik K. Congress, the Executive Branch, and Special Interests: The American Response to the Arab Boycott of Israel. – Westport, CT, 1982, с. 11.

[8] Feder H. US Companies and the Arab Boycott of Israel. Texas, 1988, с. 10.

[9] MEED, 23.02.1990; Reuters, 18.10.1990.

[10] The Jerusalem Post, 06.05.1991.

[11] Reuters, 17.07.1991; The Jerusalem Post, 08.08.1991.

[12] MEED, Cairo. 08.09.1993

[13] Reuters, 07.04.1994.

[14] Feiler G. From Boycott to Economic Cooperation. – L., 1998, с. 55.

[15] См.: Doxey M. Economic Sanctions and International Enforcement. – L., 1971; Hufbauer G., Schott J. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy. – W., 1990; Sharif A. A Statistical Study on the Arab Boycott of Israel. – Beirut, 1970 и др.

[16] Time Magazine, 19.07.1971, с. 18; Feuler G. Op. cit., с. 120.

[17] Forbes, № 134, 22.10.1984, с. 50.

[18] Feiler G. Scientific and Technical Cooperation between Israel and Egypt: Possibilities and Achievements. – T.-A., 1991, с. 121.

[19] Forbes, 22.10.1984.

[20] Feiler G. From Boycott to Economic Cooperation. – L., 1998, с. 121.

[21] Ha'aretz, 26.04.1991.

[22] Federation of Israeli Chambers of Commerce press release, 05.08.1992.

[23] Feiler G. From Boycott to Economic Cooperation. – L., 1998, с. 279.

[24] Middle East Review. Winter 1975/76, с. 40–42.

[25] Globes, 02.10.1994.

[26] Составлено по: Hufbauer G., Schott J. Economic Sanctions Reconsidered. – W., 1985, с. 183–184.

[27] Feiler G. From Boycott to Economic Cooperation. – L., 1998, с. 282.

М.С.Парменова

ПЕРВЕЗ МУШАРРАФ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ

С момента прихода в октябре 1999 г. к власти в Пакистане генерала Первеза Мушаррафа в прессе стран Южной Азии не прекращались спекуляции по поводу того, как долго ему удастся удерживать в своих руках бразды правления страной. Индийские журналисты, в частности, сходились во мнении, что перспективы долгосрочного и плодотворного руководства страной П.Мушаррафом практически равны нулю[1]. Основные трудности, с которыми должен был столкнуться глава пакистанского государства, можно было, по их словам, разделить на две группы:

– критическая степень поляризации пакистанского общества;

– расцвет «культуры терроризма»[2].

Одновременно индийские аналитики считали, что Пакистан находится на грани национальной катастрофы, вытекающей из религиозной, этнической, экономической и социальной разобщенности местного общества. Эта точка зрения определялась несколькими казавшимися бесспорными постулатами. Речь шла, в первую очередь, о том, что знамя ислама не может сплотить пакистанское общество: противостояние суннитского большинства и шиитского меньшинства, преследование приверженцев секты «Ахмадия»[3] и христиан вызывало постоянные вспышки насилия. Эта мысль дополнялась ссылками на то, что в этническом плане доминирование панджабцев не устраивало синдхов, белуджей и пуштунов. В свою очередь, ситуация в Афганистане способствовала увеличению потока беженцев в соседний Пакистан (по прогнозам некоторых специалистов – до 1 млн. человек[4]) и еще более обостряла его внутренние этнические проблемы. Наконец, индийские аналитики считали, что с экономической и социальной точек зрения пакистанское общество разделено на узкую прослойку очень богатых людей и большинство населения, живущего за чертой бедности.

Факторы, дестабилизирующие пакистанское государство, усугубились, если следовать этой логике рассуждений, после 11 сентября 2001 г., когда Пакистан стал тесно сотрудничать с США в реализации программы военной операции «Свобода без границ». Сближение П.Мушаррафа с американской администрацией вновь дало повод многим журналистам окрестить лидера Пакистана «марионеткой Запада»[5] и пророчить его скорое свержение. Реальная ситуация, однако,

оказалась гораздо сложнее. Первез Мушарраф не только смог удержать в своих руках бразды правления в этот критический для Пакистана период, но и после победоносного завершения антитеррористической операции в Афганистане упрочил свои позиции. Становилось очевидным, что многие факторы, рассматривавшиеся аналитиками в качестве негативных и, казалось бы, содействовавших дестабилизации в Пакистане, напротив, укрепили военную диктатуру.

Прежде всего необходимо рассмотреть такой фактор, как поляризация пакистанского общества. Утверждение, что термин «национальное единство» ни в коей мере нельзя применить к сегодняшнему Пакистану, давно стало общим местом в работах востоковедов-социологов. Поэтому и пакистанская армия сейчас переживает период глубокой разобщенности: там идет борьба за власть между различными кланами и группировками. Это и мешает сплотиться достаточно серьезной оппозиции Мушаррафу, который, кстати, осуществляет глубоко продуманные кадровые перестановки.

За несколько часов до начала ракетно-бомбовой атаки на Афганистан в ночь на 7 октября 2001 г. генерал Первез Мушарраф, провозгласив себя верховным главнокомандующим, отправил в отставку генерал-лейтенанта Махмуда Ахмеда – генерального директора Вневедомственной разведки Пакистана (ВРП), а также генерал-лейтенанта Музаффара Усмани – своего заместителя. Пост генерального директора ВРП занял генерал-лейтенант Эхсан-уль-Хак, а заместителем главнокомандующего стал Юсеф Хан. Повышение коснулось также и Мохаммада Азиза, который, получив генеральское звание, стал председателем объединенного комитета начальников штабов, заняв пост, который П.Мушарраф до этого сохранял за собой.

Все эти назначения и перестановки явились лишь началом цепи последовавших за ними кадровых перемен в пакистанской армии. Рокировка, проведенная П.Мушаррафом, имела следующие цели:

– предотвратить возможный заговор, который, по мнению директора индийского Института тематических исследований Б.Рахмана[6], готовился с целью свержения П.Мушаррафа его ближайшими соратниками – М.Ахмедом, М.Азизом и М.Усмани. Интересная деталь: в то время как Ахмеда и Усмани президент Пакистана просто отправил в отставку, М.Азиз, наоборот, получил повышение, но, став генералом, лишился тем самым непосредственного контроля над какими-либо конкретными армейскими формированиями;

– дать понять религиозным террористическим организациям путем повышения в звании М.Азиза, что сотрудничество с США в борьбе с талибами ни в коей мере не означает отказа от поддержки кашмирских сепаратистов. М.Азиз, который, по свидетельству Б.Рахмана, руководит партизанскими военными действиями в Кашмире с 1989 года и является негласным «Руководителем штаба Армии Ислама»[7], теперь будет продолжать свою деятельность в этом направлении на новом посту;

– внести раздор в ряды многочисленных исламских группировок, которые активно протестуют против сотрудничества Пакистана и США. Лидирующую роль в этих акциях протеста играют «Джамаат-и-Ислами» (ДИ) под руководством Казн Хусейна Ахмеда из Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) Пакистана; «Джамаат-уль-Улема Ислам» (ДУ) под руководством Маулана Фазлура Рахмана из провинции Белуджистан; «Сипах-и-Сахаба» под руководством Азама Тарика из Пенджаба; и другая фракция ДУ, возглавляемая Сампулом Хаком. Хотя Казн Хусейн Ахмед активно поддерживает Талибан и критикует США, в прошлом он был непримиримым противником режима талибов и сторонником Гульбуддина Хекматьяра, афганца пуштунского происхождения, возглавляющего движение «Хизб-и-Ислами» и борющегося за власть в Афганистане. Трое остальных вышеперечисленных исламских лидера всегда были сторонниками Талибана, а соответственно оппонентами Хекматьяра. В армии М.Азиз, Ю.Хан и М.Усмани находились на стороне Казн Хусейна Ахмеда. Теперь, когда двое из них стали генералами и существенно расширили полномочия, положение Казн Хусейна Ахмеда по сравнению с другими религиозными лидерами упрочилось. Кроме того, некоторые религиозные лидеры даже стали называть его «агентом»[8] ЦРУ, несмотря на его яростную антиамериканскую риторику. Поводом для таких подозрений послужил его визит в США в августе прошлого года, когда представители Госдепартамента США отошли от своей практики отказа в аудиенции лидерам религиозных экстремистских организаций и провели с ним переговоры. Теперь Казн Хусейн Ахмед, похоже, встал на сторону президента Пакистана. ДИ, несмотря на резкую критику сближения Мушаррафа и США, предпочла избежать массовых волнений в Пенджабе и СЗПП, продемонстрировав, таким образом, лояльность существующему режиму.

Вывод из вышесказанного напрашивается сам собой: критическая степень поляризации пакистанского общества, а особенно его элиты, на данном этапе препятствует формированию дееспособной оппозиции правлению Мушаррафа, а значит, жизнеспособность режима пока зависит от того, насколько успешна будет его деятельность по внесению раздора в ряды его противников. Однако в перспективе на смену политике «разделяй и властвуй» должна прийти конструктивная деятельность, направленная на формирование прочной общественной поддержки, без которой в долгосрочном плане не сможет обойтись ни один режим.

Пока же общественная поддержка обеспечивается с помощью эксплуатации религиозных ценностей. Религия вообще и исламский фундаментализм, в частности, давно используются пакистанским руководством как орудие в политической борьбе. Уже с 70-х гг. армия стала рассматривать религиозные экстремистские организации как своих естественных союзников. А религиозные школы – медресе

(«кузница кадров» исламских боевиков) – находились под патронажем всех пакистанских режимов, начиная с правления генерала Зия Уль-Хака, президента Пакистана с 1978 г. После завершения операции «Свобода без границ» материалы, найденные в Кабуле американскими спецслужбами, подтвердили давно известные факты: и движение моджахедов, и движение «Талибан», и большинство пакистанских террористических организаций создавались в свое время при активном участии пакистанской разведки. И главной задачей исламских экстремистов является вовсе не пропаганда исламских ценностей или освобождение Кашмира, а противостояние и дискредитация политических партий в Пакистане. Вся панисламская риторика, весь пыл призывов к восстановлению Империи Великих Моголов направлены лишь на одно: завоевать симпатии полуграмотного, по большей части традиционно настроенного населения, – чтобы не возникло *понимания* реальной ситуации и реальных проблем, потому что лишь *понимание* создаст почву для формирования политической культуры, а впоследствии и политических партий. А разве генералу П.Мушаррафу нужны политические партии?

Другой важной особенностью общественной жизни Пакистана является «культура терроризма». Придя к власти путем военного переворота, имея в числе своих сторонников ряд лидеров экстремистских организаций, зная о масштабах нелегальной торговли оружием и наркотиками, генерал П.Мушарраф во внутриполитической борьбе во многом опирается на прочные корни, которые пустила в пакистанском обществе «культура терроризма». «Культура терроризма» стала феноменом, принизывающим все государство Пакистан. Развитие ее поощрялось последовательно сменяющимися правительствами, слишком слабыми для того, чтобы начать борьбу с исламским фундаментализмом и экстремизмом, но достаточно изощренно использовавшими их как орудие для защиты своих интересов, особенно в противостоянии с Индией.

Деятельность сепаратистов, поддерживаемых Пакистаном, на территории штата Джамму и Кашмир можно считать ключевой, но отнюдь не единственной формой такого давления.

Политика Пакистана в отношении Индии, а точнее «кашмирский вопрос», является самым ярким примером того, как религия в сегодняшнем Пакистане используется в качестве инструмента манипулирования общественным сознанием. Если отбросить в сторону огромное количество лозунгов и призывов к «освобождению» угнетаемых «братьев» – кашмирских мусульман, то обнажится истина: у стремления заполучить Кашмир нет религиозных обоснований. Пакистанцы традиционно дистанцировались как от бенгальских мусульман (ныне граждане Бангладеш), так и от кашмирских единоверцев. Кроме того, такой спорный (в рамках нынешней системы международных отношений) термин, как право народов на самоопределение, тем более не популярен в Пакистане, где признание этого права будет означать

развал страны на независимые государства синдхов, белуджей, «Великий Пуштунистан» и т.д.

Проблема Кашмира имеет, прежде всего, геополитический характер: в случае начала военных действий Кашмир для Индии – это кратчайшая дорога к Исламабаду. Чтобы обезопасить важнейший стратегический маршрут страны Равалпинди – Исламабад – Капута, необходим контроль над Кашмиром.

По мнению индийских источников[9], главным спонсором «партизанской войны» в Джамму и Кашмире, которая разгорелась в этом индийском штате с 1989 года, то есть после вывода советских войск из Афганистана, является ВРП. Размах деятельности, как и численный состав сотрудников ВРП, разумеется, не известны.

Тем не менее известно, что эта организация стала кругом избранных из числа представителей крайне незначительной военной элиты Пакистана. В настоящее время очень сложно даже приблизительно представить себе, насколько генерал Первез Мушарраф реально контролирует ее деятельность.

Численность сотрудников ВРП составляет не менее 40 тыс. человек[10]. Она начала играть существенную роль во внутриполитической борьбе в Пакистане в период нахождения у власти генерала Яхья-Хана, то есть в конце 60-х – начале 70-х гг., что особенно четко проявилось в деятельности ВРП в Восточной Бенгалии (нынешняя Бангладеш). В тот период все усилия Пакистана были направлены на предотвращение победы национальных бенгальских партий на всеобщих выборах 1971 г. Однако эта деятельность обернулась полным провалом.

Несмотря на это поражение, ВРП продолжала усиливать свое влияние на политическую жизнь Пакистана, и попытки Зульфикара Али Бхутто, президента, а впоследствии, с середины 70-х годов – премьер-министра Пакистана, направленные на передачу ее функций Федеральной службе безопасности, не увенчались успехом. Более того, военный режим генерала Зия Уль-Хака, пришедшего к власти в результате военного переворота 1977 г., вернул руководство Вневедомственной разведки Пакистана на доминирующие позиции.

Введение советских войск в Афганистан стало звездным часом для ВРП, которая оказывала как моральную, так и материальную поддержку моджахедам (инструктора ВРП обучили около 83 тыс. моджахедов с последующей переброской их в Афганистан[11]).

Даже после вывода советских войск из Афганистана ВРП не испытывала недостатка в оружии и взрывчатке, создав удивительно эффективную финансовую систему, использовавшую деньги от продажи наркотиков и оружия. К маю 1996 г. по крайней мере шесть[12] крупных террористических организаций обосновались в Джамму и Кашмире, в рядах которых было задействовано от 5 до 10 тыс. боевиков[13].

С начала «партизанской войны» в Джамму и Кашмире в 1989 г. вплоть до 15 ноября 2001 г. ее жертвами стали 12581 мирных жителей, многие из них – мусульмане и 3246 сотрудников служб обеспечения безопасности[14].

Деятельность террористов в Джамму и Кашмире осуществляется под знаменем Ислама. А как еще можно сплотить и заставить вести войну полуграмотных, запуганных и нищих жителей? Только с помощью религиозной или другой идеологической обработки можно добиться популярности в традиционном обществе. Только за религию люди согласятся умирать. Пока другие ценности (например, демократические) не займут места религиозных догм, пакистанское общество останется питательной средой для распространения терроризма. Ценности современного западного общества, безусловно, в какой-то мере восприняты небольшой прослойкой образованных пакистанцев, однако, основная часть населения ведет традиционный образ жизни, и именно религия является эффективным средством мобилизации этих общественных слоев. Поэтому основой феномена «культуры терроризма» в Пакистане является религия как орудие влияния на массы.

В то же время как рационально мыслящий человек, генерал П.Мушарраф не может не понимать опасности использования этого орудия. Ярость экстремистских организаций может в любой момент обернуться против правящего режима. В этой связи перед Мушаррафом сейчас стоит двойная задача: обуздать терроризм в масштабах страны, который, как язва, разъедает пакистанское общество, но в то же время сохранить его как средство обеспечения своих региональных интересов.

Хотя официальный Пакистан отрицает спонсирование и вооружение кашмирских сепаратистов, широко известно, что «пакистанские спецслужбы разжигают беспорядки в Кашмире на протяжении последнего десятилетия»[15]. Однако проблема состоит в том, что такие террористические организации не только рекрутируют боевиков и материально обеспечивают «партизанскую войну» в Кашмире, но и контролируют сеть религиозных школ и молодежных группировок в самом Пакистане. Они имеют непосредственное отношение к ряду заказных убийств мусульман-шиитов в пакистанских провинциях Панджаб и Синдх (только в Синдхе за 2001 год было осуществлено 34 заказных убийства[16]). «Позвольте заметить, что некоторые кашмирские группировки создали больше проблем здесь [внутри Пакистана – прим. автора], нежели в самом Кашмире»[17], – утверждает директор одного частного охранного агентства в Карачи.

В докладе, подготовленном в пакистанских вооруженных силах, на тему религиозного насилия в 1999 г. утверждалось, что война в Кашмире «может иметь негативные последствия для Пакистана». Кроме того, был сделан вывод, что «уровень и интенсивность насилия на религиозной почве беспрецедентно высоки в настоящее время

в связи с тем, что во имя джихада облегчен доступ к оружию и тренировочным базам в Кашмире и Афганистане»[18].

Все это объясняет стремление П.Мушаррафа обуздать деятельность религиозных экстремистов, не затрагивая, однако, интересы террористических организаций, оперирующих в Кашмире. Война, объявленная террористам президентом Пакистана 12 января 2002 г., похоже, пока успешно решает обе эти задачи.

В начале января, незадолго до этого заявления, выступая перед журналистами после переговоров с британским премьер-министром Тони Блэром, П.Мушарраф говорил: «Мы тоже являемся жертвой религиозного экстремизма, религиозного терроризма… Пакистан отвергает терроризм во всех формах и в этом духе в полной мере сотрудничает с мировым сообществом в борьбе против терроризма»[19]. В своей речи, которая транслировалась по национальному телевидению 12 января 2002 г., П.Мушарраф заявил о начале преследования террористов, нашедших убежище на территории Пакистана. Его слова были подкреплены конкретными действиями: были заморожены банковские счета ряда террористических организаций и запрещена деятельность некоторых из них с последующим арестом части их лидеров и боевиков.

Однако есть ряд обстоятельств, которые практически сводят на нет «усилия» П.Мушаррафа по ликвидации террористической угрозы:

– банковские счета были заморожены лишь после заявлений от пострадавших организаций. В результате на момент прекращения операций на счету У.бен Ладена находилось лишь 252 долл. США, на балансе «Харакат-Уль-Муджахеддин» – 70 долл. США, «Джаиш-И-Мухаммад» – 14 долл. США[20];

– не были объявлены вне закона такие террористические организации, как «Харакат-Уль-Муджахеддин» и «Аль Бадр»;

– прекращение деятельности «Лашкар-И-Тойба» и «Джаиш-И-Мухаммад» относится лишь к территории Пакистана. Основная же их активность по понятным причинам сосредоточена в Индии;

– большое число террористов избежало ареста.

Объявив вне закона террористов внутри страны, Мушарраф всячески отрицает связь кашмирских экстремистов с Пакистаном. Преследование боевиков наряду с ростом популярности генерала в глазах Запада и ослаблением напряженности на индо-пакистанской границе способствовало бы укреплению его положения как главы государства, так как именно радикальные экстремисты находятся в оппозиции к правящему режиму, и их изоляция обеспечивала бы стабилизацию внутриполитической ситуации. Правда, как заметил один индийский журналист, «не следует забывать о том, что в соответствии с позицией генерала любой исламский фундаменталист, угрожающий его положению, объявляется опасным террористом, которого необходимо передать Колину Пауэллу. Но любой исламский фундаменталист, убивающий индийцев, является мужественным

борцом за свободу, который должен оставаться в Пакистане и ни при каких обстоятельствах не может быть выдан для суда Индии»[21].

Конечно, можно упрекать Первеза Мушаррафа в использовании им двойных стандартов, можно спорить с его вольной интерпретацией термина «терроризм», но пока в мире двойные стандарты в отношении терроризма остаются превалирующей практикой, будут существовать и такие лидеры, как нынешний пакистанский президент, которые умело используют «культуру терроризма» в своих интересах.

Могут ли представлять опасность для П.Мушаррафа радикально настроенные элементы? Скорее всего, вряд ли. «Они не смогут отомстить [П.Мушаррафу – прим. автора], потому что их слабость уже была продемонстрирована в период агитации против поддержки, оказанной пакистанским правительством международной коалиции в борьбе с терроризмом в Афганистане»[22], – утверждает Халид Мехмуд, старший научный сотрудник Института региональных исследований в Исламабаде.

Что же касается перспектив Первеза Мушаррафа в качестве руководителя Пакистана, то в соответствии с опросом, проведенным пакистанским ежемесячником «Геральд» в начале 2002 года, среди более 1000 человек из 7 городов Пакистана, 60% опрошенных уверены, что он будет находиться у власти еще несколько лет[23], и лишь 1% пакистанцев озабочен проблемой восстановления демократии[24].

Так что критика военной диктатуры генерала Первеза Мушаррафа может представлять интерес только с научно-познавательной точки зрения. Если же подходить к этой проблеме конструктивно, пока Пакистан не выберется из экономической разрухи и не преодолеет наследие пятидесятилетнего противостояния с Индией, то есть пока не возникнут предпосылки улучшения социально-экономических условий жизни, о демократической форме правления говорить преждевременно. Ведь в соответствии с известным социологическим законом, пока не удовлетворены насущные потребности людей, их не заботят ценности более высокого порядка.

[1] Например: «Мушарраф, воспринимаемый многими как исполнитель указаний Правительства США, достиг предела возможностей военного диктатора» // A Deeper Look, New Delhi, 09.10.2001; «После событий 11 сентября Пакистан нуждается в глубоком самоанализе, чтобы избежать будущей катастрофы. Ему нужны люди, способные видеть суть вещей, не такие как Беназир Бхутто или Первез Мушарраф» // South Asia Analysis Group (SAAG), Report № 350, 30.10.2001.

[2] Этот термин, который автор считает очень удачным, использует в своих работах Субхаш Капила – известный индийский обозреватель-международник, член SAAG.

[3] Мусульманская секта, образованная в Пенджабе в 1889 г. В настоящее время объявлена немусульманским меньшинством.

[4] A Deeper Look, 09.10.2001.
[5] Ibid.
[6] SAAG, Report № 335, 10.10.2001.
[7] Ibid.
[8] Ibid.
[9] The Pioneer, New Delhi, 27.01.2002.
[10] Ibid.
[11] Ibid.
[12] The Pioneer, 27.01.2002.
[13] Ibid.
[14] The Outlook, New Delhi, 29.01.2002.
[15] The Asian Wall Street Journal, 02.01.2002.
[16] Ibid.
[17] Ibid.
[18] Ibid.
[19] Цит. по: The Vietnam News, Hanoi, 09.01.2002.
[20] The News, Islamabad, 01.01.2002.
[21] The Hindustan Times, New Delhi, 17.02.2002.
[22] The Vietnam news, 12.01.2002.
[23] The Hindustan Times, 21.02. 2002.
[24] Ibid.

П.С.Пешко

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗВИТИЯ ИРАНА В КОНЦЕ XX ВЕКА

Социально-экономическая обстановка в Иране в конце 2000 – первой половине 2001 г. оставалась относительно стабильной. Между реформаторскими и консервативными силами, представленными практически во всех структурах высшей государственной власти, установилось известное равновесие, которое поддерживалось и продолжает сохраняться благодаря обоюдной заинтересованности противостоящих группировок избежать открытого раскола общества при разрешении вопроса об изменении курса социально-экономического развития страны. Именно по этой причине изменения во внутренней и внешней политике кабинета М.Хатами не стали радикальными, а приобрели характер неустойчивого «дрейфа» в сторону либерализации политической и экономической жизни в Иране.

Объектом главного внимания правительства и меджлиса в экономической области стала разработка мер по смягчению отрицательного влияния на экономику страны падения мировых цен на нефть, а в политической – «ликвидация» последствий массовых выступлений молодежи в июле 1999 г.

В 1999/2000 г. (календарный год в Иране начинается 21 марта) годовой темп прироста ВВП (в постоянных ценах) снизился до 1,8% против 3,3% в 1998/99 г.

Расширение производства условно-чистой продукции наблюдалось в обрабатывающей промышленности (+8,2%), электроснабжении (+8,0%), сельском хозяйстве (+1,5%). В нефтяном секторе в 1999/2000 г. по сравнению с предыдущим годом имело место сокращение добычи сырой нефти соответственно с 184 до 183 млн. тонн. При этом доходы от экспорта нефти снизились с 19,3 млрд. долл. в 1996/97 г. до 15,5 млрд. долл. в 1997/98 г. Вместе с тем уровень переработки сырой нефти на базе национального нефтегазового комплекса возрос до 42%, что составило в 1999 г. 1524 тыс. бар. в день. В 90-е годы Иран почти удвоил свои нефтеперерабатывающие мощности, а в начале XXI века они должны возрасти в три раза по сравнению с 80-ми годами.

По имеющимся оценкам, в 1998/99 г. государственный и частный секторы снизили свои инвестиционные расходы на 20% по сравнению с уровнем предыдущего года. Объем планируемых капиталовложений частных инвесторов в сфере промышленности сократился на 50% при одновременном росте неиспользуемых мощностей до 55% от имеющихся в наличии. Уровень безработицы составляет 13% против 9,4% в 1997/98 г.

Главная причина падения производства ВВП объясняется значительным снижением подпитки экономического роста из средств госбюджета, который обеспечивает около половины инвестиций в экономику страны. Первый вариант бюджета правительства М.Хатами на 1998/99 г., представленный в январе 1998 г., исходил из расчета получения доходов от нефти в сумме 16,0 млрд. долл. Однако в связи со снижением цен на нефть меджлис настоял на том, чтобы расчетная цена нефти была снижена с 16,0 до 12,0 долл. за один баррель, и в бюджет заложена сумма 12,3 млрд. долл. доходов от нефти, что сокращало доходную часть бюджета на 16%.

Парламентское обсуждение бюджетных расходов завершилось в конце октября 1998 г., то есть практически за полгода до истечения текущего финансового года. Расходная часть бюджета была определена в сумме 81,0 трлн. риалов, из которых 56,4 трлн. риалов предназначались для обеспечения текущих расходов правительства и 24,6 трлн. риалов ассигновались на реализацию проектов развития. По сравнению с предложениями правительства меджлис увеличил расходы по текущему бюджету на 1,5% и сократил бюджет развития на 20%. Несмотря на секвестирование бюджетных расходов, сбалансировать бюджет не удалось, и предполагаемый дефицит оценивался в сумме 17,9 трлн. риалов, или 20% расходной части. Источниками покрытия бюджетного дефицита называются: кредиты Центрального банка Ирана (6,0 трлн. риалов), фьючерсная продажа нефти (5,5 трлн. риалов), предварительная продажа разрешений на паломничество в Мекку (2,4 трлн. риалов), продажа населению облигаций участия в инвестиционных проектах (2,0 млрд. риалов) и экономия в текущих расходах правительства (2,0 трлн. риалов). По мнению иранских экономистов, такая структура пополнения доходной части бюджета должна была носить инфляционный характер и могла бы привести к скачку розничных цен на потребительские товары и услуги с 18% в 1997/98 г. до 25% в 1998/99 г. Задержка с принятием бюджета серьезно затормозила процесс финансирования как текущих, так и инвестиционных расходов правительства. По имеющимся оценочным данным, за 6 месяцев финансового года (21 марта – 21 сентября 2001 г.) расходная часть обычного бюджета была исполнена на 38%, а бюджета развития – на 20% от намеченных сумм. Согласно данным независимого анализа, инфляция в 2002 г. превысит 30%, несмотря на

то, что мировые цены на нефть к середине декабря прошлого года достигли 22 долл. за баррель.

По данным на 1998\1999 финансовый год доходы составили 88.791 трлн. риалов, а расходы – 87.647 трлн. риалов.

По мнению независимых аналитиков, использование инфляционных источников для покрытия бюджетного дефицита привело к ускорению роста цен на потребительские товары с 1 до 2,2% в месяц, соответственно в начале и в конце 1998 г. В 1999 г. темпы инфляции усилились. Так, сводный индекс потребительских цен в 1998\1999 г. возрос до 616 по сравнению с 516 в 1997\1998 г. и 455 – в 1996\1997, причем по продуктам питания 669, 542 и 506 соответственно в 1998\1999, 1997\1998 и 1996\1997 гг.

Для смягчения социальных последствий ухудшения общехозяйственной конъюнктуры государство продолжает проводить политику поддержания субсидируемого потребления основных продуктов питания (хлеб, сахар, чай, растительное и животное масло, сыр, мясо, молоко, рис). В 2001 г. на эти цели предполагалось израсходовать 5 млрд. долл. Однако, как и в предыдущие годы, главная нагрузка в сдерживании роста цен легла на валютный курс, а не на ограничительные меры бюджетной и денежно-кредитной политики. Валютный курс, стабилизированный в начале 1995 г. (1747,93 риалов за 1 доллар США – официальный паритет, 3000 риалов за 1 доллар США – базовая цена покупки экспортной выручки и продажи валюты частным импортерам), несомненно сыграл свою роль в сдерживании темпов инфляции (в 1998/1999 году курс американского доллара составил 1751,86 риалов, что свидетельствует о практически полной стабилизации официального курса национальной иранской валюты). Отрицательным последствием этой меры стало снижение ненефтяного экспорта с 4,8 млрд. долл. в 1974/75 г. до 3,0 млрд. долл. в 1998/99 г.

Для стимулирования ненефтяного экспорта правительство в 2001 г. несколько ослабило ограничения в использовании валютной выручки частными экспортерами, разрешив тратить ее без репатриации на оплату импорта определенных товаров промежуточного потребления. Кроме того, был введен порядок купли-продажи экспортной валюты на Тегеранской фондовой бирже, благодаря которому курс доллара стал плавающим и несколько приблизился к цене доллара на свободном нерегулируемом рынке. На конец 1998 г. при официальном экспортном курсе доллара, равном 3000 риалов, биржевая котировка доллара составила 5700 риалов, а цена доллара на свободном рынке – 7000 риалов, в июле 1999 г. курс достигал 9500 риалов. Однако вследствие ухудшения конъюнктуры на рынках основных экспортных товаров Ирана (ковры, сухофрукты, продукция пищевой промышленности) объем ненефтяного экспорта в 1998/99 г. со-

ставил в пределах 2,62 млрд. долл., что практически полностью подтвердило прогнозы специалистов. С учетом возможных доходов от нефти 10,0–12,0 млрд. долл. (включая форвардную продажу нефти) весь товарный экспорт Ирана в 1999/2000 г. по предварительным оценкам составил 13,0–14,0 млрд. долларов.

В области регулирования импорта продолжали действовать установленные в 1995 г. жесткие правила квотированной продажи валюты государственным и частным импортерам. В 1996/97 и 1997/98 гг. объем импорта (ФОБ) стабилизировался на уровне 15,0 млрд. долл., а в 1998/99 г. он снизился до 14,0–14,5 млрд. долл. Динамика товарооборота в целом приобрела тенденцию к снижению: 37,4 и 33,5 млрд. долл. соответственно в 1996/97, 1997/98 гг. и 27 млрд. долл. товарооборота в 1998/99 г.

Главными внешнеторговыми партнерами Ирана остаются Япония, Южная Корея и развитые страны Запада (Италия, Германия, Франция, Испания и др.), на долю которых приходится около 50% иранского товарооборота.

Товарооборот ИРИ со странами СНГ, за исключением России, в 1999/2000 г. составил 1,1 млрд. долларов. Крупными партнерами Ирана были Украина, Азербайджан, Туркменистан, Казахстан и Узбекистан. В связи с общей тенденцией к снижению объема внешней торговли Ирана его товарооборот со странами СНГ также сократился.

Напряженным складывался и платежный баланс страны, который в 1996/97 г. был сведен с положительным сальдо в сумме 2,3 млрд. долл., а в 1997/98 г. имел дефицит в размере 3,7 млрд. долларов, погашенный за счет валютных резервов. На конец сентября 1998 г. отрицательное сальдо платежного баланса составило сумму 1,3 млрд. долларов, а к середине 1999 года отрицательное сальдо составило 1,897 млрд.

Одним из факторов, который ухудшает состояние платежного баланса, стали платежи по обслуживанию внешнего долга. Хотя абсолютная сумма внешней задолженности Ирана сократилась с 12,6 млрд. долл. в 1997 г. до 11,9 млрд. долл. в сентябре 1998 года, к середине 1999 г. она вновь выросла до 13 млрд. Отношение же внешних обязательств к товарному экспорту увеличилось с 68 до 85%. К марту 2000 года стало очевидным, что текущий баланс валютной части госбюджета, с учетом долговых выплат (3,7 млрд. долл.) и так называемых неотложных затрат на импорт товаров (8,6 млрд. долл.), необходимых для обеспечения потребительского и производственного спроса, будет иметь дефицит более 2,0 млрд. долл. Незначительный объем валютных резервов исключил возможность покрытия дефицита из наличных источников. Поэтому Центральный банк Ирана после многократных задержек внешних платежей, в конце концов, оказался вы-

нужденным начать переговоры со странами – основными кредиторами (Германия, Италия, Япония) о повторном рефинансировании долга на сумму 3,0 млрд. долл. По имеющейся информации, эти страны согласились на предоставление Ирану отсрочки в погашении долга в сумме 2,0 млрд. долл.

Необходимость в оздоровлении платежного баланса и потребность в расширении нормы накопления (в настоящее время составляет 16% от ВВП) заставляет иранское правительство принимать меры по привлечению инвестиционных средств из-за рубежа (особенно для развития топливно-энергетического комплекса) на условиях долгосрочного кредитования. В последние годы Иран заметно активизировал контакты со странами ЕС (Великобритания, Германия, Италия, Испания, Нидерланды, Франция) и Японией. По некоторым оценкам, несмотря на действие известного закона Д'Амато, возможный приток капитала в Иран на условиях сделок «бай-бэк» и «файнанс» за период 4–5 ближайших лет может составить сумму более 9,0 млрд. долларов. Складывается впечатление, что применение американских санкций против третьих стран приобретает все более избирательный характер. Так, Соединенные Штаты согласились не применять санкции против французской компании «Тоталь», которая является лидером в международном консорциуме («Тоталь», «Газпром», «Петронас») по разработке газового месторождения «Южный Парс» и имеет тесные производственные связи с американскими фирмами-изготовителями нефтегазового оборудования. В ноябре 1998 г. администрация США приняла решение отказаться от контроля сделок американских компаний с Ираном в области нефтехимической промышленности. Таким образом, в настоящее время постепенно создаются предпосылки для более активного развития экономических связей Ирана с западными странами.

Однако не следует ожидать, что реализация этих предпосылок, равно как либерализация иранской экономики в целом, будет прямолинейно поступательным процессом. Под давлением консервативного крыла меджлиса правительство М.Хатами отказалось от своего первоначального радикального подхода к реформированию экономики. В конце 2000 г. правительством были утверждены направления краткосрочной политики в экономической области. Цели этой политики (за пределами сферы действия бюджета развития) оказались сведены к поощрению ненефтяного экспорта (без изменения заниженного курса доллара) и расширению отраслей по переработке сельскохозяйственной продукции (путем приоритетного банковского кредитования). Экономические обозреватели признают меры краткосрочной политики правительства совершенно недостаточными, чтобы оздоровить валютное положение и остановить углубляющийся кризис в иранской экономике.

К концу 2001 г. произошло значительное оживление социально-экономической и политической жизни в Иране. В 1998 г. правительство реформаторов разработало 3-й пятилетний план развития ИРИ, и президент официально представил его 15 сентября 1999 г. в парламент на утверждение. Анализ стагнирующей экономики заставил реформаторов пойти на предложение радикальных мер, которые могли быть реализованы лишь в случае коренной перестройки всей политико-экономической структуры государства, начиная с отмены или ограничения главного принципа правления – «велайят-е факих» (власть правящего богослова). Только радикальнейшие меры позволят создать реальные гарантии вложения капитала в экономику (как иностранного, так и отечественного). По подсчетам иранских независимых экспертов, лишь для сохранения уровня безработицы и темпов инфляции на прежнем уровне необходим ежегодный прирост ВВП на 6% и 4-кратное увеличение объемов ненефтяного экспорта (до 12 млрд. долл. ежегодно). Такие революционные изменения в экономике невозможны без политических изменений. Их реализация в настоящее время представляется весьма проблематичной и станет, по всей видимости, поводом для очередного обострения противоборства между реформаторами и консерваторами.

П.С.Пешко

СОВРЕМЕННАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ИРАНЕ

Анализ общественных, политических, экономических и других процессов, происходящих в Исламской Республике Иран (ИРИ), свидетельствует о том, что ситуация в стране в последние годы остается относительно устойчивой и стабильной. Особенности ее формирования обусловлены рядом объективных причин как внутреннего, так и внешнего свойства, дальнейшей реализацией новой экономической политики, а также определенными изменениями во внешнеполитическом курсе. Основные усилия руководство страны во главе с президентом М.Хатами направляет на развитие демократических преобразований в обществе, дальнейшую реализацию экономической реформы, а также на выведение страны из внешнеполитической изоляции.

Особенности политической системы Ирана

Несмотря на влияние таких дестабилизирующих факторов, как ухудшение экономического положения, сохранение разногласий между представителями различных политических течений, обострение напряженности в районе ирано-афганской границы и так называемые «студенческие выступления» в июле 1999 г., руководство ИРИ во второй половине 2000 г. достаточно уверенно контролировало развитие внутриполитической обстановки в стране. Массовые демонстрации, начавшиеся в студенческом квартале Тегеранского университета, не были организованной борьбой сильной оппозиции, поэтому они были легко подавлены органами правопорядка с минимальным использованием силовых методов. Такая удачная для властей ликвидация «беспорядков» ослабила оппозицию и, наоборот, укрепила позиции консерваторов. Чтобы зафиксировать свои успехи, власти сменили руководство некоторых министерств и ведомств.

Наиболее значительным можно считать назначение в первой половине 2000 г. А.Юнеси новым министром информации, а М.Хашеми Шахруди – новым главой судебной власти (с конца 1999 г.). Не остались без внимания руководства страны и такие мощные экономические структуры, как фонды. Новым президентом Фонда обездоленных (крупнейшего в Иране) был назначен

М.Форузанде (бывший министр обороны), а руководителем второго по величине фонда – «Астан-е Кодс-е Разави» – стал бывший спикер парламента А.Натег-Нури. Все новые политические фигуры являются сторонниками консервативного пути развития страны и усиливают позиции руководства ИРИ. В то же время все более заметной становится неспособность исламского режима в Иране адаптироваться к быстроменяющимся внутренним и внешним реалиям, эффективно управлять страной, по-прежнему пользуясь для этого старыми, отжившими методами и хомейнистской идеологией. Исламский строй утрачивает способность противостоять внутренним и внешним вызовам и адекватно реагировать на них. Несмотря на безусловное поражение оппозиции летом 1999 г. и безоговорочную победу консерваторов, количество сторонников реформаторского правительства продолжает возрастать, поскольку за 20 лет правления клерикального режима уровень жизни основной массы населения неуклонно снижался, демонстрируя несостоятельность властей решить назревшие социально-экономические проблемы.

Особенно отчетливо это проявилось на фоне разразившегося в 1998 г. острого экономического кризиса, вызванного падением цен на нефть и повлекшего за собой серьезные последствия как в экономике, так и в социальной сфере. Продолжает снижаться жизненный уровень практически всех слоев населения (по неофициальной статистике, 52% иранских семей уже находятся за чертой бедности), высокими остаются показатели инфляции (около 35% в год) и безработицы (около 13% трудоспособного населения), особенно среди молодежи, составляющей половину населения страны. Нефтяной кризис, повлекший за собой значительный недобор в госбюджет (более 80% всех валютных поступлений и более 40% доходной части бюджета обеспечиваются за счет экспорта сырой нефти), по существу, поставил под угрозу планы президента М.Хатами по реформированию социально-экономической сферы, а также сделал весьма проблематичной реализацию выдвинутой им долгосрочной программы экономических преобразований в стране.

Экономические неурядицы, несмотря на всю остроту, не подорвали пока что популярности президента, не породили «кризиса доверия» к нему со стороны населения и, прежде всего, его электората – молодежи, студенчества, интеллигенции, женщин. По данным общественных опросов, свыше 70% иранцев по-прежнему поддерживают С.М.Хатами, его идеи либерализации общественно-политической жизни, реформирования экономики. Опираясь на эту широкую поддержку, президент стремится реализовать свои предвыборные лозунги о расширении прав и свобод, обеспечении верховенства закона, создании многопартийной

системы в Иране. Определенные сдвиги в этом направлении уже произошли. Значительно увеличилось число независимых пролиберальных СМИ, осмеливающихся затрагивать даже такие, ранее считавшиеся запретными темы, как принцип «велаяте факих» (власть правящего богослова) и его полномочия. Однако неудачные действия оппозиции нанесли удар и по свободе слова. Это позволило консерваторам активно бороться со СМИ. Так, весной 1999 г. были закрыты три пропрезидентские газеты, в июле была закрыта на 5 лет популярная газета «Салам» (что явилось одной из причин массовых демонстраций в Тегеране), в начале сентября 2000 года – газета «Нешат». В настоящий период активно идет как процесс создания политических партий и объединений, так и ужесточения контроля за их деятельностью. Наиболее влиятельными из вновь образованных партий и движений стали созданный окружением С.М.Хатами «Фронт партнерства исламского Ирана» и образованная ранее сторонниками прежнего президента А.Хашеми-Рафсанджани «Партия служителей созидания». Пойдя на образование своей, независимой от А.Хашеми-Рафсанджани, «партии власти», в которую вошли многие деятели нынешнего кабинета, М.Хатами ясно дал понять, что выбор в пользу дальнейшей радикализации либерального курса сделан.

26 февраля 1999 г. были проведены выборы в местные органы самоуправления (исламские советы, положение о проведении которых зафиксировано в Конституции, но так и не было реализовано за 20 лет существования нынешнего строя). Создание советов во многом было нацелено на ослабление полномочий правящего духовенства и его представителей на местах, усиление позиций сторонников президента. Однако реальной роли созданные советы пока не играют ни в политической, ни в экономической жизни провинций, хотя сам факт проведения выборов в местные советы стал весьма значимым событием во внутриполитической жизни Ирана.

Результаты голосования говорят о бесспорном преимуществе кандидатов, представляющих сторонников пропрезидентского движения «Второе хордада» («23 мая»), стоящих за либеральное развитие внутриполитической жизни ИРИ. За них отдали голоса 75% всех принявших участие в голосовании. Кандидаты от движений праворадикального толка получили 12,4% голосов, независимые кандидаты – 12,6%.

В ходе выборов приняли участие (по неофициальным данным) 23,6 млн. чел. (63%) из 39 млн., имеющих право голоса. Причем в столичном округе проголосовало только 1,4 млн. чел. (17,5% от списочного состава).

Согласно же данным независимых источников, в голосовании приняли участие лишь около 4 млн. чел. Пассивность избирателей, поддерживающих клерикальное руководство, косвенно подтверждается фактом продления времени голосования с 16 до 22 часов. Несмотря на невысокую активность населения, на ряде избирательных участков уже не было чистых бюллетеней для голосования, что говорит о фиктивности выборов, подтасовке их результатов членами счетных комиссий и о заблаговременной подготовке «необходимых результатов голосования».

Среди творческой и технической интеллигенции, а также представителей деловых кругов и частного предпринимательства практически никто в выборах не участвовал. Из числа военнослужащих армии и КСИР в выборах приняла участие лишь часть сотрудников политико-идеологических управлений.

Даже поверхностный анализ хода подготовки и проведения выборов в местные советы показывает, что большое значение, придаваемое им западными агентствами СМИ, не имеет под собой реальных оснований. Кардинальных изменений во внутриполитическую жизнь страны новые органы не внесут. Либерализации внутренней и внешней политики Ирана в ближайшие годы также ожидать не приходится. И «прогрессивно-либеральный» президент, и новые выборные органы законодательной власти ИРИ являются лишь проявлением новых форм и методов управления государством все тем же клерикальным руководством Ирана. М.Хатами, с одной стороны, явился «громоотводом» в условиях обострения внутриполитической ситуации в стране, с другой – стал позитивной фигурой на внешнеполитической арене, что позволяет Ирану рассчитывать на постепенное снятие Западом экономических санкций и приток иностранных инвестиций. Схожую роль во внутриполитической жизни, по всей видимости, призваны сыграть и новые советы. Они «возьмут» на себя львиную долю ответственности за возможные ошибки руководства страны и ухудшение экономического положения ИРИ, в управлении же страной они, скорее всего, никакой позитивной роли не сыграют.

Действия наиболее радикальных деятелей из окружения С.М.Хатами все больше наталкиваются на ответные жесткие меры консервативного лагеря, сохраняющего свой контроль над судебной властью, силовыми структурами, прежде всего – министерством информации (основа разведывательного и контрразведывательного сообщества Ирана) и Корпусом стражей исламской революции (КСИР). Под предлогом борьбы с оскорблениями устоев исламского строя и с подрывом национальной безопасности был закрыт ряд СМИ либеральной ориентации, организованы судебные преследования против ряда редакторов и журналистов, в

том числе против дочери бывшего президента А.Хашеми-Рафсанджани – Ф.Хашеми. Жесткий приговор был вынесен судом одному из видных сторонников С.М. Хатами – бывшему мэру Тегерана, лидеру Партии служителей созидания Г.Х.Карбасчи. Усилиями консервативного большинства меджлиса был смещен с ключевого во внутриполитической жизни Ирана поста министра внутренних дел А.Нури.

Используя вялую и тактически неграмотно построенную кампанию либералов, отсутствие единства в их рядах, консерваторы обеспечили себе убедительный перевес на состоявшихся в конце октября 1998 года выборах в Совет экспертов – орган, который по иранской конституции уполномочен избирать руководителя страны или же отстранять его от должности (около 80% прошедших кандидатов принадлежат к консервативному лагерю, группирующемуся вокруг руководителя Ирана А.Хаменеи, спикера меджлиса А.Натега-Нури и главы судебной власти М.Хашеми-Шахруди).

Отсутствие весомых результатов в осуществлении экономических и социальных начинаний правительства С.М.Хатами, отставание имеющихся достижений во внешней политике от завышенных ожиданий полного выхода из внешней изоляции, которыми характеризовались общественные настроения после победы Хатами, постепенно начинают негативно сказываться на имидже президента, ведут к ослаблению единства его команды. Этим все откровеннее пользуется консервативное крыло государственного руководства, считающее, что настало время предъявить счет либеральному правительству, которому поначалу была предоставлена свобода действий с условием, что его начинания, в том числе в отношениях с США и западными государствами, принесут конкретную, материализованную пользу Ирану. Этого, как сейчас очевидно, не произошло. Более того, в упрек правительству ставилась возросшая угроза национальной безопасности Ирана, прежде всего со стороны афганских талибов и США.

Достаточно долгое время выжидая и наблюдая как бы со стороны за начинаниями президента и его команды во внешнеполитической сфере и внутри страны, руководитель Ирана Хаменеи счел необходимым вмешаться в этот процесс и напомнить С.М.Хатами о том, что полномочия правящего богослова носят отнюдь не формальный, протокольный характер. В практическую плоскость были переведены установки руководителя Ирана о необходимости противодействия идейной экспансии извне и определения своего рода «красной черты» в деятельности либеральных СМИ. Показательным стал инцидент с прибывшей в Тегеран весной 1999 г. по инициативе администрации С.М.Хатами и не согласованной с руководителем Ирана американской делегацией, которой пришлось свернуть программу своего визита и уехать раньше намеченного срока.

Убедительным свидетельством укрепления позиций А.Хаменеи в управлении страной стало введение им нового поста главкома армии и таким образом подчинение себе напрямую армии так же, как и КСИРа, и ограничение полномочий Объединенного штаба – единственной военной структуры, соподчиненной президенту.

Немалую роль в достижении временного баланса политических сил, преследуя при этом свои цели, сыграл председатель Совета по определению политической целесообразности принимаемых решений А.Хашеми-Рафсанджани. Сохранив свои позиции в силовых структурах и экономической сфере, А.Хашеми-Рафсанджани выступил как «третейский судья» в сглаживании наиболее острых противоречий и в достижении компромиссов, хотя и недолговечных, между либеральной и консервативной фракциями государственного руководства. Так, обеспечив компромисс между А.Хаменеи и С.М.Хатами в отношении проведения выборов в Совет экспертов, А.Хашеми-Рафсанджани сумел набрать большинство голосов от Тегерана и провести значительное число своих сторонников, готовя почву для выдвижения своей кандидатуры на пост председателя Совета, а в дальней перспективе, возможно, с прицелом заменить А.Хаменеи на посту руководителя страны.

Необходимость достижения компромисса и укрепления единства между всеми ветвями власти диктуется и растущей обеспокоенностью высшего религиозно-политического руководства Ирана наметившимся расколом в иранском обществе, в том числе и среди духовенства, в котором уже началась открытая полемика по таким принципиальным вопросам, как концепция исламского правления и фетва (смертный приговор) в отношении С.Рушди.

Несмотря на имеющиеся противоречия, главной задачей всех ветвей власти по-прежнему остается обеспечение выживания режима в сложных внутри– и внешнеполитических условиях, сохранение устоев исламского строя. При этом главную угрозу для себя высшее религиозно-политическое руководство Ирана видит не в осторожных экспериментах либералов, а в идеологической экспансии Запада, направленной на размыв религиозных, культурных ценностей и традиций и расшатывание таким образом исламского строя с конечной целью его демонтажа. Растущие опасения высшего звена вызывает и возможность выхода на политическую арену Ирана так называемой «третьей силы» – группировок, отстраненных от активной деятельности еще во времена имама Хомейни и выступающих за радикальные перемены в политическом устройстве страны.

Обе политические группировки в руководстве страны (консерваторы и реформаторы) видели своей основной задачей подготовку

к выборам в парламент, которые состоялись в марте 2000 года. Состав нового парламента, в котором представлено большинство сторонников ныне действующего президента М. Хатами, во многом определил внутреннюю политику страны и создал преимущества его группировке как в меджлисе, так и в стране.

Расстановка политических сил в ИРИ

Главным фактором развития внутриполитической ситуации в Иране стали прошедшие в 2001 г. президентские выборы, на которых свою уверенную вторую победу одержал М.Хатами. Вновь переизбранный президент, опираясь на поддержку либерального крыла иранской элиты, продолжил свой курс, направленный на либерализацию внутриполитической жизни, привлечение иностранных инвестиций в экономику страны и преодоление международной изоляции Ирана. В настоящее время обновленное руководство ИРИ предпринимает разноплановые меры по построению так называемого «исламского демократического общества», базирующегося на частной собственности, верховенстве законов и соблюдении прав человека.

Преодолевая сопротивление консервативно настроенной части духовенства, нынешний президент ИРИ приложил немало усилий, чтобы придать новый облик исламскому государству. В частности, был снят запрет на показ многих ранее запрещенных художественных фильмов; количество различных периодических печатных изданий увеличилось до 900 наименований, в материалах СМИ стал допускаться плюрализм мнений; юношам и девушкам было разрешено открыто встречаться, а женщинам – умеренно пользоваться косметикой; за последние два года значительно увеличилось количество постоянно работающих в стране иностранных журналистов; министерство внутренних дел разрешило деятельность студенческих общественных организаций.

В целом население положительно воспринимает проводимые М.Хатами реформы. Об этом свидетельствуют митинги в поддержку президента в ходе предвыборной гонки, а также деятельность «Организации за укрепление единства», которая требует расширения демократических свобод в Иране. Несмотря на это, в высших эшелонах власти по-прежнему существует размежевание политических сил. По мнению аналитиков, представителей правящих кругов можно условно разделить на две большие группировки: «прагматиков» и «исламских ортодоксов».

Так, последние выступают за сохранение в неизменном виде того положения, которое сложилось в ИРИ в 90-е гг. при имаме Р.М.Хомейни. Их программные установки предполагают жестко централизованную, находящуюся под контролем государства экономику; ограничение деятельности крупного частного капитала,

особенно в сфере промышленного производства; исламизацию всех сторон общественно-политической, экономической и культурной жизни; сохранение ислама в качестве единственной системы идеологических ценностей; продолжение экспорта «исламской революции» в другие страны. «Ортодоксы» опасаются, что вместе с западным капиталом в страну, как и при шахе, вновь начнут проникать чуждые иранцам идеи и культурные ценности, которые со временем вытеснят исламские нормы и принципы из обыденной и общественной жизни людей. Наиболее видными представителями этой группировки являются сын имама Хомейни Ахмад, бывший министр внутренних дел А.А.Мохташеми, бывший генеральный прокурор С.Хальхали.

В отличие от «ортодоксов» «прагматики» осознают, что сохранение прежней политико-экономической системы в неизменном виде ведет к застою и развитию кризисных явлений, способных вызвать мощный социальный взрыв. Основу их программы составляют следующие положения:

– широкая приватизация значительной части объектов госсектора; создание условий для развития частного капитала;

– расширение связей с внешним миром, в том числе со странами Запада;

– смягчение исламских канонов с целью формирования более привлекательного имиджа страны на мировой арене и в глазах иностранных инвесторов;

– переход к свободной рыночной экономике.

Однако такое деление на группировки весьма условно, поскольку организационно они никак не оформлены. В то же время некоторые исследователи считают, что, например, «Общество борющегося духовенства» объединяет в своих рядах «прагматиков», а «Ассоциация борющегося духовенства» – «ортодоксов», хотя помимо этих организаций существует множество формальных и неформальных структур, так или иначе поддерживающих либо тех, либо других. Зачастую, о принадлежности того или иного деятеля к «прагматикам» или «ортодоксам» можно судить лишь по той позиции, которую он занимает по конкретному вопросу, а не по его членству в какой-либо организации.

Помимо этого, многие эксперты выделяют также третью группировку, так называемых «исламских консерваторов», или «исламских фундаменталистов», которая занимает промежуточное положение между «прагматиками» и «ортодоксами», поддерживая то одних, то других.

Монополия власти духовенства в недавнем прошлом была веским раздражителем противников исламского режима в Иране, которые утверждали, что демократия в стране подавляется. Однако процесс обновления в общественно-политической жизни

республики привел к появлению большого количества партий. По данным МВД ИРИ, в настоящее время их насчитывается уже более 40. Наиболее влиятельными среди них являются Партия служителей созидания, Исламская рабочая партия, Исламская партия солидарности Ирана, Общество защиты ценностей исламской революции, а также ряд других.

Еще после первого избрания М.Хатами национальные СМИ, получившие беспрецедентную свободу, и теперь могут освещать и комментировать ход политической борьбы между реформаторами и консерваторами в руководстве страны, что, правда, вызывает недовольство жестких клерикалов. Во многом находящиеся под их контролем парламент (меджлис) и высшие судебные органы продолжают попытки затормозить темпы реформ. Так, как указывалось выше, «ортодоксам» удалось нанести ряд ощутимых ударов по окружению президента: в июне 1998 г. под давлением оппозиционной части парламента был вынужден оставить свой пост министр внутренних дел А.Нури. Однако М.Хатами назначил его вице-президентом и таким образом сохранил в своей команде; консервативные религиозные круги также выдвинули обвинения в коррупции в отношении еще одного сторонника президента – мэра Тегерана Г.Х.Карбасчи.

Одним из факторов, оказывающих значительное влияние на развитие внутриполитической ситуации в ИРИ, является процветающий в стране террор. В настоящее время несколько видных политических деятелей числятся без вести пропавшими. По мнению обозревателей, цель организаторов террористических акций – создать в Иране атмосферу страха и остановить начатые президентом М.Хатами реформы. Многие депутаты меджлиса полагают, что за серийными убийствами стоят агенты иностранных спецслужб, а также боевики объявленных вне закона ультрарадикальных исламистских организаций.

Основным событием 1998 г. в Иране стали состоявшиеся в октябре выборы в Совет экспертов ИРИ, которые показали, что, несмотря на студенческие волнения, обострившуюся в последнее время политическую борьбу между консерваторами и умеренными, духовенство продолжает сохранять прочные позиции и пользуется безоговорочной поддержкой значительной части населения.

В целом сложившуюся в верхних эшелонах власти ситуацию можно охарактеризовать как состояние неустойчивого равновесия, которое может продлиться неопределенно долго.

Особенности экономической политики Ирана на современном этапе

В 90-е гг. Иран, осуществляя новую экономическую политику, связанную с переходом к рынку, введением свободных цен,

либерализацией внешнеэкономических связей, приватизацией, показывал устойчивые темпы развития. Среднегодовой темп прироста ВВП превысил 5%, заметный рост был отмечен в производственных отраслях – в обрабатывающей промышленности, металлургии, энергетике, транспорте. Произошло повышение нормы капиталовложений до 23,7%, что свидетельствует о том, что около четверти ВВП реинвестируется в национальную экономику. Таким образом, достигается бездефицитность бюджета. Следует также отметить, что в последние два года ощутимо (с 50% до 20%) сократился уровень инфляции, которая была вызвана главным образом резким падением курса риала вследствие торговых санкций со стороны США.

Подавляющая часть валютных поступлений страны – это доходы от продажи сырой нефти, которые составляют в среднем 14–16 млрд. долл. в год. Их можно рассматривать в целом как гарантированный источник валютных средств. За счет этих поступлений формируется валютная часть государственного бюджета, из которой выделяются ассигнования на приобретение иностранных товаров и услуг (до 2,5–3 млрд. долл.), оплату военных заказов (до 2,5–4 млрд. долл.), строительство объектов, имеющих большое народнохозяйственное значение.

Изменения, происходящие во внутренней и внешней политике Ирана, обусловливают развитие и укрепление экономических связей с государствами СНГ. Предпосылками для развития этих отношений являются: закончившийся процесс формирования политической системы ИРИ, социальная стабильность в стране, все более совершенствующаяся законодательная база и т.д.

Исходя из своего географического положения, Иран заинтересован в том, чтобы играть активную роль в решении вопросов транспортировки нефтегазовых ресурсов прикаспийских республик СНГ на мировые рынки. Это, помимо ощутимой экономической выгоды, могло бы принести Тегерану и значительные политические дивиденды. Однако в настоящее время попытки Ирана совершить прорыв на этом направлении во многом блокируются санкциями США. Сегодня одним из главных направлений экономической политики стало поощрение ненефтяного экспорта и экспортоориентированной промышленности. В результате объемы этого вида экспорта, не превышавшие 300–400 млн. долл. в 80-е гг., к концу 1999 г. возросли до 3–3,5 млрд. долл. Кроме нефти и газа, по запасам которых страна занимает одно из ведущих мест в мире, Иран располагает богатыми месторождениями металлических руд, различного строительного камня и т.д., что способствует созданию новых производств с участием компаний Италии, Германии, Швеции, Японии и других стран.

В то же время наряду с безусловными успехами в деле экономического развития имеются и негативные факторы. Так,

для успешного подъема всех отраслей экономики Иран остро нуждается в иностранных инвестициях. Однако потенциальные инвесторы (к примеру, в нефтегазовую отрасль) сталкиваются с определенными трудностями в связи с принятым в США законом Кеннеди – д'Амато, в соответствии с которым даже неамериканские компании могут быть подвергнуты санкциям, если их инвестиции в иранскую промышленность превысят 40 млн. долл. Тяжелая ситуация сложилась и в финансовой системе ИРИ. Так, в настоящее время внешний долг страны составляет более 15 млрд. долл., а ежегодные выплаты по нему – 5 млрд. долл.

Социальная ситуация в ИРИ

Иран занимает одно из первых мест в мире по приросту населения. За 1997–1998 гг. его численность увеличилась с 60,055 до 67,7 млн. человек. В связи с этим государственное руководство, заручившись согласием высшего духовенства, проводит прагматичную демографическую политику, направленную на снижение темпов рождаемости. Сейчас детская смертность, являющаяся одним из показателей социального состояния общества, резко снижена (30,3 на 1 000 родившихся живыми в 1998 году против 42,4 в 1993 году), а базовая врачебная помощь стала общедоступной.

Уровень грамотности в ИРИ составляет (по данным ЮНЕСКО) более 75% (на 1999 год). В то же время сейчас почти половина всех иранцев – дети в возрасте до 15 лет, и в ближайшие годы специалисты предсказывают дальнейший быстрый рост населения. Социальные проблемы во многом обусловливаются усложнением демографической ситуации. Так, в настоящее время в стране насчитывается более 2 млн. молодых безработных. Для разрешения этой ситуации Ирану в перспективе необходимо создать около 10 млн. рабочих мест. Наличие в стране большого количества неустроенных молодых людей является серьезной политической проблемой, так как именно молодежь сыграла решающую роль в победе на последних выборах президента-реформатора М.Хатами.

Как раз после его избрания в ИРИ установилась атмосфера благожелательности по отношению к молодым людям. Поэтому в бюджете на 2002 г. основное внимание было уделено финансированию новых социальных программ, сдерживанию инфляции, созданию новых рабочих мест. Помимо этого, 400 млн. долл. были выделены на борьбу с производством и контрабандой наркотиков.

Как считают некоторые аналитики, взвешенная внутренняя политика руководства ИРИ, а также наличие больших нефтяных запасов при условии прекращения международной изоляции и раскрепощения внутреннего потенциала могут стать залогом

внушительных темпов экономического роста и социального развития страны.

Военная политика Ирана

В центре внимания руководства Ирана продолжают оставаться вопросы укрепления национальных вооруженных сил, что обусловлено стремлением Тегерана обеспечить себе доминирующие позиции и гарантированное военное превосходство в регионе. По данным СМИ, в настоящее время в ИРИ начата реализация 25-летней программы военного строительства. В ее рамках ежегодно около 5% расходов государственного бюджета направляются на модернизацию вооруженных сил, главной задачей которой является обеспечение национальной армии всеми основными видами вооружений. С 1997 г. предприятия военной промышленности Ирана наладили производство лицензионных танков Т-72Z, национальной разработки «Золфакар»-1, БМП-1 и БМП-2, 122-мм орудий, самоходных гаубиц «Тондар»-1 и «Тондар»-2, бронетранспортеров «Барох» и «Кобра», всей номенклатуры боеприпасов к стрелковому оружию и тяжелому вооружению, новых образцов снаряжения и т.д.

Летом 2001 года прошли успешные испытания разработанных иранскими специалистами ракет «Шахаб-3» и «Шахаб-4», дальность действия которых достигает 1,5 тыс. и 2 тыс. км соответственно. Появление данного вида оружия заметно расширило возможности ИРИ по контролю за ситуацией в регионе. По данным военных источников, в настоящее время ведутся разработки более современных модификаций этой ракеты – «Шахаб-4Д» и «Шахаб-5». По сообщениям национальных СМИ, в декабре 1998 г. в ходе крупномасштабных общевойсковых учений иранской армии «Вахдат-77» («Единство-77») в зоне Персидского залива прошли успешные испытания новой противокорабельной ракеты «Фаджр-4».

ВПК ИРИ способен самостоятельно создавать необходимые для обороны страны ракеты (типа «Огаб», «Назиат», «Зель-зал» и «Шахин») и не нуждается в помощи иностранных держав. Об этом заявил официальный представитель МИД ИРИ. Дипломат подчеркнул, что «Иран не преследует цели овладеть оружием массового поражения, а его военная доктрина носит исключительно оборонительный характер».

Тем не менее, по оценкам западных экспертов, ИРИ стоит на пороге создания ядерного оружия. Однако Тегеран категорически опровергает данные утверждения. Иран является участником Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), имеет действующее с 1974 г. соглашение о гарантиях с МАГАТЭ. Деятельность Ирана в ядерной области как участника ДНЯО находится под полным контролем МАГАТЭ, которое каких-либо нарушений страной своих обязательств не зафиксировало.

Таким образом, по мнению экспертов, вооруженные силы Ирана в настоящее время являются достаточно хорошо оснащенными и способными выполнять любые многоплановые задачи.

Особенности внешней политики ИРИ

Внешнеполитический курс ИРИ с переизбранием президента М.Хатами существенных изменений не претерпел и попрежнему направлен на вывод страны из политической изоляции и повышение авторитета государства на международной арене. В результате действий, предпринятых нынешним кабинетом министров, Ирану удалось наладить отношения со странами Западной Европы, Персидского залива, СНГ.

Особое внимание правительство республики уделяет связям с Россией, которая рассматривается Тегераном в качестве потенциального союзника по ряду важнейших направлений. Это, во-первых, ситуация в Центральной Азии и Закавказье, где политика Ирана не вступает в противоречие с национальными интересами России. Во-вторых, практически единый подход двух стран к решению проблемы Каспия. В-третьих, противостояние турецкому влиянию, в том числе развитию тюркского сепаратизма на территории РФ. Иран рассчитывает с помощью России добиться статуса влиятельной региональной державы, а также укрепить свой экономический и военный потенциал. С иранской стороны имеется устойчивый спрос на продукцию российского ВПК, в том числе запасных частей, средств ремонта и обслуживания военной техники. К настоящему времени стороны договорились о развитии взаимодействия в сфере нефтехимии, газодобычи, транспортировки и переработки нефти. По оценкам экспертов, ежегодный товарооборот между двумя странами в период с 2000 по 2003 годы достигнет 4 млрд. долл.

Важным аспектом ирано-российских отношений является сотрудничество в области энергетики. Иран разрабатывает широкомасштабные программы в этой области с задачей выхода на рынки соседних стран. В одной из таких программ по строительству Буширской АЭС Россия принимает непосредственное участие. В ходе состоявшегося в ноябре 1998 г. визита в Иран делегации российских парламентариев и представителей министерства РФ по атомной энергии был подписан протокол, в соответствии с которым строительство первого блока легководного реактора АЭС будет завершено российской стороной в мае 2003 г. В настоящее время Ирану уже поставлен первый реактор, монтажом и отладкой которого будут заниматься полторы тысячи российских специалистов.

Новым моментом во внешнеполитической деятельности Ирана явилось установление дипломатических и торгово-экономических связей со странами СНГ. Достаточно плодотворные отношения установлены ИРИ с Республикой Азербайджан, чему в немалой

степени способствует культурно-историческая и религиозная близость народов двух стран. Тегеран целеустремленно ведет переговоры с Баку о сотрудничестве в нефтяной отрасли. На сегодняшний день Иран является участником двух проектов по разработке месторождений «черного золота». Уже достигнута договоренность о трансляции программ азербайджанского телевидения в Иране и возобновлении показа иранских программ по телевидению Азербайджана, которые ранее были запрещены в связи с тем, что открыто пропагандировали идеи «исламской революции». Следует заметить, что недовольство Тегерана вызывают «излишне теплые отношения» Баку с Вашингтоном и Тель-Авивом, с которыми Исламская Республика Иран враждует в течение всего времени своего существования.

Важным союзником Ирана в геостратегическом отношении является Армения. Оба государства связывают крепкие исторические узы и общие геополитические интересы. На фоне традиционного соперничества между Ираном и Турцией Тегеран выступает за особый статус Нагорного Карабаха и активно поддерживает Ереван, что особенно ярко проявлялось в период пребывания у власти в Баку протурецкого Народного фронта во главе с А.Эльчибеем.

Иран также энергично налаживает отношения с европейскими государствами. Только в 1998 г. Тегеран посетили представительные официальные делегации Италии, Греции, Норвегии, Швеции, Дании, Швейцарии, Франции. В середине июля 1998 г. в иранской столице состоялись официальные переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел Ирана, Австрии, Великобритании, Германии при участии высокопоставленных представителей ЕС. Стороны договорились о том, что, несмотря на сохраняющуюся у европейцев и иранцев настороженность по отношению друг к другу, не следует упускать реальную возможность сближения ЕС и ИРИ. Так, англо-голландская компания «Шелл» и независимая британская компания «Лаемо» подписали с иранской нефтяной компанией ИННК контракт на разведку нефти в Каспийском море на сумму 19,8 млн. долл. Заключено также двустороннее соглашение об экономическом сотрудничестве между Ираном и Италией.

В то же время деятельность ИРИ на международной арене сдерживается рядом внешнеполитических факторов, в первую очередь, позицией США, Турции, Саудовской Аравии и Израиля. Так, Соединенные Штаты оказывают давление на ЕС, Японию, Канаду, добиваясь установления жестких торговых санкций, чтобы не допустить передачи ИРИ современных технологий. Вашингтон также пытается заставить Москву отказаться от продажи Тегерану ядерных технологий, оборудования и материалов.

Специалисты высказывают предположение, что в ближайшем будущем США и Турция попытаются столкнуть интересы Ирана, Туркмении, Узбекистана, Казахстана как потенциальных конкурентов на сырьевых рынках в связи со строительством нефте- и газопроводов, проходящих по территориям России, Туркмении, Ирана, Армении. В то же время отмечается, что начавшемуся сближению стран ЕС, республик Закавказья, Центральной Азии и России с Ираном не сможет помешать проводимая США «антииранская кампания», так как курс Вашингтона в отношении Тегерана является тупиковым и контрпродуктивным, что уже осознали руководители почти всех европейских государств. Смягчение позиции руководства ИРИ в отношении ранее приговоренного к смертной казни автора скандальной книги «Сатанинские стихи» С.Рушди также в немалой степени способствовало сближению Ирана с Великобританией, Японией, ФРГ и другими странами.

Таким образом, несмотря на нерешенность многих внутриполитических и экономических проблем, правительству Исламской Республики Иран удается обеспечивать стабильность развития хозяйственного комплекса, рост международного авторитета и влияния в регионе. Дальнейшее развитие и укрепление связей Ирана с Россией и Западной Европой может сыграть заметную роль в деле создания сильного геополитического союза в Евразии.

Амир Рифаат

ПРОБЛЕМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ РЯДА АРАБСКИХ СТРАН)

В 90-е годы Арабский Восток стал ареной интенсивных усилий по перестройке хозяйственной сферы, активизировал борьбу за достойное место в системе международного разделения труда. Особое место в этом процессе занимают такие направления, как либерализация в сфере хозяйства и внешнеэкономических связей, разгосударствление и приватизация собственности, создание современных финансовых инструментов, свойственных рыночным экономикам.

После обретения независимости в арабских странах Ближнего Востока возникли общества авторитарного типа с гипертрофированной ролью государства в экономике и других областях жизни этих государств. Сформированный для выполнения производственных, а также регулирующих и распределительных функций госсектор и разросшаяся на его основе бюрократическая буржуазия со временем превратились в осязаемый тормоз развития, содействуя нарастанию массы негативных явлений, в частности, коррупции, бесхозяйственности, затратных в целом методов хозяйственной деятельности. Это консервировало низкую эффективность аппарата управления, отрицательно сказывалось на работе всего воспроизводственного механизма.

Необходимость преодоления негативных факторов и ускорения хозяйственного роста привела к тому, что в истекшем десятилетии рыночные преобразования превратились в характерную черту регионального экономического пространства. Проблема из плоскости целесообразности перешла в стадию выбора путей, методов и темпов их проведения. Безусловно, специфические внутренние и внешние условия, степень подготовленности к рыночным реформам предопределяют особенности их проведения в конкретных арабских странах.

Назревшую потребность в переменах наглядно демонстрирует пример Египта, где основы проводимой экономической политики, как отмечалось в начале данного исследования, были заложены в 1991 г., когда руководство страны начало осуществление комплексной программы экономической реформы, ключевым элементом которой является приватизация государственных предприятий.

К подготовительному этапу приватизации египетское правительство приступило в 1991 г., приняв закон № 203 о компаниях «бизнес-сектора» и декрет № 1590, которым было утверждено исполнительное

регулирование этого нормативного акта. Необходимо пояснить, что согласно закону № 203, под компаниями «бизнес-сектора» понимаются 314 государственных компаний, ставших объектом приватизации[1].

Указанный закон внес значительные изменения в законодательство Египта, регулирующее деятельность компаний и организаций государственного сектора, поскольку в соответствии с ним попавшие под его юрисдикцию компании «бизнес-сектора» приобрели некоторые организационные и функциональные черты частных компаний. Так, для руководства и контроля структур «бизнес-сектора» были созданы 17 холдинговых компаний, капиталы которых, как определено законом, рассматриваются «в качестве собственности государства». Они получили контрольные пакеты в размере не менее 51% капитала своих дочерних фирм.

Деятельность акционированных компаний «бизнес-сектора» начала базироваться на коммерческой основе. В частности, необходимые средства они стали получать не непосредственно из государственного бюджета, а в виде займов от государственных банков под гарантии правительства. В соответствии с положениями нового закона, управление компаниями перешло в ведение советов директоров и общих собраний акционеров.

Важным шагом на пути осуществления приватизации в АРЕ следует считать принятие в 1992 г. закона № 95 о рынке ценных бумаг. Этот закон и его исполнительное регулирование, предусмотренное декретом № 135 от 1993 г., установили четкие правила эмиссии ценных бумаг, организации деятельности фондового рынка, а также операций, которые разрешается проводить на нем, порядка учреждения и деятельности инвестиционных фондов, процедуры разрешения возникающих споров, наложения штрафных санкций и ряд других вопросов деятельности рынка ценных бумаг[2].

В соответствии с законом № 95 египетские и иностранные физические лица получили право на участие в учреждении компаний, осуществляющих эмиссию ценных бумаг и торговлю ими, на создание инвестиционных фондов, страховых и брокерских фирм.

Указанные нормативные акты, а также изменения, внесенные в 1992–1993 гг. в египетское законодательство, регулирующее банковские операции, создало необходимую юридическую базу для проведения приватизации государственных предприятий. Важно отметить, что по мере возникновения новых задач, и в частности, с целью расширения сфер приватизации принимались дополнительные законодательные акты, такие, например, как законы № 155 и № 156 от 1998 г., разрешившие продажу акций государственных банков и страховых компаний, или декреты о превращении «Eguiptian Electricity Authority» и «National Telecommunications Organization» в две акционерные компании в целях подготовки к началу открытой подписки на часть их акций[3].

Практическое осуществление приватизации в АРЕ началось в 1994 г. В течение первого этапа, который продолжался до конца 1995 г.,

была приватизирована всего 21 компания. В начале 1996 г. темпы приватизационного процесса в Египте заметно ускорились. В феврале указанного года новый кабинет министров предложил в рамках общей программы разгосударствления приступить к немедленной реализации приоритетного списка, который предусматривал стопроцентную передачу в частные руки 14 промышленных компаний, 36 гостиниц и 6 торгово-сбытовых сетей, а также долевое участие частных инвесторов в еще 42 корпорациях[4].

В результате предпринятых египетским правительством усилий в период второго этапа приватизации (1996–1998 гг.) было продано 98 компаний, которые включали структуры, действовавшие в области сельского хозяйства, строительства, цементной, пищевой, фармацевтической, химической, машиностроительной и текстильной отраслей промышленности, оптовой торговли и др. Всего же за период с 1994 г. по 1998 г. в АРЕ было приватизировано 119 из 314 намеченных к приватизации компаний, т.е. 38%. За их акции получено 8988 млн. ег. ф. (2651 млн. долл.)[5].

Принятые египетским правительством в конце 1998 г. меры, внесшие значительные изменения в осуществление процесса приватизации, позволяют сделать вывод о начале нового этапа, в течение которого планируется завершить приватизацию компаний «бизнес-сектора».

В частности, новым инструментом в процессе разгосударствления стало решение о проведении открытых аукционов, на которые были выставлены акции 31 компании со стартовой ценой в 2,7 млрд. ег. ф. (0,8 млрд. долл.). В число компаний, выставленных на продажу, вошли предприятия горнодобывающей и пищевой промышленности, а также компании по производству огнеупоров, удобрений, бумаги, металлоконструкций, грузовиков, автобусов, цемента и краски. Пакеты акций этих структур в размере от 51% до 95% привлекли заметный интерес местных и иностранных инвесторов. На каждый из них было получено от 3 до 16 предложений[6].

В этой связи важно отметить, что иностранные инвесторы начали верить в серьезность приватизационных намерений египетского правительства. Так, если до середины 1996 г. предложения от них на приобретение долевого участия в акционируемых предприятиях, как правило, не превышали 1,5 млн. долл., то, например, к акциям государственной корпорации «Наср сити холдинг энд констракшн» проявили интерес 36 иностранных инвесторов, и один из них приобрел ценные бумаги «Наср» на 12 млн. долл. Иностранный капитал, отмечает «Уолл-стрит джорнэл», вообще значительно активизировался на Каирской бирже, где на него теперь приходится около 40% всего объема совершаемых сделок[7].

Кроме того, было принято решение о выставлении на открытые торги оставшихся в распоряжении государства пакетов ценных бумаг в размере от 20% до 40% приватизированных ранее компаний, акции которых котируются на египетском фондовом рынке.

Несмотря на ожидаемое ускорение процесса приватизации в АРЕ, вряд ли удастся, как предполагалось ранее, завершить намеченную программу в срок ввиду ряда причин социально-экономического характера. Так, по мере продажи акций наиболее рентабельных компаний все больший удельный вес среди предлагаемых для приватизации предприятий стали занимать компании, имеющие серьезные финансовые проблемы, обусловленные в числе прочих причин значительным количеством избыточных занятых.

Сомнение аналитиков вызывает принципиальная возможность 100%-ной приватизации или ликвидации ряда компаний и, в первую очередь, таких, например, как Хелуанский металлургический комбинат, продолжающий играть важную роль в экономике страны, но являющийся в условиях господствующей в последнее время конъюнктуры на рынке черных металлов убыточным предприятием.

Нельзя сбрасывать со счетов и то важное обстоятельство, что на протяжении более чем сорока последних лет государственный сектор экономики гарантировал занятость более чем одной трети рабочей силы Египта, превышающей 17 млн. чел. И хотя президент Хосни Мубарак торжественно обещал, что в результате приватизации не сократят ни одного рабочего места, безработица в АРЕ в начале 1997 г. оценивалась в 16,5% самодеятельного населения, и она продолжает расти. Аналитики считают, что из 1 млн. рабочих и служащих в компаниях, меняющих форму собственности, как минимум, 10% окажутся без работы[8].

Тем не менее следует отметить определенные успехи АРЕ в приватизации, признаваемые и ведущими международными финансовыми организациями. Так, в частности, по данным МБРР, среднегодовое отношение поступлений от приватизации к ВВП, по состоянию на середину 1998 г. составило для Египта 1,5%. По этому показателю АРЕ занимала четвертое место после Новой Зеландии – 2,2%, Малайзии – 2,1% и Чехии – 1,9%[9].

Египет является лидером в проведении приватизации среди стран Ближнего Востока и Северной Африки. В период с 1990 г. по 1996 г. доля АРЕ в общих поступлениях от приватизации в этом регионе составила 55%[10].

Помимо отмеченных показателей, важным индикатором являются результаты деятельности приватизированных компаний. Как свидетельствуют итоги проведенного в 1999 г. выборочного обследования 28 приватизированных компаний текстильной, пищевой, химической, электротехнической и цементной промышленности, а также строительных фирм, показатели деятельности большинства из них заметно улучшились. Например, у 20 компаний (71%) возрос объем продаж, доходы до вычета налогов повысились у 19 фирм (68%), средняя зарплата увеличилась на предприятиях 27 структур (96%), задолженность по банковским кредитам сократилась у 23 компаний (82%)[11].

Наряду с приватизацией египетское правительство в 90-е годы осуществило еще ряд крупных шагов, направленных на либерализацию национальной экономики. К ним следует прежде всего отнести поощрение частного предпринимательства путем устранения контроля в области капиталовложений и производства, дискриминации частного сектора в вопросах приобретения государственной собственности; укрепление роли коммерческих банков, либерализацию валютного рынка и процентных ставок по вкладам и кредитам; либерализацию цен на большинство промышленных и сельскохозяйственных товаров; изменения в сфере регулирования внешнеэкономических связей, которые затронули все его аспекты: таможенный режим, регулирование экспортных и импортных операций, инвестиционное, налоговое и валютное законодательство, фирменную структуру.

В рамках глобального курса египетского руководства на последовательное внедрение основ современной рыночной экономики внешнеторговое законодательство постепенно расширяло перечень товаров, которые могли поставлять за границу частные компании. В настоящее время они получили право экспортировать товары практически всей номенклатуры разрешенной к вывозу продукции. Параллельно с этим к концу 90-х годов в ежегодно составляемом Министерством экономики и внешней торговли Египта списке товаров, монопольным правом на импорт которых располагают компании государственного сектора, осталось две-три позиции.

Либерализация внешней торговли страны, помимо сокращения нетарифных ограничений, коснулась и таможенного тарифа. Последней инициативой в этой сфере является указ президента АРЕ от 11 июля 1997 г., в соответствии с которым импортные пошлины в Египте снижены на 5%. В частности, максимальный тариф (на электротовары, стиральные машины, холодильники и телевизоры) уменьшен с 55 до 50%[12].

Другой важный нормативный акт, принятый в 1997 г., предусматривает снижение налога на продажу готовой продукции в зависимости от содержания в ней деталей и узлов отечественного происхождения. Наиболее радикальные сокращения предусматриваются по товарам, в которых оно составляет не менее 60%.

Инвестиционное законодательство АРЕ в 90-е годы также претерпело определенные изменения. 6 мая 1997 г. Народное собрание Египта одобрило закон № 8 о стимулировании инвестиций. Этот документ, по существу, объединил инициативы в данной области, содержащиеся в ранее принятых законах о компаниях и инвестициях, упростил условия реализации новых проектов. Кроме того, закон поощряет инвесторов действовать в приоритетных районах (за пределами долины Нила). При этом наиболее значительные льготы предоставляются для проектов, осуществляемых в «Новой Долине», зоне развития на юго-западе АРЕ. Инвесторы освобождаются от налогов на 20 лет. В других зонах развития этот период ограничивается десятью

годами, а в городской местности – пятью. Правительство имеет право предоставлять земельные участки в бесплатное пользование в рамках приоритетных проектов в обрабатывающей промышленности, гостиничном деле, сельском хозяйстве (сооружение силосных башен) и на грузовом транспорте[13].

Либерализации инвестиционного законодательства в АРЕ в рассматриваемый период способствовало также принятие ряда других законодательных актов. Так, закон № 100/96 отменил монополию государства на строительство крупных энергетических объектов и продажу электроэнергии, предоставив частным инвесторам, включая иностранных, право реализовывать ее потребителям в Египте и за рубежом. В то же время государство регулирует тарифы на электроэнергию, руководствуясь основополагающими принципами социальной политики. Этим же документом декларируется право на строительство и эксплуатацию предприятий коммунального хозяйства при ограничении соответствующей концессии 99 годами[14].

Закон № 229/96 позволяет инвесторам строить и эксплуатировать инфраструктурные объекты, включая автодороги, мосты, аэропорты, а также взимать с пользователей соответствующую плату для компенсации понесенных расходов. Срок концессии не должен превышать 99 лет[15].

Параллельно с постепенной либерализацией внешнеторгового регулирования и совершенствованием инвестиционного законодательства соответствующие коррективы вносились и в сферу валютных расчетов АРЕ. Существенная реорганизация валютного законодательства с целью его либерализации и унификации была проведена в феврале 1991 г.[16] Она предусматривала создание в АРЕ двух валютных рынков – первичного и вторичного.

Первичный рынок осуществляет операции с иностранной валютой через Центральный банк Египта и уполномоченные для этих целей банки. Эти банки покупают и продают валюту на свои средства и под свою ответственность в рамках действия рынка.

К операциям с иностранной валютой в рамках вторичного или свободного рынка допускаются банки и другие организации, получившие лицензии на осуществление валютных операций в АРЕ от министра экономики и внешней торговли по согласованию с управляющим Центральным банком.

В соответствии с действующими в АРЕ валютными правилами нерезиденты могут открывать в Египте свободные счета в СКВ или египетских фунтах, которые пополняются переводами СКВ из-за границы, переводами с других таких же счетов, вложением наличных банкнот, зарегистрированных в таможенной декларации, а также переводами эквивалента иностранной валюты со свободных счетов в египетских фунтах и процентов по этим счетам. Средства с указанных счетов могут переводиться за границу, а также на другие такие же

счета в АРЕ или на свободные счета в египетских фунтах. Кроме того, они могут быть получены наличностью.

Известно, что нормальное функционирование рыночной экономики невозможно без развитого фондового рынка. Египетский фондовый рынок относится к числу наиболее молодых, но динамично развивающихся рынков ценных бумаг в мире. Заметное оживление биржевой активности в АРЕ произошло после принятия в 1992 г. уже упоминавшегося закона о рынке ценных бумаг. Этот документ прежде всего снял ряд налоговых проблем, мешавших развитию фондовой торговли (ранее налоги на нее превышали 40% прибыли, что в условиях отсутствия налогообложения банковских вкладов, делало биржевую деятельность невыгодной). В настоящее время прибыли от операций с ценными бумагами компаний по так называемому списку «А» (т.е. компаний, насчитывающих более 150 акционеров и выставивших для открытой подписки не менее 30% своих акций) облагаются только 2%-ным налогом на прибыль с капитала. Кроме того, в значительной мере был ослаблен государственный контроль за деятельностью бирж.

Принятие этого закона наряду с общими позитивными сдвигами в экономике и финансах АРЕ привело к резкому подъему активности фондового рынка в конце 90-х годов. Так, общий оборот фондового рынка вырос с 735 млн. долл. в 1994 г. до 20,9 млрд. долл. в 1998 г., или более чем в 28 раз[17].

Необходимо отметить, что по сравнению с Египтом другие арабские страны Ближнего Востока в 90-е годы менее значительно продвинулись по пути экономической либерализации. В то же время в большинстве из них также происходил постепенный отказ от административных методов управления в пользу рыночных, реализовывались меры по созданию условий для функционирования рыночно-ориентированных моделей хозяйствования, поощрению частнопредпринимательской деятельности и усилению конкуренции.

Сирия, как и арабский регион в целом, не может находиться в стороне от тех изменений, которые происходят в мире и тесно связаны с глобализацией экономики, становлением и укреплением рыночных принципов, либерализацией условий функционирования хозяйственного механизма. Это подтверждается активизацией в 90-е годы в САР политики экономических реформ, создающей более благоприятные условия для развития частной инициативы в стране и нацеленной на частичную либерализацию экономики и внешнеэкономических связей.

Первым шагом на пути рыночных преобразований, видимо, можно рассматривать изменения, внесенные в инвестиционное законодательство страны и, в первую очередь, принятие в 1991 г. закона № 10 об инвестициях[18]. Этот нормативный акт значительно расширил сферу для частного инвестирования, разрешив резидентам и нерезидентам производить частные или «смешанные» капиталовложения,

по существу, во всех сферах сирийской экономики. Инвестируемый капитал не должен был быть меньше 10 млн. сир. ф. (240 тыс. долл.), и все инвестиционные проекты подлежат утверждению Высшим советом по инвестициям. При принятии решения учитывались такие факторы, как ожидаемый вклад проекта в ВВП страны и в создание экспортного потенциала, его влияние на рынок труда и занятость, а также ускорение модернизации производства. Одобренные проекты освобождались от налогообложения на срок до 7 лет. При этом инвесторам гарантировались право на репатриацию вложенного капитала и прибылей, а также широкий набор льгот в отношении налогов и таможенных пошлин.

Однако этот закон страдал серьезными недостатками, поскольку не мог в своих положениях опережать эволюцию экономических взглядов правящей партии. В 1998 г. в этот закон были внесены изменения и дополнения, улучшавшие в известной мере инвестиционный климат страны. Так, постановление кабинета министров № 6, опубликованное в сентябре 1998 г., предусматривает следующие дополнительные льготы для предприятий и компаний, на которые распространяется закон № 10: разрешен экспорт 100% производимой продукции (ранее 75%); увеличено предельное число иностранцев в советах директоров компаний; дополнительные налоговые льготы предоставляются предприятиям, расположенным вне гг. Дамаск и Халеб. Согласно постановлению, расширялись полномочия заинтересованных министерств и ведомств для решения проблем инвесторов непосредственно на местах[19]. Только в 2000 г. был принят новый закон об иностранных инвестициях, который более соответствует реформистским устремлениям власти и создает более привлекательные условия для инвесторов за счет либерализации прав владения землей под проектами и некоторых других моментов.

Параллельно с законом № 10, документом был введен в действие другой документ – закон № 20, согласно которому существенно снижались налоги на предпринимательство[20]. До этого налоги на прибыль могли достигать, по крайней мере теоретически, 90% и более. Именно поэтому представители частного сирийского бизнеса, особенно промышленники, в течение долгого времени добивались изменения налогового законодательства.

В 90-е годы сирийское руководство предприняло ряд важных мер, которые в определенной степени ослабили монополию государства на операции с иностранной валютой, а также его позиции в сфере внешнеэкономических связей. В 1990 г. государство предложило частным экспортерам покупать у них экспортную выручку, если они не собирались ее использовать для дальнейших экспортно-импортных операций, по курсу соседних стран (как более выгодному для участников сделок) и предоставлять валютные средства нуждающимся импортерам через Сирийский коммерческий банк (СКБ)[21]. Эта мера

представляла собой качественно новый шаг по пути либерализации валютной сферы, поскольку таким образом в стране были узаконены сделки с иностранной валютой, а государство частично отказывалось от своей юридически закрепленной монополии на валютные операции. В 1992 г. курс соседних стран был официально принят практически для всех индивидуальных предпринимательских сделок, включая ту часть выручки в иностранной валюте, которую экспортеры все еще должны были уступать СКБ[22]. Некоторые виды экспорта (например, отдельных овощей и фруктов) были полностью освобождены от предписания, обязывающего экспортеров продавать часть своей выручки в иностранной валюте СКБ.

Курс соседних с Сирией стран стал постепенно распространяться на все новые и новые типы сделок. В середине 90-х годов уже примерно 80% валютных операций в стране осуществлялись по указанному курсу[23]. С 1991 г. правительство начало рассчитывать некоторые бюджетные статьи, экспорт и импорт товаров в госсекторе, исходя из курса, сложившегося в соседних с САР странах. Перечисленные факты свидетельствуют о намерении Сирии постепенно перейти к использованию единого курса национальной валюты.

Этот процесс сопровождался определенным снижением роли государства в области внешней торговли при сохранении общего контроля над ней. Так, частный сектор получил право импортировать сырье для государственных компаний, которые сами не могли обеспечить себя валютой для экспортно-импортных операций[24].

С начала 90-х годов нерезиденты получили право на импорт товаров, которые ранее им было запрещено ввозить. Частные лица могли оперировать товарами, выступая от имени государственных внешнеторговых организаций. Кроме того, была упразднена монополия госсектора на импорт и оптовую продажу торговцам и перекупщикам таких потребительских товаров первой необходимости, как рис, чай, сахар, кофе и пищевой жир. Подобным же образом постепенно была отменена госмонополия на закупку некоторых овощей и фруктов у фермеров. Государство сохраняло монополию на заготовку только тех видов сельскохозяйственной продукции, которые рассматриваются как стратегические, в частности, хлопок, пшеница, сахарная свекла[25].

Механизм государственного контроля над внешней торговлей в Сирии продолжает существовать, однако его использование стало более ограниченным. Так, государственные банки, осуществлявшие ранее полный контроль над частным экспортом и импортом, постепенно стали играть роль посредника во внешнеторговых операциях.

Подводя итоги либерализационным мерам, принятым сирийским правительством в 90-е годы, можно сделать вывод о том, что в стране постепенно создается модель экономического развития, ориентированная на рыночные отношения и частную собственность. Отказавшись от части хозяйственных функций и расширив поле деятельности

частного бизнеса, государство смогло решить некоторые проблемы финансового характера и мобилизовать определенные ресурсы частного сектора, которые, в противном случае, привлечь в сирийскую экономику было бы невозможно. Частный сирийский капитал завоевывает все новые и более прочные позиции в экономике страны. В конце 90-х годов более 60% ВВП САР приходилось на негосударственный сектор, при этом его доля достигала 98% в сельском хозяйстве, 72% – в сфере транспорта, 62% – в обрабатывающей промышленности и 13% – в сфере услуг[26].

Тем не менее дальнейших радикальных структурных изменений в Сирии в истекшем десятилетии не произошло. Крупномасштабная приватизация собственности в этот период в стране не проводилась. В этой области правительство в конце 90-х годов сделало лишь первые шаги, рассмотрев проекты по созданию необходимых элементов рыночной инфраструктуры (фондовой и валютной биржи, частных банков и т.п.). Однако существенных сдвигов не произошло, кроме открытия отделений трех иностранных банков в свободной зоне, хотя этот факт является говорящим на фоне тридцатилетнего запрета на операции зарубежного капитала внутри страны.

Либерализация экономики, приватизационный процесс имеют свои специфические особенности и в арабских государствах Персидского залива.

Как уже неоднократно отмечалось, в странах ССАГПЗ доминирует государственный сектор. Решающую роль в установлении жесткого контроля государства над хозяйственной деятельностью сыграло преобладание нефтяного сектора. В результате к началу 90-х годов на государственных предприятиях производилась преобладающая доля ВВП аравийских монархий. Как и в других арабских странах, разбухший государственный аппарат, главным образом выполняющий функцию распределения государственных доходов, регулировал, в основном монопольно, экономическую жизнь.

Нестабильность нефтяных доходов в течение почти пятнадцати последних лет предопределила растущее осознание правящими элитами стран Аравийского полуострова необходимости экономической либерализации и радикального пересмотра путей и методов управления экономикой.

К проведению глубокого реформирования национального хозяйства с целью создания условий для постепенного перехода к рыночной экономике Саудовскую Аравию подталкивает накопление комплекса негативных социально-экономических факторов, а также поиск способов ускорения экономического роста. Руководство королевства, как показывает анализ, осознало пагубные последствия сохранения значительного дефицита государственного бюджета, промедления в осуществлении структурной перестройки и поддержания сбалансированного развития общественного производства только за счет высоких цен

на нефть. Помимо этого, появилось понимание, что политика сдерживания государственных расходов недостаточна для обеспечения высоких темпов экономического роста и необходимого уровня инвестиций. «Поворот к частному сектору делает бюджет более независимым». Эта точка зрения отражает суть нового подхода государства к экономической политике. Ведь «по мере укрепления своих позиций частный капитал перестанет рассматривать государство как свою опору. Процесс воспроизводства станет менее зависимым от нефтяного сектора»[27].

Многие аналитики в качестве ключевого пункта экономической реформы рассматривают либерализацию фондового рынка страны, начало которому было положено в 1997 г. решением Валютного агентства Саудовской Аравии (ВАСА, Центральный банк), одобрившим создание Саудовско-американским банком («Samba») совместного фонда («The Saudi Arabian Investment Fund»). В соответствии с этим решением всем иностранным инвесторам разрешено осуществлять сделки на рынке ценных бумаг королевства. Ожидается, что другие саудовские банки последуют примеру «Samba» и создадут свои фонды для привлечения капиталов из-за границы[28].

Реформа фондового рынка Саудовской Аравии необходима, поскольку, несмотря на более высокую капитализацию по сравнению с любой другой арабской страной (около 48 млрд. долл. в 1996 г.), он является относительно неликвидным: оборот, например, в 1996 г. составил лишь 15% общей капитализации[29]. В идеале реформа должна включать создание независимой структуры, регулирующей рынок. В настоящее время листинг компаний, акции которых котируются на рынке ценных бумаг, осуществляет Министерство торговли, а ВАСА контролирует долю акций, участвующих в сделках купли-продажи. Потенциальные иностранные инвесторы хотели бы, чтобы их права были четко оговорены и закреплены в саудовском законодательстве.

В середине 90-х годов на фондовом рынке королевства оборачивались акции лишь 70 компаний, многие из которых являлись акционерными обществами закрытого типа. С целью привлечения на рынок ценных бумаг страны крупных семейных фирм Министерство торговли в июле 1997 г. выпустило инструкцию, впервые предусматривающую, чтобы частные фирмы, трансформирующиеся в акционерные компании открытого типа, владели капиталом не менее 75 млн. сауд. риалов (20 млн. долл.)[30]. Появилась надежда, что разработка четкого критерия и относительно небольшой размер требуемого минимального капитала будут стимулировать саудовских бизнесменов, владеющих семейными фирмами, начать операции на фондовом рынке. Однако требование инструкции, чтобы доход на акцию составлял, как минимум, 10% в течение пяти лет до включения компании в листинг, рассматривается некоторыми предпринимателями как слишком жесткое.

Следует отметить, что пока процесс акционирования в Саудовской Аравии развивается медленно. Саудовские компании все еще

находятся на стартовой позиции по сравнению с их соседями по Персидскому заливу или ведущими египетскими семейными фирмами. В качестве первого шага к последующим преобразованиям они избирают превращение в закрытые акционерные общества. Так, в конце 90-х годов саудовская «Al-Zamil Group» создала закрытую акционерную компанию «Al-Zamil Industrial Investment Co.», 60% капитала которой принадлежит членам семьи. Остальная часть была размещена среди местных инвесторов, а также из стран ССАГПЗ.

В подобную структуру превратились сравнительно недавно и две другие семейные структуры королевства – «Ahmed H. Fitaihi Company of Jeddah» и «National Commercial Bank» (NCB) – крупнейший частный банк на Ближнем Востоке. При этом новые инвесторы «Fitaihi» получили 25% акций. Владельцы NCB продали 20% акций банка восемнадцати новым акционерам, начав тем самым процесс, который может привести со временем к открытой подписке[31].

Важной составной частью экономической реформы должна стать подготовка нового налогового законодательства. По словам саудовского министра финансов И.Ассафа, налоговый режим будет изменен таким образом, чтобы создать равные условия для конкуренции местных и иностранных компаний[32].

Вторая половина 90-х годов стала в определенном смысле переломным периодом и с точки зрения перехода саудовского руководства от декларативных заявлений о готовности предпринять решительные шаги по активизации частнопредпринимательской деятельности к практической реализации этой политики.

Весной 1997 г. саудовский министр промышленности и электроэнергетики Х.Ямани выступил с предложениями по реструктуризации электроэнергетики королевства. Основной акцент в них делался на замену четырех убыточных государственных компаний, действующих в этой сфере, новой горизонтальной структурой, которая должна была создать самостоятельные подразделения с привлечением частного капитала для производства, передачи и распределения электроэнергии[33].

Важное значение саудовское правительство придает привлечению частного сектора в сферу оказания коммунальных услуг. Так, еще в 1995 г. Королевская комиссия по Джубейлю и Янбу (двум крупнейшим промышленным зонам королевства) объявила о плане создания специальной частной компании для удовлетворения растущего спроса на энергию, питьевую и охлажденную морскую воду и другие коммунальные услуги. Эта компания, как предполагается, с финансовой, коммерческой и юридической сторон, а также с точки зрения применения методов заключения контрактов станет моделью для осуществления других энергетических, инфраструктурных и промышленных проектов в королевстве[34].

В планах саудовского руководства по созданию условий для продвижения к рыночной экономике и уменьшению бремени, которое

несет государство, немаловажное место отводится коммерциализации и приватизации ряда государственных компаний. Так, в процессе разгосударствления находится «Saudi Arabian Airlines» («Saudia»), реорганизация которой началась в 1996 г. Правительство объявило о возможной продаже 30% акций высокоприбыльной промышленной корпорации САБИК, что может привести к сокращению доли государства в ее капитале до 40% (с учетом продажи 30% акций в 1987 г.). Кроме того, одобрены рекомендации Администрации саудовских морских портов («Seapa»), касающиеся последовательной приватизации в сфере портовых услуг, ремонтных служб и управления[35].

Приватизационный процесс в Кувейте начался в 1993 г. с продажи «Kuwait Investment Authority» 30% акций, принадлежавших ему в «Kuwait Food Co.», а в 1994 г. была разработана стратегия полномасштабной приватизации[36]. Комитет, созданный правительством с этой целью, предложил следующие рекомендации: создание приватизационного ведомства под контролем Министерства финансов, ревизия действующих законов, инструкций и других нормативных актов, привлечение иностранных инвесторов и менеджеров, частичная приватизация нефтепереработки и нефтехимии. Ключевой рекомендацией являлось частичное разгосударствление отраслей, связанных с нефтедобывающей промышленностью. В докладе комитета в качестве первоочередных объектов для смены собственности были названы: «Kuwait Oil Tanker Co.», «Kuwait Foreign Petroleum Exploration Co.», «Oil Engineering Company Santa Fe», «Kuwait Aviation Fuelling Co.», внутренняя сеть распределения нефтепродуктов, некоторые новые проекты «Petrochemical Industries Co.»[37].

Другие рекомендации включали продолжение приватизации телекоммуникационных компаний, продажу как минимум 25% акций «Kuwait Airways Corporation», полное акционирование «Kuwait Public Transport Corporation», продажу около 70% акций «Kuwait Investment Authority» в 39 компаниях, зарегистрированных на фондовой бирже[38].

В 90-е годы Оман также сделал твердую ставку на сильный частный сектор в своей экономической стратегии. «Правительство должно стимулировать приватизационный процесс. Дать возможность частному сектору выполнять свою роль»[39]. Эти слова министра развития султаната М.Аль-Юсефа могут считаться лозунгом экономической перестройки в этой стране.

Пробным шагом в области приватизации в Омане был проект «Манах», который стал также первым частным энергетическим объектом на Ближнем Востоке. Другим передовым проектом региона, базирующимся на концепции вертикальной интеграции, может стать строительство в султанате частной электростанции «Саляля» мощностью 200 МВт. Это означает, что владелец объекта будет производить электроэнергию, передавать ее и распределять в определенном районе. Он будет напрямую выставлять счета потребителям и собирать плате-

жи в отличие от проекта «Манах», в соответствии с которым частные предприниматели, построившие электростанцию мощностью 90 МВт в 1996 г., продают электроэнергию государству[40].

Приватизационная программа Омана включает также ряд других проектов в области инфраструктуры. В частности, финансирование, строительство и эксплуатацию новой водораспределительной системы в Маскате частным консорциумом, возглавляемым местной компанией «Galfar Engineering and Contracting», сооружение насосной станции и водораспределительной сети в Мисурате; сооружение крупного транзитного порта в Саляля с использованием элементов как государственного, так и частного финансирования и др. Частный сектор прочно утвердился также в области профессионального обучения и образования: во второй половине 90-х годов в стране насчитывалось около 70 частных школ[41].

Оман (вслед за Египтом) добился в 90-е годы заметного прогресса в акционировании семейного бизнеса и развитии рынка ценных бумаг. В частности, оманская «Tawoos Group» исключила членов семьи из управления компанией. Семейные собственники и директора в компаниях «Tawoos» и «Renaissance» лишились всех исполнительских полномочий. Они теперь занимаются разработкой стратегии на уровне советов директоров, передав управление филиалами в руки квалифицированных менеджеров. Оманские компании, желающие принимать участие в работе фондовой биржи Маската (Muscat Securities Exchange – MSM), получают налоговые льготы. MSM опередил аналогичные структуры в странах-членах ССАГПЗ с точки зрения готовности пригласить к участию иностранных инвесторов[42].

Таким образом, практика истекшего десятилетия показала, что Оман нащупывает свой путь перехода к рыночной экономике. Важное место при этом отводится приватизации с целью более широкого вовлечения частного сектора в процесс экономического развития султаната.

Что касается трех других монархий – ОАЭ, Катара и Бахрейна, то с точки зрения экономической либерализации наиболее продвинулись Эмираты, где в мае 1996 г. была обнародована широкомасштабная программа приватизации электроэнергетики и водоснабжения Абу-Даби. Необходимо отметить, что реструктуризация указанных областей осуществляется быстрыми темпами. Созданный для этой цели Комитет по приватизации при содействии международных консультантов уже разработал новую систему регулирования этой сферы и начал реорганизацию Департамента водоснабжения и электроэнергетики. Ощутимый прогресс наблюдался также в осуществлении первого частного энергетического проекта – «Тавиля А-2»[43].

Президент ОАЭ шейх Зайд Аль-Нахайян в августе 1997 г. подчеркивал, что программа приватизации затрагивает не только электроэнергетику и водоснабжение, она включает выработку новой стратегии развития. «Абу-Даби располагает средствами и ресурсами для удовлетворения будущего спроса на электроэнергию и воду. Но было

решено, что частному сектору необходимо предоставить возможность инвестировать в крупные проекты. Тридцать лет назад он не был так развит. Сегодня частный сектор участвует везде, и мы думаем, что он достаточно силен и организован для инвестирования в экономику»[44].

Либерализационные и приватизационные программы, к осуществлению которых приступило большинство арабских стран в 90-е годы, имеют более значительные шансы на успех, чем попытки подобных реформ в предшествующий период. Такой вывод обусловлен прежде всего тем, что многие факторы, ранее препятствовавшие экономическому реформированию, в современных условиях в определенной мере утратили свое былое значение. Так, заметно снизилось сопротивление рыночным преобразованиям со стороны различных оппозиционных сил, в частности, предпринимательской элиты, которая вынуждена брать на себя все более значительные политические и экономические риски, поскольку государство уже не в состоянии обеспечить ей прежний уровень протекционизма. К этому следует добавить, что в истекшем десятилетии в арабском обществе возросла экономическая сила средних предпринимательских групп, не связанных непосредственно с политической и бюрократической верхушкой и заинтересованных в рыночных реформах. Кроме того, в рассматриваемых странах в 90-е годы началась подготовка законодательной базы и регулирующих институтов, необходимых для проведения реформирования национальных хозяйств, нацеленного на постепенный переход к рыночной экономике.

Несмотря на живучесть традиционализма в арабском обществе, в условиях разворачивающейся в мире глобализации и развивающегося в этом регионе процесса модернизации набирают силу новые тенденции. Компьютеры и многообразные информационные системы, спутниковая связь становятся обычной принадлежностью предприятий современных секторов экономики. Набирает силу децентрализация предприятий, создаются их филиалы, вводится краткосрочное планирование, внедряется маркетинг, усиливается специализация различных производственных, торговых, обслуживающих и других структур.

Однако, оценивая фактические достижения экономической либерализации в арабских странах в целом, необходимо отметить, что пока они весьма скромны, что обусловлено комплексом факторов, среди которых следует выделить социально-политический.

Пытаясь остановить приватизацию в Египте, которая, по их мнению, противоречит конституции, лидеры оппозиционных политических партий (левых и происламистских) в середине 90-х годов подали на правительство в суд. Они требовали, чтобы Каирский административный трибунал отменил декрет Совета министров АРЕ о проведении приватизации. При этом истцы утверждали, что они не против приватизации как таковой, однако, не согласны с методами, которыми она осуществляется.

В Кувейте предприниматели выступают в настоящее время как значительная сила, призывающая к политическим изменениям в стране.

Либерализация экономики и стимулирование частного сектора неизбежно приведут, по нашему мнению, к подобным результатам повсеместно в арабском мире.

Финансовые реформы, включающие сокращение субсидий и увеличение налогов, намечаемые в ряде стран ССАГПЗ, уже вызвали рост требований проведения демократических преобразований в аравийских монархиях. Можно предположить, что по мере увеличения здесь числа успешно развивающихся частных компаний представители предпринимательского капитала будут все более громко заявлять о своем желании участвовать в формировании социально-экономической политики в этих странах.

Арабская правящая элита, со своей стороны, не желает выпускать рычаги управления экономикой из своих рук и ищет паллиативные решения, консервируя неэффективные методы хозяйствования, идет на ухудшение условий воспроизводства, снижение уровня жизни с тем, чтобы сохранить социальную структуру режимов и не утратить власть. Это порождает двойственность экономической практики, непоследовательность и половинчатость решений.

Экономические реформы также пугают арабскую бюрократию. Сложившаяся система управления экономикой обеспечивает работой и чувством социальной значимости немалую армию государственных служащих. Их труд оплачивается достаточно высоко, они пользуются такими льготами, как жилье, транспорт, пенсионное обеспечение, наряду с возможностями, порождаемыми коррупцией и протекционизмом. Привычный образ их жизни может быть изменен в результате реформ, и государственные служащие арабских стран действуют инстинктивно, препятствуя развитию этих процессов. Ближневосточные правители принимают во внимание точку зрения бюрократии, так как хорошо осознают, что если они потеряют доверие своего среднего класса, то их позиции могут быть подорваны изнутри и стать более уязвимыми перед давлением низов общества.

В то же время осторожный подход руководства арабских стран к экономической либерализации можно объяснить стремлением избежать при переходе к рыночной экономике потрясений, которые не в традициях арабов, ценящих экономическую стабильность, финансовую устойчивость, социальное и политическое спокойствие.

Ускорение преобразований в рассматриваемых государствах во многом сдерживается неразвитостью фондовых рынков, которая, в свою очередь, обусловлена сохраняющимся «семейным» характером арабского частного капитала. Крупные промышленные, финансовые и холдинговые структуры на Арабском Востоке, как правило, объединяют кровных родственников и членов семьи. Даже если первоначально предприятие было создано одним лицом, после его смерти активы распределяются внутри клана. Хотя за прошедшие десятилетия число собственников может превысить два десятка человек, они

все получают равные доли доходов при том, что реально участвуют в управлении предприятием два-три человека из семьи.

В условиях, когда ключевую роль в региональном развитии начинают играть рынки капиталов, традиционные арабские фирмы сталкиваются с множеством проблем, одна из которых – смена поколений. Поскольку основатели уходят, первостепенную важность приобретает необходимость выработки разумных правил преемственности в рамках семейных кланов. Другие проблемы могут проистекать из конфликтов между отцом и сыновьями, семейственности, а также традиционного недоверия к аутсайдерам. Членов семьи, независимо от их образования и способностей, предпочитают профессиональным менеджерам, что часто мешает фирме осуществлять последовательно и грамотно долгосрочную стратегию. Испытывающие подобные трудности семейные фирмы вряд ли окажутся в числе преуспевающих или станут крупными компаниями глобального масштаба через 25–30 лет. В этой связи многие арабские и западные эксперты считают, что в интересах расширения своей деятельности семейные структуры должны стать акционерными компаниями. Так, Халед Кану, исполнительный директор базирующейся в Бахрейне «Kanoo Group», полагает, что, поскольку арабские страны все больше вовлекаются в ВТО, небольшие семейные компании будут не в состоянии конкурировать с гигантами глобального масштаба, которые, несомненно, выйдут на рынок в ближайшем будущем[45]. По его мнению, акционирование пойдет на пользу региональной экономике. Оно увеличит число компаний, продающих акции на фондовых рынках, и даст шанс их служащим стать участниками бизнеса, что, в свою очередь, послужит стимулом для более продуктивной деятельности. В то же время есть осознание того, что превращение в открытые акционерные общества имеет свои негативные моменты. «Семьи теряют свободу маневра. Вас, с одной стороны, контролирует правительство, а с другой – акционеры. Вы не можете принять быстрое решение и должны добиваться одобрения совета директоров» [80, с. 3].

Кроме того, в арабском обществе существуют различные предубеждения, связанные с традициями. Так, если на Западе превращение компании в публичную (т.е. в такую, акции которой свободно обращаются на фондовой бирже) считается высшей точкой в развитии предприятия, то на Ближнем Востоке, особенно в районе Персидского залива, продажа акций рассматривается как свидетельство того, что владельцы (обычно это семейные кланы) не имеют возможности для самостоятельного продолжения бизнеса.

В заключение следует подчеркнуть, что продвижение арабских стран Ближнего Востока к рыночной экономике, безусловно, существенно тормозится отсутствием адекватной законодательной базы, а также регулирующих, финансовых и административных структур и институтов, необходимых, в частности, для определения прав соб-

ственности, практической реализации контрактов и развития конкуренции.

[1] Мухарраз А.М. Аль-хасхаса. – Каир, 1999, с. 5.
[2] Сулейман А.А. Барнамадлж аль-хасхаса. – Каир, 1996, с. 23.
[3] Egypt. Special Report MEED L., 19.04.1996.
[4] Financial Times L., 21.08.1996.
[5] Forum Cairo, с. 7.
[6] Ibid, с. 4.
[7] Wall Street Journal, 14.10.1998.
[8] Ibid.
[9] Ibid.
[10] Forum, с. 5.
[11] Аль-Ахрам аль-Иктисадий, 17.12.1999.
[12] Аль-Ахрам, 22.07.1997.
[13] БИКИ, 05.08.1997.
[14] Там же, 10.07.1997.
[15] Там же.
[16] Egypt. Special Report MEED, 19.04.1996.
[17] БИКИ, 16.03.1999.
[18] Канун аль-истисмар, 1991.
[19] MEED, 08.01.1999.
[20] Марсум, 1991, № 20.
[21] Марсум, Дамаск, 1989, № 1048; 1989, № 1593.
[22] Марсум, 1991, № 70.
[23] БИКИ, 20.02.1996.
[24] Perthes V. Syrian Private Industrial and Commercial Sectors, L. 1998, с. 222.
[25] Ibid.
[26] Аль-маджмуа аль-ихсаийя, Дамаск.
[27] Saudi Arabia. Special Report. MEED, L., 5.04.1996, с. 38.
[28] БИКИ, 30.10.1997.
[29] Там же.
[30] Saudi Arabia. Special Report, 21.11.1997, с. 35.
[31] Middle East Business Weekly. L., с. 3.
[32] БИКИ, 30.10.1997, с. 4.
[33] MEED, 18.04.1997, с. 7.
[34] Saudi Arabia. Special Report, 21.11.1997.
[35] БИКИ, 30.10.1997, с. 5.
[36] MEED, 15.01.1993; 11.02.1994.
[37] Ibid.
[38] Kuwait. Special Report / MEED. L., 23.02.1996, с. 10.
[39] Oman. Special Report / MEED. L., 14.11.1997, с. 9.
[40] Ibid, с. 17.
[41] Ibid, 03.05.1996, с. 20.
[42] MEED, 08.01.1999.
[43] UAE. Special Report / MEED. L., 05.12.1997, с. 27.

[44] Ibid, c. 28.
[45] Middle East Business Weekly. L., c. 2.

К.Н.Рыжак

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В ТУРЦИИ

Традиционно в экономике Турецкой республики транспорт играет важную роль. В силу особенностей транзитного географического положения страны на перекрестке двух частей света – Европы и Азии, в непосредственной близости от Африки, на исторических торговых путях между Востоком и Западом, Турция является своеобразным мостом для широкого потока различных грузов, следующих в обоих направлениях, служит связующим звеном в международной торговле.

Подобное расположение Турции в стратегически важном районе, а также контроль над Черноморскими проливами, открытый выход к 4 морям – Черному, Мраморному, Эгейскому и Средиземному предопределили необходимость широкого развития транспортной системы страны.

Несмотря на определенные трудности, экономика Турции динамично развивается, растет ВВП страны, увеличивается ее внешнеторговый товарооборот. Если в 1995 г. внешнеторговый оборот страны составлял 57 млрд. долл., то в 2000 г. его показатель находился уже на уровне 65 млрд. долл.[1] Естественно, подобное ускоренное развитие экономики и, в особенности, внешней торговли требуют обеспечить растущие потребности в современных видах транспорта.

Особенную актуальность тема транспортной системы Турции, ее возможностей и перспектив обрела в результате серьезных геополитических изменений, произошедших в мире в последнее десятилетие. Неуклонно усиливается взаимосвязь, взаимозависимость различных регионов мира. Постоянно расширяется грузооборот между странами. Большой степени достигли интеграционные процессы в ЕС, где Турция является ассоциированным членом. Увеличиваются грузопотоки, следующие в Европу из стран Центральной и Восточной Азии. Образование в результате распада СССР новых независимых государств в Центральной Азии и Закавказье обусловило необходимость налаживания ими собственных связей с Европой, и роль Турции здесь как важного звена в транспортных путях чрезвычайно велика. В этих планах Турции отводится важная роль транзитного посредника. Все это предопределяет значительное внимание, уделяемое в последнее время транспортной системе Турецкой Республики.

Большое значение придается в связи с этим железнодорожному транспорту Турции. Проблема современного состояния железных дорог

в Турции, технической оснащенности парка железнодорожных составов, задач и перспектив развития этого вида транспорта приобретает национальную значимость ввиду той потенциальной роли, которую может сыграть в недалеком будущем этот вид транспорта.

Железные дороги в Турции находятся в собственности государства. В 1923 г. все железные дороги страны, общая протяженность которых на тот период составляла около 4 тыс. км, построенные в основном иностранными компаниями в соответствии с концессиями, полученными от Османского правительства, национализировали по Указу Правительства Турецкой республики № 506. Было создано Государственное управление Анатолийско-Багдадских железных дорог. В 1953 г. Управление было преобразовано в Государственную экономическую организацию (ГЭО), получившую название «Железные дороги Турецкой Республики» (ЖДТР)[2] и существующую до настоящего времени. В ее ведении находится весь комплекс вопросов, связанный с управлением железными дорогами страны. ЖДТР ведет строительство новых железнодорожных линий, обеспечивает эксплуатацию существующих, осуществляя, в том числе, внешнеторговые перевозки, проводит модернизацию технического парка, владеет складскими помещениями на крупнейших железнодорожных узлах, занимается вопросами социальной сферы железнодорожников. Общая численность персонала организации составляет 47 тыс. человек.

К сожалению, в настоящее время железнодорожный транспорт в стране сталкивается с рядом значительных проблем. Одной из них является техническая отсталость отрасли.

Из проложенных на сегодняшний день 8 607 км железнодорожных путей электрифицировано лишь 1706[3]. Несмотря на то, что ежегодно проводится замена 300–500 км путей, их общий уровень не отвечает современным требованиям. Из 653 действующих локомотивов большую часть составляют тепловозы (585 единиц) и паровозы (50 единиц). Электровозов в локомотивном парке всего лишь около 12% – 68 единиц. Большинство из 1040 пассажирских и 17200 грузовых вагонов являются давно устаревшими. Почти все железные дороги страны одноколейные, что негативно сказывается на интенсивности движения. К тому же средняя скорость на железных дорогах Турции не превышает 80 км/час, что существенно ниже среднеевропейских показателей[4].

Все эти факторы, а также высокая степень конкуренции со стороны автомобильного транспорта, использование которого в Турции зачастую оказывается значительно более рентабельным, особенно при перевозках на небольшие расстояния, предопределили тот факт, что основные показатели, характеризующие интенсивность использования железнодорожного транспорта, такие как количество пассажиров/км и тонн перевезенного груза/км в Турции весьма низки и составляют соответственно 6.160 на 106 и 8.376•106 Для сравнения, в Великобритании эти же показатели соответствуют 35.2001 и 17.668•106.[4]

Другой важной проблемой является недостаточная степень развитости внутренней сети железнодорожных путей. Плотность железных дорог невелика и составляет 0,01 км железнодорожных путей на кв. км территории. К примеру, во Франции этот показатель выше в 5 раз[4]. Многие районы страны фактически лишены железнодорожного сообщения. В частности, железные дороги отсутствуют практически на всем протяжении средиземноморского побережья Турции от Серика до Мерсина[5]. Слабо налажено железнодорожное сообщение между крупнейшими индустриальными районами страны – Стамбулом, Бурсой, Зонгулдаком. Не развита железнодорожная сеть в восточных районах страны.

Корень всех проблем железнодорожного транспорта Турции – нехватка финансирования. Государство, владеющее железными дорогами, большую часть финансовых средств, выделяемых в бюджете на транспортную систему, расходует на развитие других видов транспорта.

Приходится констатировать, что уровень развития железнодорожного транспорта в Турции на сегодняшний день остается невысоким, он не соответствует требованиям, которые предъявляются к нему в современных условиях.

Согласно данным «Железных дорог Турецкой Республики», из грузооборота Турции с Европой, который ежегодно оценивается в 80 млн. долл., на долю железнодорожного транспорта приходится всего около 3%.

Тем не менее, исходя из потребностей международных экономических связей, существует объективная необходимость скорейшего развития железнодорожного транспорта в стране, и поэтому властями предпринимаются попытки решения стоящих перед отраслью проблем. Ниже будут рассмотрены перспективные проекты развития турецкого железнодорожного транспорта, строительства новых линий, а также участия Турции в различных международных проектах, связанных с использованием железнодорожного транспорта.

Необходимо отметить, что после прекращения активного железнодорожного строительства в 50-х гг. основной упор делался на поддержание и ремонт существующих путей, модернизацию и улучшение технических характеристик парка локомотивов и вагонов. Тем не менее острой проблемой железнодорожного транспорта Турции продолжает оставаться наличие на железных дорогах большого количества устаревшего оборудования, его техническое отставание от современных стандартов.

В последнее время в Турции предпринимаются значительные усилия по модернизации железнодорожного транспорта, внедрению новых технологий. В вагоностроительной отрасли Турции начато производство вагонов нового типа – TSV2000[6]. Необходимость производства новых типов вагонов, которые обеспечивали бы пассажирам более комфортные условия поездки было во многом продиктовано растущей конкуренцией в пассажирских перевозках со стороны автомобильного

транспорта. Рейсовые автобусы предоставляли значительно более комфортные условия поездки, причем стоимость проезда была ниже, чем в поездах. Даже на линии Анкара-Стамбул, которая является лучшей в стране по всем показателям, количество железнодорожных пассажиров стало заметно сокращаться. Вследствие этого ЖДТР в 1992 г. объявили о начале производства нового типа вагонов, которые призваны существенно повысить комфорт пассажиров поездов. Существует несколько моделей вагонов серии TSV2000, однако они все обладают сходными техническими характеристиками: ширина колеи 1435 мм, что соответствует европейским стандартам; общая длина – 26,4 метра; ширина – 2,8 метра, высота – 4,0 метра. Двери снабжены электропневматическим механизмом открытия, который срабатывает автоматически, когда скорость движения вагона снижается до 5 км/час. В вагонах установлены системы климат-контроля, что особенно важно в турецких природных условиях: отопительная система мощностью в 40 кВт, система охлаждения воздуха мощностью в 35 кВт и кондиционер. Моноблоковые шасси модели Y-32 снабжены системой защиты от вибрации и приспособлены для движения со скоростью до 200 км/час. По другим показателям данный тип вагонов также соответствует высоким стандартам.

Первым образцом вагонов нового типа стали вагоны Pulman. Основные особенности вагона Pulman заключаются в наличии 2 рядов сидений вдоль одного из бортов и одного ряда вдоль другого (система 2+1). Всего в вагоне находится 60 мест для пассажиров. Особо обеспечивается звукоизоляция салона. Вагоны отличаются современным дизайном, удобством и высоким техническим уровнем. Помимо вагонов Pulman в серии TSV2000 также выпущены вагоны-рестораны, купейные вагоны 2-го класса и спальные вагоны 1-го класса. Преимущества новых моделей вагонов очевидны. Несомненно, что с их широким вводом в эксплуатацию, привлекательность железнодорожного транспорта в глазах пассажиров будет расти.

Также вагоностроительными предприятиями Турции ведется производство современных моделей так называемых железнодорожных автобусов (Raybus). В ближайшие годы планируется начать широкую эксплуатацию этого вида транспортных средств, прежде всего на линии Анкара-Стамбул. Благодаря специальной аэродинамической конструкции, способной к наклону, такой «автобус» способен развивать скорость до 200 км/час. Система звукоизоляции обеспечивает надежную защиту от постороннего шума мощностью до 65 Дб. Управление обеспечивается автоматической контрольной системой из 16 компьютеров. Уровень потребления топлива на 1 километр пути – 0,7 литров. Это меньше, чем в большинстве подобных систем в Европе.

Активно идет процесс строительства новых моделей локомотивов на электрической тяге. К примеру, начиная с 1999 г. было построено 5 современных локомотивов на электрической тяге модели DH9500 и мощностью 950 кВт.

Важной частью программы технической модернизации железных дорог Турции является проведение масштабных работ по электрификации линий. Электрификация железнодорожных линий входит в пакет экономических требований, предъявляемых Турции для вступления в ЕС. В 1998 г. по сравнению с 1995 г. протяженность электрифицированных линий выросла на 700 км.

Одним из важнейших направлений модернизации системы железнодорожного транспорта в Турции является осуществление проектов строительства новых линий, ориентированных как на внутригосударственные, так и международные перевозки. Реализация намеченных планов позволит значительно улучшить состояние железнодорожной системы в Турции, приспособить ее для обслуживания программ международного экономического сотрудничества.

Вместе с тем в настоящее время существует объективная необходимость дальнейшей активизации государственной политики, связанной с развитием железнодорожного транспорта. Ее диктует значительное увеличение численности населения, достигшего в 1998 г. 63 млн. человек[1], рост объемов перевозок и возросшая в результате этого нагрузка на автомагистрали. Сегодня большинство автомобильных дорог между крупными городами Турции сильно перегружено тяжелыми автопоездами, грузовиками и рейсовыми автобусами, средняя скорость движения по дорогам крайне невысока, полотно изношено и требует постоянного ремонта. Проблема еще больше обостряется в зимний период, когда снегопады и снежные заносы затрудняют автомобильное движение по гористой местности.

Более широкое использование возможностей железнодорожного транспорта позволило бы в значительной степени разгрузить автомагистрали, снизить интенсивность движения, обеспечить беспрепятственную связь между городами страны. Этого, в частности, требует развитие и укрепление международных связей в свете возможности вступления Турции в ЕС, перспективы активного развития двусторонних отношений со странами региона, в том числе, с образовавшимися в результате распада СССР независимыми государствами Закавказья и Средней Азии.

На сегодняшний день в Турции существует несколько железнодорожных проектов, находящихся на разной стадии реализации.

Строительство высокоскоростной прямой железнодорожной ветки Анкара-Стамбул (3) (№ 1 на карте). Проект появился в середине 80-х гг., когда был успешно завершен подобный проект TGV (Train Grand Vitesse) во Франции. Необходимо отметить, что существующая линия сообщения между Анкарой и Стамбулом прокладывалась по проекту, где главной доминантой было удешевление стоимости строительства. В связи с этим длина линии значительно превышает расстояние между городами по прямой. Подобный маршрут был проложен во избежание дорогостоящих инженерных работ. Кроме того, су-

ществующая дорога почти на всем своем протяжении является одноколейной, что, естественно, снижает транспортные возможности. В случае осуществления проекта строительства новой ветки время перемещения между городами может быть сокращено примерно в 2 раза. Также строительство двухколейной дороги позволит значительно интенсифицировать движение.

Согласно проекту, новая ветка должна начаться в Синджане, недалеко от Анкары. Далее маршрут следования проходит через Айаш, Бейпазары, Наллыхан, Мудурну, Акъязы и выходит к Арифье, где соединяется с уже существующей двухколейной дорогой, ведущей в европейскую часть Стамбула на вокзал Хайдарпаша. Подобный маршрут на 150 км короче нынешнего, длина которого составляет 570 км. При максимальной скорости поезда в 250 км/час время в пути от одного города до другого будет занимать 2,5–3 часа.

В конце 80-х гг. были начаты инженерные работы на участке между Синджаном и Бейпазары. Однако в дальнейшем осуществление проекта столкнулось с недостатком финансирования, и строительство было заморожено. Вместе с тем проект представляется весьма перспективным. Его осуществление может принести значительную выгоду в плане экономии транспортных расходов, увеличения пропускной способности и улучшения связи между крупнейшими городами страны, оно настоятельно диктуется экономической целесообразностью.

Также наряду со строительством прямой линии Анкара-Стамбул разрабатывается программа более эффективного использования существующей трассы, запуска по ней более современных типов поездов.

Другим внутригосударственным железнодорожным проектом является строительство линии, которая должна соединить Анталью и Аланью[3] (№ 2). Предполагается постройка 140-километрового электрифицированного двухколейного участка пути в рамках плана создания современной инфраструктуры в прибрежной полосе между Анталией и Аланьей. Работы по его осуществлению были начаты в 1998 г., однако их продвижение идет медленно, причиной опять-таки является отсутствие должного финансирования.

Вместе с тем реализация проекта является весьма важным для обеспечения этого густонаселенного и привлекательного для туризма района современной транспортной инфраструктурой, которая могла бы обеспечить беспрепятственное перемещение большого числа людей, особенно в летний курортный сезон. Проект не представляет каких-либо значительных трудностей в инженерном отношении, в связи с чем имеет сравнительно невысокую стоимость. Следовательно, существует реальная возможность его претворения в жизнь в случае получения достаточного финансового обеспечения.

Также необходимо упомянуть проекты строительства железнодорожных линий Бурдур-Анталья и Полатлы-Афьон[5] (№ 3). Претворение

этих проектов в жизнь позволило бы наладить прямое железнодорожное сообщение Анкары с побережьем Средиземного моря, что придало бы дополнительный импульс развитию туризма и позволило бы разгрузить автомагистрали. Строительство железнодорожной линии из Бурдура в Анкару входило в государственные планы развития экономики в 30-е гг., однако не было осуществлено. Обременительной особенностью данного проекта является то, что часть маршрута проходит через горный хребет Западный Тавр, что резко увеличивает сложность и стоимость строительных работ. Необходимо преодоление двух перевалов высотой 900 и 1200 м. Все это затрудняет выполнение проекта, однако нельзя исключать возвращения к нему в рамках развития инфраструктуры побережья Средиземного моря в Турции.

В 1999 г. в Турции некоторые государственные деятели высказывали соображения о необходимости строительства прямой железнодорожной ветки Полатлы-Афьон. Создание прямой ж/д линии позволило бы в значительной степени снять напряженность движения по маршруту между Анкарой и Афьоном и по шоссе Эскишехир-Полатлы.

Несомненным плюсом этих двух проектов является возможность прямой связи столицы со средиземноморским побережьем, однако особенности рельефа, как уже отмечалось выше, затрудняют их выполнение.

Заслуживает внимания также проект строительства железнодорожной линии из Бурсы в Бюзююк[5] (№ 4), перевалочного пункта на пути следования поездов из Анкары в Стамбул. Бурса занимает пятое место в стране по численности населения и является после стамбульского вторым по значению индустриальным районом Турции. В самой Бурсе и ее окрестностях сосредоточено большое число различных промышленных предприятий. Налаживание железнодорожного сообщения со столицей и Стамбулом представляется весьма выгодным для осуществления перевозок пассажиров и различных грузов.

Другой планируемый к реализации проект железнодорожной линии призван связать район Зонгулдакского угольного бассейна со Стамбулом. Предполагается прокладка линии из Стамбула до Адапазары, далее на Эрегли и Зонгулдак[5] (№ 5). Экономические преимущества этой железнодорожной линии очевидны. Существующее сообщение по окружной автодороге через Ырмак не удовлетворяет потребностей региона. Кроме того, дорога проходит по гористой местности, что затрудняет движение. С вводом в строй линии была бы сильно облегчена и удешевлена доставка угля на предприятия и тепловые электростанции Стамбула. Уже завершено строительство небольшой части этой линии – от Эрегли до Армутчука, однако и этот проект испытывает нехватку финансирования.

Проектируется также прокладка железнодорожных путей от Анкары на восток страны для снижения стоимости добываемой в восточных районах железной руды. Предполагается также строительство прямой ветки из Анкары в Самсун[3] (№ 6), крупный порт на чер-

номорском побережье Турции, что облегчит транспортировку грузов в столицу. Проект не представляет значительных сложностей и в инженерном отношении.

В последнее время внимание привлек новый амбициозный проект ЖДТР. Планируется к сооружению железнодорожный тоннель под Босфором, который бы соединил европейскую и азиатскую части Стамбула и замкнул бы таким образом систему железнодорожных путей Турции. Проект получил название Marmaray[4].

Приблизительная стоимость проекта оценивается в 1,6 млрд. долларов[2]. Длина тоннеля должна составить 13,3 км. Также проект включает в себя модернизацию 63 километров железнодорожных путей в пригороде Стамбула. Таким образом, общая длина намечающейся к постройке трассы составляет 76,3 км. Конечными пунктами линии, которая должна соответствовать высоким техническим требованиям, станут населенные пункты Гебзе и Халкалы. Длина той части тоннеля, которая непосредственно проходит под проливом Босфор, составляет 1,8 км. Проектируется прокладка подземной трассы, обладающей устойчивостью против землетрясений, разделенной на 18 промежутков. Сооружение тоннеля под Босфором будет начато одновременно с европейской (из Йеникапы) и азиатской (из Согютлючешме) стороны. Промежуточные станции будут расположены в Сиркеджи и Ускюдаре. В Йеникапы будет построена станция, где можно будет сделать пересадку на линию стамбульского метрополитена. Модернизация пригородных линий предполагает строительство третьей колеи для того, чтобы обеспечить планируемый показатель интенсивности движения в 75 тыс. пассажиров в час в каждом направлении. Также ремонту и усовершенствованию подвергнется в общей сложности 41 станция, длина платформ на каждой из них будет доведена до 180 метров.

Финансирование проекта будет осуществляться за счет привлечения зарубежных инвестиций. 19 августа 1999 г. в Анкаре было подписано соглашение ГЭО ЖДТР с японским Фондом экономического сотрудничества[5]. Согласно этому документу, японский инвестор выделил на осуществление проекта 866 млн. долл., 117 млн. уже получены турецкой стороной. Эта часть средств предназначается для проведения проектных, дизайнерских и ряда подготовительных инженерных работ. ЖДТР объявили, что реализация проекта потребует выпуска к 2005 году, на который намечено открытие тоннеля, 544 вагонов новых моделей. Однако впоследствии, в связи с поразившим турецкую экономику глубоким кризисом, реализация проекта была временно приостановлена. Тем не менее, судя по объему предполагаемых вложений, данный грандиозный проект имеет перспективы претворения в жизнь. В случае осуществления проекта будет сделан колоссальный шаг вперед в развитии железнодорожной сети в Тур-

ции. Это позволит железнодорожному транспорту страны играть более важную роль во внешнеэкономических связях.

Ныне в стадии разработки находятся проекты создания железнодорожного моста через Дарданеллы, а также строительства железнодорожной ветки Татван-Ван[3] (№ 7), чтобы избежать использования паромной переправы, которая значительно увеличивает время в пути. Эти проекты ориентированы на внешние перевозки. Вообще проекты, связанные с развитием железнодорожного транспорта Турции в той его части, которая касается участия в международных экономических связях, ныне приобретают особую важность.

В целом, подводя итог обзору проектов строительства новых железнодорожных линий в Турции для сообщений внутри страны, необходимо отметить, что осуществление многих из них давно назрело и объективно необходимо. Строительство новых железнодорожных путей экономически выгодно и обоснованно. Несмотря на то, что в отдельных районах в силу особенностей рельефа строительство сталкивается с техническими трудностями, сооружение новых линий позволило бы в значительной мере разрешить многие транспортные проблемы страны, создать развитую инфраструктуру, базу для дальнейшего развития экономики регионов. Общей проблемой для всех железнодорожных проектов является нехватка финансирования. Возможным решением проблемы могло бы стать привлечение в строительство национальных частных инвестиций, частичная приватизация железных дорог, привлечение иностранного капитала. В целом при обеспечении достаточного финансирования существуют широкие перспективы для развития внутренней железнодорожной сети в Турции.

Как отмечалось выше, особое внимание в последние годы приковано к международным проектам развития железнодорожного транспорта Турции. Многие из них весьма многообещающи. К сожалению, приходится констатировать, что вплоть до недавнего времени роль железнодорожного транспорта страны во внешнеэкономических связях оставалась весьма незначительной. Как уже отмечалось выше, доля железнодорожного транспорта в товарообороте со странами ЕС не превышала 3%, на восточных границах страны транснациональные перевозки фактически не велись. Было закрыто железнодорожное сообщение с Ираном, Ираком, весьма ограничены связи с Сирией. Вследствие трудностей в отношениях с Арменией, возникали значительные проблемы в использовании железнодорожной линии, ведущей из Турции в Закавказье и далее в Центральную Азию. Вместе с тем в последнее время в результате значительных геополитических изменений в мире, возникает объективная потребность в интенсификации, развитии международной торговли между странами Закавказья и Центральной Азии и европейскими государствами. Существуют проекты по восстановлению Великого шелкового пути как маршрута для перевозки товаров азиатского производства от Кореи до Ирана в Европу транзи-

том через сухопутную территорию азиатских государств. Турции в этих проектах отводится очень важная роль. Особенная нагрузка выпадает на железнодорожный транспорт страны, весомое значение приобретает его способность к перевозке растущего все бóльшего потока товаров, обеспечения бесперебойной и быстрой доставки. В этих целях в Турции в настоящее время идет разработка ряда важных проектов.

В частности, активно готовится проект строительства прямой железнодорожной ветки Карс – Тбилиси[7]. Грузия проводит политику ориентации на сотрудничество с Западом, и необходимость развития отношений Грузии с Турцией в этом свете выходит на передний план. По сути, реализация этого проекта является одним из звеньев укрепления широких двусторонних связей соседних стран. Как известно, существующая линия, соединяющая Турцию и Грузию, проходит частично по территории Армении. Турецко-армянские отношения же в настоящий момент являются достаточно напряженными, одной из причин чего служит конфликтная ситуация в Нагорном Карабахе.

В связи с этим было решено начать создание прямой железнодорожной ветки Карс – Тбилиси. Ее общая протяженность должна составить 287.[7] Линия подразделяется на 3 участка. Первый – от Карса до Куртункале – пункта на турецко-грузинской границе протяженностью 92 км. Здесь необходима прокладка новой линии. Второй – от Куртункале до Алхалаки – 35 км новой линии на территории Грузии. Третий участок представляет собой дорогу Алхалаки-Тбилиси длиной 160 км. Здесь предполагается модернизация существующей одноколейной железнодорожной линии.

Начало реализации проекта было положено в феврале 1998 г. Однако его осуществление велось медленными темпами из-за недостаточности финансирования. Наибольшие проблемы возникли на турецком участке трассы. В марте 2001 г. президент Грузии Эдуард Шеварнадзе заявил, что финансирование проекта возьмет на себя китайский инвестор, однако подтверждения это высказывание пока не получило. На данный момент перспективы проекта неясны. Складывается впечатление, что мотивы начала данного строительства имеют скорее политический, нежели экономический характер. С точки зрения экономической выгоды и того, что касается непосредственно железнодорожного аспекта, наилучшее решение транспортной проблемы видится в поиске взаимоприемлемого решения с Арменией по данному вопросу и использовании существующей линии.

Гораздо более перспективным видится направление развития связей с Ираком и Ираном, а через их территорию с государствами Центральной и Восточной Азии. Действительно, сейчас складываются все условия для организации широкомасштабных экономических связей по древним торговым путям между азиатскими и европейскими государствами. Существуют взаимные интерес и потребность европейского и азиатского рынков. Товары из Ирана, Пакистана, Китая

предприниматели стремятся продвинуть на европейский рынок. Турция может и должна служить посредником и партнером в этих связях.

Предпринимаются различные меры для стимулирования этих процессов. В марте 2001 г. было восстановлено прямое железнодорожное сообщение Турции и Ирана через пограничные узловые станции Рази и Капыкей. В настоящее время Иран активно реализует программу развития своих железных дорог. Одной из главных целей этой широкомасштабной программы является создание возможностей для доступа иранских товаров в Европу. Об этом в интервью журналу «Sana`t-e-Haml-O-Naghl» заявил один из директоров Государственной железнодорожной компании Ирана Сайед Али Асгар Мусави. Роль Турции в этом вопросе исключительно велика. Сообщение с Ираном осуществляется по так называемой железной дороге СЕНТО, построенной в 1971 г. Путь от Тегерана до Стамбула занимает 2-е суток.

В результате переговоров между представителями сирийских, иракских и турецких железнодорожных и финансовых компаний 7 мая 2001 года было открыто железнодорожное сообщение между Турцией и Ираком[8]. Сообщение было временно закрыто, начиная с 1981 года (железнодорожная линия проходит через сирийский город Эль-Камышлы).

Важнейшим проектом является организация контейнерного железнодорожного сообщения между Стамбулом и бывшей столицей Казахстана г. Алматы[9]. Со стороны ЖДТР было объявлено, что на первоначальном этапе поезд будет отбывать раз в две недели в обоих направлениях. Предполагаемое время одной транзитной поездки из Алматы через Ташкент и Тегеран в Стамбул составляет 10–11 дней. Этот проект перекликается с упоминавшимся планом строительства железнодорожной линии вдоль южного берега озера Ван в Турции между городами Татван и Ван, однако до реализации данного проекта контейнерные составы будут пересекать озеро, пользуясь существующей паромной переправой, что несколько ограничивает длину и высоту составов маршрутных поездов. Тем не менее, по оценкам специалистов, данный проект в силу предполагаемого транзитного времени и провозного тарифа составит серьезную конкуренцию автоперевозчикам региона. К примеру, грузовик с максимальной загрузкой в 24 тонны достигает Алматы за 20 дней, что в два раза превышает срок контейнерной перевозки маршрутным поездом. Также значительно ниже себестоимость такого вида перевозок. В настоящее время стоимость перевозки 24 тонн груза по указанному маршруту автомобильным транспортом составляет порядка 4–5 тыс. долл. США. Стоимость же перевозки по железной дороге составит около 1300 долл.[9]

В дальнейшем намечается продление маршрутов движения контейнерных поездов в направлении Западной Европы и портов Китая. Составить конкуренцию автомобильному транспорту и облегчить возможности внешнеторгового обмена призвано упрощение таможенных процедур, которое планируется провести в Турции. Названный проект еще раз доказывает преимущество использования железнодо-

рожного транспорта для осуществления внешнеторговых связей Западной Европы с азиатскими странами через территорию Турции.

Развиваются внешнеторговые связи Турции с помощью железнодорожного транспорта и в западных районах страны. В начале 2000 г. было подписано соглашение с железными дорогами Греции об организации паромных сообщений между греческими портами Пирей и Волос и турецкими Измир и Бандырма. Предусмотрено строительство в этих городах крупных грузовых терминалов.

Еще одним важным проектом, реализуемым в настоящее время ЖДТР, является строительство железнодорожной паромной переправы в порту Дериндже. Этот проект напрямую затрагивает интересы стран СНГ – России, Украины, Молдавии. Летом 2001 г. начала работу регулярная паромная переправа между украинским портом Ильичевск и турецким Дериндже. За 5 месяцев ее работы было перевезено 203 железнодорожных вагона. К перевозке принимаются также грузовые автомобили и контейнеры. Наблюдается стабильная тенденция увеличения объема перевозимых грузов. Загрузка рейса доведена до 30 вагонов. Большая часть груза приходится на турецкую промышленную продукцию. Несмотря на то, что данная переправа пока не вышла на уровень рентабельности, ее рост значительно опережает темпы развития паромной переправы Ильичевск-Поти/Батуми. В ноябре 2001 г. в Анталье состоялся Международный транспортный форум стран Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). В ходе его работы директор департамента проектирования, планирования и координации ЖДТР Феридан Акъюз объявил о планах турецкой организации строительства на существующем маршруте паромной переправы переходного железнодорожного моста, сортировочной и перегрузочной площадок для железнодорожных вагонов. Было отмечено, что проект разрабатывался частными турецкими компаниями, однако турецкое правительство поддержит идею данного строительства ввиду очевидности ее экономических преимуществ для развития сотрудничества со странами Черноморского региона. Строительство будет вестись с привлечением частных инвестиций и частичным использованием средств, выделяемых турецким правительством. Реализация проекта явится значительным вкладом в развитие других инициатив и программ, которые осуществляются в Черноморском регионе, в частности в Черноморской пан-европейской транспортной зоне (Black sea PETrA).

Также в настоящее время все шире обсуждается идея создания паромного кольца вдоль берегов Черного моря. Появление подобной транспортной системы активно способствовало бы развитию экономических отношений как внутри региона, так и на межрегиональном уровне.

Подводя итог, необходимо отметить, что развитие железнодорожного транспорта в Турции имеет широкие перспективы. В силу своего географического положения Турция является транзитной дер-

жавой, что создает предпосылки для ее действий в роли посредника при осуществлении широкомасштабных экономических связей между азиатским и европейским регионами. Изменения, затронувшие в последнее время систему международных отношений в мире, создали и в данном регионе благоприятные условия для значительного подъема внешнеэкономического сотрудничества на различных уровнях. Появилось большое число крупных международных проектов, важное место в которых отводится Турции как государству, являющемуся связующим звеном между Европой и Азией.

Несмотря на наличие серьезных проблем в развитии турецкого железнодорожного транспорта, в числе которых – техническое отставание от европейских стандартов, сравнительно невысокие транспортные характеристики, неразвитость внутренней железнодорожной системы, в силу объективных причин данный вид транспорта обязательно получит в скором будущем значительный импульс в развитии. Уже сейчас начата реализация крупномасштабных проектов, осуществление которых позволит ликвидировать многие из недостатков турецкого железнодорожного транспорта.

Заметными темпами идет техническое переоснащение, модернизация парка локомотивов и вагонов, замена и ремонт железнодорожного полотна, электрификация путей. Много внимания уделяется строительству новых внутренних и международных железнодорожных линий, призванных обеспечить бесперебойную транспортировку грузов в различных направлениях. Проблема нехватки финансовых средств постепенно решается за счет привлечения иностранных инвестиций и средств турецких частных компаний. Все это позволяет сделать вывод, что при сохранении и увеличении нынешних темпов и направлений развития в ближайшее время турецкий железнодорожный транспорт сможет в полной мере обеспечить растущие транспортные потребности региона и сыграть важную роль в осуществлении перспективных связей государств европейского и азиатского регионов в свете процесса глобализации.

[1] www.turkey.org – официальный сайт Посольства Турции в США.

[2] www.ubak.gov.tr – официальный сайт Министерства транспорта Турции.

[3] www.tcdd.gov.tr – сайт ГЭО ЖДТР.

[4] www.mercurio.iet.unipi.it – сайт «Европейские национальные железные дороги».

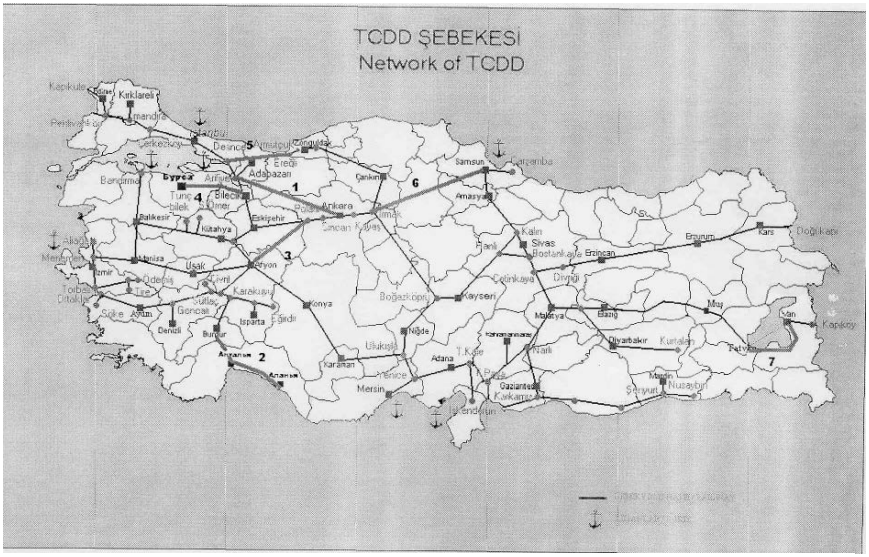
[5] www.trainweb.org/demiryolu/ – сайт Ассоциации железных дорог Турции.

[6] www.tuvasas.com – официальный сайт государственного вагоностроительного предприятия «Tuvasas».

[7] www.css-mps.ru/zdm – сайт журнала «Железные дороги мира».

[8] www.arabicnews.com – сайт информационного интернет-агентства ArabicNews.

[9] www.net4cargo.com – сайт интернет-биржи Net4Cargo.


TCDD ŞEBEKESİ
Network of TCDD
Kapıkule
Kırklareli
Çerkezköy
Bandırma
Bayırköy
Bilecik
Tunçbilek
Balıkesir
Eskişehir
Kütahya
Ankara
Çankırı
Samsun
Çorlu
Amasya
Kalın
Sivas
Erzincan
Erzurum
Kars
Doğu Kapı
Çankaya
Divriği
Malatya
Bingöl
Muş
Van
Kapıköy
Diyarbakır
Kurtalan
Batman
Fatsa
Ordu
Giresun
Trabzon
Rize
Hopa
Ünye
Bartın
Zonguldak
Ereğli
Adapazarı
Dinar
Afyon
Uşak
Denizli
Burdur
Isparta
Eğirdi
Karakuşu
Konya
Karaman
Mersin
Adana
Tarsus
Ceyhan
Gaziantep
Kayseri
Boğazköprü
Niğde
Ulukışla
Kahramanmaraş
Pozantı
Malatya
Şanlıurfa
Nusaybin
Mardin
Ankara
Anadolu Demiryolu Şebekesi
Diğer Demiryolu Hatları

А.В.Томилин

ТЕЛЬ-АВИВСКАЯ ФОНДОВАЯ БИРЖА – ОРГАНИЗАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 90-е годы

Торговля ценными бумагами ведется в Палестине еще с 1935 г., когда Англо-Палестинский банк совместно с ведущими палестинскими банками создали Бюро по обмену ценными бумагами. В последующие десятилетия система торгов и регистрации развивалась и совершенствовалась, и в 1953 г. Тель-Авивская Фондовая биржа была официально зарегистрирована. Спустя еще почти десять лет была основана клиринговая палата биржи, а в 1968 г. Кнессет принял закон о ценных бумагах, регулирующий деятельность ТФБ.

За последние 10 лет ТФБ провела ряд нововведений: внедрила современную систему торгов, либерализовала листинг компаний, усовершенствовала клиринг и т.д. Сейчас ТФБ является современной биржей, вполне соответствующей западным стандартам, однако есть черты, существенно отличающие ТФБ от других бирж мира. Для того, чтобы уяснить эти отличия, необходимо подробно рассмотреть биржевую инфраструктуру (организации, обеспечивающие функционирование биржи), условия листинга и систему торгов на ТФБ.

Биржевая инфраструктура. Клиринг. Система торгов.

Основные биржевые индексы

С начала существования ТФБ используемые на ней индексы постоянно пересматривались и меняли свои названия. Сейчас на бирже используется шесть основных индексов, которые рассчитываются с учетом капитализации и отраслевой направленности компаний. Это TA 25, TA 75, TA 100, Tel-Tech, Tel-Tech 15 и TA-Банковский индекс.

Индекс **TA 25** (в прошлом носил название «Маоф») отражает динамику курсов акций 23 крупнейших израильских компаний. Наибольший вес (у компаний с самой высокой рыночной капитализацией) ограничен на уровне 9,5% от всего индекса. Таким образом, в индексе могут быть представлены несколько компаний с весом 9,5%, даже если их капитализация разная. Акции компаний, представленных в этом индексе, составляют 50% объема фондового рынка. Инвесторы часто используют опционы и фьючерсы, основанные на этом индексе, для хеджирования.

Индекс **TA 100** основан на 100 разновидностях акций с учетом их рыночной капитализации. Они составляют порядка 80% капитализации рынка. В этом индексе наибольший вес акций не ограничен.

По такому же принципу составлен индекс **TA 75**, в котором, соответственно, представлены 75 компаний. С 1987 г. вместо индексов TA 75 и TA 100 на ТФБ рассчитывался индекс «**Миштаним**» (от ивритского «изменяющийся»). Первоначально в него входило только 30 компаний, но впоследствии он был значительно расширен и к 1997 г. включал уже 100 компаний, являющихся самыми устойчивыми на рынке. В конце 1997 г. торговля ценными бумагами, входящими в этот индекс, осуществлялась «по двойному листу», когда сделка удостоверялась двумя трейдерами. В конце 1997 г. индекс «миштаним» был переименован в **TA 100**.

Состав индексов **TA 25** и **TA 100** подвергается корректировке два раза в год: в первый день торгов в феврале и августе, с учетом данных о рыночной капитализации на 15 января и 15 июля соответственно.

Индекс **Tel-tech** отражает деятельность 42 компаний, производящих электронику, компьютеры, занимающихся научными разработками, а также некоторых венчурных фондов. В настоящее время эти компании составляют около 7% рыночной капитализации Тель-Авивской фондовой биржи. Как и в других индексах, компоненты tel-tech имеют вес в соответствии с рыночной капитализацией. Наибольший вес ограничен на уровне 7,5%. Чтобы компания была включена в индекс, необходимо, чтобы рыночная стоимость ее активов составляла не менее 20 млн. долл. США.

Tel-tech 15 включает в себя 15 высокотехнологичных компаний (которые также входят в tel-tech). Наибольший вес в индексе не превышает 9,5%. Состав индекса корректируется два раза в год – 1 июля и 1 января.

TA-банковский индекс – самый «молодой» индекс на ТФБ. Он используется с 1 июня 2000 г. и включает в себя 5 крупнейших коммерческих банков Израиля. Банковский сектор является активным участником фондового рынка Израиля. В первой половине 2000 г. банковские ценные бумаги давали 12% торгового оборота биржи.

Электронная система торгов TACT

В августе 1997 г. Тель-Авивская Фондовая биржа внедрила новую электронную систему торгов – TACT («Tel Aviv Continuous Trading system»), которая на иврите звучит как «Рецеф». К концу 1998 г. через TACT осуществлялась торговля всеми акциями, облигациями и казначейскими векселями (t-bili), а в октябре 1999 г. на эту систему была переведена и торговля производными ценными бумагами[1].

Система TACT была создана на основе аналогичной системы, применяемой на Чикагской Фондовой бирже. Эта современная система обеспечивает прозрачность сделок и эффективное выявление цен

финансовых инструментов в ходе торгов. Функционирование системы основывается на балансировании приказов клиентов о продажах и покупках (так называемая «order driven system»[2]). Благодаря ее внедрению на ТФБ заметно увеличился объем торгов производными ценными бумагами.

Торговля акциями в системе TACT проводится с воскресенья по четверг, за исключением выходных дней и праздников. Процесс торговли подразделяется на четыре фазы. Первая фаза имеет место перед открытием торгов (8.30–9.45). В это время поступают приказы на куплю-продажу акций TA-100. Это или лимитные приказы (LMT, limit order), т.е. приказы клиента брокеру на покупку или продажу по оговоренной цене, либо приказы на выполнение только во время фазы открытия (LMO, limit at the opening), также по оговоренной цене. Перед открытием торгов все заявки и приказы фиксируются в книге приказов, однако акции еще не меняют собственников. С 9.00 биржа начинает распространять информацию о предполагаемых ценах и индексах – т.е. такие их величины, как если бы в этот момент шли торги.

Затем, в 9.45 (для TA-100 и high-tech) начинается следующая фаза – открытие торгов. Именно в этот период торги на бирже достигают наибольшего объема. Открытие для всех остальных акций (так называемые «йетер») происходит в 10.15.

На бирже существует порядок приоритетности» т.е. порядок ранжирования ценных бумаг по очередности удовлетворения претензий. Приоритет лимитных приказов устанавливается, во-первых, их ограничениями и, во-вторых, временем, когда приказ был зарегистрирован. Таким образом, приказ на покупку с более высокой ценой имеет приоритет над аналогичным приказом, но с менее высокой ценой; приказ на продажу с низким ценовым ограничением имеет приоритет над приказом с высокой ценой. Что касается времени регистрации, то более ранний приказ имеет приоритет над приказом, зарегистрированным позже. Следует упомянуть, что при определении приоритетности приказов не учитывается, к какому типу они относятся, к LMT или LMO.

Для некоторых финансовых инструментов установлены пределы колебания цен. Для акций допустимо колебание в пределах 35% от цены закрытия в предыдущий день, а для облигаций – в пределах 3%. В некоторых случаях ограничения на колебания могут отсутствовать: например, если акции впервые размещены на рынке, или если ценные бумаги не продавались на рынке достаточно долгое время.

Третья фаза – «продолжение торгов» («continuous trade»), промежуточная фаза между открытием и закрытием. Она длится с 9.45 до 16.45 (до 17.00 в случае с производными ценными бумагами). В это период непрерывно совершаются двусторонние сделки. Новые приказы сопоставляются в системе торгов, и если находятся подходящие друг другу приказы, то формируется сделка. Затем сделка регистрируется, а соответствующие приказы удаляются из списка

приказов. Колебания цен финансовых инструментов на этой стадии не ограничены.

В этот период применяются следующие виды приказов: лимитные приказы и рыночные приказы (МКТ, market order – т.е. приказ о немедленном совершении сделки по наилучшей текущей цене). При этом устанавливается минимальный размер сделки. Для акций, входящих в ТА-25, он составляет не менее 5 тыс. шекелей, в то время как для всех остальных ценных бумаг – 2 тыс. В конце этой стадии система подсчитывает цену закрытия для каждого финансового инструмента. Ценой закрытия на ТФБ считают средневзвешенную цену по сделкам, зарегистрированным в последние 30 минут торгов.

Последняя фаза – закрытие торгов, длится до 17.00 вечера. Основной приказ здесь – «по цене закрытия» (АТС, At The Closing Price). Приказы купли-продажи в фазе «продолжения торгов» по ценам, более выгодным, чем цена закрытия, автоматически переводятся в фазу закрытия. Приказы АТС сопоставляются с аналогичными приказами или с приказами LMT ограниченных по цене, равной или более выгодной, чем цена закрытия. Приказы, не исполненные на этой стадии, аннулируются.

Осуществление клиринга

Клиринговая Палата (расчетная палата) ТФБ была основана в 1962 году членами биржи и до сих пор находится в их владении. Юридически клиринговая палата была зарегистрирована как акционерное общество с ограниченной ответственностью, существующее отдельно от ТФБ. Однако на практике расчетная палата является неотъемлемой частью биржи: она находится в здании ТФБ, обслуживается ее сотрудниками, а ее отчетность проверяется внутренним аудитором ТФБ.

1. Членство в Клиринговой палате.

Членами Клиринговой палаты являются те члены ТФБ, которые обладают необходимым капиталом в форме акций, а также инфраструктурой, позволяющей проводить клиринг сделок. Работа клиринговой палаты зависит от стабильности компаний-членов биржи и в особенности компаний-членов палаты. Согласно уставу, члены биржи, не являющиеся банками, должны иметь капитал в форме акций на сумму, примерно равную 8,8 млн. NIS[3].

Клиринг сделок, заключаемых членами-банками, проводится через два типа счетов:

– счет в Клиринговой палате;

– текущий финансовый счет в Банке Израиля.

После того, как любой банк приобретает акции на ТФБ, его счет в клиринговой палате пополняется, а счет в Банке Израиля уменьшается на эту же сумму. В случае продажи ценных бумаг счет в Банке Израиля пополняется, а счет в расчетной палате уменьшается.

Клиринг сделок членов палаты, не являющихся банками, осуществляется по той же схеме, что и для банков-членов, только финансовые расчеты производятся не через Банк Израиля, а через один из банков – членов палаты. Такая форма работы гарантирует банкам постоянную финансовую активность.

Четыре из 28 организаций-членов ТФБ не являются членами клиринговой палаты. Клиринг своих сделок они осуществляют через компании и банки, являющиеся членами Расчетной палаты. Таким же образом организован клиринг для компаний-кандидатов на членство в Клиринговой палате. Не члены палаты (будучи членами ТФБ) обязаны хранить свои ценные бумаги у одного из ее членов на счете доверительного хранения. В свою очередь, член палаты будет хранить эти ценные бумаги в самой клиринговой палате.

Все члены палаты проверяются Департаментом членства и контроля (Department of Members and Supervision). Кроме этого, члены палаты, являющиеся коммерческими банками, находятся под наблюдением Банковского контролера.

2. Деятельность клиринговой палаты. Основные функции и услуги

Деятельность Расчетной палаты регулируется уставом («Статьи Ассоциации»), в котором зафиксированы все правила внутреннего распорядка этого органа. Устав не ограничивает количество членов Расчетной палаты. На данный момент ее членами являются 24 организации. Двенадцать из них – коммерческие банки, включая Банк Израиля. Все члены Клиринговой палаты также являются членами ТФБ. Совет директоров биржи назначает главу палаты, чья кандидатура вносится на ежегодное собрание Клиринговой палаты.

Клиринговая палата представляет широкий спектр услуг своим членам и компаниям, участвующим в торгах или просто задействованным на рынке капитала. Клиринговая палата ТФБ выполняет роль депозитария биржи: т.е. является юридическим лицом, осуществляющим хранение ценных бумаг, однако, основная функция палаты – зачет взаимных требований и обязательств между участниками торговли на ТФБ по сделкам с *акциями и государственными облигациями.* Каждая такая сделка на ТФБ проходит через вычисление и расчеты в Клиринговой палате. Кроме того, в этой палате проходят сделки, совершенные за пределами ТФБ.

Клиринг на рынке ценных бумаг в Израиле происходит без физического обмена ценными бумагами между продавцом и покупателем. Это позволяет осуществлять клиринг в день заключения сделки (Т)[4], в то время как выручка, полученная в результате сделки, перечисляется на следующий день (Т+1). Такой метод расчетов является одним из самых современных и одновременно сложных методов в мире. Тем не менее такая форма клиринга является основной чертой Клиринговой палаты ТФБ с момента ее основания. Кроме того, благодаря высокой

эффективности работы палаты на ТФБ одни из самых низких в мире комиссионных сборов, взимаемых за торговлю и клиринг на бирже.

Как уже упоминалось ранее, Клиринговая палата проводит расчеты по сделкам с акциями и государственными облигациями. Данная палата не осуществляет клиринга производных ценных бумаг, торговля которыми идет на ТФБ. Этим занимается другое юридическое лицо – «Маоф», которое является дочерней компанией ТФБ.

Для того, чтобы рассмотреть процедуру клиринга на ТФБ, необходимо обратить внимание на порядок регистрации ценных бумаг в Израиле.

Все ценные бумаги, участвующие в торговле на ТФБ, являются именными ценными бумагами (т.е. такими бумагами, владельцы которых зарегистрированы компанией-эмитентом), кроме незначительного количества ценных бумаг, которые в прошлом являлись ценными бумагами на предъявителя (такие бумаги не регистрируются эмитентом). Для того, чтобы облегчить процедуру регистрации, настоящий владелец ценных бумаг не упоминается. Вместо него регистрируют *номинальную компанию*[5]. Когда та или иная организация выпускает акции и желает продать их на ТФБ, она делает это от имени номинальной компании (для регистрации государственных облигаций специально была создана Номинальная компания Банка Израиль). При этом номинальная компания целиком находится в собственности одного из следующих банков: Банк Га-Поалим, Банк Леуми Ле-Исраэль, Израэл Дисконт Бэнк и Юнайтед Мизрахи Бэнк. Далее сертификаты акций[6] передаются на хранение «Координационному банку», т.е. одному из четырех вышеупомянутых банков, контролирующему данную номинальную компанию. В записях номинальной компании, клиринговая палата ТФБ числится как организация, поместившая в данной номинальной компании свои сертификаты акций. В то же время в Клиринговой палате в качестве держателей ценных бумаг выступают номинальные компании, а не их реальные владельцы. Имена настоящих держателей акций фигурируют только в реестрах компаний, являющихся членами Клиринговой палаты.

Как уже упоминалось ранее, все сертификаты акций хранятся в Координационном банке. Таких акций у компаний большинство. Однако существуют и акции, владелец которых желает, чтобы они были зарегистрированы на его имя и не хранились в Координационном банке. Такие акции не могут обращаться на ТФБ до тех пор, пока сертификаты на них не будут переведены в Координационный банк и зарегистрированы на имя номинальной компании. Данная регистрация, называемая «депозитом», осуществляется через Клиринговую палату. Имеет место и обратный процесс («изъятие»): в этом случае ценная бумага перерегистрируется на имя ее реального владельца. Данная операция также совершается через Клиринговую палату, однако, это случается крайне редко. Такая процедура регистрации и ее условия относятся к акциям и облигациям. Такая же процедура для

варрантов и ценных бумаг участия в ограниченных партнерствах (кроме тех случаев, когда они представляют собой не сертификат, а письмо о распределении[7]).

«Изъятия» и «депозиты» в Координационный банк, номинальную компанию и Клиринговую палату являются условными до момента получения согласия на то компании эмитента. Согласно уставу Клиринговой палаты, регистрация в палате и в номинальной компании считается завершенной только после получения согласия от компании эмитента или по прошествии трех недель, если в течение этого времени такое согласие не поступило. Ценные бумаги, регистрация которых условна, могут обращаться на ТФБ только с одобрения ее членов и при условии, что их стоимость составляет менее чем один процент от уставного капитала компании, при этом она не должна превышать 25 тыс. долл. США.

Когда инвесторы покупают или продают акции на ТФБ, в реестр сертификатов акций номинальных компаний не вносится никаких изменений. Если сделка заключается через одного и того же члена Клиринговой палаты, изменения будут только в записях этого члена, а записи других членов палаты останутся без изменений. Если же сделка заключается клиентами разных членов палаты, это будет отражено в их балансах в Клиринговой палате. В процессе клиринга палата кредитует или дебетует своих членов в соответствии со сделками, которые они заключают (эта операция проводится палатой в тот же день, когда была заключена сделка). Далее средства снимаются со счета данного члена в Банке Израиля. Члены Клиринговой палаты, не являющиеся банками, проводят клиринг через банки – члены палаты.

Таким образом, клиринг не сопровождается обменом сертификатов акций. Изменяется только запись в балансе данного члена в учетных записях Клиринговой палаты. Проведение расчетов по сделкам проводится в день заключения сделки (Т), а финансовый клиринг на следующий день (Т+1). Все расчеты считаются выполненными только после окончания финансового клиринга.

В течение дня Клиринговая палата также занята и другими видами клиринга. Так, она проводит клиринг ошибок, совершенных в процессе сделок, и клиринг «коротких позиций» ее членов.

Деятельность Клиринговой палаты, описанная выше, отличается от работы расчетных палат на биржах других стран, где в большинстве случаев необходима регистрация в реестрах компаний. Это откладывает время переводов средств и затормаживает процесс клиринга, который может растянуться на 3–5 дней или даже больше.

3. Клиринговая палата как связующее звено между компаниями и их клиентами и держателями акций

У описанной выше организации клиринга есть существенный недостаток – отсутствие связи между компаниями и владельцами их

акций. Поскольку владельцы акций держат их в номинальных компаниях, компании-эмитенты не знают, кто конкретно владелец их акций в данный момент. Следовательно, между ними отсутствует обмен какой-либо информацией. На ТФБ данный недостаток устраняется следующим образом: вся информация, которую компания по закону обязана предоставлять другим физическим или юридическим лицам (т.е. ежегодные и квартальные отчеты, доклады руководства и резолюции совета директоров), посылается данной компанией на ТФБ, которая в свою очередь распространяет ее между своими членами и СМИ. Далее вся информация попадает в руки самих владельцев ценных бумаг и общественности. Отчеты компаний позволяют бирже следить за выплатой данными компаниями дивидендов держателям акций.

Поскольку ценные бумаги регистрируются в книгах компаний не на имя владельца, а на имя некой номинальной компании, формально на голосовании акционеров владелец ценных бумаг присутствовать не может. Однако, если владелец желает воспользоваться своим правом голоса, он обращается к члену Клиринговой палаты, через которого его бумаги проходят клиринг, и далее запрос поступает в номинальную компанию. Номинальная компания назначает доверенное лицо, которое и будет представлять интересы настоящего владельца акций на собрании акционеров. При этом держатель акций берет на себя обязательство не продавать принадлежащие ему ценные бумаги до собрания.

Клиринговая палата играет роль связующего звена между компаниями, участвующими в торговле ценными бумагами, и их клиентами. Следовательно, кроме проведения расчетов по сделкам, у палаты есть еще одна очень важная функция – предоставление услуг, которые позволяют членам биржи от имени своих клиентов контролировать выполнение компаниями-эмитентами обязательств, предусмотренных ценными бумагами.

4. Клиринг сделок, заключенных за пределами ТФБ и трансферы

В Израиле возможна торговля крупными пакетами ценных бумаг и за пределами биржи. Когда такого рода сделки заключаются между членами ТФБ, они обращаются в Клиринговую палату ТФБ для проведения расчетов. В этом случае клиринг проводится по той же схеме, которая была описана выше.

Другим видом клиринга является трансфер. Когда клиент желает передать свои акции, которые держит для него одна компания, на хранение другой компании, он подает на ТФБ заявление о трансфертe, в котором отмечены задействованные компании и список ценных бумаг. Далее баланс компании, переуступающей свое право на ценные бумаги, уменьшается, а баланс компании-получателя соответственно пополняется. При этом никакой финансовой активности не регистрируется. Трансфер никак не влияет на баланс данного члена в

Клиринговой палате, поэтому палата не задействована во время переуступки акций одной компании другой.

5. Доверительные трансферы, хранение активов

В последние годы Клиринговая палата ТФБ предоставляет специальную услугу клиентам, которые доверяют проведение операций со своими ценными бумагами и их хранение разным компаниям. Частные инвесторы обычно доверяют выполнять обе эти функции одному из членов ТФБ. Институциональные инвесторы (корпорации, государственные организации), особенно неизраильские, предпочитают продавать и покупать бумаги через одного члена биржи, а хранить их у другого. Особенное положение здесь у банков – членов биржи. Они одновременно являются брокерами, обеспечивают доверительное хранение активов и также обслуживают ценные бумаги (т.е. выполняют необходимые выплаты – налоги и т.п.).

После торговли на ТФБ, брокер одного члена биржи переводит купленные им ценные бумаги другому члену, который отвечает за хранение бумаг данного клиента. Этот трансфер получил название «доверительный трансфер». Он выполняется немедленно через Клиринговую палату таким же способом, как и сделки, заключенные за пределами ТФБ.

6. Выплаты обязательств компаний перед своими акционерами

Когда компании, акции которых обращаются на ТФБ, выплачивают дивиденды или выпускают «бесплатные акции»[8], выплачивают проценты или погашают свои долговые обязательства, Клиринговая палата совершает все необходимые в этом случае платежи от имени этих компаний. Члены палаты, в свою очередь, перечисляют их своим клиентам. Следует отметить, что помимо осуществления данных трансферов, клиринговая палата также фиксирует объемы перечисленных средств и даты выплат. Вся эта информация заносится в базу данных ТФБ, которая регулярно пополняется и обновляется. База данных ТФБ также содержит информацию о государственных облигациях, и Клиринговая палата регулярно осуществляет их погашение и производит выплаты процентов.

Помимо этого, Клиринговая палата осуществляет исполнение варрантов (т.е. право купить или продать определенную сумму финансовых инструментов) и конвертацию облигаций и долговых обязательств корпораций в акции. Также в расчетной палате проходят клиринг ценные бумаги участия в паевых инвестиционных фондах, хотя их нет в листинге ТФБ и они не котируются на бирже.

7. *Соответствие международным требованиям*

В марте 1989 г. Группа Тридцати развитых стран издала подготовленный специальной международной комиссией отчет о деятель-

ности клиринговых палат на разных биржах мира. В нем содержались рекомендации для всех фондовых рынков, соблюдение которых позволяет существенно снизить издержки и риски, возникающие в процессе торгов. ТФБ полностью удовлетворяет семи из девяти требований, изложенных Группой Тридцати.

Рекомендация 1. Отчетность перед прямыми участниками рынка в Т+1. Клиринг сделок на ТФБ начинается в день заключения сделки и заканчивается на следующий день (Т+1), соответственно участники рынка могут иметь самую полную информацию о сделках уже на следующий день после ее заключения.

Рекомендация 2. Отчетность перед непрямыми участниками рынка (клиентами компаний). Все непрямые участники рынка получают информацию о торгах через прямых участников (в течение Т или Т+1)

Рекомендация 3. Наличие эффективного и развитого центрального депозитария. В принципе ТФБ отвечает этому требованию, так как члены биржи регистрируют все ценные бумаги, находящиеся в их распоряжении, в Клиринговой палате.

Рекомендация 4. Возможность взаимной компенсации обязательств с одинаковыми сроками (неттинг). ТФБ функционирует на этой основе.

Рекомендация 5. Поставка против платежа (DVP[9]). ТФБ функционирует на этой основе.

Рекомендация 6. Действие принципа «однодневные средства» – операции с расчетом в тот же день. На ТФБ оплата осуществляется немедленно, без кредитования.

Рекомендация 7. Произведение окончательных расчетов по сделкам не позже Т+3. На ТФБ конец расчетов приходится на Т+1.

Рекомендация 8. Получение ссуд и кредитование в виде ценных бумаг. В Израиле нет централизованного механизма предоставления таких ссуд и займов через ТФБ. Такие операции осуществляются непосредственно между кредитором и заемщиком.

Рекомендация 9. Использование международных стандартов нумерации (ISIN) и сообщений. В данный момент ТФБ готовится к переходу к использованию стандарта ISIN.

Листинг на Тель-Авивской Фондовой бирже

Сейчас на ТФБ оборачиваются акции более чем 650 компаний. Последняя либерализация условий листинга была проведена в 1997 г., однако в силу действия различных факторов эта мера не привела к резкому увеличению количества компаний в листинге. Тем не менее условия регистрации компаний стали менее жесткими и приблизились к американским стандартам. Кроме того, более 20 компаний в данный момент присутствуют в листинге как на ТФБ, так и на биржах других стран (в основном США).

Таблица 1

Количество компаний в листинге

(по состоянию на конец года)

Год	Количество компаний	Год	Количество компаний
1988	266	1995	654
1989	264	1996	655
1990	271	1997	659
1991	286	1998	662
1992	378	1999	654
1993	558	2000	665
1994	638	2001	649

1988–1995: Israel Yearbook and Almanac 1996, с. 136
1996–2000: www.tase.co.il

Возможность двойной котировки

В октябре 2000 г. Кнессет принял новый закон о двойной котировке акций (т.е. котировке на более чем одной бирже). Для компаний эмитентов это, безусловно, способ повысить ликвидность своих ценных бумаг, увеличить их торговый оборот и количество инвесторов. Для самой биржи данный закон не менее важен, так как ТФБ стала более привлекательной для иностранных инвесторов, не размещающих свои акции на Уолл-Стрит из-за высоких трансакционных издержек. Для инвесторов (как индивидуальных, так и институциональных) двойная котировка также выгодна, так как она освобождает от части налогов и сокращает издержки, связанные с обращением и клирингом акций. Кроме того, двойная котировка увеличивает время участия акций в торгах.

На двойной листинг имеют право компании, акции которых обращаются не меньше года на рынках NASDAQ, Нью-Йоркской Фондовой бирже и Американской Фондовой бирже, а также компании, акции которых обращаются меньше года, но их рыночная стоимость стабильна и превышает 350 млн. долл. США. При этом все акции должны быть акциями одного типа. Для того, чтобы получить двойную регистрацию, компания должна сделать соответствующий запрос в комиссию по ценным бумагам и направить заявление на ТФБ; никаких других требований не предусмотрено. Заявление на двойной листинг в обязательном порядке должно включать в себя сведения о финансовом состоянии компании за прошедший год и типе и стоимости акций. В процессе двойной котировки своих акций компания обязана регулярно предоставлять ТФБ и комиссии по ценным бумагам отчеты о динамике торгов акциями. Чтобы прекратить двойную котировку, компания должна сообщить об этом за три месяца до желаемой даты делистинга. Никаких дополнительных требований для делистинга не существует.

Деятельность Тель-Авивской Фондовой биржи в 90-е гг.

Период с 1990 по 2000 г. условно можно подразделить на два этапа, границей которых служит 1994 год (о событиях на ТФБ в 1994 г. см. ниже). Первый этап представлял собой типичный рынок быков[10], в то время как второй – рынок медведей[11]. Следует отметить, что к концу девяностых годов рынок стал демонстрировать попытки перейти от рынка медведей к рынку быков, но этому постоянно мешали внешнеэкономические факторы (кризис в странах Юго-Восточной Азии, кризис в России в 1998 году, падение рынка NASDAQ). Тем не менее за последние десять лет рынок ценных бумаг Израиля значительно увеличился, о чем свидетельствуют следующие цифры (табл. 2).

Таблица 2

Рыночная капитализация и мобилизация капитала на ТФБ

Год	Стоимость ценных бумаг (млрд. долл. США)			Мобилизация капитала (млн. долл. США)			
	акции	облигации	всего	От реализации акций	От реализации гос. облигаций	От других ценных бумаг	Всего
1992	29,6	30,7	60,3	1883	5079	156	7118
1993	50,8	31,7	82,5	3130	2664	169	5963
1994	32,7	33,2	65,9	1808	4089	7	5904
1995	36,5	36,9	73,4	733	4928	–	5661
1996	35,9	40,7	76,6	760	7621	15	8396
1997	46,4	40,9	87,3	2158	5008	356	7522
1998	40,9	37,4	78,3	216	6561	592	9269
1999	65,4	39,7	105,1	1544	6397	383	8324
2000	66,8	41,4	108,2	3408	5096	67	8571
2001	57,6	44,0	101,6	1743	9385	639	11767

Источник: www.tase.co.il

Если рассматривать деятельность биржи за последние десять лет, то можно выявить ряд отличительных особенностей, которые присутствовали на рынке на протяжении всего периода (следует отметить, что эти «отличительные черты» негативно сказываются на развитии фондового рынка в Израиле).

Во-первых, фондовый рынок в Израиле является крайне централизованным. На нем доминируют коммерческие банки. Во-вторых, деятельность государства вытесняет с рынка частные компании, а большинство компаний, выпускающих так называемые «голубые фишки» (самые надежные и дорогие ценные бумаги), являются государственными монополиями. Это служит сдерживающим фактором для инвестора и заставляет его воздерживаться от крупных вложений. В-третьих, основная часть капитала, до 70%, сконцентрирована в руках крупных акционеров. Для сравнения: этот показатель в США равен 5%.

В 1999 г. крупным акционерам принадлежало 67%[12] акций (53% местным частным инвесторам, 8% – правительству, 6% – зарубежным

инвесторам). Такая концентрация капитала всегда была одной из основных проблем ТФБ.

Таблица 3

Владельцы ценных бумаг, котирующихся на ТФБ (%)

	1993	1994	1995	1996	1997	1998
На свободном рынке	73,9	68,6	69,4	71,6	70,6	70,2
Доверительные фонды	14,0	10,4	7,7	5,4	5,1	3,9
Страховые компании	0,1	0,4	0,3	0,5	0,8	1,2
Сберегательные и образовательные фонды	9,0	13,6	12,1	10,9	10,0	10,3
Иностранные инвесторы	3,0	7,0	10,4	11,6	13,5	14,4

Israel Yearbook and Almanac 1999, с. 110

Также следует отметить, что на израильский рынок ценных бумаг постоянно влиял арабо-израильский конфликт. Так, например, после «рукопожатия И.Рабина и Я.Арафата» в сентябре 1993 г. общий биржевой индекс вырос на 9%. Однако когда мирный процесс заходил в тупик, активность на бирже заметно падала. На убийство Рабина биржа отреагировала 3,5% падением рынка.

Особо следует отметить роль Тель-Авивской Фондовой биржи в приватизации.

Для Израиля ТФБ – эффективный инструмент мобилизации капитальных ресурсов. Во второй половине 80-х гг. на бирже развернулась приватизация государственных и профсоюзных компаний. По данным министерства финансов Израиля, доходы от приватизации в 1987–1999 гг. составили 8,15 млрд. долл.[13]

Первой компанией, чьи акции начали реализоваться через ТФБ, была дочерняя фирма государственного химического концерна «ICL» – «Periclase» (октябрь 1986 г.). Однако наибольшую прибыль государству давала приватизация банков. В ряде случаев процесс приватизации замедлялся или приостанавливался по неэкономическим причинам. Кроме того, наряду с приватизацией уже существующих государственных компаний в это же время создавались и новые. В результате процесс приватизации настолько осложнился, что правительство вынуждено было пересмотреть свои планы на прибыли от приватизации. Из-за краха рынка в 1994 г. израильское правительство получило от приватизации значительно меньше, чем рассчитывало. После этого кризиса правительство осознало, что приватизация будет проходить медленнее, чем ожидалось. Тем не менее этот процесс идет, и в 2000 г. государство получило около 0,7 млрд. долл. от продажи принадлежащих ему акций (на 0,2 млрд. больше, чем в 1999 г.).

Со времени финансового кризиса 1983 г.[14] 1991 год стал первым годом достаточно высокой активности на бирже. Однако рост рынка был бы более существенным, если бы не военный кризис в

Персидском заливе в 1990–1991 гг. (с 17 по 22 января 1991 г. торги на бирже не велись), высокая безработица, снижающийся экспорт и чрезмерная концентрация капитала в строительном секторе. Тем не менее в первой половине года средняя доходность акций составляла 7,5%, такой показатель доходности в последний раз был зафиксирован лишь в 1987 г.

В четвертом квартале 1991 года активность на рынке заметно снизилась. Первые три квартала правительство проводило политику по стимулированию инвестиций и снижению уровня безработицы. Министерством финансов и Банком Израиля были приняты меры по снижению номинальной процентной ставки. В результате краткосрочные и среднесрочные кредиты показались инвесторам очень выгодными, однако, на фоне снижающейся инфляции эта мера привела к резкому росту реальной процентной ставки. Все это сопровождалось частым размещением конвертируемых облигаций на рынке, что сократило объем выпуска акций коммерческими структурами. Тем не менее 1991 г. биржа закончила с повышением всех индексов. Курсы акций росли до конца года, что характерно для «рынка быков». Также увеличился объем сделок и возросла мобилизация капитала от акций и конвертируемых облигаций. В этом году в листинг были занесены 18 компаний, ранее не принимавших участие в торговле на бирже. Пять из них были включены в «двойной лист»[15], торговля по которому велась особенно интенсивно.

1991 г. также считается годом усовершенствования торговли. Удвоилось количество акций, торговля которыми проходила в режиме текущего реагирования по «изменяющемуся» списку («миштаним», список, включающий наиболее устойчивые компании, котировка акций которых многократно менялась на протяжении торговой сессии). Специально для них на бирже была открыта дополнительная торговая площадка. В этом году была серьезно модернизирована система торгов. С помощью компьютерной системы велась торговля акциями и конвертируемыми облигациями 122 компаний (около четверти всех компаний, не вошедших в список «миштаним»).

Тогда дала результаты политика «один шекель – один голос» (сменившая политику «одна акция – один голос»). Некоторые компании заметно повысили обращаемость своих акций именно благодаря этому правилу.

В 1991 г. акции израильских компаний успешно котировались не только на ТФБ, но и на американских фондовых рынках. Большим спросом пользовались акции таких компаний, как Teva, Elbit, Clai Electronics Industries и др. Израильские компании размещали свои акции на американских фондовых биржах, несмотря на то, что комиссии там были выше, чем на ТФБ. Следует также отметить, что основными покупателями израильских акций, котировавшихся на рынках США, были израильские инвесторы, а не американцы.

1992 год начался бурной активностью и ожиданиями дальнейшего роста израильского фондового рынка. Часть аналитиков полагала, что стоимость многих акций завышена. По результатам первого квартала прирост общего биржевого индекса составил 16,2%[16], и ТФБ получила репутацию самой доходной биржи мира. Для компаний эмитентов первый квартал этого года был самым прибыльным за предшествующие ему пять (если не десять) лет. Чистая доходность капитала в среднем составляла порядка 14% (в то время, как в 1991 г. этот показатель был равен 11%). Затраты на выпуск и размещение ценных бумаг снизились вдвое, валовая прибыль составила 27% (24% в предыдущем году), а чистая прибыль – 6,6% от торгового оборота (4,5% в 1991)[17].

Вторая половина года была менее успешной, отрицательно сказался и тот факт, что после выборов в Кнессет на ТФБ просочилась информация о возможном введении налога на реализованный прирост капитала[18]. Однако 19 июля министр финансов Израиля Авраам Шохат развеял эти слухи и конъюнктура на бирже улучшилась.

В 1992 г. стали очевидны две основные проблемы ТФБ. Первая – высокая концентрация капитала в руках крупных акционеров. Второй проблемой являлась распространенная тогда практика выпуска акций по заниженной цене и продажа их крупным акционерам, что давало последним беспрецедентный контроль над капиталом. Биржа и Комиссия по ценным бумагам призвали компании «выровнять» существующую диспропорцию, однако их требования удовлетворили только 80% фирм.

Тем не менее 1992 г. был для ТФБ довольно успешным. Всего за год прирост общего биржевого индекса составил 70%. Это был четвертый год стабильного роста фондового рынка, Тель-Авивская Фондовая биржа утратила репутацию «казино», и финансовая общественность окончательно удостоверилась в том, что ТФБ – место для серьезных инвестиций. К концу декабря суммарная стоимость ценных бумаг составила 161 млрд. шекелей (на 47% больше, чем в начале года), а акции и конвертируемые облигации, по сравнению с началом года, поднялись в цене на 116,3%[19].

В 1993 г. Тель-Авивская Фондовая биржа продолжала быть «рынком быков». Этому способствовали реформы государственного бюджета, снижение торговых ограничений, благоприятная экономическая ситуация в стране, введение руководством ТФБ более жестких правил предоставления компаниями информации о своей деятельности, а также приватизация, проводившаяся через биржу. Однако такой высокой активности, как в 1992 г., уже никто не ожидал. Год начался не очень удачно, а быстрый рост рынка возобновился лишь в мае. Кроме того, в начале года опять появились слухи о возможном введении налога на прибыль от продажи капитальных активов, что в феврале привело к десятидневному спаду активности и сокращению капитализации на 10% (т.е. на 9,5 млрд. шекелей)[20]. На протяжении года биржу не раз называли «мыльным пузырем», который вот-вот лопнет. Естественно, это замедляло рост рынка.

В 1993 г. обострилась одна из главных проблем биржи. Из-за низких процентных ставок и достаточно либеральных требований для сберегательных и взаимных фондов рынок оказался насыщен средствами. В результате спрос на ценные бумаги сильно превышал предложение. В ответ на это компании делали заявки на размещение новых ценных бумаг и продавали права на их покупку (Банк Га-Поалим заработал таким образом 47,1 млрд. шекелей). В этих условиях биржа была вынуждена ужесточить условия листинга и эмиссии ценных бумаг.

Тем не менее в целом 1993 г. считается достаточно удачным. Конъюнктура складывалась благоприятно и для инвесторов, и для компаний-эмитентов, и особенно благоприятно для брокеров. Последние до 1993 г. никогда не были влиятельной силой на ТФБ. Однако в этом году некоторые брокерские компании сумели даже выпустить свои акции. Всего за год было 280 новых выпусков акций, что позволило мобилизовать 9,5 млрд. шекелей. Средний ежедневный объем торгов составил примерно 350 млн. шекелей, в то время как наибольший объем торгов за день, зафиксированный в этом году, превысил 750 млн. шекелей (около 250 млн. долл.). Рост курса акций, выставленных на биржу, составил 29%[21]. При этом наибольший рост был у нефтяных компаний (106%), компаний, торгующих недвижимостью (62%) и страховых компаний (51%). Даже компании аутсайдеры продемонстрировали рост: производственные – 16%, коммерческие банки – 15%. Из 558 компаний, акции которых обращались на ТФБ, 30% были занесены в листинг впервые. Тем не менее ТФБ продолжала быть торговой площадкой для крупных акционеров (по-прежнему контролирующих 70% капитала).

В целом благоприятная конъюнктура на израильском фондовом рынке не могла не привлечь иностранных инвесторов, которые выбрали биржу (а не прямые инвестиции в компании) для участия в экономике Израиля.

1994 г. стал одним из самых неудачных в истории Тель-Авивской Фондовой биржи. До начала года население было уверено в нерушимой стабильности биржи. Коммерческие банки только усиливали уверенность общественности, предоставляя выгодные кредиты для торговли на ТФБ. Однако в начале января 1994 г. от руководства биржи и некоторых консалтинговых компаний стали поступать тревожные сообщения о том, что фондовый рынок перенасыщен, и что стали очевидны диспропорции между накопившейся в ценных бумагах израильских компаний денежной массой и реальной прибылью, которую они могли приносить. По мнению экспертов, в дальнейшем это представляло угрозу для эффективной денежной и инвестиционной политики и экономики в целом. В результате Банк Израиля существенно повысил процентные ставки. Биржа немедленно отреагировала на данные меры, и в феврале общий биржевой индекс сократился на 10%[22]. Банки стали требовать от своих клиентов продать акции для

того, чтобы вернуть кредиты. К марту капитализация фондового рынка сократилась еще на 10%.

Тогда же было обнародовано расследование Комитета по ценным бумагам, в котором говорилось о проведении некоторыми менеджерами фиктивных трансферов, что искусственно завышало спрос. Также после столкновения 25 февраля в тупик зашел мирный процесс. Эти два фактора заставили иностранных инвесторов продать значительное количество акций израильских компаний. Низкая активность как иностранных, так и национальных участников рынка привела к тому, что ежедневный объем торгов сократился по сравнению с 1993 г. на 40%. В марте последовала серия безуспешных выпусков акций, некоторые из которых были отменены.

Однако реакция на повышение процентных ставок была не последним потрясением рынка. 16 августа в 17.00 премьер-министр Израиля Ицхак Рабин и министр финансов Авраам Шохат объявили о намерении ввести 10-процентный налог на реализованный прирост капитала. Рабин заявил, что «Ситуация изменилась. Борьба с инфляцией гораздо важнее, чем данные ранее обещания[23]» (имея в виду данное слово в ближайшее время не вводить данный налог в действие). Как уже упоминалось ранее, слухи об этом налоге ходили на бирже уже несколько лет. Биржа всегда реагировала на них отрицательно, но без катастрофических последствий. Видимо, на мягкую реакцию рынка и надеялись чиновники. Их ожидания не подтвердились. 17 и 18 августа торги на бирже не велись, а когда они были возобновлены, общий индекс упал до отметки 165,18, а капитализация сократилась на 12,7 млрд. шекелей. Таковыми были потери рынка еще до введения налога в действие. Налог вступил в силу первого января 1995 года, но он так и не был собран.

Таким образом, «рынок быков», установившийся на ТФБ с конца 80-х гг., закончил свое существование. О сверхприбылях 1992 и 1993 гг. уже никто и не вспоминал. Те компании, которые демонстрировали наибольший рост в 1993 г., больше всех пострадали от кризиса в 1994 г. Так, курсы акций нефтяных компаний упали на 85%. Меньше всех потеряли коммерческие банки – «всего» 15% своего капитала. Ежедневный торговый оборот снизился до 100 млн. шекелей.

От кризиса 1994 г. пострадали все – и простые граждане Израиля и корпорации. Этот год ТФБ закончила в числе аутсайдеров наравне с биржами Венесуэлы, Мексики и Аргентины.

Ситуация на рынке в 1995 г. по уровню эмиссий, ежедневному объему торгов и мобилизации капитала напоминала 1991 год. Тель-Авивская Фондовая биржа стабилизировалась после падения рынка в прошлом году. Этому способствовали относительно низкая инфляция, высокая активность иностранных инвесторов и отмена налога на реализованный прирост капитала (30 января министр финансов Израиля объявил о возможной отмене этого налога. На следующий день

индекс «Миштаним» вырос на 7,7%. Кнессет проголосовал за отмену налога 7 марта, и министр финансов заявил, что в ближайшие несколько лет данный налог не будет взиматься в Израиле[24]). Кроме того, ТФБ стала более привлекательной для инвесторов после либерализации правил «короткой продажи[25]» в марте и продления 30 мая действия ограничений максимальной цены эмиссии[26] до 31 декабря 1996 г. Последнее было необходимо, чтобы справиться с типичной для 1994 г. ситуацией, когда число заявок на только что выпущенные акции существенно превышало их предложение. Хотя все эти меры изменили ситуацию на рынке к лучшему, полностью вернуть доверие израильтян бирже не удалось. Все это было омрачено заявлением 14 тыс. граждан Израиля о том, что в 1993 г. советники банков по инвестициям уговорили их брать кредиты (не требуя обеспечения) для покупки ценных бумаг. После падения рынка в 1994 г. банки потребовали возвращения кредитов в полном объеме. Клиенты этих банков обратились с жалобами в Кнессет и в Банк Израиля, и несмотря на то, что в 1996 г. 30% жалоб признали оправданными, доверие к банкам и ТФБ было подорвано.

В отличие от израильтян иностранные инвесторы были очень активны на ТФБ. До 1994 г. они практически не были представлены на бирже. Однако в 1993 г., начиная со второго квартала, интерес иностранных инвесторов к ТФБ стал повышаться. Именно они «вытянули» биржу из кризиса. Так, прирост общего индекса акций в этом году был обеспечен в основном значительными инвестициями всего лишь в две компании – Bezeq и Teva Pharmaceuticals, Другим стабилизирующим внешним фактором послужило и то, что данный год был наиболее успешным для Нью-Йоркской Фондовой биржи, и израильский рынок быстро отреагировал на высокий рейтинг израильских ценных бумаг на Уолл-Стрит.

Первая половина 1996 г. не была ознаменована какими-либо кардинальными изменениями на фондовом рынке Израиля. Частные инвесторы сосредоточили свои усилия на валютном рынке, в то время как институциональные инвесторы придерживались выжидательной тактики. В этот период фондовый рынок можно было охарактеризовать как «рынок медведей»: т.е. имело место общее понижение фондовой конъюнктуры. Во-первых, у инвесторов все еще существовал психологический барьер, вызванный падением рынка в 1994 г. Во-вторых, понижению фондовой конъюнктуры способствовала экономическая ситуация в целом: отрицательно сказались замедленный экономический рост, повышенная инфляция в первой половине 1996 года, высокие процентные ставки, дефицит бюджета и платежного баланса. В-третьих, отрицательную роль играла и неопределенность в развитии мирного урегулирования конфликта на Ближнем Востоке. В связи с этим ежедневные объемы торгов были низкими (в среднем 180 млн. шекелей[27]; в периоды низкой активности (сентябрь) снижались до 40 млн. шекелей), что

свидетельствовало о том, что ТФБ еще не полностью преодолела последствия кризиса 1994 года.

Несмотря на экономическую ситуацию, в 1996 г. относительно благоприятная конъюнктура сложилась для осуществления долгосрочных инвестиций. Однако в Израиле долгосрочными вложениями занималось лишь небольшое количество предпринимателей, так как в основном инвесторы предпочитали осуществлять долгосрочные инвестиции через пенсионные и резервные фонды, а не через фондовый рынок. У институциональных инвесторов в Израиле не сложилось традиции вкладывать средства в ценные бумаги. Кроме того, некоторые компании использовали низкую стоимость акций в 1996 г. для осуществления выкупа или слияний компаний и, таким образом, выводили часть ценных бумаг из оборота на ТФБ.

Примечательно, что в первой половине 1996 г. израильские компании предпочитали размещать свои акции скорее на зарубежных фондовых рынках, нежели на ТФБ. Это было вызвано следующими факторами: продолжающейся вялостью рынка, высокой активностью на Уолл-Стрит, а также тем, что на Нью-Йоркской Фондовой бирже требования листинга были менее жесткими, чем на ТФБ. В 1996 г. Израиль был вторым после Канады государством по количеству акций, обращающихся на Нью-Йоркской Фондовой бирже. В сущности, израильские компании заработали больше на зарубежных рынках, чем на внутреннем. Большинство из 21 первого публичного выпуска акций в 1996 г. принадлежало небольшим высокотехнологичным венчурным компаниям, американские аналоги которых обычно медленнее выходят на рынок. Это спровоцировало падение внутреннего венчурного рынка и привело к слиянию некоторых компаний. Более того, в середине года имело место небольшое ухудшение конъюнктуры на Уолл-Стрит, и те израильские компании, которые разместили свои акции на Нью-Йоркской Фондовой бирже в конце весны, имели на этом рынке худшие показатели.

На сложившуюся ситуацию немедленно отреагировала ТФБ. Для того, чтобы привлечь на рынок израильские компании, был снижен минимальный уровень капитала, необходимого для выпуска акций и размещения их на ТФБ. В результате в конце 1996 года рынок испытывал такой подъем, которого не было с 1994 года.

Рост рынка продолжался и в 1997 г. Весной был небывалый рост выпуска новых акций. К концу года на биржу были допущены акции еще 13 компаний, ранее не присутствующих на ТФБ. Таким образом, количество компаний, акции которых обращались на ТФБ, достигло 648[28].

Улучшению конъюнктуры на ТФБ способствовали низкое соотношение цен акций к доходу, снижающаяся инфляция, уменьшающаяся процентная ставка доходности долгосрочных облигаций и значительные иностранные инвестиции. Однако пробуждением рынок обязан деятельности основных брокерских компаний, действующих на ТФБ, а не частным инвесторам.

О положительных тенденциях на рынке свидетельствует значительный рост объема торгов по сравнению с 1996 г. Так, к концу 1997 г. стоимость акций достигла 163,5 млрд. шекелей[29] (115,3 в 1996 г.), облигаций и казначейских векселей – 197,2 млрд. шекелей.

В 1997 г. ТФБ все еще оставалась централизованной биржей: наибольшую долю рыночной стоимости акций (6,4%) составляли акции Банк-Га-Поалим, и еще 39% занимали акции десяти крупнейших компаний. Из 648 компаний в листинге акции 551 имели рыночную стоимость менее 200 млн. шекелей, а 67% акций находились в руках крупных акционеров.

В этом году кардинально изменился принцип мобилизации капитала на ТФБ. Основными статьями дохода стали продажи новых выпусков акций и конвертируемых облигаций компаний. Так, поступления от продажи корпоративных облигаций составили в 1997 г. 1,3 млрд. шекелей (в 1994 г. этот показатель составлял всего 68 млн. шекелей).

В 1997 г. существенно повысилась активность зарубежных инвесторов на ТФБ. В первой половине года они инвестировали в ценные бумаги на ТФБ 1,5 млрд. шекелей, и к концу года в их собственности находилось более 12% акций с неограниченным обращением[30]. Чтобы увеличить приток иностранных инвесторов, со второго января котировки акций стали производиться в агорот (1 сотая шекеля), а не в процентах, как ранее. ТФБ стала более привлекательной для иностранных компаний. В результате в этом году дочерняя инвестиционная компания банка Swiss Bank UBS (крупнейшего банка Европы и второго по величине в мире) стала первым иностранным членом ТФБ. Кроме того, зарубежные инвесторы стали проявлять интерес к рынку индексированных государственных облигаций. Третьего ноября Международная Финансовая корпорация (International Financial Corporation, агентство Мирового Банка) включила Израиль в группу стран с быстро увеличивающимся рынком ценных бумаг. Таким образом, Израиль был включен в индекс IFCI наравне с Грецией и Португалией с весом 1,8%.

Для израильских инвесторов ТФБ в этот период была более привлекательной, чем Уолл-Стрит. Несмотря на это, Израиль продолжал занимать второе место после Канады как иностранное государство, акции компаний которого обращаются на фондовых рынках США.

Однако рост рынка продолжался только до августа. С этого месяца началось падение общего индекса акций, вызванное кризисом в Юго-Восточной Азии. 28 октября, через 5 дней после «черного четверга» в Южной Корее, влияние кризиса стало очевидным и на ТФБ. Наиболее серьезно пострадали компании, деятельность которых была связана с ЮВА. Тем не менее осеннее падение рынка было не столь существенным благодаря уменьшению выпуска государственных займов, а также снижающейся инфляции.

В 1998 г., как и в предыдущие годы (начиная с 1994), отношение инвесторов к бирже было осторожным; «малые инвесторы» продолжали

держаться в стороне от израильского фондового рынка. Суммарный объем торгов в этом году вырос на 39,2% по сравнению с прошлым годом и достиг 84,9 млрд. шекелей[31]. Для акций этот показатель составил 48,6 млрд. (29,6%), а для облигаций – 36,3 млрд. шекелей (54,5%). Ежедневный объем торгов (в ценах декабря 1998 г.) составлял 250 млн. шекелей, т.е. на 30 млн. больше, чем в предыдущем году. Курсы основных акций упали на 5–6% по сравнению с тем же годом. Доходы от продажи акций и конвертируемых облигаций корпораций не изменились и составили 8,4 млрд. шекелей в год. 57% этой суммы были обеспечены приватизацией, проводящейся на ТФБ.

В июле 1998 г. были внесены поправки в закон, регулирующий выдачу лицензий компаниям, занимающимся инвестиционным консалтингом и управлением портфелями ценных бумаг. Кроме того, Финансовый комитет изменил требования, необходимые для листинга компаний. Однако главным событием 1998 г. на рынке, безусловно, был августовский кризис в России.

До августа ситуация на фондовом рынке Израиля была благоприятной. Это привлекало иностранных инвесторов, и к середине года они стали наиболее важной группой на ТФБ, в руках которой было сосредоточено 15% акций, не принадлежащих корпорациям. Затем последовал дефолт в России. Доверие инвесторов к быстрорастущим, развивающимся рынкам было подорвано, и они начали вкладывать свои средства в менее рискованные рынки. Израиль к таковым не относился. Поскольку израильские институциональные инвесторы были представлены на ТФБ довольно слабо, выход с рынка иностранных инвесторов причинил ТФБ значительный ущерб. В результате в период с 10 августа по 8 октября индекс ТА-100 упал на 32%, а во время закрытия торгов 8 октября индекс «Маоф» достиг наименьшего уровня с марта 1997 г. В этот день падение рынка составило 40% по сравнению с пиком в январе 1994 г. По сути, на августовский кризис в России отреагировала не биржа и национальные инвесторы, а иностранные инвесторы, что и спровоцировано падение рынка. Отток иностранных инвестиций немедленно повлиял на израильский валютный рынок.

С середины октября фондовый рынок стал постепенно восстанавливаться, особенно хорошие показатели были у высокотехнологичных компаний. Доля иностранных инвесторов на рынке тоже стала повышаться и к концу года составила 12,6%. Несмотря на кризис в августе, иностранные инвесторы вложили на протяжении года значительные средства: 223 млн. шекелей[32] (около 60 млн. долл.).

В свою очередь, израильские инвесторы были очень активны на американских фондовых рынках. В 1998 г. капитализация акций израильских компаний, обращавшихся на биржах США, составила 50 млрд. долл. США.

В 1999 г. обозначился разрыв между экономическим развитием в целом и развитием рынка капитала – первое характеризовалось как слабое, а второе указывало на существование «рынка быков» (т.е. игры

на повышение). В отличие от рынков США, где стремительно повышались в основном индексы, основанные на высокотехнологичных компаниях, на ТФБ выросли все индексы акций, несмотря на отрасли, в которых работали их эмитенты. Оживление рынка в конце года не сопровождалось таким бурным ростом курсов акций высокотехнологичных компаний, как на Уолл-Стрит. Это было вызвано тем, что ТФБ уже начала реагировать на связанные с акциями данных компаний опасения, появившиеся на фондовых рынках в других странах.

В 1999 году потенциально наиболее важными группами для развитых фондовых рынков были:

– население,

– местные институциональные инвесторы,

– высокотехнологичные компании.

Однако на ТФБ ситуация была иной. Население Израиля как инвестор практически ушло с фондового рынка еще в 1994 г., что объясняет такую высокую долю крупных акционеров на рынке – 67%[33] рыночной капитализации. Местные институциональные инвесторы были неактивны на рынке из-за жесткого регулирования. Третья группа – высокотехнологичные компании – предпочитали выпускать свои акции за рубежом.

Таким образом, средний ежедневный объем торгов акциями и конвертируемыми облигациями едва превысил уровень 1993 г., когда «рынок быков» достигал своего пика, а количество акций в обороте на ТФБ сократилось на 20%[34].

Иностранные инвесторы продолжали уходить с израильского фондового рынка. Их доля на ТФБ снизилась с 13% в конце 1998 г. до 10%. Иностранные инвесторы предпочитали покупать акции израильских компаний на других биржах, а сами компании старались не размещать свои акции на ТФБ. Этому послужили следующие причины:

1) на ТФБ было представлено большое количество традиционных отраслей промышленности;

2) для рынка была свойственна низкая активность из-за большого количества крупных акционеров;

3) израильский фондовый рынок – быстрорастущий рынок, что представляет собой дополнительный риск;

4) израильские высокотехнологичные компании уже были хорошо представлены на зарубежном рынке.

Для улучшения обращаемости акций в 1999 г. на ТФБ была задействована новая система торгов производными финансовыми инструментами. В результате всего за несколько дней объем торгов варрантами «Маоф» удвоился. Кроме того, на 40% были снижены сборы, касающиеся форвардных контрактов и варрантов. Для улучшения ликвидности акций разряда «Йетер» (т.е. не являющихся «голубыми фишками») в декабре был снижен минимальный уровень приказа на их покупку – с 26 тыс. до 2 тыс. шекелей.

Несмотря на эти изменения, около 120 израильских компаний продолжали действовать на американских фондовых рынках (некоторые котировались одновременно как в Израиле, так и в США). Израиль продолжал удерживать второе место по количеству компаний в листинге NASDAQ после Канады,

2000 год начался с роста курсов акций и объемов торгов. Этому способствовали экономический рост в стране, нулевая инфляция и снижающиеся процентные ставки. Благоприятную конъюнктуру на рынке поддерживал также феноменальный рост рынка NASDAQ в первом квартале года.

Однако резкое падение NASDAQ и начало интифады Аль-Акса в сентябре существенно подорвали сложившуюся ситуацию на рынке, Тем не менее после этих событий ТФБ осталась одной из немногих бирж, игра на которой продолжала быть прибыльной. Отлично проявила себя система TACT-D – автоматизированная система торгов производными финансовыми инструментами. Объем торгов ими увеличился почти в три раза с момента введения системы в действие.

Главным событием года, безусловно, было принятие Кнессетом закона о двойной котировке, что позволило американским компаниям котироваться на ТФБ при минимальных издержках и практически без каких-либо серьезных предварительных условий.

* * *

В последнее время биржа преодолевает последствия, связанные с эскалацией конфликта на Ближнем Востоке, основной акцент в своей деятельности она делает на либерализацию торговли и на укрепление международных связей. Так, в августе 2001 г. на Кипре состоялась встреча представителей ТФБ, Афинской Фондовой биржи и Кипрской Фондовой биржи, на которой обсуждалась возможность создания системы расчета региональных индексов (основанных на ценных бумагах, обращающихся на этих трех биржах) и привлечения иностранных инвесторов. Несмотря на падение активности из-за арабо-израильского конфликта, Тель-Авивская Фондовая биржа остается привлекательным рынком для инвесторов.

[1] Производная ценная бумага (деривативъ) – финансовый инструмент, стоимость которого основывается на изменении цены финансового инструмента в его основе. К ним относятся фьючерсные контракты и свободно обращающиеся опционы. См.: Биржевое дело / Под ред. В.А.Галановой, А.И.Басова, М.: Финансы и статистика, 2001.

[2] Существует два принципа функционирования рынка ценных бумаг: *order driven* (на основе балансирования приказов клиентов о продажах и покупках) и *quote driven* (на основе постоянного изменения цен ведущими его участниками в поиске бизнеса). См.: Новый Англо-Русский Банковский и Экономический Словарь / Под ред. Федорова Б.Г.; Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2000, с. 508, 572.

[3] New Israeli Shekel, далее везде – «шекель».

[4] В странах с развитой инфраструктурой расчетный период, как правило, фиксирован. Дата расчетов определяется формулой D=T+*n*, где *n* – количество дней, через которое должны быть произведены расчеты, а T – дата заключения сделки.

[5] Номинальная компания – компания, созданная с целью управления ценными бумагами их настоящих владельцев. См.: Новый Англо-Русский Банковский и Экономический Словарь, с. 483.

[6] Сертификат акций – обращающаяся ценная бумага, удостоверяющая владение одной или некоторым количеством акций. См.: Новый Англо-Русский Банковский и Экономический Словарь, с. 653.

[7] Письмо о распределении – документ, в котором указано выделяемое инвестору число вновь выпускаемых ценных бумаг.

[8] «Бесплатные акции» – акции, выпущенные в порядке компании. См.: Новый Англо-Русский Банковский и Экономический Словарь, с. 101.

[9] Delivery versus payment, DVP – передача сертификатов ценных бумаг против перевода денег для исключения риска неплатежа.

[10] «Рынок быков» – период повышения рыночной конъюнктуры (когда покупатели ценных бумаг приобретают акции, надеясь продать их в будущем по более высокой цене).

[11] «Рынок медведей» – период понижения рыночной конъюнктуры (продажа ценных бумаг в надежде выкупить их в будущем по более низким ценам).

[12] Israel Yearbook and Almanac 2000, с. 85 (далее – IYBA).

[13] Федорченко А.В. *Торговля фондовыми ценностями на Ближнем Востоке* // Обозреватель. – 2000, № 10–11, 12.

[14] Во время спада 1983 г. инвесторы, предвидя девальвацию шекеля, начали скупать ценные бумаги, деноминированные в иностранной валюте. Для финансирования этих приобретений они продавали банковские акции, что из единичных случаев впоследствии переросло в массовое явление. Банки использовали свои обширные ресурсы, чтобы выкупить свои акции и таким образом поддержать их цену. Тем не менее руководство банков осознавало, что их усилия тщетны. В октябре 1983 г. правительство Израиля временно закрыло Тель-Авивскую фондовую биржу. В течение двухнедельного отсутствия торгов власти и банкиры разработали план, по которому все ведущие банковские институты переходили в руки правительства.

[15] То есть где каждая сделка заверяется двумя трейдерами.

[16] IYBA 1993, с. 150.

[17] Там же.

[18] Налог на прибыль от продажи капитальных активов (Capital Gains Tax).

[19] IYBA 1993, с. 152.

[20] IYBA 1994, с. 137.

[21] Сатановский Е.Я. *Экономика Израиля в 90-е годы* // М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999, с. 94.

[22] IYBA 1995, с. 138.

[23] Там же, с. 140.

[24] IYBA 1996, с. 135.

[25] Продажа ценных бумаг участниками рынка, играющими на понижение, в надежде на их выкуп по более низкой цене в будущем.

[26] Цена, по которой ценные бумаги впервые выпускаются на рынок. См.: Новый Англо-Русский Банковский Экономический Словарь, с. 388.

[27] IYBA 1997, с. 164.

[28] IYBA 1998, с. 182.

[29] Там же.

[30] То есть ценные бумаги, не являющиеся акциями банков и собственник которых не государство.

[31] IYBA 1999, с. 108.

[32] IYBA 1999, с. 112.

[33] IYBA 2000, с. 85.

[34] Там же, с. 86.

Литература

1. Биржевое дело / Под ред. В.А.Галановой А.И.Басова. – М.: Финансы и статистика, 2001.

2. Англо-Русский Банковский и Экономический Словарь / Под ред. Федорова Б.Г. –Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2000.

3. *Сатановский Е.Я.* Экономика Израиля в 90-е годы / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 1999.

4. *Сатановский Е.Я.* Израиль в современной мировой политике / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 2001.

5. *Федорченко А.В.* Экономика переселенческого общества / Институт Израиля и Ближнего Востока. – М., 1998.

6. Факты об Израиле. – Иерусалим, 1999.

7. Israel: Financial System, Stability Assessment // IMF, Washington DC, 2001.

8. Economic Research and State Revenue Division // Israeli Ministry of Finance, 1999.

Статистические сборники и справочники

9. Yearbook and Almanac 1991–2000.

10. Statistical Abstract of Israel 2000. Central Bureau of Statistics, Jerusalem.

11. Bank of Israel. Annual Report 1994–2001.

Периодические издания

12. Азия и Африка сегодня, М.

13. БИКИ, М.

14. Обозреватель, 2000, № 10–11, 12.

15. Израильский экспорт, 1999, № 6 (20).

16. Economic Letters, *ed. Erick Maskın* // February 1992, vol. 54, № 2.

17. Middle East Economic Digest, 14.01.2000.

18. Meedmoney, 14.04.1995.

Ресурсы сети Интернет

• www.tase.co.il – Тель-Авивская Фондовая Биржа

• www.iaaa.gov.il – Комиссия по Ценным Бумагам

• www.bankisrael.gov.il – Банк Израиля

• www.mofgov.il – Министерство Финансов Израиля

Аль-Хау, Мухаммад Омар

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СИРИИ

Сирия переживает сложный этап выбора дальнейшего пути развития в условиях интернационализации мировой экономики, расширения глобализационных процессов, которые неизбежно окажут серьезное воздействие на судьбы хозяйственной системы Сирии и характер воспроизводственных процессов в этой стране. Новации на мировом экономическом пространстве особенно остро воспринимаются в Сирии, чья экономика в значительной мере строилась на идеологизированной основе, регулировалась государством на плановой основе и подчинялась руководству из центра, подпитываясь в реализации трудо- и капиталоемких проектов помощью из стран социалистического блока. Именно это обстоятельство было решающим в условиях отказа содействия со стороны Запада, конфронтации с Израилем для выбора плановой модели развития. Хотя госрегулирование не пресекало в абсолютной форме частнохозяйственную инициативу, но существенно ограничивало ее.

Правящий режим политически «завязан» на эту модель, и разрушение ее могло бы подорвать социальную базу политической власти. Поэтому в стране относятся крайне осторожно к проблеме реформирования экономики, разрушения плановых основ ее. Вопрос находится давно в стадии острой общественно-политической дискуссии. Поскольку от судеб развития национальной экономической системы, безусловно, зависит состояние, характер и направленность внешнеэкономических связей, представляется целесообразным уделить внимание этой теме, проследить подходы к будущему реформированию экономической стратегии и выявить, по возможности, перспективы влияния экономической политики государства на укрепление экспортно-импортного потенциала.

Процессы развития в Сирии протекают в условиях серьезных ресурсных дефицитов и осуществляются с большим напряжением сил и возможностей. Частично эти дефициты покрываются за счет импорта, который обеспечивается в той или иной степени поступлениями от экспортных поставок сирийской продукции. Объемы же этих последних зависят от дееспособности экономики в целом, в том числе и от эффективности промышленности. Поэтому обществу небезразлично, каким образом складываются подходы к экономическому развитию вообще и к формированию экспортно-импортного потенциала страны, в частности.

Государственная политика в области экономики в Сирии отличается постоянством социальных и классовых ориентиров. Ее официальная задача состоит в том, чтобы обеспечивать стабильное возрастание макроэкономических показателей за счет стимулирования индустриализации и интенсификации аграрного производства, сохранения оптимального секторального баланса и рационализации общественного и частного потребления в рамках социальных представлений правящей партии Баас. В круг первостепенных задач хозяйственной политики входит как обязательное намерение добиваться системного развития экономики в целом, целенаправленно преодолевать стихийность развития, упорядочивать процесс накопления, планомерно содействовать становлению экспорториентированных отраслей и обеспечивать конкурентоспособность сирийских товаров на внешних рынках. Социальная же направленность политики государства проявляется в том, чтобы не только добиться гарантированного существования беднейших слоев населения, но и, по мере возможности, не ухудшить качество жизни трудящихся категорий населения в условиях обострения социальных явлений с мощной негативной составляющей, в том числе близкой к кризисной демографической ситуацией, нехваткой ресурсов, отсутствием инвестиционных резервов.

Если вести речь об эффективности экономики применительно к теме исследования, следует иметь в виду, какая модель социально-экономического развития положена в основу ее функционирования и какими методами осуществляется ее взаимодействие с другими экономиками. В целом экономика Сирии отличается достаточной устойчивостью, хотя развитие ее неравномерно и чередуется разной глубины спадами и застойными явлениями. Однако они не имеют хронического характера и подлежат корректировкам. Это связано с состоянием урожаев и доходами от нефти, что позволяет в разные периоды как экономить на импорте, так и разнообразить экспорт.

Современная ситуация в экономике не может быть описана в четких понятиях, поскольку официальная статистическая информация едва ли полностью отражает положение дел. Не случайно в Сирии не публикуют сводные данные по трем последним пятилетним планам развития. Однако достаточно сказать, что страна несет большие расходы на оборону и безопасность, на что отвлекает до половины расходов по текущим бюджетам в течение многих лет. В этих условиях темпы роста ВВП не фиксировались на уровне выше 5% в год, что может считаться весьма благоприятным показателем в сложившейся ситуации. Тем не менее на этом фоне были опубликованы и данные, гласившие, что в 1996 г. этот индикатор составлял 13,5%, что значительно превышало такие же в Ливане и Иордании и даже в Израиле. Между тем год этот особенно не выделялся из череды других, но рост отмечался во всех основных отраслях. Экспорт вырос на 16,9%, и импорт на 14,8%, что объяснялось ростом конкурентоспособности товаров государственных и частных компаний[1].

Некоторые объясняли это ростом спроса на сырье и запчасти, покупательной способности населения. Но в противовес звучало мнение о том, что подобное стало техническим следствием ограниченной либерализации экономики в виде расширения списка товаров, допущенных к ввозу, и разрешения использовать для импорта часть экспортной выручки. Вероятно, можно добавить, что мобилизация ресурсов из скрытых от правительства частных источников могла внести вклад в рост активности на этой сцене.

Стоимость валовой продукции, по этим данным, увеличилась на 13,3%, а стоимость ВВП – на 8%, накопления возросли на 16,5%, при этом в частном секторе – на 20,5%. Во всяком случае, эти данные могут служить свидетельством того, как макроэкономические показатели могут вырасти только за счет либерализации мер в области внешней торговли.

Но следует также отметить, что накануне этого периода в стране регистрировались совсем другие тенденции. Они указывали на то, что внешнеторговые показатели были весьма скромными по экспорту, не достигнув уровня 1990 г. Более высокие показатели импорта также не достигали означенного уровня и обеспечивались главным образом деятельностью госсектора в соответствии с законом о защите инвестиций от 1991 г.[2]

Однако в Сирии развитие этого процесса не является поступательным, поскольку обусловлено рядом серьезных ограничителей и обстоятельств, которые нельзя игнорировать.

Практические достижения здесь в разных областях, в том числе и в социально-экономической сфере, проявляются на фоне опыта, накопленного в период движения страны в русле соцориентации. Этот выбор подтвердил правильность курса партийного руководства, в конкретных исторических обстоятельствах отдавшего предпочтение этому пути, который сулил помощь и участие стран социалистического блока в развитии национальной экономики и ее экспортного потенциала.

Такой подход в условиях Сирии, возможно, является оптимальным. Неразвитость производительных сил, небогатая ресурсная база, дефицит квалифицированных рабочих рук и трудности внешнеполитического положения, связанные с противостоянием Израилю, продиктовали необходимость именно жесткой централизации, при которой партия и государство взяли на себя ответственность за выбор и меры по его реализации. Этот выбор не предполагал ни приватизации, ни дробления госсектора, ни внедрения рыночных отношений, но сохранение его роли в экономике. Особенно в тех ее нишах, что связаны с инфраструктурой, с обеспечением фундаментальных потребностей общества, вообще с сохранением основ ее самостоятельности и самообеспеченности.

Поэтому обобществление средств производства было масштабным. Эта операция затронула все жизненно важные отрасли производства,

внешнюю торговлю и национальные ресурсы. В остальном правящая партия сохранила рациональный подход к собственности и в этом отошла от стереотипов, которые утвердились в СССР. Хотя опыт его был во многом заимствован революционно-демократическими кругами в Сирии как средство скорейшей мобилизации людских, производственных и иных ресурсов для ускорения темпов развития.

Другими словами, в стране было сохранено право частной собственности на мелкие средства производства и на землю, что, конечно, смазывало чистоту заимствованных социально-экономических идей, но оставляло в нашей стране больше возможностей для маневра. Учитывая факт присутствия института частной собственности, можно сделать вывод, что Сирия сохраняла своего рода биполярность воспроизводственных механизмов. Это в заданных рамках национальной экономической специфики было чревато консервацией состояния переходности и серьезными противоречиями в функционировании воспроизводственной системы. Ведь государство подавляло ростки рыночных отношений, не отменяя их полностью, но заставляя их в уродливой форме приспосабливаться к практике командного подхода к руководству экономикой. А это вело к нестыковке, сбоям и кризисам во взаимодействии двух начал. В этой связи, видимо, следует принять вывод одного арабского автора, который отмечал, что такое развитие, видимо, все же может трактоваться как развитие в рамках капитализма, имевшего существенные признаки усеченности и неразвитости, а использование социалистической терминологии применительно к социально-экономическому содержанию процессов было данью идеологическим императивам и революционному романтизму первого периода независимого существования. В это время возможность такого существования во многом определялась близостью к Советскому Союзу и странам социалистического лагеря в условиях острого политико-идеологического противостояния между двумя мировыми общественно-политическими системами[3].

В Сирии власть всецело ассоциирует себя с госсектором, стремится к его развитию и укреплению, к освобождению его от недостатков как унаследованных от прошлого, так и приобретенных в ходе нынешнего развития. В других же странах госсектор признается причиной ухудшения экономической ситуации, всеобщего застоя, а панацея от этого видится в ликвидации его основ через разгосударствление и приватизацию общественной собственности. При этом игнорируется факт, что при отсутствии зрелых альтернативных форм собственности или существовании их в ограниченном виде, при дефиците многообразных и продвинутых социально-экономических связей в обществе и соответствии их состоянию негосударственных форм собственности (находящихся в фазе консервации и низкой дееспособности) едва ли удастся создать полноценную воспроизводственную систему, которая оказалась бы способной заполнить собой имеющийся вакуум и служить

целям созидания. Для этого потребуется длительное время. Причем, как правило, процесс замещения одного воспроизводственного механизма другим растягивается, если ведется естественным путем, в ходе медленного и болезненного накопления новых элементов, являющихся базой для новых же производительных сил и производственных отношений.

В противном же случае государству, решившемуся на подобные социальные эксперименты, грозят серьезные осложнения, чреватые масштабным сокращением производственной сферы, сужением рынка труда, падением темпов роста и общественными потрясениями. Поэтому правящая партия стремится избежать подобного сценария, поскольку для нее неприемлемы последствия, сходные с имевшими место в бывшем СССР.

Именно по этой причине, и, возможно, предвидя в какой-то мере возможность такого исхода событий, в Сирии еще с начала 70-х годов, когда было инициировано Исправительное движение, предполагающее более либеральное отношение к частной собственности и предпринимательскому капиталу, не исключали необходимости налаживания сотрудничества между государственной и частной собственностью. И эта идея была зафиксирована в программных документах Баас и в материалах ее различных съездов.

Частная инициатива обладает, бесспорно, большей внутренней динамикой по сравнению с системой государственного хозяйствования. Однако в специфических условиях Сирии, когда политика государства и партии предполагала определенные и порой весомые ограничения на деятельность частного сектора, этот последний не мог в полной мере использовать свои потенции.

Но энергия частного капитала требовала определенного выхода. В связи с этим в стране получил распространение теневой бизнес. Не имея криминальной окраски, он тем не менее в определенной мере входил в противоречие с законами и укоренившейся практикой, при которой частные предприятия не могли превышать некий установленный размер вложенного капитала и получаемой прибыли (0,5 млн. сир. ф.), в связи с чем получила распространение практика оформления филиалов частных предприятий на родственников их инициаторов или на подставных лиц. Другими словами, этот факт может подтвердить наличие в сирийской бизнес-среде лиц, обладающих крупными накоплениями, достаточными для того, чтобы они могли инвестироваться и в более серьезные отрасли экономики, а не только в надомное или цеховое предпринимательство. Однако помимо законодательных ограничений этой сферы существовали еще и такие, что были связаны с негативным демонстрационным эффектом госсектора. Здесь проявлялась нераспорядительность, низкая оперативность, замедленная реакция на конъюнктуру спроса и предложения, что создавало общую ауру неприятия у сирийских предпринимателей идеи

сотрудничества с госсектором как с партнером в выпуске продукции. Посредничество же в целях обслуживания потребностей хозяйственных структур государства (поставки сырья, материально-техническое снабжение и иные операции подобного рода), напротив, считалось выгодным занятием, поскольку в русле общей практики подобное приводило часто к простому паразитированию частных лиц на предприятиях госсектора.

Динамичность частного сектора высвечивала низкую маневренность структур, обеспечивающих непосредственное государственное участие в производстве и во внешнеторговой деятельности. Поэтому правящая партия всегда оказывалась нацеленной на уменьшение трудностей, препятствовавших мобилизации возможностей госпроизводства как сферы, где влиятельность государства теоретически создавала исключительно благоприятный климат для решения хозяйственных и внешнеторговых задач стратегической важности.

При таком подходе частный сектор не имел перспектив для полноценной деятельности, а вынужден был выживать, приспосабливаясь к обстановке. Действительно, во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что промышленность частного сектора не кредитуется в отличие от западной практики банками, а развивается только за счет индивидуальных частных инвестиций. Это обстоятельство чрезвычайно важно, поскольку указывает на неразвитость капиталистических, рыночных инструментов функционирования производственной сферы, а в более широком плане подтверждает отсутствие рыночных механизмов как таковых и усеченный характер капиталистического развития экономики, пребывающей хронически в переходном состоянии.

Кроме того, имеется сильный компонент зависимости производства от субъективных намерений инвесторов, которые ассигнуют средства не в полном масштабе в ущерб делу, поскольку опасаются вкладывать средства в нужных размерах из-за боязни раскрыть свои источники финансирования перед властью и нанести себе ущерб. Во-вторых, в госсекторе большинство основных фондов изношено и представлено устаревшим оборудованием, что усугубляется бюрократическими методами централизованного управления при засилье в нем безинициативных администраторов, неспособных к новым подходам и к политике, нацеленной на достижение высокого качества и достаточной конкурентоспособности за счет применения экономических рычагов. А без этого невозможно добиться создания экспортного потенциала и поддерживать внешнеэкономические связи, которые служат одним из крупных стимулов развития национальной экономики. В то же время следует отметить, что партийное руководство и государство всеми средствами пытаются предотвратить разрастание частного сектора и имеют возможности как стимулировать, так и ограничивать его развитие в зависимости от национальных потребностей. Но одновременно они продвигают идею сотрудничества и взаи-

модействия между тремя секторами (государственным, кооперативным и частным), будучи убеждены в том, что односторонне ориентированная экономика – это экономика ущербная, неполноценная, тогда как экономический плюрализм способен обеспечить сбалансированное развитие.

Отсюда берет начало идея, смысл которой в том, что отношение к частному сектору должно строиться с учетом национальных интересов в свете потребностей развития и связанных с этим приоритетов, а государство должно содействовать росту частного предпринимательства, направляя его в русло действующих законов[4]. Что касается официальной госполитики применительно к частному сектору и идее либерализации хозяйственных отношений, то политическое руководство страны занимает избирательные позиции, стремясь все же добиться соответствия между рыночными принципами и принципами централизованного управления на базе многоукладности, хозяйственного плюрализма. Это должно обеспечить рамки для сосуществования всех трех секторов при сохранении ведущей роли госсектора, разрушения которого путем разгосударствления партийное руководство не желает[5].

В этом Сирия учитывает опыт стран, пошедших по пути МВФ и демонтировавших свой госсектор, что привело к фактическому разрушению экономик и к социальной напряженности в обществе. Поэтому в Сирии преобладает мнение, что необходимо повышать внутреннюю экономическую гармонию за счет совершенствования механизмов управления секторами и интеграции между ними, но не в русле приватизации госпредприятий и развала госсектора, что фактически следует из рекомендаций Мирового банка.

С таким подходом тесно связано намерение государства и партии и в дальнейшем управлять экономическим развитием и направлять в заданных рамках деятельность частного сектора, сообразуясь в этом вопросе с национальными интересами. Подобное видение экономического развития Сирии пока не претерпевает существенных изменений, хотя ныне в стране делаются некоторые подвижки в сторону раскрепощения хозяйственных отношений. Однако важно понять, что в рамках традиционного для Сирии экономического мышления остается незыблемым принцип преобладания государства во всех сферах деятельности, включая хозяйственную, что обусловлено характером исторического развития производительных сил в данной социоприродной среде и соответствовавших им производственных отношений. Вообще в Сирии предпочитают эволюционный путь развития, в рамках которого должны постепенно накапливаться факторы изменения условий производства, тем более, что страна не имеет возможности для накоплений в той мере, в какой это необходимо для решительных шагов по преобразованию экономического пространства. После смены государственного руковод-

ства в Сирии летом 2000 г. возможны определенные перемены, но, скорее всего, они будут осуществляться в русле тех изменений, которые, возможно, планировались или предполагались еще при жизни прежнего президента. Ведь тогда уже, например, был принят новый закон об иностранных инвестициях, который существенно расширял и дополнял положения закона 1991 г. В этом плане логичным выглядит и допущение деятельности некоторых иностранных банков в свободной зоне Сирии, фактор, вновь возникший в экономической жизни страны впервые за тридцать лет.

Между тем Сирия обладает характерной особенностью, которая проявляется в том, что процесс экономического развития в ней, как отмечалось, во многом формируется под влиянием идеологических стереотипов. И если в других странах ведущая роль государства определялась исторически, исходя из объективных обстоятельств природной среды и необходимости жесткой централизации при создании производительных сил, то здесь в дополнение к сказанному над названными обстоятельствами господствовал идеологический фактор, определявшийся классовой природой сил, вставших у руководства страной после баасистской революции 1963 г. В силу этого государство и партия владеют инициативой в процессах экономического развития. Они делают свой выбор, исходя из конкретной ситуации в Сирии, осознавая те опасности, что кроются в условиях Мирового банка и МВФ, а также учитывая опыт государств, презревших свою специфику и вставших на путь рыночной экономики, игнорируя сложившуюся практику собственного хозяйствования и разрушив госсектор. Сирийская же политика в экономической сфере строится на иных ценностях, хотя народу нашей страны приходится платить высокую цену за сохранение своей национальной и хозяйственной самобытности и за свой выбор, который налагает на Сирию право отстаивать свою экономическую самостоятельность и арабское дело, когда арабские народы сами являются вершителями своей судьбы и хотят сами организовывать свою жизнь в соответствии со своими национальными интересами, давая достойный ответ вызовам извне.

И ныне государство активно стремится продвинуть ситуацию в сфере госпредпринимательства, используя для этого самые различные механизмы – от прямого вмешательства с помощью административных методов непосредственно в процессы управления и собственно производства до поощрения научных дискуссий и исследований, цель которых в том, чтобы, если и не найти лекарство от имеющихся проблем в госсекторе, то хотя бы эффективно поддержать положительное начало в деятельности госпредприятий, чья рентабельность хронически остается на невысоком уровне. Однако следует признать, что организационно-технические меры, не подкрепленные другими, едва ли могут оказаться радикальными настолько, что это поможет

изменить ситуацию в госсекторе, изъяны в деятельности которого приобрели хронический характер.

Желание партии сохранить госсектор путем использования всех инструментов для его развития, мобилизации имеющихся возможностей в условиях, когда часто сами силы госсектора, прямо заинтересованные в нем либо дремлют, либо занимают нейтральные позиции[5], продиктовано не только экономическими устремлениями и заботой о поддержании его дееспособности. В основе этого лежат многочисленные причины, в том числе и то обстоятельство, что госсектор утрачивает роль значимого поставщика продукции на экспорт в условиях, когда частный сектор получил импульс к росту (хотя и ограниченный за счет упоминавшегося несовершенного закона № 10) своей активности на внешнем рынке.

Важен и политический момент. Ведь госсектор, и это подчеркивается в любых работах по этому вопросу, является опорой и столпом правящего режима в Сирии. Поэтому ущемление его в каком бы то ни было виде означало бы демонтаж основы существующего режима власти в стране, т.е. меру, совершенно недопустимую с точки зрения всего правящего истеблишмента. Подчеркивается также и социальный аспект присутствия госсектора в экономической структуре. В частности, акцентируется мысль, которая гласит, что госсектор в первую очередь отвечает интересам масс в том плане, что обеспечивает технический прогресс нации как институт, единственно способный концентрировать достижения современной науки и использовать их в виде продвинутых технологий; он также является источником стабильной занятости рабочих рук; обеспечивает подъем капиталоинтенсивных и трудоемких отраслей производства; поддерживает экспортные возможности страны и т.п.

Определяемый этими соображениями общий благожелательный подход к госсектору сохраняется в Сирии в течение десятилетий, и пока имеется немного оснований считать, что подобный взгляд на практику государственного регулирования экономики будет пересмотрен. Хотя борьба в обществе по этому поводу началась.

Во всяком случае, власть проявляет решимость сохранять сложившееся положение вещей и избегать резких акций, которые могли бы дестабилизировать ситуацию в экономической сфере, подорвав воспроизводство и осложнив снабжение как внутреннего рынка, так и ограничив экспортные возможности страны. Не случайно поэтому наша партийная печать пропагандирует идею дальнейшего существования госсектора и проводит мысль, что в странах, где осуществляется слом государственного сектора, возникают общественные, политические и экономические силы, которые берут на себя задачу защиты его всеми средствами. А это лишь подтверждает факт, что государство и партия продолжают придерживаться прогрессивных взглядов относительно этого института, отстаивая интересы людей и

проявляя заботу об их проблемах даже в большей степени, чем это делают они сами[6].

В партийной печати до самого последнего времени появляются материалы, которые в негативной форме трактуют ситуацию, связанную с оживлением частнопредпринимательской сферы. В этом отношении могут быть показательны замечания, помещенные в большой обзорной статье еженедельника «Баас иктисадий». В ней, в частности, говорится следующее. Частный сектор Сирии, поддерживаемый апологетами всех мастей, стремится навязать свою логику и свои интересы, содействуя возникновению разломов в общественно-политической и экономической структурах страны и рассчитывая отвоевать важные позиции госсектора. Он стремится навязать свое господство и свою линию поведения государству и обществу, определять содержание законодательства в надежде развивать рыночные механизмы, соответствующие смыслу, законам и свободам капиталистического рынка. В рамках этой политики просматривается стремление ревизовать налоговое законодательство, развивать финансовые инструменты и создавать монетаристскую систему в нашей стране, что отвечало бы интересам частного предпринимательства и соответствовало бы его намерениям открыть страну для капиталистических отношений и экономической либерализации. При этом замалчиваются другие альтернативы, хотя они поддерживаются государством и партией, ее резолюциями и всем ее видением проблемы, в рамках которого нашли подтверждение верность и правильность проверенной временем практики. Отказ от нее под давлением частного сектора явно не в интересах производительных сил или производящей национальной экономики, на которую опиралась Сирия все эти годы в стремлении закрепить свой успешный опыт, обеспечивавший устойчивость, возрождение и развитие, а также защиту экономической и политической самостоятельности… Более того, экономика капиталистического типа однозначно трактуется как варварская, ориентированная только на прибыль, создающая циклические кризисы и монополизм, а социалистическая подается как способствующая развитию, улучшению качества жизни людей, производству дешевых качественных товаров, удовлетворению потребностей населения и т.п.[7]

Очевидно, что содержание этого пассажа носит обличительный характер и может свидетельствовать о неприятии идеи частного сектора, расширении его присутствия в национальной экономике. В известной мере можно даже считать, что приведенное высказывание противоречит установкам партии и государства на поддержание частного предпринимательства как составной части хозяйственной системы страны. Можно также отметить некое искусственное противопоставление государственного (социалистического) и частного (капиталистического) начал в экономике и в политической сфере. Ведь сама партия провозгласила курс на сосуществование трех форм (третья –

кооперативная) собственности в стране, хотя государственная и наделялась весомыми преимуществами перед частной.

Тем не менее именно в такой постановке вопроса можно усмотреть весьма активное неприятие определенными кругами государственников в Сирии даже отдельных, словесных попыток сторонников частного предпринимательства обозначить претензии на некую самостоятельную роль в экономике страны, сопоставимую с государством. Надо отметить, что приведенная цитата относится к середине 1998 г., но и в более поздний период можно найти материалы сходного содержания в партийной печати. Вообще дискуссия по вопросу соотношения государственного и частного секторов открылась во второй половине 90-х годов. Поэтому можно считать, что пока имеет место определение позиций участников дискуссии, своего рода заявка на то, как далеко и на что именно могут распространяться претензии и притязания участников. Отсюда проистекает и эмоциональная тональность, которая может вуалировать рациональные моменты, способные высветить пути к экономическому росту и решению других проблем макроэкономики и мобилизации внешнеэкономических ресурсов в рамках государственной политики в хозяйственной сфере. Ранее в Сирии не ставился под сомнение вопрос о том, насколько эффективен госсектор сам по себе и для расширения внешнеторгового оборота. Но уже несколько лет существует в стране новая ситуация, при которой деятельность госсектора, а следовательно, и государственная экономическая политика трактуется как имеющая определенные изъяны и недостатки. Такая практика может, видимо, свидетельствовать о том, что ориентация на госсектор достигла своего предела, за которым невозможно достижение качественных изменений в экономическом организме страны в условиях ширящейся глобализации, роста конкуренции на мировых рынках и т.п. явлений, способных объективно ухудшить ситуацию для Сирии и ее внешнеторговых и внешнеэкономических связей, если идеология экономического роста не будет обновляться в соответствии с велением времени.

В качестве мер противодействия предлагаются такие, как компьютеризация, упрощение процедур, избавление от непотизма, поощрение творческого начала у исполнителей в административном звене, усиление народного контроля, более активное привлечение партийных и судебных инстанций, продуманный подбор и расстановка кадров, усиление воспитательной функции и т.п. Модернизации систем управления экономикой также придается существенное значение. Это выражается в необходимости внедрения элементов автоматизации в административный процесс, насаждения нового мышления в менеджменте, активизации человеческого фактора. Однако, как кажется, все это имеет не самое большое отношение к реальным проблемам госсектора и экономики уже хотя бы потому, что рассматриваются только технические причины и следствия господствующего положения госсобственности и их негативное отражение на общей

экономической ситуации. Исправление ее за счет реструктуризации государственной собственности, активизации частнопредпринимательской инициативы и изменения законодательной базы для инвестиционной и внешнеэкономической деятельности в соответствии с мировыми тенденциями, видимо, могут быть более предпочтительными и уместными, чем устранение проблем, проистекающих из глобальной неурегулированности национальной экономики.

Между тем в сирийской практике исходят из того, что преодоление диспропорций между государственным управлением и обобществленной собственностью является ключевой проблемой, и устранение такой диспропорциональности есть реальная альтернатива приватизации, отсталости и застою в госсекторе и в экономике в целом, а также средство активизации и того, и другого и роста производительности труда в целом.

Естественно, такой подход кажется более приемлемым и привычным, а тот, что был указан выше, представляется слишком радикальным и, как отмечалось, способным размыть устои сложившейся системы власть – экономика.

Общественные механизмы воздействия на экономику едва ли смогут решающим образом поднять ее конкурентоспособность, усилить экспортный потенциал, дать импульс к расширению внешнеэкономической деятельности как условия более плотного встраивания сирийской экономики в систему мировых хозяйственных связей. Устранение командного принципа управления экономикой может быть своевременной мерой наряду с дальнейшими попытками предоставить госпредприятиям большую хозяйственную самостоятельность, чтобы они выходили на рынок на тех же условиях, что и частные предприятия. Однако при этом выдвигается требование, чтобы подобное не означало бы отхода от принципа пятилетнего планирования и системы направляемой экономики, а напротив, став качественно новым способом управления, подтвердило бы свою важность и максимальную значимость для обеспечения экономического роста[8].

Возможно, оптимальное решение для Сирии было бы именно в сочетании плановых и рыночных начал, тем более, что в стране, как отмечалось, имеются институциональные основы для этого в виде госсектора и частного сектора. В пользу этого говорит, например, опыт ТНК, являющихся частными институтами, но действующими на основе планирования и экономической самостоятельности. Хотя понятно, что сходство может быть только внешним, поскольку ТНК – учреждение чисто капиталистическое, действующее в рамках международного капиталистического разделения труда и в экономических условиях, имеющих мало общего с тем, что наблюдается в Сирии.

Сирийская экономика переживает хронические трудности, которые присущи ей в силу принципов, на которых зиждется ее функционирование и управление. Проблемы эти могут быть сведены к следующему.

Частный сектор тяжело переживает процесс сложных согласований в государственных инстанциях, большие проблемы с импортом сырья и материалов и налоговый гнет. Крайне негативно сказывается влияние бюрократической машины, преобладание непрозрачных законов, создающих неясную практику для внешнеэкономической деятельности. В госсекторе камнем преткновения является отсутствие хозяйственной самостоятельности даже в элементарных практических вопросах. Падение зарплаты, отсутствие других стимулов препятствует воцарению созидательного труда. Управление и менеджмент как основа организации производства, производственной дисциплины, как исходный пункт в ответственности за принятие решений малопрофессиональны.

Новые предприятия, а равно и новый технологический менталитет утверждаются с трудом, поскольку площадка для их развертывания ограничена мелкими очагами современного производства, в целом мало соответствующего качественным параметрам рынка рабочей силы в стране. В этих обстоятельствах затруднена, например, компьютеризация производства в целях обеспечения качества и учета сырьевых ресурсов предприятий, есть дефицит специалистов на всех уровнях, способных мыслить категориями современного производства и рынка. В совокупности подобная «зажатость» экономики отрицательно воздействует на ее экспортно-импортные аспекты, сильно сужает перспективы внешнеэкономической деятельности как таковой.

Наряду с этим среди неотложных проблем оптимизации экономики числится и такая, как значительное освобождение факторов производства от таможенных сборов и налоговых обложений. Для стимулирования производства требуется существенно упростить таможенные меры, связанные с поставками сырья, комплектующих и т.п. и осуществлять их параллельно с процессом доставки[9].

Современные методы и схемы поставки импортного сырья требуют четко выверенного количества ресурсов и материалов в соответствии со спросом на готовую продукцию и в зависимости от соотношения между предельной доходностью ресурса и его предельными издержками, а также другими экономическими параметрами, определяемыми, например, стоимостью транспортировки, сроками поступления импортных материалов и комплектующих, условиями складирования и т.п., чтобы добиться ситуации, при которой не создавались бы большие хранимые запасы, что сказывается не себестоимости продукции[10].

Надо полагать, что все проблемы, которые предстоит в той или иной форме урегулировать в экономической и внешнеэкономической сферах, не исчерпываются тем, что было сказано выше. Круг таких задач исключительно обширен, а корректировка устоявшихся идеологических представлений об экономике, влияющих на формирование внешнеэкономического потенциала, – сложный и длительный процесс. Он должен охватывать широкий спектр тем, но в то же время не нарушить целостность экономической ткани страны, чтобы не вы-

звать социальных потрясений, а реструктуризацией экономической базы не подорвать производство и внешнеэкономические связи.

Существует мнение, что оптимизации внешней торговли и обеспечения конкурентоспособности на внешних рынках в рамках переходной экономики, каковой и является, по существу, сирийская, можно в современных условиях добиться лишь при переходе к рыночной модели производства. Тем более, что ситуация на мировом экономическом пространстве изменяется явно не в пользу директивных экономик и требует подключения к рыночным механизмам регулирования экономики. Во всяком случае, имеются свидетельства того, что многие арабские страны следуют в русле программ структурной адаптации МВФ, придерживаясь стратегии экспорториентированной экономики, курса на приватизацию, урезание социальных расходов. «Даже Сирия… с недавних пор стала двигаться в этом направлении»[11].

Пока трудно сказать, в какой мере это заявление может отражать действительные процессы, но кажется, что в Сирии предстоит только решать задачи, связанные с правовым закреплением новых тенденций, с внедрением корпоративного управления взамен директивного и т.п.

Начало нового тысячелетия не стало переломным моментом в трактовках сирийской экономической реальности. Создается впечатление, что переходный период между этапом усеченного развития капитализма и этапом собственно капиталистического развития будет охватывать и часть нового столетия. Пока в стране нет явных признаков, указывающих на подготовку полномасштабной экономической реформы, способной существенно изменить характер отношений собственности в экономике (особенно в промышленности) и повлиять на развитие производительных сил в русле рынка. Во всяком случае, если обратиться к специальным сирийским изданиям, то станет ясно, что глубоких изменений в оценке хозяйственной действительности и подходах к обеспечению внешнеторговой деятельности не произошло.

Учитывая масштабность таких проблем, низкий уровень готовности хозяйствующих субъектов к восприятию серьезных корректировок социально-политического и экономического плана, крупные организационно-технические трудности при перегруппировке в недрах воспроизводственных механизмов, консерватизм управленческой элиты и т.п. факторы и явления, можно предположить, что, если перестройка госполитики в экономике и начнется, то она должна будет обязательно инициироваться сверху, волевым методом. Но, принимая во внимание осторожность национального предпринимательства, нежелание правящего режима обострять атмосферу в стране, действия власти должны быть избирательными, нарастать постепенно, сочетать плановые и рыночные начала как единственно возможный путь, имеющий перспективу. Хотя нельзя исключать того, что обстоятельства внешнего плана, например, взаимоотношения с ВТО и другими международными организациями, к контакту с которыми Сирия может

быть подвигнута в силу логики ее развития в современных условиях, каким-то образом смогут ускорить ее переход к более динамичным

шагам на собственном экономическом пространстве и сообщить более эффективный импульс сирийскому экономическому реформизму, чтобы создать условия для адаптации Сирии к новым требованиям, связанным с операциями на экспортно-импортных рынках, вообще с функционированием мировой системы внешней торговли. Во всяком случае, только та экономическая политика, что строится с учетом реальных возможностей, может оказаться эффективным импульсом для укрепления экспортно-импортного потенциала. Применительно к Сирии это, видимо, принятие стратегии сочетания плановых и рыночных моделей в качестве первой фазы в движении к обеспечению устойчивого развития экономики как важнейшего условия наращивания экспортно-импортного потенциала и поддержания эффективности всей системы внешнеэкономических связей. До той поры, пока в стране не выработана четкая концепция экономической политики, трудно полагать, что внешнеэкономические связи будут иметь полноценный характер и выполнять свою функцию в полном объеме и не будут воспроизводить тех недостатков, которые имеют место в хозяйственных механизмах в результате отсутствия соответствующей политики.

[1] Аль-Васат, № 127, 07.04.1997, с. 40.

[2] Аль-баас аль-иктисадий, № 6, 05.04.1998, с. 3.

[3] Аль-Харири М. Налоговые системы Сирии и Египта. – М., 2000, с. 27–28.

[4] Ауд, М. Хасаис аль-иктисад ас-сурий ва мушкилятуху (Особенности сирийской экономики и ее проблемы) // Аль-баас аль-иктисадий, № 11, 13.05.1998, с. 10.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Аль-Баас аль-иктисадий, № 10, 06.06.1998 с. 10.

[9] Анбар. М. Ас сынаа ас-сурийя бейна хильм ат-тасдыр ва ваки ахамийят мани-ль-истирад (Сирийская экономика между мечтами об экспорте и обстоятельствами, требующими запрета импорта) // Аль-баас аль-иктисадий, № 146, 10.04.2001, с. 3.

[10] Там же.

[11] Naiman R., Niva S. The collapse of WTO Negotiations: Implications for the Middle East. 02.02.2000, http:/www.merip.org/pins/pin13.html

Н.Д.Хесуани

ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СИРИИ В 60–90-х ГОДАХ

Происходящая в настоящее время в Сирийской Арабской Республике либерализация хозяйственной жизни, в конечном счете, рассчитана на ускорение темпов экономического роста, прогрессивную перестройку отраслевой структуры производства, повышение его эффективности и т.п. Попытки изменить неблагоприятное положение этой страны в международном разделении труда предпринимались и раньше с помощью как либеральной, так и консервативной экономической политики. Поэтому знакомство с историческим опытом хозяйственного развития Сирии имеет достаточно важное значение для объективной оценки стратегии и практики современного этапа ее экономической жизни.

Для изучения динамики экономического развития в распоряжении специалистов имеется достаточно богатый арсенал разнообразных инструментов исследования. В данной работе мы прибегли к методу построения и последующего анализа наиболее широко распространенных моделей народнохозяйственного развития, связывающих итоговые характеристики и обуславливающие их факторы, что позволяет дать количественную характеристику самых важных составляющих экономической ситуации изучаемой страны.

На динамику экономического роста Сирии, как и любой другой страны, оказывает влияние целый ряд разнообразных по характеру и значению для хозяйственной жизни факторов. Выступая в тесной взаимосвязи, все они, тем не менее, вносят свой собственный конкретный вклад в результирующее воздействие на экономическое развитие. «Вес» этого воздействия предопределяется особенностями каждого из указанных факторов, его масштабами, спецификой взаимозависимости с другими такими же факторами, характером использования в процессе хозяйственного строительства и т.п. Поэтому роль любого отдельно взятого фактора может существенно видоизмениться в зависимости от эволюции условий социально-экономической и политической жизни страны, а также ее места в международном разделении труда.

В настоящей работе мы попытаемся дать оценку значения для экономического развития Сирии трех основополагающих факторов –

капитальных, трудовых и природных ресурсов, а также так называемой совокупной производительности. Это позволит выяснить, за счет каких ресурсов в первую очередь и в какой их пропорции обеспечивался экономический рост в Сирии в рассматриваемое время вообще, и в отдельные его периоды, в частности.

Процедура указанной оценки была осуществлена нами с помощью простейшей производственной функции, имеющей в логдифференцированной форме следующий вид:

$$\ln y = \alpha \ln K + \beta \ln L + \gamma \ln N + r,$$

где Y, R, L, N – среднегодовые темпы прироста капитальных, трудовых и природных ресурсов; α, β, γ – соответствующие коэффициенты эластичности; г – «остаточный коэффициент», чаще всего квалифицируемый как темпы прироста совокупной производительности, аккумулирующий действия многочисленных разнообразных и даже разнородных факторов.

Прирост капитальных ресурсов был рассчитан нами как вклад новых капиталовложений в производственный капитал, сложившийся к началу каждого из рассматриваемых отрезков времени. Так как мы не располагали никакими иными материалами об объеме физического капитала в Сирии, кроме как данными о его ежегодном приросте, для оценки его начальной массы мы были вынуждены прибегнуть к способу кумулирования нескольких среднегодовых значений инвестиций в неизменных ценах вокруг базового года[1].

Известные допущения были сделаны нами и при расчете динамики трудовых ресурсов. Здесь также в связи с отсутствием данных о реально отработанном времени и тем более о затратах труда в домашнем хозяйстве, учебе и т.п. мы прибегли к использованию материалов о реальной занятости в общественном производстве и ее движении.

Наконец, оценка прироста природного фактора экономического роста была выполнена на основе учета изменения площадей обрабатываемых земель и продукции добывающей промышленности[2]. Несмотря на то, что это заметно усложнило расчеты, мы предпочли использовать данные о площадях обрабатываемых земель вместо индикатора производства в аграрном секторе, хотя последнее нередко имеет место при расчетах совокупного показателя такого рода. Дело в том, что колебания объема сельскохозяйственной продукции часто являются не столько результатом изменения масштабов вовлеченности в производство природных ресурсов, сколько следствием преобразований в аграрных отношениях, а также агротехнике и агрокультуре.

Сопоставление коэффициентов эластичности, полученных в результате расчетов с помощью вышеприведенной формулы, свидетельствует, что хозяйственное развитие Сирии в 1964–1998 гг. определялось, главным образом, количественным расширением физического ка-

питала, во вторую очередь – затратами труда и только затем – природными ресурсами, используемыми в процессе производства (см. табл. 1).

Таблица 1

Характеристика регрессионной связи между динамикой общественного производства и его факторами в Сирии*

Период	α	β	γ	г	R
1964–1970 гг.	1,595270	-0,379313	0,394974	0,358684	0,997057
1970–1980 гг.	0,929796	0,135958	0,076645	-0,280030	0,991458
1980–1990 гг.	0,156337	0,063651	0,648909	0,288776	0,703052
1990–1998 гг.	-0,224869	0,404481	-0,092546	1,950331	0,285907
1964–1998 гг.	0,709850	0,317348	0,208523	-0,466767	0,948592

* α, β, γ – соответственно коэффициенты эластичности прироста основного производственного капитала, затрат труда, природных ресурсов, вовлекаемых в хозяйственный оборот в аграрном секторе и добывающей промышленности; г – «остаточный коэффициент», здесь – коэффициент совокупной производительности; R – коэффициент множественной детерминации.

Подсчитано по: IMF. Yearbook of National Accounts Statistics, 1970. Vol. II. New York, 1971, с. 1203; IMF. Yearbook of National Accounts Statistics, 1975. Vol. II. New York, 1976, с. 631, 633; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1982. New York, 1985. с. 1425, 1426; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1986. Vol. II. New York, 1989, с. 1140, 1141; IMF. National Accounts Statistics: Analysis of Main Aggregates, 1986. New York, 1989, с. 398; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1990. Vol. II. New York, 1992, с. 1851; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1991. Vol. II. New York, 1993, с. 1829, 1830; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1995. Vol. II. New York, 1999, с. 2289; IMF. International Financial Statistics Yearbook, 2000. Washington, 2000, с. 930, 931; IMF. International Financial Statistics, April 2000. Washington, 2000, с. 800; UNIDO. International Yearbook of Industrial Statistics, 2000. Vienna, 2000, с. 230; EIU. Country Profile. Syria, 2000. London, 1999, с. 40; Syrian Arab Republic. Central Bureau of Statistics. Statistical Abstract 1999. Damascus, 1999, с. 542, 543; Internet: www.fao.org /page/ form? collection: Population & Domain…; www. fao.org /page/ form? collection: Land Use & Domain…

Однако в отдельные, более короткие, промежутки времени соотношение факторов, определяющих динамику экономического роста этой страны, могло принимать и иной характер. Так, в 1963–1970 гг., хотя основной вклад в прирост производства в республике приходился на все тот же физический капитал, следующую за ним позицию занимали природные ресурсы, что было связано в первую очередь с началом там промышленной добычи нефти и, как следствие, многократным увеличением продукции добывающей промышленности[3].

В следующий период, 70–80 годы, производственный капитал сохранил свою ведущую роль среди всех факторов хозяйственного развития Сирии, что было связано, с одной стороны, с ускорением темпов его ежегодного прироста (с 7,0% за предыдущий период до 10,7%)[4], а с другой, замедлением производства в добывающей промышленности (до 7,5%). В результате следующий по важности вклад в экономический рост страны был сделан за счет прироста затрат труда, среднегодовой индикатор которого вырос, по сравнению с предыдущим периодом, на 1,1 процентных пунктов. Это явилось самым значительным увеличением среднегодовых темпов прироста трудовых ресурсов от одного периода к другому за весь рассматриваемый нами отрезок времени с 1963 по 1998 гг.[5]

Интенсификация добычи нефти и связанный с этим рост совокупной продукции добывающей индустрии (в 1980–1990 гг. в среднем в год на 14,8%) и сопутствующий ему спад темпов прироста основного капитала (соответственно до 7,0%) способствовали превращению природного фактора в важнейший компонент хозяйственного развития Сирии в указанный период. Одновременно рост среднегодовых темпов затрат труда до 3,4%, то есть на 0,2 процентных пунктов, по сравнению с предыдущим десятилетием (самое незначительное, согласно данным, приведенным в табл. 2, увеличение среднегодовых темпов прироста трудовых ресурсов от периода к периоду), обусловил потерю ими одной из двух ведущих позиций среди всех рассматриваемых факторов производства. В то же время более заметную роль стал играть фактор совокупной производительности (см. табл. 1). Это может свидетельствовать о попытке перелома в технической вооруженности сирийского хозяйства, которая, правда, пока еще весьма незначительно отразилась на повышении общего уровня производительности труда в стране из-за перенасыщенности традиционных и малопродуктивных отраслей ее экономики неквалифицированной рабочей силой. Но это могло быть связано и с временным изменением соотношения между такими факторами производства, как капитальные и трудовые ресурсы, с одной стороны, и совокупной производительностью, с другой. Однако не исключено, что при этом не столько энергично наращивался потенциал совокупной производительности, сколько замедлялись темпы прироста основного капитала и динамика затрат труда, что, на наш взгляд, выглядит более обоснованным и находится в полном согласии с данными о сдвигах в сфере производительности труда (см. табл. 2).

Что касается 1990–1998 гг., то мы вынуждены воздержаться от их детального анализа в связи с низким коэффициентом множественной детерминации результатов расчетов (0,28590675)[6], служащего непосредственным способом выражения доли тех изменений, которые в данном случае зависят от изучаемых причин, то есть факторов производства. При столь низком коэффициенте детерминации нет оснований говорить о тесной связи зависимости между переменными

и о растущей (или сокращающейся) роли конкретных причин в вариации результирующей переменной.

Таблица 2

Среднегодовые темпы прироста затрат труда и производительности труда в Сирии* (%)

Период	Затраты труда	Производительность труда
1961–1970 гг.	2,1	2,8
1970–1980 гг.	3,2	2,8
1980–1990 гг.	3,4	0,5
1990–1998 гг.	4,1	1,5
1961–1998 гг.	3,2	1,9

* Подсчитано в постоянных ценах и по официальному обменному курсу 1998 г. по: IMF. International Financial Statistics Yearbook, 1990. Washington, 1990, c. 682; IMF. International Financial Statistics Yearbook, 2000. Washington, 2000, c. 930, 931; Internet: www. fao. Org /page /form? collection: Population & Domain…

Улучшение технической вооруженности сирийского хозяйства, идущее вслед за постепенным ростом основного производственного капитала, ведет к повышению его эффективности и, как следствие, к увеличению производительности труда. Однако рост этот происходит крайне медленными и неустойчивыми темпами. Если среднегодовые темпы прироста производительности труда достигали там в 1961–1970 гг. и 1970–1980 гг. 2,8%, то в 1980–1990 гг. они сократились на 2,3 процентных пунктов и выросли к 1990–1998 гг. по сравнению с предыдущим десятилетием всего на 1,0 процентный пункт. При этом разрыв между темпами прироста затрат труда и ее производительности с положительного для последней в 1961–1970 гг. изменился на отрицательный, составив в 1970–1980 гг. – 0,4 процентных пунктов, в 1980–1990 гг. – 2,9 процентных пунктов и в 1990–1998 гг. – 2,6 процентных пунктов[7].

Таким образом, сопоставление темпов затрат труда и производительности труда, то есть экстенсивных и интенсивных составляющих экономического роста в Сирии, позволяет сделать вывод о преобладании в этом процессе экстенсивного фактора (затрат труда), который, если брать в расчет все рассматриваемое нами здесь время с 1961 по 1998 гг., имеет тенденцию к возрастанию.

Соответственно ухудшилось и положение Сирии в сфере производительности труда среди всех стран мирового сообщества. В самом деле, за исключением лишь одного периода – с 1970 по 1980 гг., темпы прироста производительности труда оказывались там ниже аналогичных показателей как для всех государств мира, вместе взятых, так и для группы развивающихся стран: в 1963–1970 гг. соответственно на 2,2 процентных пунктов и 1,3 процентных пунктов, в 1980–1990 гг. на 2,1 процентных пунктов и 1,8 процентных пунктов и в 1990–1998 гг. на 2,5 процентных пунктов и 2,2 процентных пунктов[8].

Хотя в Сирии, как это следует из результатов регрессионного анализа и материалов сопоставления темпов прироста затрат труда и его производительности, преобладают, а в некоторых сферах и в отдельные временные отрезки даже усиливаются экстенсивные составляющие экономического роста, благодаря наращиванию массы основного капитала постепенно начинают возникать и расти элементы его интенсивных форм. Об этом свидетельствует, например, снижение предельной капиталоемкости и сопутствующее ему повышение предельной капиталоотдачи новых инвестиций, составившее за 1963–1998 гг. соответственно 20,3% и 25,5%.

На наш взгляд, это обусловлено прежде всего не столько общим увеличением капиталовложений, сколько ростом инвестиций, направляемых на развитие такой высокоприбыльной отрасли, как добыча и переработка нефти. Одновременно модернизировались некоторые подразделения традиционных для Сирии отраслей обрабатывающей промышленности (текстильной и пищевой), что позволило заметно увеличивать производство при относительно незначительном росте капитальных затрат. Наконец, увеличились вложения и в новые отрасли машиностроения, преимущественно бытовую электронику, представленную там главным образом сборочными предприятиями, инвестиции в которые, исходя из характера производства, не представляются особенно значительными, а окупаемость основных фондов, также как и в предприятиях легкой и пищевой промышленности, осуществляется сравнительно быстро.

Однако процесс повышения эффективности новых капиталовложений носит крайне неустойчивый характер и подвергался большим колебаниям. Достаточно сказать, что среднегодовой коэффициент предельной капиталоемкости с 1963–1970 гг. по 1980–1990 гг. возрос в 3,3 раза, а затем, в 1990–1998 гг., вновь уменьшился – в 4,2 раза. Соответственно коэффициент предельной капиталоотдачи за те же годы сначала сократился в 3,3 раза, а потом увеличился в 4,2 раза (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика предельной капиталоемкости и капиталоотдачи в Сирии*

Период	Предельная капиталоемкость	Предельная капиталоотдача
1963–1970 гг.	5,000	0,200
1970–1980 гг.	3,745	0,267
1980–1990 гг.	16,667	0,060
1990–1998 гг.	3,984	0,251

* Подсчитано в постоянных ценах и по официальному обменному курсу 1998 г. по: Yearbook of National Accounts Statistics, 1970. Vol. II. New York, 1971, с. 1203; IMF. Yearbook of National Accounts Statistics, 1975. Vol. II.

New York, 1976, с. 631, 633; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1982. New York, 1985, с. 1425, 1426; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1986. Vol. II. New York, 1989, с. 1140, 1141; IMF. National Accounts Statistics: Analysis of Main Aggregates, 1986. New York, 1989, с. 398; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1990. Vol. II. New York, 1992, с. 1851; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1991. Vol. II. New York, 1993, с. 1829, 1830; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1995. Vol. II. New York, 1999, с. 2289; IMF. International Financial Statistics Yearbook, 2000. Washington, 2000, с. 930, 931; IMF. International Financial Statistics, April 2000. Washington, 2000, с. 800; Syrian Arab Republic. Central Bureau of Statistics. Statistical Abstract 1999. Damascus, 1999, с. 542, 543.

Такого рода неустойчивость является следствием целого комплекса обстоятельств как экономического, так и внеэкономического свойства: отсутствием ясной и последовательной на всех уровнях и этапах долговременной хозяйственной политики правительства республики; неразвитостью инфраструктурных отраслей, в особенности кредитно-банковской системы; низким организационным и управленческим уровнем большинства производств, неэффективным функционированием, органически присущим многим, если не большинству, предприятий государственного сектора; напряженной международной обстановки в регионе, способствующей, с одной стороны, отвлечению огромных ресурсов от инвестирования в экономические объекты ради расходов на вооружение и военную подготовку, а с другой – отпугивающей потенциальных инвесторов от размещения своих капиталов в этой стране.

[1] См. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история, современность. – М., 1996, с. 41.

[2] Совокупный показатель изменения площадей обрабатываемых земель и продукции добывающей промышленности был исчислен с помощью метода главных компонент.

[3] Все расчеты по добывающей промышленности здесь и далее выполнены в постоянных ценах и по официальному обменному курсу 1998 г. по: IMF. Yearbook of National Accounts Statistics, 1975. Vol. II. New York, 1976, с. 633; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1982. New York, 1985, с. 1426; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1986. Vol. II. New York, 1989, с. 1141; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1991. Vol. II. New York, 1993, с. 1830; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1995. Vol. II. New York, 1999, с. 2289; UNIDO. International Yearbook of Industrial Statistics, 2000, Vienna, 2000, с. 230; EIU. Country Profile. Syria, 2000. London, 1999, с. 40.

[4] Здесь и далее все расчеты по физическому объему капитала и его динамике выполнены в постоянных ценах и по официальным обменным курсам 1998 г. по: IMF. Yearbook of National Accounts Statistics, 1970. Vol. I. New York, 1971, с. 1203; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1975. New York, 1976. Vol. II, с. 631; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1982. New York, 1985, с. 1425; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1986. Vol. II. New York, 1989, с. 1140; IMF. National Accounts Statistics: Analysis of Main Aggregates, 1986. New York, 1989, с. 398; IMF. National Accounts Statistics. – Main Aggregates and Detailed Tables, 1991. Vol. II. New York, 1993, с. 1829; IMF. National Accounts Statistics. - Main Aggregates and Detailed Tables, 1995. Vol. II. New York, 1999, с. 2288; Syrian Arab Republic. Central Bureau of Statistics. Statistical Abstract, 1999. Damascus, 1999, с. 542, 543.

[5] Подсчитано по данным, указанным в табл. 2.

[6] См. табл. 1.

[7] Подсчитано по данным, указанным в табл. 2.

[8] Подсчитано в постоянных ценах и по официальному обменному курсу 1998 г. по: IMF. International Financial Statistics Yearbook 1990. Washington, 1990, с. 164, 682; IMF. International Financial Statistics Yearbook, 2000. Washington, 2000, с. 166, 167, 930, 931; Internet; www. fao. org /page/ form? collection: Population & Domain…

И.А.Чайко

К РАЗВИТИЮ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

Одним из самых продолжительных и интенсивных конфликтов в мире является кризис на Ближнем Востоке, который, в современном его понимании, зародился после провозглашения Государства Израиль 14 мая 1948 года и продолжается по сей день. С самого начала была очевидна необходимость переговорного процесса между израильтянами и палестинцами, однако начало диалога между ними было положено относительно недавно. Так, «пережив несколько десятилетий войн и потрясений, основные противоборствующие стороны арабо-израильского конфликта оказались вовлечены в сложный и противоречивый мирный процесс …»[1]. За последние несколько лет произошли события чрезвычайной важности, которые создали достаточно благоприятную почву для урегулирования (или временного ослабления напряженности) палестино-израильского конфликта.

Основные вехи этого процесса общеизвестны: в 1991 г. состоялась Мадридская конференция, которая утвердила принцип «земля в обмен на мир». Коспонсором мирного процесса наряду с США был и СССР.

В начале 1993 г. в Осло начались секретные палестино-израильские переговоры. В результате было подготовлено соглашение о прекращении конфликта между ООП и Израилем, отказе палестинцев от планов уничтожения израильского государства, выводе израильских войск из сектора Газа и Западного берега реки Иордан и создании ограниченной Палестинской администрации. В этом же году в Вашингтоне состоялась встреча главы исполкома ООП Я.Арафата и израильского премьера И. Рабина в присутствии президента США Б. Клинтона, на которой были подписаны подготовленные соглашения. Израиль и ООП заключили соглашение о взаимном признании друг друга в качестве партнеров на переговорах. В дальнейшем в соответствии с соглашениями в Осло ООП исключила из Палестинской национальной хартии формулу о непризнании еврейского государства.

В 1994 г. было подписано соглашение о пунктах прохода через разграничительные линии и об обеспечении безопасности еврейских поселенцев в Газе, соглашение о первой фазе установления палестинского самоуправления в Газе и Иерихоне. В октябре 1994 г. Израиль подписал мирный договор с Иорданией.

В 1995 г. было заключено соглашение (Осло-2) о принципах организации временного самоуправления в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, Израиль взял на себя обязательство вывести войска еще из шести городов на Западном берегу: Дженина, Тулькарма, Наблуса, Калькильи, Вифлеема и Рамаллаха. В конце года положивший начало процессу урегулирования премьер-министр Рабин был убит израильским экстремистом, а в 1996 г., после победы блока Ликуд на парламентских выборах, премьером становится Б.Натаньяху и мирный процесс замораживается.

Некоторые изменения произошли в 1999 г. после прихода к власти Эхуда Барака. На его встрече с Арафатом в городе Шарм аш-Шейх была достигнута договоренность о поэтапном выполнении обязательств по подписанным ранее палестино-израильским соглашениям, а также о возобновлении переговоров об окончательном статусе Палестинской национальной администрации (ПНА).

ООП постепенно согласилась с существованием еврейского государства и отказалась от концепции «единой арабской Палестины» (это касается официальной позиции, радикально же настроенные палестинские организации придерживались совершенно противоположной точки зрения – полная победа любой ценой). Израиль официально признал необходимость территориального компромисса и согласился на учреждение ПНА. На встрече в Иерихоне с представителем государственного департамента США член Исполкома ООП Фейсал аль-Хусейни назвал это событие «шагом к нашему будущему государству»[2]. Резиденция Я.Арафата, председателя Исполкома ООП и главы исполнительной власти ПНА была перенесена в город Газа (Палестина). Был создан вооруженный корпус палестинской полиции. Западный берег разделили на три зоны: «зона А» – палестинцы несут ответственность за жизнеобеспечение, порядок и безопасность; «зона В» – палестинцы также отвечают за жизнеобеспечение и порядок, но безопасность контролируют израильтяне; «зона С» – контроль осуществляет израильская армия. В конце 1999 – начале 2000 гг. были открыты безопасные переходы на территории Палестинской администрации, общая площадь переданных под контроль палестинцев земель приблизилась к 40% (сюда входят важнейшие города – Наблус, Иерихон, Хеврон, Вифлеем, Рамаллах). К лету 2000 г. 98% палестинских арабов проживали под юрисдикцией властей ПНА.

Все эти подвижки, однако, не могли еще ощутимо способствовать созданию собственного палестинского государства, включавшего Западный берег реки Иордан и сектор Газа, вместе взятые. Но и для достижения такого компромисса, базирующегося на принципе «территория в обмен на мир», понадобились огромные усилия. К лету 2000 г. казалось, что осталось сделать еще последний шаг, тем более Барак, судя по всему, был готов пойти на серьезные уступки. В этих условиях и начался саммит в Кэмп-Дэвиде (июль 2000 г.).

Однако план, предложенный Бараком главе ПНА, хотя и содержал некоторые важные уступки (например, Барак отдавал всю территорию Западного берега реки Иордан, кроме 6–8%), не мог быть принят. Самые значимые в равной степени как для палестинцев, так и для израильтян вопросы: принадлежность Иерусалима, вопрос о возвращении палестинских беженцев и проблема еврейских переселенцев – оставались спорными. Согласно предложенному плану, Иерусалим разделялся, но за счет расширения его границ. Палестинцам предлагалось построить здание своего парламента в пригороде Иерусалима Абу Дис, который теперь объявлялся частью Иерусалима. Но именно Абу Дис и разрешение Израиля на строительство там здания палестинского парламента (плюс передача под контроль палестинцев еще нескольких пригородов Иерусалима) должно было стать компенсацией за арабские кварталы Восточного Иерусалима и Храмовую Гору. Значительная часть израильского общества с таким разделом Иерусалима отказывалась соглашаться, о чем свидетельствовали массовые марши протеста против политической линии Барака.

Вопросы же о палестинских беженцах и еврейских переселенцах практически не решались совсем. Единственное, на что Барак соглашался в вопросе о возвращении беженцев, так это лишь на 100 тыс. человек в рамках воссоединения семей, в то время как общая численность палестинцев в изгнании превышала 3 млн. человек.

Для палестинцев такой план был не просто неприемлемым, но даже унизительным. Их основной целью было создание собственного государства со столицей в Иерусалиме, который «построили предки – арабы пять столетий тому назад» и который «не знал мрачных или блекнущих образов, которые возникли со времен оккупации его западными агрессорами»[3], суверенитет над Храмовой Горой, возвращение беженцев на свои территории, ликвидация еврейской оккупации и новых поселений как ее символа. Согласиться с условиями Барака означало, что все предпринятые до этого момента усилия поэтапного продвижения к заветной цели были напрасными. Радикально настроенные исламисты никогда бы не приняли такой исход событий, Арафат выглядел бы предателем в глазах арабского общества. Так он поступить не мог и из-за элементарной боязни не выжить ни политически, ни физически (невозможно было не считаться с растущим влиянием ХАМАС), исчез бы образ человека-легенды, борца за национальную идею, авторитетного лидера. «Не родился еще такой арабский лидер, который мог бы отказаться от Иерусалима», – сказал недавно Арафат, и он был совершенно прав. Точно так же и Барак мог заявить, что не родился израильский лидер, который мог бы отказаться от незыблемого принципа, гласящего: «Иерусалим – вечная столица Израиля и никогда больше не будет разделен»[4]. Таким образом, «понимая это, оба лидера вряд ли могли испытывать оптимизм,

отправляясь по приглашению Клинтона в Кэмп-Дэвид…». Большинство простых палестинцев считало, что единственным способом борьбы против израильтян, главная цель которых (по их мнению) – сохранение всех оккупированных территорий и уничтожение палестинского лидера, могут быть только силовые действия. Многие были убеждены, что теракты, совершаемые «Хизбаллой» в мае 2000 г., были причиной вывода израильских войск с территории Ливана, – распространению такой уверенности способствовали лозунги, которыми оперировали ХАМАС и другие экстремистские организации, призывавшие к насилию.

Итак, соглашение достигнуто не было. Все осталось по-прежнему, кроме возмущения и негодования палестинцев, которые уже сомневались вообще в эффективности мирного, поэтапного пути разрешения проблемы. Большинство израильтян осудило политический курс Барака. Свое отношение они выразили, избрав новым премьер-министром Ариэля Шарона, отличавшегося чрезмерной категоричностью в отношении арабов, которые совершали теракты, угрожали существованию евреев на их исторической родине. Голосуя за Шарона, израильтяне пытались обеспечить себе спокойствие, видели в нем гаранта своей безопасности. Такие надежды новый премьер-министр оправдать не смог.

После посещения Шароном с группой своих сторонников Храмовой горы началась новая волна «интифады» («интифады» – 2)[5], которая со временем потеряла прежний смысл в своем значении «восстания» и превратилась в настоящую войну. Ситуация вышла из-под контроля. Израильтяне постепенно стали разочаровываться в действиях своих властей, обвиняя правительство в мягкости и нерешительности, считая, что возможность уничтожения противника была упущена, а бороться с террористами становится все сложнее[6].

В начале 2002 г. на настроения израильтян огромное влияние оказали заявления американской и других посреднических сторон о том, что действия Тель-Авива бесполезны, что они только усложняют процесс достижения мирной договоренности между Палестинской администрацией и Израилем, что избранный израильтянами способ защиты собственной безопасности не может быть эффективным. Реально мирный процесс мог быть сдвинут с мертвой точки только при активных посреднических усилиях третьих сторон. Как справедливо отмечает политолог Н.Шихирев, «в настоящее время участие третьей стороны в разрешении конфликта приобрело исключительно развитые и разнообразные формы…»[7]. Безусловно, важнейшее значение в этом отношении имеет деятельность ООН, в Уставе которой в качестве одной из целей закреплены: избавление «грядущих поколений от бедствий войны», утверждение веры в основные права человека, содействие «экономическому и социальному прогрессу всех народов», разрешение «международных проблем

экономического, социального, культурного и гуманитарного характера»[8]. Профессор Мичиганского университета Джекобсон считает, что в условиях существования глобальных проблем ряд целей может быть достигнут даже наиболее мощными государствами «лишь в сотрудничестве с другими государствами»[9].

Коспонсорами мирного урегулирования палестино-израильского конфликта наряду с ООН являются США, Россия, ЕС. В рамках рассматриваемого периода определенное оживление переговорный процесс получил в начале 2000 г., когда российская сторона предложила возобновить переговоры в многостороннем формате.

1 февраля 2000 г. в Москве состоялось пленарное заседание Группы содействия по многосторонним переговорам на уровне министров иностранных дел. На этом заседании были представлены Россия, США, Египет, Иордания, Тунис, Норвегия, Швейцария, Канада, Япония, Палестинская национальная администрация, Саудовская Аравия, Китай. Присутствовали Председатель Совета ЕС и спецкоординатор ООН по ближневосточному мирному процессу[10]. Было возобновлено коллективное обсуждение проблем ближневосточного региона по важнейшим направлениям. Участники договорились о сроках проведения подобных мероприятий. После этой встречи переговорный процесс развивался на двусторонней основе. Однако все эти встречи и переговоры (например, встречи спецкоординатора США по ближневосточному урегулированию Д.Росса с Я.Арафатом и Э.Бараком, встречи президента Египта Х.Мубарака также с Арафатом и министром юстиции Израиля И.Бейлиным) не привели к сколько-нибудь существенным изменениям, даже наоборот, ситуация несколько усложнилась – некоторые договоренности, принятые в сентябре 1999 года в Шарм аш-Шейхе, перестали выполняться.

После закончившегося ничем саммита в Кэмп-Дэвиде, проходившего с 11 по 24 июля 2000 г., и с момента начала «интифады» – 2 серия встреч, в том числе и на международном уровне, не принесла сколько-нибудь ощутимых результатов, все принятые договоренности не выполнялись противоборствующими сторонами, а если выполнялись, то на короткий промежуток времени. Обещания Израиля вывести свои войска на позиции, занимаемые до 1967 г., как и обещания палестинцев прекратить акции вблизи израильских блокпостов реального значения не имели, хотя на время и могли внушить оптимизм, дать надежду на возможные изменения к лучшему. Казалось, что такая надежда снова появилась в марте 2002 г. 13 марта Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1397, которой поддержал концепцию независимого палестинского государства. Такой проект был внесен США. Этот документ подтвердил принцип сосуществования двух государств – Израиля и Палестины – в четко определенных и признанных границах[11]. Подобная ссылка на палестинское государство впервые содержалась в такого рода резолюции. За этот доку-

мент проголосовали 14 стран, входящих в СБ ООН, т.е. все члены СБ, за исключением Сирии – она воздержалась. На этом же заседании генеральный секретарь Кофи Аннан выступил с достаточно резким заявлением – осудил оккупацию палестинских территорий, назвав ее незаконной. Термин «незаконная оккупация» также был употреблен генсеком впервые.

Первая реакция, относительно принятой резолюции № 1397, прозвучавшая от заинтересованных сторон, сводится к осторожному оптимизму. Палестинский посол в Москве Хайри аль-Ориди заявил, что «резолюция должна стать важной вехой на пути достижения и реализации исторических прав палестинского народа, то есть полного прекращения оккупации Израилем арабских территорий, справедливого решения проблемы палестинских беженцев 1948–1967 гг. и, наконец, создания независимого Палестинского государства со столицей в Священном Иерусалиме». Палестинский посол выразил убежденность в готовности построить жизнеспособное государство, в способности народа создать необходимую инфраструктуру[12].

Израильский посол в ООН назвал принятую резолюцию «сбалансированной». А глава МИД Израиля Шимон Перес сказал, что документ открывает путь к прекращению террористической деятельности и дает возможность вернуться к мирным инициативам Митчелла и Тенета»[13]. В рамках планов Митчелла и Тенета, разработанных администрацией США, предполагается постепенное прекращение огня, замораживание поселений и полное признание всех соглашений, заключенных между Израилем и ПНА ранее. Кроме того, необходимым представляется появление в зоне конфликта международных наблюдателей, которые станут связующим звеном между палестинским и израильским руководством в процессе мирных переговоров.

В это время США особенно активно стали требовать от Израиля прекращения силовых действий на Западном берегу реки Иордан, заявляя о том, что нельзя назвать помощью в деле стабилизации обстановки в регионе Ближнего Востока военные операции израильской армии на палестинских территориях. Подобным образом звучали и призывы, обращенные к палестинскому руководству – сделать все возможное для прекращения терактов на территории Израиля.

Однако ни Израиль, ни Палестина не выполняли обращенных к ним требований. Так, после операции израильской армии на Западном берегу 1 марта 2002 г., когда за сутки были убиты 14 палестинцев и более 130 получили ранения (среди израильтян тоже были потери, но несопоставимо меньшие – один военнослужащий убит и четверо ранены), госсекретарь США Колин Пауэлл настоятельно рекомендовал главе израильского правительства «взять себя в руки» и немедленно прекратить операцию на Западном берегу. Однако Ша-

рон в ответ заявил, что Израиль будет предпринимать любые меры для обеспечения безопасности своих граждан[14].

Такая задача является первостепенной для любого государства. В Израиле обсуждались самые разные проекты, благодаря которым возможно повышение уровня безопасности. Среди таких проектов и проект создания так называемых «буферных зон», о чем говорил премьер-министр, обращаясь к народу. Линия «буферных зон», которая должна была проходить между Израилем и Западным берегом примерно по линии границы 1967-го г., призвана защитить граждан Израиля от атак палестинских боевиков, включая террористов – самоубийц[15]. Степень эффективности такого проекта невысока, если учитывать тот факт, что в ходе нынешней «интифады» палестинцы изготовили или ввезли контрабандой целый ряд средств, способных атаковать израильские города и за чертой разделения.

Однако, несмотря на подобные заявления А.Шарона, вывод израильских войск с Западного берега реки Иордан и из сектора Газа все же начался в первых числах марта, и уже 19 марта командование Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) сообщило о выводе своих войск со всех территорий ПНА. Официально было объявлено об окончании «антитеррористической операции», несмотря на то, что подразделения ЦАХАЛ все еще контролировали города Тулькарам и Калькилия, а израильские танки продолжали оставаться на позициях вблизи «зоны А»[16].

Что касается активности палестинского руководства по вопросу о прекращении терактов, то сразу возникают сомнения в возможностях палестинских лидеров преуспеть в этом. В силах ли Арафат был справиться с радикально настроенными организациями, пользующимися популярностью в обществе и бросающими ему вызов? В то время, когда газеты и журналы сообщают о том, что эра Арафата подходит к концу, такая постановка вопроса выглядит достаточно актуальной. Согласно информации, предоставленной газетой Washington Times, лидеры палестинских террористических группировок, опасаясь успешных попыток Израиля отстранить от власти палестинского лидера Я.Арафата, начали вести между собой тайные переговоры с тем, чтобы создать новую политическую структуру и заменить престарелого, утратившего влияние как среди палестинцев, так и на мировой арене лидера. Имелись сведения о том, что «переговорный процесс проходит между лидерами палестинских террористических группировок в условиях строжайшей секретности и носит характер очень серьезных консультаций»[17].

Среди группировок, готовых объединиться для отстранения Я.Арафата от власти, могут быть названы «Исламский джихад», «Народный фронт освобождения Палестины», а также ХАМАС. Основной причиной для объединения наиболее радикальных террористических группировок стал тот факт, что под давлением Израиля,

разрабатывающего планы замены Арафата на наиболее сговорчивого и удобного лидера палестинцев, палестинская администрация теряет свое влияние как на Ближнем Востоке, так и во всем мире. Не предпринимая срочных и эффективных мер для прекращения насилия в регионе, он теряет свою легитимность в глазах мирового сообщества.

Палестинский лидер совершил множество ошибок и промашек за время второй «интифады», его силы на исходе, однако его поведение всегда было сложно предсказать. Вообще палестинский лидер всегда «объективно содействовал созданию образа загадочного и таинственного вождя, одержимого лишь одной целью»[18], – защищать интересы своего народа. И это ему с легкостью удавалось, народ его любит и ему доверяет, он харизматический лидер. Арафат способен играть общественным мнением, настроением толпы, он обладает совершенным талантом заставлять подчиняться, обеспечивать себе поддержку в нужный момент.

Арафат всегда умел выйти сухим из воды, живым и здоровым из любых передряг – от «черного сентября» в Иордании, блокад в Бейруте и Триполи (Ливан) до бомбежек резиденции ООП в Тунисе. Многие из его ближайших соратников не раз оказывались в руках израильских спецслужб, многие лидеры палестинского движения погибли, но только не Арафат. И если это не случайность и не простое везение, и если за этим стоят четко продуманные и спланированные действия авторитарного правителя, который сам решает, кому выжить, то утверждения израильской стороны о том, что Арафат способен контролировать действия террористов и различных радикальных группировок, оказываются близки к действительности.

В последнее время Арафат больше всего озабочен проблемой своего выживания, оказавшись в достаточно трудном положении. Ему необходимо оставаться добрым отцом для палестинского общества, сохранять лояльность и не потерять легитимность. Только в этом случае он не потеряет главное для себя – власть, деньги, коррупционные связи и т.д. Чрезвычайно сложно сочетать два направления своей деятельности – личную выгоду, с одной стороны, а значит, и полное подчинение и управление террористическими группировками и продвижение миротворческого процесса и поддержание авторитета среди народа – с другой. Возможно, Арафат считал, что силовые действия, теракты, продолжение «интифады» способны вызвать волну недовольства израильтян действиями своего правительства, свергнуть кабинет и таким способом помочь прийти к власти более умеренным.

В свою очередь, Шарон отказывался вести какие-либо переговоры лично с Арафатом. Считая это совершенно бессмысленным, он искал контакты с другими высокопоставленными представителями Палестинской автономии. Так состоялись переговоры между израильским премьер-министром и палестинскими представителями – спикером парламента Ахмедом Кореи и Махмудом Аббасом, которого

неофициально называют заместителем Арафата, а также ближайшим советником Я.Арафата по вопросам экономики Халедом Саламом.

Шарон заявлял, что он может назвать представителям американской администрации имена альтернативных лидеров Палестинской автономии, а также представить новый план урегулирования палестино-израильского конфликта. По сведениям некоторых СМИ, израильский премьер-министр хотел ознакомить лидеров арабских государств со своим собственным планом, в котором помимо инициатив, представленных ранее в планах Тенета и Митчелла, включено и долговременное мирное соглашение, после подписания которого должна начаться окончательная дискуссия по вопросу границ еврейского государства.

Что касается израильского видения палестинского государства, то А.Шарон, хотя и весьма пунктирно, не раз обозначал его. Во-первых, это потребовало бы проведения длительных и многоуровневых переговоров, хотя бы потому, что Израиль был не намерен отдавать палестинцам больше того, чем они владеют в настоящий момент. На крайний случай был возможен торг до определенной черты – до некогда намеченных самим премьером границ, проходящих на строго определенном расстоянии от главных городов Израиля.

Во-вторых, государство должно было быть изначально лишено права на создание собственной армии и размещения на своей территории иностранных воинских контингентов. В обязанности же израильской армии должен был входить как контроль границ Палестины с Египтом и Иорданией, так и воздушного пространства и морских границ.

И в-третьих, ни в одном из районов Иерусалима не мог быть установлен полный контроль со стороны палестинского правительства. А также не должно быть ликвидировано ни одно из 150 еврейских поселений на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа.

Я.Арафат же видит свое государство на всей территории Западного берега и сектора Газа, да еще со столицей в Иерусалиме. И если разговор о территориях и может вестись (хотя далеко не все палестинцы готовы вести переговоры с израильской стороной о чем бы то ни было), то Иерусалим был и остается важнейшим пунктом переговоров для палестинской администрации.

В первые месяцы 2002 г. казалось, что появилась надежда на ослабление напряженности в регионе. Это было связано с американскими инициативами в СБ ООН[19] в период дипломатических подготовительных маневров Вашингтона в связи с планируемой атакой на Ирак. Можно говорить об «арабизации» американской внешней политики, имеющей целью ублажить Европу – главного экономического спонсора ПНА, занявшую негативную позицию в отношении «антииракского похода» США[20]. Казалось, что процесс сдвинулся с мертвой точки также благодаря мирной инициативе наследного принца

Саудовской Аравии Абдаллы, который предлагает нормализацию в отношениях между арабскими странами и Израилем в обмен на уход последнего со всех территорий, оккупированных с 1967 года. Однако события, которые произошли в конце марта – начале апреля 2002 г., означали провал плана Тенета и Митчелла об окончательном урегулировании конфликта. Планы, которые имелись и у премьер-министра Израиля, и у палестинского лидера, потеряли свое значение, миротворческая миссия спецпосланника США Энтони Зинни была сведена к нулю.

Как реакция на теракты, совершаемые в основном террористами-самоубийцами, 29 марта началась самая массированная операция израильской армии в Палестине за все полтора года «интифады» – 2. Главные события развернулись в городе Рамаллах (Западный берег Иордана), где находится штаб-квартира главы Палестинской автономии Ясира Арафата.

Именно этот город израильский премьер Ариэль Шарон в своем обращении к нации назвал «столицей террора»[21]. В ходе штурма резиденции было арестовано 70 человек, которые, по утверждению израильских военных, причастны к терактам. Военная операция шла и в других частях автономии, израильские войска занимали населенные пункты.

Израильский вице-премьер Натан Щаранский заявил, что операция «рассчитана не на день и не на неделю, но будет длиться до тех пор, пока не будут достигнуты все цели, поставленные перед израильской армией». Он отметил, что «не будет ни городов, ни мест, ни лиц, у которых был бы иммунитет против наших действий». Целью израильтян не является физическое уничтожение Арафата. Относительно его судьбы рассматривалось несколько вариантов: полная изоляция палестинского лидера, его депортация, суд над Ясиром Арафатом и другими руководителями автономии и даже их физическое уничтожение. В результате было решено полностью изолировать его от внешнего мира – то есть добиваться его не физической, а политической смерти.

В ответ палестинцы грозят Израилю войной по всему миру. Палестинский лидер заявил о том, что готов принять «мученическую смерть, но не намерен стать пленником, изгнанником или арестованным, как этого хочет Израиль». Арафат сказал, что он и его народ «выбрали дорогу смерти, но (их) … дети обязательно поднимут флаг Палестины над Иерусалимом!»[22]. Движение исламского сопротивления ХАМАС объявило, что «будет наносить удары по всей территории Израиля»[23].

Арабские государства осудили агрессивные действия Израиля против палестинского народа. Они призвали США и Россию немедленно вмешаться в ближневосточный конфликт, чтобы остановить кровопролитие.

На заседании СБ ООН, которое состоялось вскоре после начала израильской военной операции, была принята резолюция, призывающая Израиль вывести войска с территории Палестины.

Реакция России на эти события достаточно ясна. МИД выразил серьезную обеспокоенность ситуацией и призвал палестинцев и израильтян к «сдержанности», подчеркнув, что им необходимо «принять все меры по пресечению действий экстремистов и воспользоваться имеющимися инициативами, чтобы начать поиск политического выхода из кризиса». В Москве сочли действия Израиля по изоляции палестинского лидера Ясира Арафата «не тем путем, который помог бы найти политический выход из нынешней ситуации». Отмечалось, что международное присутствие в регионе «было бы полезным», но оно невозможно, пока не будет получено согласие обеих сторон в конфликте[24].

Позиция же США относительно военной операции израильской армии оказалась двойственной. С одной стороны, президент Д.Буш осудил военные действия на территории Палестины, а с другой стороны, известно, что госсекретарь США К. Пауэлл «не только не осудил акцию израильской армии, но и возложил вину за происходящее на палестинскую сторону и потребовал от Ясира Арафата прекратить палестинские теракты». Вице-премьер Израиля Натан Щаранский заявил, что господин Пауэлл «принял к сведению решения израильского кабинета и не возражал против них»[25]. Однако США поддержали резолюцию СБ ООН о выводе израильских войск. Америка вынуждена занимать такую расплывчатую позицию: стремясь к урегулированию палестино-израильского конфликта, важно не допустить ухудшения отношений с арабскими нефтедобывающими странами. Нефть – это важная составляющая, определяющая политику США на Ближнем Востоке.

В любом случае, ситуация в регионе вышла из-под контроля США, которые начиная с 1977 г., когда были начаты переговоры по поводу урегулирования арабо-израильского конфликта, играют наиболее активную посредническую роль в ближневосточном мирном процессе. США было необходимо добиться хотя бы временного ослабления напряженности, в преддверии возможной военной кампании против Ирака. Положение, наоборот, ухудшилось, и это стало чувствительным ударом по амбициям американцев на пути к созданию однополярного мира, с единым центром управления международными делами. События показали, что даже при всей своей экономической и политической мощи, при всей своей военной силе и решимости применять эту силу США не способны подчинить себе ход событий.

Ситуация в регионе обострилась до предела. На Ближнем Востоке началась настоящая война. Израильская армия заняла все наиболее значимые палестинские города и продвинулась к ливанской гра-

нице. Ливанская экстремистская организация «Хизбалла» выразила готовность оказать военное сопротивление. Не исключалась возможность открытия второго фронта на территории Ливана. Израиль отказался принять международных наблюдателей, которые контролировали бы положение. Я.Арафат был заблокирован в своей резиденции, лишен возможности встречи с представителями каких бы то ни было стран или организаций. Израильтяне в Вифлееме заняли дом, принадлежащий Русской Православной Церкви, это произошло, по мнению палестинского посла в России Хайри аль-Ориди, потому, что христианские общины Палестины – как западная – католическая, так и восточная – православная, всегда играли важную роль в деле освобождения палестинских территорий[26]. Европа, США, ООН, Россия активно призвали премьер-министра Шарона остановить военные действия на палестинских территориях. Во многих странах Европы прошли массовые акции протеста против действий Израиля. В Норвегии и Швеции зазвучали призывы бойкотировать некоторые израильские товары.

В таком положении казались нелепыми совсем недавние рассуждения о возможности переговоров по поводу окончательного урегулирования конфликта в самое ближайшее время. Дискуссии по этому вопросу проходили и на саммите ЛАГ, который состоялся в Бейруте в конце марта 2002 г. Однако в этой встрече отказались участвовать 11 арабских лидеров, представителей Египта, Марокко, руководителей шести государств Персидского залива, Судана, Ливии, Ирака и, естественно, ПНА. Делегация Объединенных Арабских Эмиратов также покинула Бейрут и все по причине, как выразился министр информации и культуры ОАЭ шейх Абдалла ан-Нахайяна, что встреча «не отвечала чаяниям арабов». На такое решение повлияло и то, что участники саммита не имели возможности выслушать в прямом эфире Арафата[27].

Участники бейрутской конференции были едины в оценке политической линии премьер-министра Ариэля Шарона. Говорилось о невозможности договориться с Тель-Авивом, пока во главе израильского правительства стоит нынешний премьер. Бейрутским саммитом также была поддержана ранее упоминавшаяся мирная инициатива Саудовской Аравии[28].

Дискуссии по вопросу окончательного урегулирования конфликта должны быть продолжены. Необходимо прислушаться ко всем проектам его разрешения. Здесь крайне желательно участие профессиональных конфликтологов в прогнозировании и анализе любого из возможных вариантов. В данном случае требуется посмотреть на происходящее со стороны, взвесить все за и против, взглянуть на историю конфликта. Речь идет о роли «третьей стороны», без активных действий которой мирное урегулирование или даже временное ослабление напряженности невозможны. Однако «третья сторона»

имеет весьма ограниченные возможности для коренного решения конфликта, т.е. такого решения, которое исключило бы в будущем его возрождение. Для этого надо было бы изменить в корне истоки конфликта: противоречия в интересах, ценностях и потребностях, обусловленных реальной социокультурной ситуацией. Это сделать достаточно проблематично. На данном этапе развития конфликта важнее всего оказывается значение «третьей стороны» для конфликтующих, веры сторон в ее способность реально повлиять на ход событий, их готовности согласиться на вмешательство[29].

Если говорить о роли США, то они, по мнению как палестинцев, так и израильтян, имеют достаточно ресурсов, чтобы повлиять на развитие ситуации. Хотя США традиционно и поддерживали Израиль, значимость его для американцев как военно-стратегического союзника резко снизилась после окончания холодной войны. Они избавились от абсолютно «произраильского имиджа», взявшись за решение двух конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке – израильско-палестинской и израильско-сирийской, тем самым предотвратив рост антиамериканских настроений в умеренных арабских странах. «Не было ни одного американского президента за несколько последних десятилетий, который бы не стремился войти в историю как миротворец, сумевший добиться мира на Ближнем Востоке и прекратить самый длительный конфликт современности»[30].

Палестинцы убеждены, что США могут полностью контролировать израильские действия. В связи с этим возникают сомнения, что за массированной военной операцией на палестинской территории в марте-апреле 2002 г. не стоят американцы. Так палестинский посол в Москве Хайри аль-Ориди считает, что «Шарон все чаще выступает как инструмент самых реакционных кругов США» и «не мог бы проводить свою агрессивную и террористическую политику, не получив на это зеленый свет от Вашингтона»[31].

Политика войны, проводимая А.Шароном, не даст сколько-нибудь стабильного результата. Существуют даже данные, что «потенциальными бомбистами-камикадзе среди палестинцев так или иначе могут считаться до 800 тыс. человек. Значительная часть этих людей постоянно находится в Израиле или может в любое время проникнуть на его территорию. Понятно, что никакими танковыми и вертолетными атаками данную проблему не решить»[32]. Арестовав определенное количество людей, причастных, с израильской точки зрения, к терактам, Израилю не удастся справиться с яростью палестинцев. Необходимо все более активное вмешательство коспонсоров, без них ситуация способна превратиться в трагедию – ведь истребляется практически безоружный палестинский народ. Уже появляются варианты прекращения военной операции Израиля, предложения по поводу более эффективной борьбы с терроризмом и т.д.[33]

Возможно, палестино-израильский конфликт относится к той категории конфликтов, когда абсолютное мирное урегулирование не может быть достигнуто, когда всякое урегулирование приводит к возникновению новых проблем. В нынешней ситуации важно сохранить канал для возможного продолжения переговоров в будущем, любым способом сохранить ранее достигнутые результаты, возродить веру сторон в возможность цивилизованного ведения переговоров и их, хотя бы частичного, успеха, что может быть осуществлено только при постоянном посредничестве третьей стороны, преимущественно США.

[1] Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Палестинская Национальная Автономия: опыт государственного строительства. – М., 2001, с. 5.

[2] Там же, с. 54.

[3] Кассам абду Кассам. Сувар мин аль-Кудс. // Аль-Араби. – Апрель 2001, с. 21.

[4] Мирский Г. Израиль и палестинцы: самый длительный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. – 2001, № 4, с. 72.

[5] Первая хорошо организованная кампания гражданского неповиновения на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа («интифада» – 1) началась в декабре 1987 г.

[6] См. Отзывы посетителей на сайтах по тематике «Ближний восток», напр.: www.sem40.ru, www.gazeta.ru и др.

[7] Шихерев П.Н. Функции, роли и возможности третьей стороны // Современная конфликтология в контексте культуры мира. – М., 2001, с. 59.

[8] Устав ООН, преамбула, ст. 1.

[9] Jacobson H. Network of Indйpendance. International Organisation and thй Global Political System. – N.Y., 1979, с. 418.

[10] Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности. – М., 2001, с. 74–76.

[11] Петровская Ю. Палестинскому государству – «ДА» // Независимая газета, 14.03.2002.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Правов А. Мрачный рекорд интифады // Независимая газета, 02.03.2002.

[15] Economist, 22.02.2002.

[16] Андреев А. Войска уходят, насилие продолжается // Независимая газета, 20.03.2002.

[17] Washington Times, 08.03.2002.

[18] Сейранян Б.Г. К вопросу о создании политической биографии Ясира Арафата // Арабский мир в конце XX века. – М., 1996.

[19] Благодаря инициативе США СБ ООН и была принята резолюция № 1397.

[20] Петровская Ю. Палестинскому государству – «ДА» // Независимая газета, 14.03.2002.

[21] Коммерсантъ, № 55, 30.03.2002.

[22] Там же.

[23] Комсомольская правда, 30.03.2002.

[24] Там же.

[25] Коммерсантъ, № 55, 30.03.2002.

[26] Хайри аль-Ориди. В Палестине национальная власть действует // Независимая газета, 04.04.2002.

[27] Андреев А. В Бейруте приняли саудовскую инициативу // Независимая газета, 29.03.2002.

[28] Там же.

[29] Шихерев П.Н. Функции, роли и возможности третьей стороны в конфликте // Современная конфликтология в контексте культуры мира. – М., 2001, с. 60.

[30] Мирский Г. Израиль и палестинцы: самый длительный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. – 2001, № 4, с. 67.

[31] Хайри аль-Ориди. В Палестине национальная власть действует // Независимая газета, 04.04.2002.

[32] Алексеев А. Мир в повестке дня не значится // Независимая газета, 09.04.2002.

[33] Там же.

Н.С.Шевченко

ЛИВАНСКАЯ «ХИЗБАЛЛАХ» И ЕЕ РОЛЬ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Сейчас, когда проблема терроризма не сходит со страниц периодических изданий, весь мир внимательно следит за развертыванием антитеррористической кампании США. Американскими спецслужбами опубликован новый список 22 террористических групп, большинство из которых исламского толка. Принимаются меры в отношении стран, поддерживающих терроризм, в частности против Ирана, отнесенного президентом Бушем к числу стран «оси зла». Одновременно мы стали свидетелями очередного обострения палестино-израильского конфликта, где многочисленные исламские движения обвиняются в препятствовании процессу мирного урегулирования. Безусловно, понятию экстремизма трудно дать однозначное определение. При этом следует, во-первых, не полагаться только на сообщения о терактах, ежедневно появляющиеся в СМИ, и, во-вторых, понять соотношение между средствами и подлинными целями тех, кто стоит за подобными группами.

Данная статья посвящена «Хизбаллах», ливанской исламской организации, чья деятельность является отражением глубинных процессов, протекающих как в Ливане, так и на Ближнем Востоке в целом. «Хизбаллах» известна на Западе только как террористическая организация, могущая в определенных случаях считаться тождественной «Аль-Каиде». Еще в октябре 1999 г. Госдепартамент США отнес «Хизбаллах» к категории 28 наиболее опасных зарубежных террористических организаций. Действительно, первые шаги движения на пути его становления говорят сами за себя: взрывы казарм американских войск в Бейруте, захват базы ливанской армии в Баальбеке, угон самолетов и взятие заложников в 80-е гг. Однако подобные устрашающие по замыслу их организаторов действия относятся скорее к PR-акциям, призванным привлечь внимание к главной ливанской проблеме того времени – оккупации Израилем южной части страны. Несмотря на дословный перевод названия – «Партия Аллаха», деятельность «Хизбаллах» не сводится к претворению в жизнь каких-то религиозных принципов, а направлена на противостояние Израилю и имеет скорее политические цели. Арабское слово «Хизб» не совсем соответствует русскому переводу «партия» и подразумевает скорее движение, политическое течение. Поэтому, считаясь организацией ливанских шиитов (и ее возникновение,

действительно, имело место в шиитской среде), «Хизбаллах» называет своей целью выражение интересов всего ливанского народа. К сфере деятельности движения относится проведение социальной политики – восстановление пострадавших от израильской оккупации зданий, строительство школ, больниц, супермаркетов. Члены «Хизбаллах» являются также депутатами в ливанском парламенте.

Несомненно, Израилю выгодно доказать экстремистский характер «Хизбаллах», для того чтобы придать легитимность своим действиям. Поэтому самое распространенное определение для нее, встречающееся на израильских Интернет-сайтах[1], звучит примерно как «террористическая исламистская организация шиитского толка, находящаяся под контролем Сирии и Ирана». В нескольких словах нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть правильность подобных утверждений. Масштабы влияния этой организации на Ближнем Востоке довольно значительны. Главным результатом ее деятельности стал вывод Израилем в одностороннем порядке своих войск с территории южного Ливана после почти 20 лет оккупации. Иран оказывает финансовую помощь «Хизбаллах» в целях распространения собственного идеологического влияния. Сирия же видит в организации орудие давления в переговорах с Израилем для возврата Голанских высот в границах 1967 г. Палестинцы рассчитывают на помощь «Хизбаллах» в поддержке новой волны интифады, начатой в сентябре 2000 г. От решения палестинской проблемы зависит судьба около 400 тысяч беженцев, находящихся в лагерях на территории Ливана.

Что представляет собой «Хизбаллах» на самом деле, и каковы ее собственные интересы на Ближнем Востоке? Ответить на этот вопрос достаточно сложно, поскольку с момента своего создания «Хизбаллах» пережила ряд переломных моментов, отразившихся на ее деятельности. История движения тесно связана с историей Ливана, начиная с конца 70-х гг., когда в условиях отсутствия твердой государственной власти, разгула анархии, часть ливанских мусульман, разочарованная в способности своих партий выработать эффективный план урегулирования внутреннего кризиса, увидела путь решения проблем в возврате к истинному исламу. Вторжение Израиля на территорию Ливана в 1982 г. стало главным толчком для формирования «Хизбаллах» как движения сопротивления. Подписание Таифского соглашения способствовало включению организации в политическую жизнь Ливана. Вывод израильских войск в 2000 г. явился еще одним переломным моментом, поставив вопрос о перспективах движения и его дальнейших целях. Правда, ее лидеры считают оккупированные земли освобожденными не полностью, указывая на спорный участок земель на границе Израиля, Ливана и Сирии (мазариа Шебаа), и заявляют о своей готовности продолжать борьбу вплоть до полного освобождения Ливана. Если «Хизбаллах» и дальше будет продолжать атаки на израильские войска на границе, то этим она

рискует спровоцировать ответные действия, в ходе которых пострадают мирные жители (что явно повлечет за собой потерю поддержки «Хизбаллах» среди населения).

Есть и другой вариант для организации – переключиться на чисто политическую деятельность. В мирных условиях она сохранит свой статус партии сопротивления, но население уже не будет так же, как и раньше, нуждаться в ее деятельности. Однако, по словам одного из членов организации Мухxамеда Раада, неопределенность (ваадих) является своего рода позицией «Хизбаллах», рассчитанной на то, что Израилю будет нелегко предсказать дальнейшие ее шаги. Можно лишь отметить, что со своей ролью «Хизбаллах» справляется прекрасно, поскольку, несмотря на огромное количество книг и статей, посвященных этому движению, его феномен по-прежнему вызывает все новые вопросы. При этом не вызывает сомнения одна из главных особенностей движения – способность гибко реагировать на ситуацию, что позволяет ему сохранять политический вес в условиях быстро меняющейся политической среды. Является ли «Хизбаллах» марионеткой в руках внешних сил или просто подстраивается под обстоятельства, осуществляя собственные цели? Для ответа на эти вопросы предлагается рассмотреть предпосылки возникновения движения, трудности на пути его становления и роль в процессах, протекающих на Ближнем Востоке в настоящее время.

«Хизбаллах» известна как ведущая сила сопротивления израильской оккупации в Ливане. Однако это событие, равно как и еще один внешний фактор – Исламская революция в Иране, лишь послужило катализатором тех процессов, которые протекали в шиитской общине Ливана.

На основе существовавшей тогда системы конфессионального представительства, отдававшей преимущества христианам-маронитам и мусульманам-суннитам, шииты оказались лишены политического влияния в Ливане. Активизации некогда пассивной шиитской общины способствовала деятельность Сайда Мусы ас-Садра, который возглавил так называемое «Движение обездоленных», а в 1974 г. перед началом гражданской войны в Ливане создал движение «Полки исламского сопротивления», впоследствии ставшее известным, как «Амаль»[2]. Имеет смысл сказать несколько слов о деятельности «Амаль», поскольку она играла значительную роль в процессах, сопровождавших становление «Хизбаллах». Хотя в ходе войны этому движению не удалось в значительной мере проявить себя, позднее несколько событий способствовало увеличению его политического влияния. Во-первых, таинственное исчезновение Мусы ас-Садра во время его визита в Ливию позволило, согласно шиитской доктрине, считать его новым Сокрытым Имамом[3]. Кроме того, накалившаяся обстановка на юге Ливана, когда в ходе столкновений между израильской и палестинской сторонами страдало местное население, увеличила потреб-

ность в боеспособных формированиях для защиты ливанцев. Еще в марте 1978 г. израильская армия провела операцию «Литани», в результате которой была оккупирована часть страны, превращенная в 1985 г. в так называемую «зону безопасности», задуманную как препятствие для проникновения в Израиль палестинских партизан. В 1982 г. Израиль, в рамках уже другой операции «Мир в Галилее», вторгся в Ливан, расширив площадь оккупированной территории до Бейрута. США, Франция, Италия, Великобритания послали в Ливан для обеспечения безопасности в регионе межнациональный контингент вооруженных сил, который был впоследствии в 1984 г. частично выведен. Под давлением образовавшихся сил ливанского сопротивления Израиль освободил центральные районы Ливана, но усилил свое присутствие в его южной части, сохранив таким образом контроль над 10% ливанской территории.

Еще одним фактором послужила и Исламская революция в Иране, а также поддержка «Амаль» Сирией, для которой движение стало единственным на тот момент проводником влияния в Ливане. Однако после исчезновения ас-Садра во время его поездки в Ливию пост руководителя «Амаль» занял Набих Берри, юрист, человек светский и не пользующийся таким харизматическим влиянием, как его предшественник. Это назначение ознаменовало собой дальнейший поворот движения к политической деятельности. Более того, создаваемая как альтернатива существующей власти, «Амаль» со временем превратилась в силу, могущую быть отождествленной с этой властью. В частности, Набих Берри не выражал открытого протеста деятельности президента Башира Гамаиля, проводящего курс на сотрудничество с Западом, а главное, – с Израилем. Эта политика «Амаль» способствовала потере авторитета движения среди той части шиитского населения, которая требовала радикальных мер – вывода израильских войск и межнационального контингента западных держав. Сирия также не поддержала все более склонявшуюся к прозападной ориентации «Амаль». Политика Набиха Берри как лидера движения не вызвала одобрения и у иранского духовенства.

Подобная ситуация создала как нельзя более благоприятные предпосылки для появления «Хизбаллах». «Хизбаллах», первоначально выделившаяся как часть «Амаль», имеет приблизительно похожие условия возникновения (кризисная среда и внешние факторы). В 60-е гг. в Неджефе (Ирак) сложился кружок студентов-шиитов, наставником в котором одно время был и будущий аятолла Хомейни. Члены этой организации впоследствии образовали «Партию призыва» («Ад-Даава»), куда вошли современные лидеры «Хизбаллах»: С.Туфейли, Х.Курани, М.Фадлалла. В начале 80-х гг. эта группа пыталась самостоятельно организовать и возглавить борьбу с израильской оккупацией юга Ливана, но была отодвинута на второй план людьми, присланными из Тегерана. В 1982 г. Иран через территорию Сирии направил в страну около

3 тыс. бойцов из элитных подразделений КСИР[4], в задачу которых входило оказание поддержки шиитскому движению в Ливане (в действительности, лидеры ИРИ преследовали еще и идею создания в Ливане исламской республики по своему типу). Так или иначе, поддержка шиитского населения, в особенности его наиболее радикальной части, была необходима. В итоге состав образовавшейся тогда в 1982 г. в долине Бекаа «Хизбаллах» включал в себя членов «Ад-Даавы», наиболее радикальное крыло «Амаль» во главе с Хусейном Мусави, а также частицы различных религиозных и военных образований. Хотя, по словам нынешнего генсека Х.Насраллы, только что созданная «Хизбаллах» была чисто ливанской организацией, у нее все же осталась репутация проиранской группировки.

После вывода с большей части территории Ливана в 1985 г. израильских войск «Хизбаллах» при активной поддержке бойцов КСИР приступила к созданию собственных арсеналов оружия. Она также смогла за сравнительно короткий срок привлечь значительное число новых членов, существенно расширив социальную базу поддержки организации в шиитской среде Ливана за счет денежных пожертвований, поставок местному населению продовольствия, медикаментов и т.д. Одновременно бойцам организации, действовавшим до этого только в долине Бекаа, удалось закрепиться в шиитских общинах южных и западных округов Бейрута, а также на юге Ливана. Первоначально число жертв «Хизбаллах» в столкновениях с АЮЛ[5] было огромным, но начиная с конца 80-х гг. соотношения потерь израильских сил и сторонников «Хизбаллах» изменилось с 1:5 до 1:2.

Идеология и структура

Подъем движения сопротивления произошел стихийно в социально неоднородной среде под влиянием внешних факторов, поэтому четкая идеологическая программа была выработана не сразу. Главной целью созданной организации было оказание сопротивления израильской армии, чтобы добиться освобождения оккупированных территорий. 16 февраля 1985 г. было выпущено «Открытое письмо «Хизбаллах» к угнетенным в Ливане и во всем мире»[6]. В этом документе были изложены цели «Хизбаллах»:

• 1 – «положить конец любому присутствию иностранных оккупантов»;

• 2 – «предать фалангистов правосудию за преступления против мусульман и христиан»;

• 3 – призвать население к «выбору Исламского правительства, которое одно способно гарантировать правосудие и свободу для всех».

Провозглашались основные враги – Израиль, привлекший на свою сторону США и западные страны, а также сотрудничающая с ними Национальная Комиссия Спасения, в состав которой входит и лидер «Амаль» Набих Берри. Свою оппозиционную деятельность

«Хизбаллах» мотивировала двумя факторами: несовершенством политической системы в Ливане и необходимостью «противостоять главному врагу Ислама – мировому империализму».

Единственным эффективным средством борьбы в данной ситуации, по мнению «Хизбаллах», являются насильственные методы, свои действия она сравнивает с борьбой французского народа против нацистской оккупации и с борьбой американцев против колонизаторов за независимость[7]. Что касается отношений с Израилем, то первоначально ему не только отказывалось в праве на существование, «Хизбаллах» даже обвиняла в предательстве интересов Ливана всякое движение, желающее выступить посредником в возможных переговорах с израильской стороной. В отношении самого Ливана, точнее, его государственного устройства, «Хизбаллах» придерживалась радикальных взглядов. В отличие от «Амаль», не имевшей ничего против системы конфессионального представительства и выступающей лишь за ее реформирование, «Хизбаллах» отвергала систему, как изжившую себя, и считала любые попытки реформ малоэффективными. В тот момент радикализм движения, показавшего готовность до конца отстаивать свои позиции, произвел гораздо более благоприятное впечатление на фоне конформизма «Амаль», что позволило заручиться поддержкой Сирии и Ирана и ливанских шиитов. Еще одним важным моментом «Открытого письма» было подчеркивание особой роли ислама, что потом позволило причислить «Хизбаллах» к движениям фундаменталистского толка. Да, действительно, в 80-е гг. на завершающем этапе «холодной войны» «Хизбаллах» предлагала ислам как альтернативу капитализму Запада и социализму Востока. Кроме того, это согласовывалось с внешнеполитической линией ИРИ, которую «Хизбаллах» в «Открытом письме» называла примером для своих действий. Преследовала ли организация цель создания исламской республики в Ливане, из-за чего ее стали обвинять в радикализме? Несомненно, в «Открытом письме» есть указания в пользу этого утверждения, например, в манифесте говорилось о желании «Хизбаллах» видеть Ливан частью политической карты мира, противостоящей Америке и мировому сионизму, страной, управляемой на основе справедливых принципов ислама.

Этот момент в позиции «Хизбаллах» выражен несколько двусмысленно. Первоначально «Хизбаллах» наряду с «Амаль» была известна только как выразительница интересов ливанских шиитов. Само возникновение организации обязано множеству связей с шиизмом. Неджеф, не случайно ставший местом встречи будущих лидеров «Хизбаллах», является известным центром шиизма[8]. Шейх Фадлалла, один из основателей организации и ее духовный лидер (Аль-муршид аль-рухи), является выпускником духовной школы Неджефа. Сейчас шейх, официально не имеющий ни одной должности в «Хизбаллах», тем не менее является связующим звеном организации с шиитской

общиной Ливана и клерикальным руководством Ирана. Через него осуществляется вся идеологическая политика движения – манифесты и программы «Хизбаллах», обоснование правоты своих действий, исходя из религиозных текстов. В качестве примера можно привести 1996 г., когда во время израильской операции «Гроздья гнева» снаряд попал на базу ООН в Кане, что привело к гибели более 100 мирных жителей. Кладбище, где были похоронены жертвы, стало местом паломничества большинства ливанцев. «Хизбаллах» назвала Кану «второй Кербелой»[9]. Кроме того, Фадлалла учитывает и интересы христиан, представляющих по-прежнему одну из влиятельных политических сил Ливана. К ним «Хизбаллах» обращается и в «Открытом письме». В послании к Папе Римскому в 1997 г. от «Хизбаллах» говорится о единой для мусульман и христиан цели – создании общества благоденствия на основе следования религиозным нормам.

Лидеры «Хизбаллах» признают себя последователями идей аятоллы Хомейни, однако при этом делают значительную оговорку – деятельность их движения осуществляется не в интересах Ирана, а в интересах ислама в целом. Ислам многолик, всеобъемлющ, он управляет иранским режимом, равно как и всем миром. Деятельность «Хизбаллах» направлена как раз на воплощение этого статуса ислама и ни в коей мере не подчинена никаким установкам, – так утверждается в манифесте. Более того, движение подчеркивает, что не намерено навязывать ислам силой, как это произошло с маронитским христианством.

Влияние идеологической основы отразилось в структуре организации. Лидеры «Хизбаллах» подчеркивают, что их движение куда шире просто партии в обычном смысле слова, и всякий мусульманин (шиит либо суннит) может считать себя его членом. Не случайно в «Открытом письме» приводятся ссылки на Коран, а также на Сунну. Внутренняя структура призвана подчеркнуть руководящий характер уламы и роль духовенства, что воплощает характерные черты хомейнизма. Духовным лидером движения считается шейх Мухxамед Хусейн Фадлалла, главный муджахид шиитской общины, получивший в свое время звание аятоллы из рук самого Хомейни, который занимал руководящее место в иерархии духовных руководителей (ныне эту роль играет его преемник Хаменеи). Главным органом считается Консультативный Совет (Маджлис аш-Шура), который возглавляет Генеральный Секретарь. Консультативный Совет состоит из 12 религиозных, политических и военных деятелей. При разногласиях внутри этого органа вопрос передается на решение в Тегеран. Фетва аятоллы имеет огромное влияние.

Повседневное руководство осуществляет Политбюро во главе с Председателем. Консультативному Совету подчинен ряд исполнительных комитетов, ответственных за политическую и организационную деятельность. Следующими ступенями в иерархии «Хизбаллах» являются военный аппарат и аппарат пропаганды, которые стали играть более значимую роль в организации после подписания Таифско-

го соглашения. Разделение полномочий на духовные и светские (Духовный лидер, Генеральный Секретарь) позволило «Хизбаллах» более гибко реагировать на ситуацию, в отличие от «Амаль», где смена лидера (назначение Н. Берри на место исчезнувшего муллы ас-Садра) повлекла за собой смену курса движения. Размежевание полномочий внутри «Хизбаллах» произошло в 1985 г., когда шейх Фадлалла, первый генсек «Хизбаллах», после совершения на него покушения израильскими спецслужбами покинул все посты в организации, оставшись только ее духовным лидером. Разделение власти в руководстве ИРИ между аятоллой и президентом произошло только в 1989 г. после смерти аятоллы Хомейни. Поэтому сейчас общие черты в структуре органов власти в ИРИ и внутри «Хизбаллах» дали повод израильским аналитикам считать это еще одним доказательством контроля Ирана над ливанской организацией.

По ходу становления «Хизбаллах» испытывала ряд проблем. Во-первых, противоречия между умеренным и радикальным течениями внутри движения. Кроме того, распространению движения препятствовали и его шиитские корни, так как в политической жизни Ливана влияние шиитов было весьма скромным. К тому же не все в шиитской общине поддерживали «Хизбаллах», число ее сторонников было меньше, чем у «Амаль». Поэтому для разрешения проблемы в идеологии подчеркивалась роль ислама как фактора, примиряющего все интересы. В 80-е гг., когда «Хизбаллах» упрочила свою репутацию движения сопротивления, эти акценты отпали. Но в 1989 г. с подписанием Таифского соглашения «Хизбаллах» пришлось снова утверждать себя и приспосабливаться к условиям в принципиально новой политической обстановке.

Таифское соглашение и его последствия

22 октября 1989 г. ливанское Национальное собрание (в своем довоенном составе) собралось в Таифе (Саудовская Аравия) для подписания Устава о Национальном примирении, так называемое Таифское соглашение. Ливан провозглашался целостным государством с единым центром, и гражданская война объявлялась законченной. Подчеркивалась необходимость разоружения всех вооруженных формирований и выполнения резолюции ООН 425 о выводе израильских войск. Второй важный момент касался реформы системы конфессионального представительства. Распределение парламентских мест изменилось до равного соотношения между христианами-маронитами и мусульманами. Говорилось даже о перспективе отмены конфессионализма вообще. Но, пожалуй, наиболее ощутимым для Ливана последствием договора стало узаконенное теперь вмешательство Сирии в его внутренние дела. Сирии предоставлялась главная роль в контроле за осуществлением Таифского соглашения. Кроме того, несмотря на обязательство Дамаска вывести войска из восточ-

ной части Ливана, в договоре не предусматривались четкие сроки такого вывода. Правительство Ливана, еще неустойчиво держащее власть, ничего не могло возразить, т.к. Сирия способствовала окончанию затяжного внутреннего конфликта, и сирийские войска на ливанской территории гарантировали мир и спокойствие.

Для «Хизбаллах» Таифское соглашение имело как положительное, так и отрицательное значение. Вначале лидеры движения наотрез отказались принять его, понимая, что установление мира в регионе автоматически повлечет за собой прекращение деятельности «Хизбаллах». Однако вскоре движение оценило преимущества следования политике Дамаска. В то время как все вооруженные формирования, по крайней мере, официально объявили о своем разоружении, «Хизбаллах» сохранила свой статус. Надо заметить, что этому способствовало соглашение между Сирией и Ираном за спиной ливанского правительства, позволившее «Хизбаллах» продолжать борьбу до тех пор, пока Израиль сохраняет оккупированные территории. Сирия обязалась выступить в качестве гаранта, в обмен на выдачу американских заложников, захваченных в Ливане[10]. «Хизбаллах» не могла не учитывать роли Сирии в политической жизни Ливана. С одной стороны, Сирия оказывала поддержку «Хизбаллах» в ходе кровопролитных столкновений с «Амаль», едва не приведших к гибели движения. Однако Дамаск не упускал случая продемонстрировать и свою силу. Например, еще в 1987 г. сирийские войска ворвались в тренировочные лагеря «Хизбаллах» в южных районах Бейрута, в результате чего погибло 22 человека. Кроме того, очевидно, что Дамаск только как противовес «Хизбаллах» сохранил «Амаль», хотя это движение с точки зрения сирийских интересов не представляло никакого веса. Возможность при случае одергивать «Хизбаллах» демонстрировалась Сирией как главный козырь в игре на ближневосточных противоречиях.

В то же время подписание Таифского соглашения стало предпосылкой вовлечения «Хизбаллах» в политическую жизнь Ливана. Приняв участие в первых после установления мира в Ливане парламентских выборах 1992 г., «Хизбаллах» получила 8 из 128 мест (при этом по системе конфессионального представительства на долю шиитов приходилось 19 мест). Говоря об успехе движения на выборах, следует, однако, заметить, что, во-первых, первый назначенный послевоенный кабинет считался на 90% просирийским, включая и президента, и премьер-министра, и председателя парламента. Во-вторых, помимо сирийского военного присутствия на влияние Дамаска указывали и изменения в выборном законодательстве. В частности, число мест в парламенте было увеличено со 108 до 128 за счет районов, находящихся под сирийским контролем, а это как раз места наибольшего представительства «Хизбаллах» – дахийя (пригороды Бейрута, населенные в основном шиитами), северное Бекаа и Баальбек, а также южный Ливан, включая и Набатию (центр изучения шиизма в

стране). Кроме того, мера, лишающая ливанцев, покинувших страну, права голоса, затронула преимущественно христианскую общину. Злоупотребления и нарушения законности в проведении предвыборной кампании привели к абсентеизму ливанцев (в основном христиан), недовольных сирийским присутствием в стране. Итоги Таифского соглашения, так и не изменившего самую суть конфессионализма, явно шли вразрез с идеологическими установками «Хизбаллах» 1985 г. Поэтому вопрос об участии движения в парламентских выборах 1992 г. вызвал острые противоречия в его руководящем составе. Радикально настроенная часть, возглавляемая бывшим генсеком С.Туфейли, даже призывала к поджогу избирательных участков, т.к. решение об участии «Хизбаллах» в выборах не было подтверждено фетвой из Ирана. Однако, включившись в политическую жизнь Ливана, «Хизбаллах» все же не повторила судьбу «Амаль» в начале 80-х гг., сохранив свой многоуровневый характер.

В целом следование Таифскому соглашению для «Хизбаллах» обернулось необходимостью придерживаться созданного Сирией нового порядка. Первыми действиями на пути к трансформации движения стали: прекращение столкновений с «Амаль» (при посредничестве Сирии), продолжение атак на израильские силы (что было выгодно Сирии) и вступление в политическую систему Ливана (право участвовать в выборах при условиях, созданных Сирией). Как бы то ни было, успех «Хизбаллах» на выборах позволил ей в союзе с четырьмя депутатами-суннитами и двумя депутатами-маронитами сформировать Блок сторонников Сопротивления, способный влиять на деятельность ливанского парламента. В качестве примера можно привести такие действия, как отказы от постановки вопроса о доверии парламенту в 1992 и 1995 гг. и от поддержки бюджетного плана на 1996 г., который был расценен как «антисоциальный». Кроме того, за время работы в парламенте «Хизбаллах» редко поднимала вопросы, касающиеся религиозных или этнических споров, больше обращая внимание на социальные программы и проблему освобождения южного Ливана. Сложившуюся репутацию движения сопротивления «Хизбаллах» использовала в ходе выборов в парламент 1996 г., что доказывает предвыборная программа с обещаниями продолжить борьбу с Армией Южного Ливана и листовки, распространяемые в дахийя, с изображением боевиков-шахидов, пожертвовавших жизнью ради освобождения Ливана.

Параллельно организация занималась социальными вопросами, что было особенно заметно на фоне послевоенной разрухи, коррупции и полного бессилия государства. Причем в отличие от «Амаль», «Хизбаллах» отказалась от сотрудничества с государством, в котором, впрочем, особенно и не было потребности при наличии таких спонсоров, как Иран. За последние несколько лет «Хизбаллах» потратила 2 млрд. долл., пришедших из Тегерана, на восстановление юга Ливана

после двух крупномасштабных операций израильских сил[11]. Новое лицо движения отразилось и в его структуре. Джихад аль-Бина, Священный Орган по Реконструкции в составе «Хизбаллах» оказывает финансовую помощь в восстановлении жилых домов и деловых центров, получивших повреждения в ходе боевых действий на юге Ливана. Фонд шахидов оказывает помощь семьям погибших сторонников движения. Сейчас в ведении «Хизбаллах» находятся 9 школ, 3 больницы, 13 стоматологических клиник. В больницах и клиниках, хотя и построенных в местах проживания шиитов, дешевые услуги оказываются представителям любой конфессии, равно как и школы «Хизбаллах» пользуются популярностью у всего населения Ливана.

Изменения, вызванные новыми условиями после Таифского соглашения, затронули деятельность как военного аппарата, так отдела пропаганды. Пропагандистская деятельность движения приобрела новый оттенок. «Хизбаллах» извлекла необходимые уроки из партизанской войны и умеет использовать в своих интересах прессу. Шейх Насралла создал свою собственную пресс-службу. Передачи телевизионной станции организации «Аль-Манар» доступны через спутник и соседним государствам. «Аль-Манар» недавно заняла третье место в ливанской рейтинговой таблице, что неудивительно: помимо репортажей о боевых действиях на юге (Насралла издал указ, согласно которому каждый отряд должен сопровождать телеоператор), станция передает также детские программы, «мыльные оперы» и спортивные передачи. В распоряжении организации также два Интернет-сайта, радиостанция «Ан-Нур», еженедельный журнал «Аль-Ахд». Еще одной чертой движения, характерной больше для политической партии, стало создание специального отдела международных связей, занимающегося созданием определенного имиджа движения за рубежом. Каждые две недели отдел выпускает информационные бюллетени «Аль-Маокиф», где отражаются мнения лидеров движения о текущих событиях.

Наряду с этим руководство «Хизбаллах», не желающей более быть отождествляемой с террористической организацией, проводило в жизнь и другие реформы. В 1992 г. боевое ядро военного крыла «Хизбаллах» было выделено в самостоятельную, формально не связанную с организацией единицу. Это позволило сохранить военное крыло «Хизбаллах» в качестве серьезного рычага воздействия на последующие изменения внутренней и внешней ситуации. Больше известная под общим названием «Исламское Сопротивление» («The Islamic Resistance»), эта группа представляет собой хорошо организованную и законспирированную вооруженную структуру общей численностью от 300 до 500 профессиональных бойцов, прошедших специальную подготовку в Иране. Проблема вмешательства Сирии и Ирана в военное руководство ИС остается спорной, очевидно, эти страны просто заинтересованы в деятельности «Исламского Сопротивления» по проведению боевых операций против Израиля, не осо-

бо вникая в детали планирования. Надо сказать, что «Хизбаллах» так и не удалось избавиться от репутации террористической исламистской группировки, несмотря на то, что лидеры организации отрицают свою причастность к наиболее громким за последние десятилетия акциям, в том числе и с участием «камикадзе»[12]. По статистике израильских спецслужб, в 1991 г. «Хизбаллах» несла ответственность за 52 нападения, в 1992 г. – за 63. В 1993 г. было проведено 158 вооруженных операций, с последующим увеличением их числа в 1994 г. до 184 и в 1995 г. до 344[13]. Однако нельзя целиком доверять этим источникам, поскольку большинство терактов было ответной реакцией на действия израильских сил. В частности, взрыв израильского представительства в Буэнос-Айрисе в 1992 г. произошел сразу после организации покушения спецслужб АЮЛ на генсека «Хизбаллах» Аббаса Мусави, погибшего вместе с женой и сыном. Другая операция АЮЛ – расстрел более сотни мирных жителей близ базы ООН в Кане – вызвала бурю негодования у ливанского населения. Однако тактика движения – постоянное нанесение ударов по позициям АЮЛ – выполнила цель доказать Израилю неэффективность «зоны безопасности» и вынудила поднять вопрос о выводе войск.

Проблемы и перспективы

Решение тогдашнего израильского премьера Эхуда Барака о выводе войск с территории южного Ливана 24 мая 2000 г. имело весьма противоречивые последствия. С одной стороны, «Хизбаллах» могла считать это своей победой. Авторитет движения на Ближнем Востоке чрезвычайно возрос. В то же время, «Хизбаллах» лишилась прежних мотивов ведения боевых действий, так как оставшись просто политической и благотворительной организацией, она неизбежно потеряется среди таких крупных движений, как «Амаль». Тем более «Хизбаллах», считающаяся защитницей интересов ливанских шиитов, как уже отмечалось, вовсе не пользуется их единодушной поддержкой. Каким же образом движению удалось мотивировать продолжение боевых действий? Несомненно, для этого была необходима поддержка не только извне. Посол Ливана в России Бутрос Ассакер[14] приводит следующие условия, выдвигаемые ливанской стороной, для заключения мирного договора между Ливаном и Израилем:

• полное освобождение всех ливанских территорий;

• освобождение всех ливанских военнопленных;

• Израиль должен вернуть Сирии Голанские высоты в границах 1967 г.

• Израиль должен выполнить все обязательства перед палестинцами, в том числе провозглашение независимости государства Палестина со столицей в Иерусалиме. А также Израиль должен разрешить вернуться всем палестинским беженцам на родину.

Готовность Бейрута отстаивать сирийские интересы объясняется не только политическим влиянием Дамаска. Ради благоприятного исхода переговоров с Израилем Сирия готова поделиться с Ливаном частью оспариваемых территорий. Так, по утверждению сирийского руководства, в 1951 г. Ливану был передан участок земель, примыкающий к Голанским высотам (мазариа Шебаа, известный в Израиле как Хар Дов). В доказательство Сирия приводит карты ливанской армии 1961 и 1966 гг., где специально обозначены несколько ферм Шебаа, включая Зебдин, Фашкоул, Моугр Шебаа и Рамта. Президент Сирии Башар Асад заявляет о своей готовности предоставить эти карты СБ ООН. Данная ситуация позволила «Хизбаллах» обосновать свои действия. Вскоре после вывода израильских войск лидеры движения заявили о продолжении борьбы, ссылаясь на свои первоначальные цели, записанные в «Открытом письме» – не складывать оружия, пока не будет освобождена последняя пядь ливанской земли. По оценкам международных экспертов, этот участок является частью бывшей сирийской территории. В своем докладе в январе 2000 г. по поводу ситуации на юге Ливана после вывода израильских войск Совет Безопасности ООН выразил недовольство по поводу вспышек насилия в районе так называемой «голубой линии» (место расположения ферм Шебаа). Обоснованность претензий «Хизбаллах» стоит под вопросом; и Израиль, в целом выполнив резолюцию 425 ООН, вполне может сомневаться, что «Хизбаллах» прекратит свои действия вдоль израильских границ после освобождения Шебаа. Территориальная принадлежность большинства приграничных районов на стыке Сирии, Ливана и Израиля остается спорной с 1948 г. Сирия же, как никто другой, заинтересована в эскалации военных действий против Израиля.

Помимо этого, причины зависимости Ливана от сирийских действий лежат еще в экономической сфере. Ливан нуждается в поставках сирийской нефти, и через территорию Сирии до Бейрута проходят нефтепроводы из Саудовской Аравии. Для «Хизбаллах» же территория Сирии является тем транзитом, через который проходит военная и материальная помощь, которую движение получает из Тегерана. Поэтому в поисках альтернативного канала переправки оружия и боеприпасов еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг. движение распространило свою деятельность на территорию Турции[15].

Есть еще одна проблема, для решения которой ливанское правительство заинтересовано в помощи «Хизбаллах», – проблема палестинских беженцев. В ливанских лагерях для палестинских беженцев находится сейчас около 400 тысяч человек, что во многом препятствует установлению спокойствия в стране. Еще в конце 70-х гг. столкновения палестинских беженцев, прибывших в Ливан из-за очередного обострения арабо-израильского конфликта, стали одной из предпосылок начала гражданской войны в Ливане. Лидеры «Хизбаллах» говорят, что не будет мира с Израилем, пока все палестинцы не

вернутся на родину. Тем более, что от пребывания беженцев в Ливане больше всего пострадала шиитская община.

В этой ситуации совпадение усиления активности «Хизбаллах» с новой волной палестинской интифады явно не случайно. В октябре 2000 г. боевики движения захватили в заложники четырех израильских солдат. Однако впоследствии «Хизбаллах» сменила политику, пытаясь распространить свое влияние на Палестинскую Автономию. Отношения между «Хамас» и «Хизбаллах» оставались напряженными до начала 90-х гг., когда активисты «Хамас», высланные Израилем в Ливан, установили тесные контакты с ливанским движением. Тактика «Хизбаллах» сейчас используется палестинцами благодаря тому авторитету, который сложился у организации после вывода израильских войск. «Хизбаллах» тренирует бойцов «Хамас», которые затем проводят свою деятельность на палестинской территории уже под флагом «Хизбаллах». Бросается в глаза и другая сторона вопроса – возросший интерес Ирана к палестинской проблеме. В 1998 г. следствием визита лидера «Хамас» шейха Ахмеда Ясина в Тегеран стали две тенденции – рост влияния Ирана в Палестинской Автономии и улучшение отношений между «Хизбаллах» и некоторыми палестинскими группами (включая и некоторые подразделения ФАТАХ) в ливанских лагерях для беженцев. Действия «Хизбаллах» в поддержку новой интифады выгодны ее государствам-покровителям. Сирия продолжает давление на Израиль, ослабленный усилением интифады. Иран использует ситуацию для распространения своей идеологии и на суннитскую часть мусульман. Что касается «Хизбаллах», то она продолжает борьбу теперь уже под лозунгами уничтожения «Сионистского дьявола», и ее авторитет в глазах исламского мира продолжает расти.

Однако положение Израиля, вставшего перед опасностью открытия второго фронта, изменилось после терактов в США 11 сентября 2001 г. Американские силы в рамках осуществления антитеррористической операции пришли на помощь Израилю. «Хизбаллах» была внесена в список 22 иностранных террористических группировок, подлежащих финансовой блокаде и, в конечном счете, уничтожению. В ноябре 2001 г. США обратились к ливанскому правительству с требованием заморозить счета «Хизбаллах», на что последовал отрицательный ответ. В качестве объяснения Ливан дал понять, что рассматривает организацию скорее как движение сопротивления, и предложил разграничить организации, подобные «Хизбаллах», от других террористических групп. Так или иначе, администрация Буша предоставила «Хизбаллах» еще один удобный повод не складывать оружие.

В январе 2002 г. шейх Насралла стал инициатором проведения конференции, в которой приняли участие представители Ливана, Палестинской Автономии, Судана, ОАЭ, Марокко, Алжира и Иордании. На конференции было объявлено о поддержке действий террористов-камикадзе против Израиля. Более того, участники конференции осу-

дили действия США, объявивших одной из целей антитеррористической кампании уничтожение исламистских организаций. В данной ситуации вновь всплыло имя Бен Ладена, в связях с которым теперь обвиняют «Хизбаллах». В качестве доказательств приводится заимствование тактики «Хизбаллах» активистами «Аль-Каиды». Всплывают давно забытые примеры терактов, совершенных «Хизбаллах» против посольства США в Бейруте в 1983 г., и взрыв казарм американских военно-морских сил, подчеркивается их взаимосвязь с терактами против американских посольств в Кении и Танзании в 1992 г., за которые взял на себя ответственность Бен Ладен. Администрация Буша также приводит доказательства связей между «Аль-Каидой» и Иранским Департаментом разведки и безопасности в 1995 и 1996 гг.

В данной ситуации можно сделать следующие выводы. Если «Хизбаллах» является средством осуществления интересов Сирии и Ирана, то она вынуждена будет продолжать вести боевые действия. Вывод израильских войск с юга Ливана не изменил ситуацию, так как еще в 2000 г. МИД ИРИ вновь заявило о своей поддержке ливанского движения и о готовности оказывать военную и другую помощь (опять через территорию Сирии). Однако следование прежнему курсу противостояния сионизму выгодно и «Хизбаллах», приобретающей сторонников за пределами Ливана. От действий ИС зависят все социальные шиитские организации внутри движения (получающие финансовую помощь от Ирана) и политическое представительство в парламенте (имеющее поддержку Сирии и ливанского правительства)[16]. Однако такую зависимость можно назвать двусторонней, так как сейчас уже будет трудно найти или создать за короткие сроки столь разноуровневую организацию, как «Хизбаллах». Ясно одно, окончательная трансформация движения просто в политическую партию или социальную организацию (о чем велись обсуждения еще с момента подписания Таифского соглашения) произойдет только после стабилизации ситуации на Ближнем Востоке. Исходя из условий для перемирия, которые выдвигают участники конфликта Сирия, Ливан, Израиль, Палестинская Автономия, произойдет это еще очень не скоро.

[1] В частности, израильского Института Контр-терроризма www.ict.org.il

[2] Арабская аббревиатура от Афвадж-аль-мукавамат аль-любнанийя– «полки ливанского сопротивления».

[3] Распространенное в шиизме учение о Сокрытом имаме, которого Аллах до поры укрыл в недосягаемом месте. Он должен вернуться на землю в предназначенный срок и восстановить справедливость. Все шиитские руководители считаются представителями Сокрытого имама. В них воплощена полученная от Мухаммеда «пророческая душа».

[4] Так называемые «Корпуса стражей исламской революции».

[5] Армия Южного Ливана, израильские силы на территории южного Ливана.

[6] «Открытое письмо» – Программа «Хизбаллах» – взято из «Nass al-risala al-maftuha allati wajahaha Hizballah ila-l-Mustad'afin fi Lübnan wa-1-Alam», изданной в Аль-Сафир (Бейрут). Данная работа основана на книге шейха Фадлаллы «Ma'maal-Quwma fı-1-Islam» (Бейрут, 1979).

[7] «Хизбаллах» – взгляды и концепции» документ, переданный «Хизбаллах» телевидению «Аль-Манар» (Бейрут 20 июня 1997 г.) // www.almashriq.hiof.no/lebanon/300/314/314.2

[8] Здесь расположены главные святыни шиитов, в частности, усыпальница халифа Али, двоюродного брата и зятя Пророка. Шииты провозгласили его Имамом, что положило начало первому расколу в мусульманской умме.

[9] Священное для шиитов место гибели Хусейна в 680 г. Умение истолковать ситуацию с позиций шиизма для оправдания дальнейших действий присуще шейху Фадлалле. Символика «Хизбаллах» – красный цвет. Это цвет крови, а так же цвет знамени, под которым сражался и погиб Хусейн.

[10] В ходе ирано-иракской войны Ирану удалось использовать «Хизбаллах» как средство давления на США. Скандал в администрации Рейгана в 1986 г. (так называемое дело «Ирангейт») произошел из-за того, что США продавали оружие Ирану, за что Тегеран пообещал произвести выдачу заложников, захваченных «Хизбаллах» в Ливане.

[11] В 1993 г. «Дин ве-Хешбон», «Хизбаллах» финансировала ремонт 1800 зданий, пострадавших от обстрелов, в 1996 г. после операции «Гроздья гнева» были не только отстроены 5 тыс. домов, но и проложены трассы и компенсирован ущерб 2300 крестьянам // www.hizb.org

[12] В марте 1996 г. шейх Насралла опроверг сведения о причастности его организации к взрывам французских казарм и американских морских пехотинцев в Бейруте в начале 80-х гг.

[13] Статистика взята с сайта Израильского института Контртерроризма www.ict.org.il

[14] НГ Дипкурьер, № 9, 07.06.2001.

[15] В начале 90-х гг. по инициативе турецких властей ряд боевых формирований «Хизбаллах» было решено привлечь к военным действиям против Рабочей партии Курдистана. Бойцов «Хизбаллах» снабдили оружием и предоставили им значительную свободу действий в проведении операций против курдских повстанцев. В дальнейшим боевые отряды движения частично вышли из-под контроля турецких властей и стали действовать в качестве самостоятельной военной силы, в том числе и в других районах, что вызвало резкое ухудшение отношений «Хизбаллах» с Турцией.

[16] Ливан по-прежнему официально находится в состоянии войны с Израилем и готов заключить мир только на аналогичных с Сирией условиях. Поэтому «Хизбаллах» важна для ливанского правительства не как политическая партия, защищающая интересы определенной части полиэтничного населения страны, а как фактор, способный повлиять на ситуацию на Ближнем Востоке.

Список использованной литературы

1. Бакун Л. Южный Ливан: после того, как ушел последний солдат // Азия и Африка сегодня. – 2000, № 12.

2. Гасратян С.М., Агавельян Ю.В. Отношения Израиля с Ливаном – религиозно-политические проблемы // Ближний Восток и современность. Выпуск 10. – М., 2001.

3. Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке / Институт изучения Ближнего Востока и Израиля. – М., 2001.

4. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Арабский Восток и проблема терроризма // Независимая газета, 07.10.1999.

5. Риедов В. Ливанская «Хизбалла» // Независимая газета Дипкурьер, № 9, 07.06.2001.

6. Седов Ю. Юг Ливана: Аннексия под предлогом «обеспечения безопасности» // Международная жизнь. – 1987, № 3.

7. Семеновых В. Хезболлах // Азия и Африка сегодня. – М., 1989, № 1.

* * *

1. Hamseh Nizar A. Islamism in Lebanon – A Guide//Courtesy of Middle East Quarterly // mirrored from Middle East Review, September 1997.

2. Jaber Hana Hezbollah: Bom with a Vengeance Columbia University Press, May 1997.

3. Norton Augustus Richard Hizballah – From Radicalism to Pragmatism // mirrored from Middle East Policy Council www.mepc.org/norton58.htm.

4. Waern Mats A. Voice of Resistance – the Point of view of Hizballah Department of Political Science Stokholm University, May 1997.

Интернет– сайты

http://hizballa.org
http://www.ict.org.il/
http://israeli-truth. org/nasralla.htm
http://www.almashriq.hiof.no/lebanon/300/314/314.2
http://www.polisci.home.mindspring.com/ptd/ptd_middle_africa/html

СОДЕРЖАНИЕ

С.Е.Баландюк
ЕГИПЕТ: ПРОГРАММА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ 3

М.В.Бордунов
МЕЖДУНАРОДНЫЕ САНКЦИИ ПРОТИВ ИРАКА: СУЩНОСТЬ И РЕЗУЛЬТАТЫ 12

Г.А.Демоян
ТУРЦИЯ И КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ 22

Г.А.Демоян
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПАНТЮРКИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 35

А.Н.Захарченко
США И ЕС В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ МИРНОМ ПРОЦЕССЕ В 90-Е ГГ.: ПАРТНЕРСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО? ВЗГЛЯД АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ 51

Л.Н.Калиниченко
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ (НА ПРИМЕРЕ ЕГИПТА И ТУНИСА) 59

Ф.Е.Конович
ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 90-Е ГОДЫ (ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 65

К.В.Корякин
ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ 79

В.В.Кравченко
РОЛЬ ВОЕННОГО РЕЖИМА ЗИЯ УЛЬ-ХАКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПАКИСТАНА 87

А.В.Листопадова
АРАБСКОЕ МЕНЬШИНСТВО В ИЗРАИЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ 93

С.Л.Логунова
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТУРЦИИ С РЕСПУБЛИКОЙ ТАТАРСТАН 113

С.В.Лэнгфорд
АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРВЫЙ ГОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖОРДЖА БУША-МЛАДШЕГО 124

Ю.Ю.Максимов
ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ЕГИПТА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ЕГИПЕТСКОГО ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА 135

С.А.Манукян
ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В СИРИИ (30–60-Е ГОДЫ) 150

И.В.Наумова
ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ИЗРАИЛЬ В 90-Е ГОДЫ 180

И.М.Никулина (Мохова)
АЛЖИР – ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИНТЕГРАЦИИ 194

М.А.Новгородова
АРАБСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БОЙКОТ ИЗРАИЛЯ: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СТОРОН 204

М.С.Парменова
ПЕРВЕЗ МУШАРРАФ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ 212

П.С.Пешко
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗВИТИЯ ИРАНА В КОНЦЕ XX ВЕКА 221

П.С.Пешко
СОВРЕМЕННАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ИРАНЕ 227

Амир Рифаат
ПРОБЛЕМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ РЯДА АРАБСКИХ СТРАН) 242

К.Н.Рыжак
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В ТУРЦИИ 260

А.В.Томилин
ТЕЛЬ-АВИВСКАЯ ФОНДОВАЯ БИРЖА – ОРГАНИЗАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 90-Е ГОДЫ 274

Аль-Хау, Мухаммад Омар
ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СИРИИ 299

Н.Д.Хесуани
ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СИРИИ В 60–90-Х ГОДАХ 314

И.А.Чайко
К РАЗВИТИЮ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА 322

Н.С.Шевченко
ЛИВАНСКАЯ «ХИЗБАЛЛАХ» И ЕЕ РОЛЬ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ 337

CONTENTS

S.BALANDYUK
EGYPT PROGRAM OF ECONOMIC REFORMS IN THE AGRICULTURAL SECTOR 3

M.BORDUNOV
INTERNATIONAL SANCTIONS AGAINST IRAQ: THEIR ESSENCE AND RESULTS 12

G.DEMOYAN
TURKEY AND KHARABAKH CONFLICT 22

G.DEMOYAN
PANTURKISM IN CULTURAL AND EDUCATIONAL FIELDS: HISTORY AND MODERNITY 35

A.ZAHARCHENKO
USA AND EC IN THE MIDDLE EAST PEACE PROCESS IN THE 90's: PARTNERSHIP OR RIVALRY? (AMERICAN POLITOLOGY APPROACH) 51

L.KALINICHENKO
TENDENCIES IN DEVELOPMENT OF MANUFACTURING INDUSTRY IN NORTHERN AFRICA (THE CASE EGYPT AND TUNISIA) 59

F.KONOVITCH
TURKEY-ISRAELI RELATIONS IN THE 90's (MILITARY-POLITICAL ASPECT) 65

K.KORYAKIN
THE STATE OF ISRAEL AT THE WORLD MARKET OF TOURIST SERVICES 79

V.KRAVCHENKO
PLACE OF ZIA UL-HAK'S MILITARY REGIME IN POLITICAL DEVELOPMENT OF PAKISTAN 87

A.LISTOPADOVA
ARAB MINORITY IN ISRAELI SOCIETY: ITS PAST AND PRESENT 93

S.LOGUNOVA
ECONOMIC COOPERATION OF TURKEY WITH TATARSTAN 113

S.LANGFORD
FIRST YEAR OF G.BUSH JR.'S PRESIDENCY: AMERICAN POLICY IN THE MIDDLE EAST 124

YU.MAKSIMOV
SPECIFIC ISSUES IN EGYPT EXTERNAL ECONOMIC RELATIONS AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN-EGYPT TRADE COOPERATION 135

S.MANUKYAN
ISLAMIC FUNDAMENTALISM IN SYRIA IN 30–60's 150

I.NAUMOVA
FOREIGN INVESTMENTS IN ISRAEL IN THE 90'S 180

I.NICULINA (MOKHOVA)
ALGERIA-EC: THE MODERN STAGE OF INTEGRATION 194

M.NOVGORODOVA
ECONOMIC BOYCOTT OF ISRAEL BY THE ARABS: STORY OF INTERACTION BETWEEN THE TWO SIDES 204

M.PARMENOVA
P.MUSHARRAF: PERSPECTIVES OF MILITARY DICTATORSHIP 212

P.PESHKO
SOCIO-ECONOMIC FEATURES OF DEVELOPMENT OF IRAN IN THE END OF THE XX CENTURY 221

P.PESHKO
POLITICAL SITUATION IN CONTEMPORARY IRAN 227

A.RIFAAT
PROBLEMS OF ADVANCEMENT TOWARDS MARKET ECONOMY (CASE OF SOME ARAB COUNTRIES} 242

K.RIZHAK
PERSPECTIVES OF THE RAILWAY TRANSPORT IN TURKEY 260

A.TOMILIN
TEL AVIV STOCK-EXCHANGE: ORGANIZATION AND MAIN DIRECTIONS OF ACTIVITY IN THE 90's 274

M.AL-HAU
PROBLEM OF CHOICE OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT MODEL AND PERSPECTIVES OF EXTERNAL ECONOMIC RELATIONS IN SYRIA 299

N.HESSUANI
FACTORS OF ECONOMIC GROWTH AND EFFECTIVENESS OF PRODUCTION IN SYRIA IN THE 60–90's 314

I.CHAIKO
ON THE DEVELOPMENT OF PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT 322

N.SHEVCHENKO
LEBANESE «HISBOLLAH» AND ITS ROLE IN THE MIDDLE EAST 337

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии". (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль–Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов** "Алжир: кризис власти".
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".
72. **Зеэв Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. ""Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In cooperation with the Academy of Geopolicy and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by **K.Polyakov and A.Hasyanov**
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays) In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

Научное издание

ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

Подписано в печать 07.10.2002 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 23 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 65

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»